

ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Илья
Родилицев,
Светлана
Аргасцева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В ряду величайших сражений, в которых участвовала и победила наша страна, особое место занимает Сталинградская битва — коренной перелом в ходе Второй мировой войны. Среди литературы, посвященной этой великой победе, выделяются воспоминания ее участников — от маршалов и генералов до солдат. В этих мемуарах есть лишь один недостаток — авторы почти ничего не пишут о себе. Вы не найдете у них слов и оценок того, каков был их личный вклад в победу над врагом, какого колоссального напряжения и сил стоила им война. Поэтому главная цель этой книги — достоверно и по возможности всесторонне показать воинский талант, масштаб личности, человеческие качества и черты характера, высветить роль каждого героя Сталинградской битвы. Еременко Андрей Иванович, Чуйков Василий Иванович, Шумилов Михаил Степанович, Родимцев Александр Ильич, Людников Иван Ильич, Павлов Яков Федотович, Зайцев Василий Григорьевич... Их имена переплавились в историческое наследие нашей родины, они стали символом Победы и хранятся в памяти народной.

[Адаптировано для AIReader]

-
- -
  - ◦ [ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ](#)

- [Андрей Иванович ЕРЕМЕНКО](#)
- [Василий Иванович ЧУЙКОВ](#)
- [Михаил Степанович ШУМИЛОВ](#)
- [Александр Ильич РОДИМЦЕВ](#)
- [Иван Ильич ЛЮДНИКОВ](#)
- [Яков Федотович ПАВЛОВ](#)
- [Василий Григорьевич ЗАЙЦЕВ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
  - [82](#)
  - [83](#)
  - [84](#)
  - [85](#)
  - [86](#)
  - [87](#)
  - [88](#)
  - [89](#)
  - [90](#)
  - [91](#)
  - [92](#)
  - [93](#)
  - [94](#)
  - [95](#)
  - [96](#)
  - [97](#)
  - [98](#)
  - [99](#)
  - [100](#)
  - [101](#)
  - [102](#)
  - [103](#)
-

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1901

(1701)

75-летию победы
в Сталинградской битве
посвящается

***Илья Родимцев,
Светлана Аргасцева***

ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Под редакцией И. А. Родимцева

*Издательство и авторы выражают
признательность за предоставленные
документальные и фотоматериалы*

*Государственному музею-заповеднику
«Сталинградская битва», а также семьям
генерал-полковника А. И. Родимцева и генерал-
полковника И. И. Людникова.*

© Родимцев И. А., Аргасцева С. А., 2018

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

*Гордимся мы победой Сталинградской,
И как никто умеем жизнь любить!
Мать Родина на звездочке солдатской
Нам не позволит никого забыть!*

Николай Мазанов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В истории Государства Российского было много больших и малых сражений, в которых на протяжении столетий страна была вынуждена отстаивать свою независимость и единство. Несчетное число раз вторгались враги в пределы нашего Отечества, одна война сменяла другую — это были и набеги, и кампании, длившиеся несколько лет. Исход многих из них решался в масштабной битве, в которой не на жизнь, а на смерть сходились противники. И с течением времени каждое такое сражение требовало от народов нашей страны все больших сил, каждый раз победа стоила все больших жертв.

В ряду крупнейших сражений, величайших побед русского оружия, особое место занимает Сталинградская битва. И по ожесточенности, с которой сражались противоборствующие стороны, и по влиянию, которое она оказала на исход самой кровопролитной и разрушительной войны в истории человечества. Именно здесь, на Волге, начался коренной перелом во Второй мировой войне, перелом, предпосылки которого были заложены в битве под Москвой зимой 1941/42 года. Победа под Сталинградом, добытая после череды поражений первых лет войны, стала не просто долгожданной для народов нашей страны, воспринявших ее как пролог будущей Великой Победы. Ее значение вышло за рамки истории одной страны: ее влияние на ход Второй мировой войны невозможно переоценить. Именно тогда союзные Германии государства задумались о поиске путей выхода из войны, окончательно отпала угроза военного выступления против СССР Японии и Турции. Историческое значение противостояния на Волге не

было секретом ни для кого, а президент США Франклин Д. Рузвельт счел необходимым отправить в СССР особую грамоту в ознаменование героической обороны города: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии»^[1].

Сталинградской битве посвящены огромная литература, множество документальных и художественных фильмов, написаны сотни романов, повестей, рассказов и пьес, сложены песни. Произведения разных жанров, рассказывающие об этом событии, продолжают появляться и в наше время. Это свидетельствует о том, что во всем мире сохраняется непреходящий интерес к одному из величайших сражений мировой истории. Мы, наследники победителей, вновь и вновь обращаемся к битве на берегах Волги не только для того, чтобы лучше понять истоки героизма и почтить память защитников Сталинграда или еще более точно восстановить ход военных событий, но и с другой важнейшей целью — отстоять историческую правду об обстоятельствах этой битвы, о ее влиянии на судьбы народов Европы, хотя, казалось бы, все это уже давно общеизвестно и не подвергается сомнению.

Среди обширной литературы, посвященной этой великой победе, выделяются воспоминания ее участников — от маршалов и генералов до солдат. Заметное место в этом ряду занимают мемуары героев Сталинграда, о которых пойдет речь в этой книге. По своей глубине, обилию интереснейших фактов и

приводимых документов они, несомненно, являются важнейшим источником, из которого складывается картина небывалого по напряжению и драматизму противостояния.

В воспоминаниях прославленных военачальников мы также найдем рассказ об их жизненном пути, о сражениях, в которых они участвовали, о родных, друзьях и однополчанах, о решениях, которые они принимали. В них есть лишь один недостаток — авторы почти ничего не пишут о себе. Вы не найдете у них рассуждений и оценок того, каков был их личный вклад в победу над врагом, какого колоссального напряжения и сил стоила им война. Поэтому главная цель этой книги — достоверно и по возможности всесторонне рассказать об их воинском таланте, описать масштаб их личности, человеческие качества и черты характера, высветить роль каждого из них в Сталинградской битве.

Биографии героев этой книги, несмотря на разные возраст, звания, послужной список, удивительно схожи. Все они родились в крестьянских семьях, как правило бедных и многодетных. Получив начальное образование, сизмальства познали тяжелый труд, батрачили, но при этом всегда стремились к знаниям. Прежде чем стать полководцами и военачальниками, они приобрели боевой опыт, приняли участие во многих кампаниях и не понаслышке знали, что означает быть солдатом. Многие из них были ветеранами империалистической и Гражданской войн. О таких говорят: «Солдаты Первой мировой — полководцы Великой Отечественной». Кто-то может назвать себя воином-интернационалистом — у таких за плечами бои с франкистами в Испании или с японскими милитаристами в Китае. Многие из перечисленного, с поправкой на возраст, относятся и к героям-солдатам, по праву занимающим свое место в летописи Сталинградской битвы рядом со своими

командирами. Все они пережили и тяжесть отступлений, и горечь потерь, и торжество побед.

Им суждено было стать участниками больших сражений Великой Отечественной войны, а в послевоенный период — создавать новую, современную Советскую армию, восстанавливать разрушенное хозяйство страны и строить ее будущее. Их биографии — это готовая книга по новейшей истории нашей страны, вместившей в себя важнейшие события и величайшие битвы XX века.

Один из героев этой книги, дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Александр Ильич Родимцев — мой отец. Во время Сталинградской битвы он был командиром 13-й гвардейской стрелковой дивизии, которая спасла Сталинград в середине сентября 1942 года и 140 дней сражалась в центре города, не позволив противнику прорваться к Волге. Он был лично знаком со всеми, о ком пойдет рассказ на страницах этой книги. Среди них его командиры, боевые товарищи и подчиненные. Встречи с ними, события с их участием он описал в своих воспоминаниях. Из рассказов отца, его книг, встреч с ветеранами Сталинградской битвы я узнал много интереснейших подробностей об этом сражении, некоторые из которых вошли в главу, посвященную ему.

Принимая участие в деятельности Фонда памяти полководцев Победы, который возглавляет Наталья Ивановна Конева, дочь маршала Советского Союза И. С. Конева, я общаюсь с замечательными людьми — потомками известных советских полководцев и военачальников. Среди них дети, внуки и близкие родственники участников Сталинградской битвы — маршалов Советского Союза А. И. Еременко, К. К. Рокоссовского, В. И. Чуйкова, Ф. И. Голикова, маршала артиллерии В. И. Казакова, маршала авиации С. И. Руденко, генералов армии М. С. Малинина,

П. И. Батова, генерал-полковников К. П. Трубникова, И. И. Люд-никова, Г. В. Бакланова, генерал-полковника авиации Т. Т. Хрюкина. Нас объединяет общая цель — сохранение памяти о Великой Отечественной войне и памяти о ее героях и непримиримая борьба с теми, кто фальсифицирует историю, затушевывает и принижает нашу Победу. И в очерках об участниках Сталинградской битвы, помещенных в этой книге, есть уникальные подробности их биографий и боевых эпизодов, рассказанные автору членами их семей.

В грандиозном сражении на Волге тысячи и тысячи бойцов и командиров выказали многочисленные примеры героизма, мужества и верности воинскому долгу. Люди, чьи биографии собраны в этой книге, стали героями Сталинградской битвы не потому, что их кто-то таковыми назначил. Они заслужили это звание своим вкладом в общее дело страны, остановившей и разгромившей врага. Их поступки, воинское искусство, чувство долга, отвага и сила духа были примером для других, вселяли веру в победу. Они — воплощение всех защитников Сталинграда. Их имена — и маршалов, и генералов, и солдат — переплавились в историческое наследие нашей родины, они стали символом Сталинградской победы и навеки вошли в память народную.

Илья Родимцев, Москва, 2017 г.

Андрей Иванович ЕРЕМЕНКО

Андрей Иванович Еременко — полководец Великой Отечественной войны, талант и боевой путь которого должным образом еще предстоит оценить потомкам. К нему в большей степени можно отнести прилагательное — «единственный».

Он — единственный в Великую Отечественную войну командовал одновременно двумя фронтами.

Он — единственный генерал-полковник, командующий фронтом, за Великую Отечественную войну имел четыре ранения: три тяжелых и одно легкое. Он единственный, которого после ранения И. В. Сталин навещал в госпитале.

Единственный раз за годы войны — 5 августа 1943 года — И. В. Сталин выезжал на фронт для встречи с командующим. И им был командующий Калининским фронтом А. И. Еременко, готовивший Смоленскую наступательную операцию.

Он вел по Красной площади во время Парада Победы 24 июня 1945 года колонну 4-го Украинского фронта, который во время войны четыре раза поменял свое название, но начинал им командовать (когда он был Юго-Восточным фронтом) и заканчивал А. И. Еременко!

Андрей Иванович Еременко родился 2 (14) октября 1892 года в бедной крестьянской семье в селе Марковка Старобельского уезда Харьковской губернии^[2].

Семья рано потеряла отца. Как вспоминал Еременко, Иван Иванович «рано женился (18-летним), но через три года его забрили в солдаты. На военной службе нажил чахотку. Вернувшись домой, не чуял, что смерть подстерегает его. Знал я отца мало, но помню его надрывный кашель, заставлявший меня содрогаться,

скулы щек, плотно обтянутые желтой кожей, испарину на лбу, страдальческие глаза. Умер отец рано, не дожив и до тридцати лет, оставил на руках у матери детей мал мала меньше». О своей семье Андрей Иванович позже вспоминал: «Моя мать, Мария Ивановна, не поддалась горю. Она сумела держать в порядке свое несложное бедняцкое хозяйство, в поте лица трудилась сама и приучала нас к труду. Прожила она долго и скончалась 7 ноября 1957 года. Мы ее похоронили в городе Харькове на кладбище в районе Харьковского тракторного завода. На похороны мы съехались все, кто остался жив: я, брат Гавриил, сестры: Прасковья, Мария и Полина. Раньше нас у нее было семь человек — четыре сына и три дочери. Два мои брата погибли на войне: Иван — в Гражданскую войну, Семен — во время Великой Отечественной войны».

Старшему из семерых детей — десятилетнему Андрею пришлось взять на себя заботу о семье. Вначале он был пастухом, потом трудился на мельнице, а позже — на маслобойном заводе. Довелось ему поработать и на военном конном заводе в городе Деркул Старобельского уезда Харьковской губернии. В родной Марковке Андрей окончил четыре класса сельской школы, а затем уехал в Луганск, устроился на работу на паровозостроительный завод, поступил в школу при заводе.

В ноябре 1913 года, когда ему исполнился 21 год, Андрея призвали на действительную службу в Русскую императорскую армию рядовым в дислоцированный в Киеве 168-й пехотный Миргородский полк. В следующем году разразилась Первая мировая война и Андрей со своим полком, входившим в состав 42-й пехотной дивизии, выступил на фронт. Но едва попав на передовую, рядовой Еременко сразу увидел смерть, досыта хлебнул солдатской каши. В первом же бою погиб командир взвода, и Андрей принял командование взводом, чувствуя, что способен вести солдат вперед. О

своем первом бое во время Галицийской битвы на Юго-Западном фронте он вспоминал, будучи уже маршалом: «В ночь на 31 августа 1914 года на Туркоцинских высотах мы подошли вплотную к противнику и под его огнем окопались. Случилось так, что, ворвавшись в окопы, я оказался лицом к лицу с отделением противника. Австрийцев было человек одиннадцать. Мое счастье, что в узком окопе они не могли навалиться на меня все сразу. Я был разъярен, не помнил себя от огромного физического и морального напряжения, стрелял, действовал штыком и прикладом.

Подоспевшие бойцы взвода помогли мне справиться с наседавшими австрийцами. Помню, как сейчас, взвод под моей командой по условленному сигналу поднялся в атаку в 9 часов утра. Сначала мы двигались ускоренным шагом, затем побежали. Неприятно пели пули и визжали снаряды. И вот уже атакующий взвод с криком ура в злобной ярости ворвался во вражескую траншею. Началась рукопашная. Страшное зрелище, когда неприятели всаживают друг в друга штыки. Я не помню, сколько на моем счету было убитых немцев. Командир должен был служить примером для солдат, и я эту заповедь выполнял. Русские были мастерами штыкового боя. В рукопашной мы всегда побеждали. Так было и на этот раз. Но мне не повезло. В третьей траншее противника выстрелом в упор я был тяжело ранен, пуля прошла насквозь и задела легкие. Атака 31 августа 1914 года запомнилась на всю жизнь»^[3].

В рукопашной схватке Еременко уничтожил более десятка вражеских солдат, но и сам был тяжело ранен. Затем был лазарет, награды, московский госпиталь — это была лишь краткая передышка в боевой биографии будущего маршала. На фронт он вернулся в феврале 1915 года бывалым бойцом, в звании ефрейтора. На этот раз его зачислили в 12-й стрелковый полк 3-й стрелковой дивизии. Начиналась славная Карпатская

операция, в ходе которой Еременко отличился при осаде Перемышля. За проявленную храбрость его произвели в младшие унтер-офицеры и назначили командиром взвода. Сначала Андрей Иванович воевал на Юго-Западном фронте, а затем был переведен в полковую конную разведку на Румынский фронт.

После Февральской революции пользовавшийся авторитетом среди товарищей Еременко был избран в своей части уполномоченным в полковой комитет. Возвратившись вместе с полком с Румынского фронта, Еременко приехал к себе на родину, на Украину. Это было тяжелое, тревожное время. На родной земле хозяйничали немецкие оккупанты, белогвардейские отряды. В октябре 1918 года Еременко возглавил партизанский отряд, который в начале 1919 года влился в ряды Красной армии. Еще раньше — в декабре 1918 года — Андрей Иванович вступил в ряды РКП(б). Уже в январе 1919 года его назначили Марковским военным комиссаром и избрали заместителем председателя местного ревкома. А в июне 1919 года Еременко ушел на фронт и до конца Гражданской войны сражался в составе первых кавалерийских частей РККА, которые стали основой знаменитой Первой конной армии С. М. Будённого. Свою военную карьеру он начал красноармейцем, но вскоре стал быстро продвигаться по службе: помощник командира взвода 2-го кавалерийского полка, старшина эскадрона и командир взвода 34-го кавалерийского полка, начальник разведки и помощник начальника штаба 1-й бригады 14-й кавалерийской дивизии. Заканчивал войны Еременко в рядах 79-го кавалерийского полка той же дивизии, где он сначала возглавлял полковую школу, а затем и полковой штаб. Длительное время он фактически командовал полком, замещая находящегося на лечении командира.

Среди прочих боев Еременко в ночь на 6 февраля 1920 года принял участие во встречном сражении с конной группой генерала А. А. Павлова у станции Торговой. В этом бою 2-й и 4-й белые Донские корпуса были разгромлены, что привело к отступлению всего белого фронта. Затем Еременко сражался с войсками барона П. Н. Врангеля и бандами Н. И. Махно. Оставив Юг России, его полк отправился сражаться против панской Польши, и во время Киевской операции Еременко в 1920 году получил новое ранение. За боевые заслуги в годы Гражданской войны ВЦИК награждал А. И. Еременко орденом Красного Знамени, а позднее, в 1938 году — к двадцатилетию РККА — он получил орден Ленина: по тем временам награду очень высокую.

После окончания Гражданской войны Еременко, бывший на хорошем счету у командования как умелый и храбрый краском, был оставлен в кадрах Красной армии. С мая 1920 года он — адъютант штаба 79-го кавалерийского полка 14-й кавалерийской дивизии, а в 1922 году возглавил штаб своего полка, который к тому моменту был переведен в Таганрог. В 1924 году А. И. Еременко был принят слушателем кавалерийских курсов усовершенствования высшего начсостава РККА в Ленинграде, которые успешно окончил в 1925 году. Начальником курсов был выпускник Николаевского кавалерийского училища бывший полковник русской армии М. А. Баторский, не только известный кавалерист, но и опытный генштабист. Слушателями курсов вместе с Еременко были будущие маршалы Советского Союза И. Х. Баграмян, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский.

С Иваном Христофоровичем Баграмяном Еременко связывала дружба на протяжении всей жизни, о чем говорит надпись на оборотной стороне фотографии, сделанной Баграмяном: «Андрей! Спасибо тебе за хорошую дружбу, ты замечательный товарищ, настоящий друг, энергичный, волевой, со здоровым

смыслом, упорный в труде, в учебе. Береги свои замечательные качества. Ты своим упорством преодолеешь все трудности на своем пути. Пробьешь любую каменную стену».

В августе 1925 года Еременко был назначен начальником штаба 55-го кавалерийского полка 14-й кавалерийской дивизии, а вскоре принял командование полком. Более пяти лет он стоял во главе полка, приобретая столь необходимый будущему полководцу практический командный опыт.

Затем Еременко снова учится: в 1930–1931 годах — на курсах единоначальников при Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева. В 1935 году он оканчивает Военную академию им. М. В. Фрунзе, после чего его назначают помощником командира 14-й кавалерийской дивизии, в составе которой он воевал в годы Гражданской войны. В августе 1937 года полковник Еременко возглавил дивизию и 17 февраля того же года получил первое «генеральское» звание — комбриг. В июне 1938 года Еременко вступил в должность командира 6-го кавалерийского корпуса имени Сталина, в состав которого входили 6-я Кубано-Терская казачья Чонгарская дивизия имени С. М. Будённого и 36-я кавалерийская дивизия имени И. В. Сталина. Его корпус по праву считался одним из лучших и боеспособных соединений Красной армии. 9 февраля 1939 года Еременко был произведен в комдивы, а уже 4 ноября того же года — в комкоры. После введения в РККА генеральских званий ему 4 июня 1940 года было присвоено звание генерал-лейтенанта.

В 1939 году под командованием А. И. Еременко корпус принимал участие в Польском походе и освобождении Западной Белоруссии. В 1940 году, после присоединения Прибалтийских республик к СССР, 6-й кавалерийский корпус был переброшен в Литву. В своем дневнике Еременко сделал заметку: «23 июня 1940 г.

город Телыпай, Литва. Купался в озере, переплыл его, а оно имеет ширину 2 км. Местные жители поражены таким дерзким поступком».

Тем временем на смену коннице как наиболее маневренному роду сухопутных войск приходил новый — моторизованные войска. В Европе уже шла Вторая мировая война, когда в июне 1940 года А. И. Еременко было поручено формирование 3-го механизированного корпуса, расквартированного в районе Вильнюса. Командир корпуса одновременно становится и начальником столичного Вильнюсского гарнизона. За шесть месяцев командования корпусом Андрей Иванович превратил его в образцовое соединение. Позже командующий бронетанковыми и механизированными войсками РККА маршал бронетанковых войск Я. Н. Федоренко вспоминал: «3-й механизированный корпус по своей организованности и боевой подготовке лучший в Красной Армии».

В начале 1941 года Еременко принял командование 1-й Отдельной Краснознаменной армией, которая вошла в состав вновь созданного Дальневосточного фронта. На новой должности Еременко вел напряженную работу по усилению боевой готовности войск, охранявших восточные рубежи Родины.

* * *

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. В самом начале войны Еременко постигло огромное горе: семья Андрея Ивановича — его жена и сын — остались в захваченном немцами Вильнюсе и погибли. Ровно через неделю после германского вторжения Еременко был отозван с Дальнего Востока и переведен на Западный фронт, заместителем главнокомандующего войсками Западного

направления^[4]. Немецко-фашистские войска рвались к Москве. Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, командовавший в июле 1941 года Западным фронтом и одновременно возглавивший Главное командование войсками Западного направления, в своих воспоминаниях отмечал: «Товарищ Еременко А. И. был моим заместителем, а затем и командующим Западным фронтом. Он очень много сделал для того, чтобы остановить наступление фашистских войск. Я хорошо знаю, какие нечеловеческие усилия, титаническую волю и героизм проявил тов. Еременко А. И. в начальный период войны, чтобы остановить наступление, а иногда и бегство наших войск, и заставить их драться с врагом. Мне неоднократно докладывали, что тов. Еременко все время подвергался смертельной опасности не только со стороны врага, но и со стороны изменников, предателей и трусов в среде наших войск, но он ничего не боялся и с большой преданностью и самоотверженностью делал свое командирское дело — обеспечивал оборону Родины.

Характерной чертой в стиле боевой деятельности тов. Еременко является то, что он всегда был близок к войскам, был в гуще самых тяжелых событий и на самых важных боевых направлениях и участках. Он умело, с большой силой воли и страшным упорством организовывал войска на отпор врагу и добивался в этом успехов, несмотря на превосходство противника в средствах.

В подобных боях товарищ Еременко был два раза тяжело ранен и оставался в строю до выполнения задачи. Мне помнятся два случая, когда было официальное донесение, что товарищ Еременко убит в контратаках, которые он организовывал и проводил».

Андрей Иванович, отвечавший за действия северного фланга Западного фронта, выехал в 22-ю армию, оборонявшуюся в районе Полоцка, а затем координировал 19-ю и 20-ю армии в безуспешной

попытке вернуть Витебск. 10 июля началось Смоленское сражение, в ходе которого с советской стороны принимали участие войска четырех фронтов: Западного, Резервного, Центрального и Брянского. Для Красной армии на начальном этапе сражение носило оборонительный характер, однако во второй половине и до конца августа советское командование провело несколько контрнаступательных операций. В результате Смоленского сражения сильнейшая группировка немецких войск — группа армий «Центр» — была вынуждена перейти к обороне. Советским войскам ценой огромных усилий и жертв удалось задержать на два месяца наступление немецко-фашистских армий на московском направлении.

Шестнадцатого августа 1941 года генерал-лейтенанту Еременко было поручено возглавить формирование Брянского фронта, перед которым была поставлена задача прикрыть подступы к столице с юго-запада. В чрезвычайно сложной обстановке в ходе ожесточенных боев фронт был создан и в течение полутора месяцев стойко сражался. 11 сентября А. И. Еременко было присвоено звание генерал-полковника. 30 сентября началась битва за Москву. Первый день этого сражения был ознаменован таранным ударом самой сильной и маневренной группировки гитлеровских войск — 2-й танковой группы генерал-полковника Г. Гудериана по малочисленным и измотанным в предыдущих боях войскам Брянского фронта. Несмотря на мощные рассекающие удары немецкой армии, наши соединения удержали свои рубежи, но враг прорвался в тыл и вышел на фланги. Угроза полного окружения войск фронта становилась зловещей реальностью.

Командующий фронтом А. И. Еременко прекрасно понимал — если не разорвать кольцо и не вывести уцелевшие части на новые рубежи, путь вермахту к

столице будет открыт. Ситуация еще сильнее обострилась после того, как мотопехота врага нанесла удар по командному пункту фронта. Генерал-полковник с автоматом, вместе с бойцами, отбивал атаки врага у своего КП. Управление войсками было восстановлено.

Еременко разработал план удара, целью которого было прорвать кольцо окружения, выйти на новые оборонительные рубежи и восстановить прикрытие Москвы. Этот план был успешно реализован, окружение удалось прорвать в нескольких местах, и наши армии с тяжелыми боями двигались к линии фронта, несмотря на мощные заслоны, которые гитлеровцы выставляли на их пути. В этих боях командующий фронтом Еременко был тяжело ранен в ногу и плечо осколками авиабомбы. 13 октября было принято решение об эвакуации его на самолете в Москву. Однако до аэродрома долететь не удалось: в полете у самолета отказал мотор, и летчику с большим трудом удалось спланировать в полнейшей темноте в районе деревни Пилюгино Иваньковского района Тульской области. Во время посадки самолет ударился о землю и перевернулся. Еременко получил новые травмы. Местные жители оказали генералу первую помощь. 14 октября на санитарной машине его доставили в Москву, в Центральный военный госпиталь, и в тот же день прооперировали. Ночью 15 октября в госпитале генерала навестил сам И. В. Сталин. Позднее Еременко вспоминал: «Он спросил меня о делах на фронте, об обстоятельствах моего ранения и пожурил за то, что я не берег себя».

В госпитале генералу сообщили радостную новость о том, что все армии фронта, которым он командовал (13-я, 3-я и 50-я), вышли из окружения. Для излечения полученных Еременко ранений понадобилось искусство лучших столичных хирургов. К декабрю 1941 года он уже был готов снова встать в строй. К этому времени битва за Москву вступила в свою заключительную фазу

— началось общее наступление Красной армии. В декабре 1941 года враг был отброшен от столицы на сотни километров. Дальнейший план Ставки Верховного главнокомандования (ВГК) заключался в том, чтобы глубокими фланговыми ударами охватить группу армий «Центр». Осуществление такого удара на северном фланге было возложено на 4-ю ударную армию, командующим которой 23 декабря 1941 года был назначен Еременко. 4-я ударная армия нанесла неожиданный для противника удар в заснеженных лесах Валдая и освободила ряд городов: Пено, Андреаполь, Торопец и другие. Войска Еременко вбили клин в расположение противника на 300 километров и нанесли гитлеровцам большой урон.

Во время Торопецко-Холмской операции в январе 1942 года Еременко был вновь тяжело ранен, на этот раз у него была перебита правая нога. 20 января 1942 года он выехал на наблюдательный пункт командира 249-й стрелковой дивизии, где попал под бомбовый удар вражеской авиации. Доставленный на армейский КП с множественным переломом костей правой голени, Андрей Иванович отверг предложение врачей немедленно ампутировать ногу во избежание гангрены, и отказался от эвакуации в тыловой хирургический госпиталь. В течение 23 дней до завершения операции Еременко фактически командовал войсками, лежа на носилках. Позже он писал: «Этот обычный в боевой обстановке случай произошел, к сожалению, в то время, когда наступательная операция была еще в полном разгаре. Армия выполнила лишь первую половину задачи. И я решил, несмотря ни на что, оставаться в армии до тех пор, пока задача не будет выполнена полностью, о чем безотлагательно и донес в штаб фронта и в Ставку. Я сделал это в здравом размышлении, зная, что оставаться в строю с таким тяжелым ранением нелегко, ведь нужно командовать и

непрерывно руководить войсками с носилок. Я рассчитывал, что у меня хватит на это выдержки... Я, что называется, выносил план этой операции, врос в боевую обстановку на этом участке, поэтому считал, что мне, даже раненому, будет легче довести дело до конца, чем новому человеку».

По складу своего характера Еременко относился к тем военачальникам, которым было жизненно необходимо находиться непосредственно в центре боевых действий, военных операций. Он всегда старался полагаться на личное наблюдение, которое помогало ему четче оценивать обстановку. Генерал-полковник П. А. Курочкин писал 26 июня 1945 года Верховному главнокомандующему И. В. Сталину: «Доношу, что я, будучи командующим Северо-Западным фронтом, представлял к правительственной награде командующего 4-й ударной армией генерал-полковников тов. Еременко, ныне командующего 4-м Украинским фронтом. Он награды не получил (наградной материал утерян), в то время как его командиры дивизий, начальник штаба армии и член Военного совета армии награды получили, только он, наиболее заслуживавший награды, не получил ее.

Справедливость и моя командирская честь настойчиво подсказывают мне, чтобы я снова повторил это представление за блестящее проведение Торопецкой операции в январе 1942 г., в результате которой войска 4-й ударной армии под командованием тов. Еременко А. И. в тяжелых зимних условиях прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника на участке Осташков — Пенно и продвинулись до 300 км в глубину, разрезав этим Северную группу войск противника на две части.

В самый разгар операции тов. Еременко А. И., руководя лично штурмом г. Торопец, был тяжело ранен и, несмотря на это исключительно тяжелое ранение,

проявил мужество и патриотизм, оставался в строю и 23 суток командовал войсками с носилок до конца операции.

За блестящее проведение Торопецкой операции, в результате которой противнику нанесены большие потери, и проявленные при этом личную храбрость и мужество вторично ходатайствую о награждении тов. Еременко А. И. высшей правительственной наградой — второй «Золотой Звездой».

Рано утром 15 февраля 1942 года Андрея Ивановича привезли в Москву в полевой госпиталь, размещавшийся в здании Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. В мае 1942 года К. К. Рокоссовский также получил тяжелое ранение осколком снаряда, в Козельске он был прооперирован и доставлен в тот же госпиталь, где проходил лечение Еременко. Встреча двух полководцев, их разговоры о положении на фронте произвели на обоих огромное впечатление, о котором позднее они вспоминали в своих мемуарах. Сохранилось несколько их совместных госпитальных фотографий. Они и не догадывались, что буквально через пять месяцев именно им предстоит защищать Сталинград, а пока летом 1942 года Рокоссовский получил назначение командующим Брянским фронтом, которым в 1941-м командовал Еременко.

Именно во время своего лечения в госпитале состоялось знакомство А. И. Еременко с семнадцатилетней фельдшерицей Ниной Ивановной Гриб. Несмотря на юный возраст, она уже была хорошим медицинским специалистом, отважной и смелой, о чем свидетельствуют ее наградные листы. В 1941 году Нина Ивановна получила свою первую награду — медаль «За боевые заслуги». По окончании Сталинградской битвы на фельдшера Военного совета фронта Н. И. Гриб в Москву было направлено представление: «...В напряженные дни героических боев за Сталинград,

постоянно на ВПУ, где вела себя стойко и мужественно. Свою работу не прекращала, несмотря на бомбежку и минометный обстрел противника, обеспечивая тем самым постоянный чуткий и внимательный уход за генерал-полковником Еременко, что положительно отразилось на восстановлении его здоровья. За свой самоотверженный труд товарищ Гриб вполне достойна правительственной награды — ордена Красной Звезды. Февраль 1943 г.».

Андрей Иванович подарил своему фельдшеру на память фотографию с трогательной надписью: «Тов. Нине Ивановне Гриб, медсестре. Преподношу настоящую карточку на память о днях нахождения меня в госпитале 2386 в знак моей большой благодарности за ту заботу и за тот труд, которые были затрачены на уход за мной и на мое лечение после двух моих ранений. Желаю Вам, Н. И., всего, всего хорошего. Генерал-полковник А. Еременко, г. Торопец».

На этот раз Еременко пришлось пролежать с ногой, закованной в гипс, до 1 августа 1942 года. Лежать в госпитале было скучно, его деятельная натура не терпела простоя — два месяца лечения он посвятил изучению английского языка и составлению описания Торопецкой операции. Еременко постоянно рвался на фронт, писал рапорты, хотя лечащий врач был категорически против. В своих воспоминаниях Еременко напишет: «Поскольку разговор принимал нежелательный оборот, я обращаюсь к чувствам врача. Профессор, положив руку на сердце, ответьте мне, смогли бы вы, страдая болезнью, подобной моей в ее теперешней стадии, спокойной отсиживаться, зная, что сотни людей, изнемогая от ран, ждут вашей помощи, именно вашей?» В результате доктор был вынужден пойти навстречу своему пациенту и заверил Андрея Ивановича, что не будет против выписки, если генерал пообещает строго соблюдать рекомендованный режим.

Еременко начал тренироваться ходить без трости. Ему очень хотелось при вызове в Кремль, которого он ожидал со дня на день, выглядеть достойно, продержаться без хромоты.

Когда вызов состоялся и Еременко вошел в приемную Верховного, Сталину доложили о его прибытии. Оставив трость, Андрей Иванович бодро вошел в кабинет Верховного главнокомандующего, проводившего совещание. Выслушав его доклад и пристально посмотрев на вошедшего, Сталин спросил: «Значит, считаете, что поправились?» Еременко заверил, что он полностью восстановил здоровье и готов к дальнейшей службе. Завершая совещание, Сталин вновь обратился к Еременко: «Под Сталинградом сейчас так сложилась обстановка, что нельзя обойтись без срочных мер по укреплению этого важнейшего участка фронта, без мер, рассчитанных на улучшение управления войсками. Сталинградский фронт, образованный недавно (12 июля 1942 года), решено разделить на два. Возглавить один из них Государственный Комитет Оборона намерен поручить вам».

* * *

Оборонительные бои на дальних подступах к Сталинграду начались 17 июля 1942 года на рубеже рек Чир и Цимла. К началу августа, в ожесточенных боях, немецко-фашистским войскам удалось прорвать нашу оборону на внешнем сталинградском обводе. Директива Ставки от 5 августа 1942 года ставила фронтам самостоятельные задачи. Сталинградскому фронту предстояло разгромить противника, прорвавшего внешний оборонительный обвод в стыке 62-й и 21-й армий, восстановить прежнее положение, а затем надежно прикрыть Сталинград с северо-запада и

подготовить контрудар в направлении на Морозовск. Юго-Восточный фронт должен был остановить дальнейшее продвижение противника на южном участке внешнего оборонительного обвода и всеми средствами воспрепятствовать прорыву на этом участке обороны. В дальнейшем войскам фронта предстояло нанести удар в направлении станция Жутово — город Котельниково, с тем чтобы отбросить неприятельские войска за реку Сап.

Седьмого августа 1942 года Еременко, который на самом деле еще так и не долечил раненую ногу, был назначен командующим войсками Юго-Восточного фронта, действующими на Сталинградском стратегическом направлении. Прибыв на КП, новый командующий фронтом отдал следующую директиву: «Сего числа я вступил в командование войсками ЮВФ. Основная наша задача — разбить врага, рвущегося к Сталинграду, и отбросить фашистские орды за пределы нашей Родины. В сражениях под Сталинградом положим начало истреблению гитлеризма!»

В эти дни противник бросал в бой все новые и новые силы, стараясь во что бы то ни стало прорваться к Сталинграду. Положение обороняющихся советских войск осложнялось с каждым днем. 9 августа 1942 года, в 23.00, вышла Директива Ставки ВГК за № 170562 командующим войсками Юго-Восточного и Сталинградского фронтов:

«Ставка Верховного главнокомандования приказывает:

1. С 6 часов 10 августа подчинить Сталинградский фронт командующему Юго-Восточным фронтом генерал-полковнику Еременко, оставив за т. Еременко командование Юго-Восточным фронтом по совместительству.

2. Назначить заместителем к тов. Еременко по Юго-Восточному фронту генерал-лейтенанта тов. Голикова^[5],

освободив его от обязанностей командующего 1-й гвардейской армией...

5. Иметь в виду, как т. Еременко, так и т. Гордову^[6], что оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада и с юга на Сталинград, имеет решающее значение для всего нашего советского фронта...»

С этого времени генерал-полковник А. И. Еременко руководил одновременно двумя фронтами, действующими на Сталинградском направлении. В сложных условиях необходимо было провести срочные и эффективные мероприятия для ликвидации угрозы потери города. Еременко со всей решительностью и настойчивостью взялся за выполнение поставленных целей. Войска фронтов вели ожесточенные оборонительные бои на дальних подступах к Сталинграду. Отличительной чертой командующего являлась быстрая оценка обстановки, подчас критической, после чего он так же оперативно принимал решения. Еременко считал исключительно важным поддержание непрерывности в управлении войсками, а следовательно, правильный выбор командных пунктов: «Умение правильно выбрать район для командного пункта, своевременно предвидя развитие событий, наметить момент его переноса на новое место, а также создать при определенной обстановке вспомогательный пункт управления и передовой командно-наблюдательный пункт играет очень важную роль в управлении войсками и отнюдь не может считаться чем-то второстепенным». Мобильность командующего помогала успешно реализовывать планы операций в боевой обстановке.

В 6.00 8 августа 1942 года Еременко подписал директиву войскам Сталинградского и Юго-Восточного фронтов о более прочной и упорной обороне подступов к Сталинграду:

«1. Противник свои ударные группы сосредоточивает на двух направлениях: Калач, Сталинград — до трех танковых дивизий, двух моторизованных дивизий и четырех — шести пехотных дивизий и Плодовитое, Сталинград — две танковые дивизии, одна моторизованная дивизия и две пехотные дивизии с целью концентрическим ударом захватить Сталинград.

2. Для более прочной и упорной обороны подступов к Сталинграду и уничтожения на этих подступах противника мы должны перемолоть противника своими огневыми средствами и их маневром на внешнем обводе обороны Сталинграда и ни в коем случае не допустить вклинения противника в нашу оборону. Ни шагу назад.

3. Сталинградскому фронту: прочно удерживать занимаемый фронт от своей правой границы по реке Дон до Серафимовича, предмостные укрепления Серафимович, Клетская, Мало-Голубинский и далее по внешнему обводу Сталинградского укрепленного района до Самодуровки включительно.

4. Юго-Восточному фронту в ночь с 11 на 12.8, в целях сокращения фронта, усиления обороны и создания резервов, правое крыло фронта отвести на укрепления внешнего обвода Сталинградского укрепленного района. Вывести в резерв две стрелковые дивизии: 214 стрелковую дивизию, 29 стрелковую... Отвод войск с рубежа р. Аксай, Есауловский на внешний обвод Сталинградского укрепленного района по р. Мышкова прикрыть сильными передовыми отрядами, которые оставить на рубеже р. Аксай, Есауловский в качестве Противовоздушной Обороны для обороны предполья между р. Аксай, Есауловский и внешним обводом.

5. Прибывающей 36 гвардейской стрелковой дивизии занять оборонительную полосу Семистов, Коммуна имени Кирова. 35 гвардейской стрелковой дивизии занять оборонительную полосу Ивановка и западнее.

6. Разграничительная линия между фронтами: Морозовский, Верхне-Чирская, Сталинград (все, кроме гор. Сталинград, включительно для Сталинградского фронта).

7. Создать в каждой армии подвижные резервы на основных важных направлениях, в состав которых включить по одному гвардейскому минометному полку, по одному истребительному артиллерийскому полку... На фронте 62 армии иметь четыре гвардейских минометных полка, из которых два М-13, для чего Юго-Восточному фронту к исходу 11.8 передать Сталинградскому фронту один минометный полк М-13.

8. Всем войскам, не щадя сил и средств, развить и улучшить занимаемые позиции, превратив их в непроходимые препятствия для врага.

9. На доступных участках перед обоими фронтами перед внешним обводом Сталинградского укрепленного района создать предполья.

10. Организовать мощную сеть артиллерийского и разведывательного наблюдения и управления с тем, чтобы можно было быстро осуществлять артиллерийское наступление по скоплениям противника.

11. В целях дезориентировки противника создать ложные артиллерийские позиции, противотанковые рвы, аэродромы и другие сооружения полевого типа.

12. Прибывающую 1-ю гвардейскую армию Юго-Восточного фронта сосредоточить: Западновка, Береславка, Гумрак.

13. 193 танковую бригаду подчинить командующему Сталинградским фронтом...

14. Командующему 57 армией одним минометным полком перехватить дефиле между озерами: Сарпа, Цаца, Барманцак, сев[ернее] Малые Дербеты; прочно прикрыть эти дефиле фортификационными

сооружениями и заминировать к западу все танкодоступные направления.

15. Военно-Воздушным Силам — надежно прикрыть перегруппировку войск фронта.

16. В прошедших боях танковые соединения понесли значительные потери в материальной части. Требую немедленного восстановления, как пополнением, так и ремонтом. Танки на вероятных направлениях движения противника закопать, имея в подвижных резервах в руках командования фронта не менее одной бригады.

17. В связи с тем, что Сталинградский оборонительный укрепленный район заминирован, создать в тыловом районе каждого полка, дивизии и армии дороги, организовав на них службу регулирования.

18. Начальнику гарнизона гор. Сталинграда в целях наибольшей пропускной способности дорог городов и ликвидации «пробок», в трехдневный срок создать в городе дополнительно два сквозных пути и одну вне черты города. Организовать на них службу регулирования.

19. Начальнику инженеров [так в документе] фронта [Юго-Восточного] форсировать возведение укреплений на внутреннем обводе, в первую очередь на участке Бабуркин, Береславский (калачевское направление) и Ивановка, Красноармейск, создав сильное минированное предполье в направлении Красноармейск. Кроме того, усилить заграждения района Райгород. Начальнику инженеров взять под контроль строительство и эксплуатацию переправ через реку Волга в районе гор. Сталинград.

20. В моем резерве иметь:

1) 214 стрелковую дивизию;

2) 6 танковую бригаду и 468 истребительно-противотанковый артиллерийский полк в районе Карповка, Старый Рогачик;

3) 133 танковую бригаду — в районе Кошары, 5 км севернее фермы № 2 совхоза им. Юркина;

4) 738 истребительно-противотанковый артиллерийский полк — в районе разъезда Чапурники.

21. Начальникам штабов фронтов организовать временные пункты управления: Сталинградский фронт — Большая Россошка; Юго-Восточный фронт в районе Бекетовки.

Командующий Юго-Восточным фронтом генерал-полковник Еременко

Начальник штаба Юго-Восточного фронта генерал-майор Захаров^[7]».

В результате принятых мер в середине августа Сталинградский фронт подготовил и провел силами 21-й армии несколько локальных наступательных операций юго-западнее Сталинграда, которые сковали наступавшие соединения противника, лишив его возможности перераспределить силы.

На Сиротинском плацдарме 40-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А. И. Пастревича^[8], в которую влились остатки 192-й дивизии полковника К. А. Журавлева^[9], отбила все атаки противника и организовала свою оборону так, что оставалась на занятых рубежах вплоть до начала исторического контрнаступления 19 ноября 1942 года, ни на шаг не отступив с занятых позиций. 96-я стрелковая дивизия полковника Д. С. Жеребина^[10] в районе Серафимовича провела ряд контрударов и захватила небольшой плацдарм: 40 километров в глубину и 20 километров в ширину на правом берегу Дона. 26 августа 1942 года был освобожден город Серафимович. В эти дни многие считали, что лучше было бы перебросить силы к Сталинграду, ведь враг находился почти у стен города. Но именно с этого завоеванного в августе и удержанного войсками Сталинградского фронта

Серафимовического плацдарма начнется наше историческое контрнаступление.

По указанию Еременко были собраны все имеющиеся резервы и нанесен контрудар по противнику, прорвавшемуся на юго-востоке от Сталинграда. 9 августа (в 23.45) штаб Юго-Восточного фронта отправил в Ставку ВГК за подписью Еременко боевое донесение: «Решил уничтожить противника в районе 74 км — ст. Абганерово — Плодовитое силами 38-й стрелковой дивизии с 13-м танковым корпусом».

Противник тем временем продолжал атаки на участке 126-й стрелковой дивизии полковника В. Е. Сорокина^[11] и силами 370-й пехотной дивизии развивал наступление на Элисту — Астрахань. 12 августа (в 24.00) Еременко доложил в Ставку: «Решение: продолжая совершенствовать оборону, ударом воздушных сил и РС уничтожить группировку противника в районе Тингута, Плодовитое, Абганерово. Одновременно завершить перегруппировку согласно директивы № 006». Из сухих строк боевых документов видно, что Еременко, имевший за плечами немалый военный опыт, умело применял его на практике, быстро реагируя на меняющуюся обстановку. В результате план немецкого командования захватить город с юго-запада потерпел крах, 4-я немецкая танковая армия временно перешла к обороне, а на ее усиление была брошена часть сил из 6-й армии генерала Ф. Паулюса.

В ожесточенных боях на подступах к Сталинграду ярко раскрылось разностороннее военное дарование Андрея Ивановича. Большое внимание Еременко уделял военной разведке, на основании данных которой он принимал свои главные решения. И от разведчиков Еременко всегда требовал активной работы. Так, в боевом приказе от 12 августа 1942 года «О недостатках и организации разведки в соединениях и частях и мерах по их устранению» он писал: «В условиях маневренной

войны противник часто делает перегруппировки на открытой местности днем, а наша разведка и с применением всех видов наблюдения ухитряется не замечать этих действий противника, благодаря чему часто противник появляется там, где его не ожидают». Еременко считал, что необходимо так активизировать нашу разведку, «чтобы она, что называется, дышать не давала врагу, проникала бы во все щели, дезорганизовывала бы его управление, связь, боевые порядки, тылы, изматывала врага, не давала ему покоя ни днем, ни ночью». Он приказал, чтобы в каждой дивизии на своем участке ежедневно осуществлялся контроль пленных, трофеев и документов, периодически создавались отряды для получения разведданных. Предпринятые Еременко усилия уже очень скоро начали давать результат. Так, на основании данных разведки было установлено, что немецкие войска 23 августа подготовились к наступлению в направлении хутор Вертячий — разъезд 564-й километр — Рынок. Чтобы не допустить прорыва немцев к Сталинграду с северо-запада, Еременко организовал контрудар с привлечением крупных сил авиации, который сдержал противника и дал возможность выиграть время для укрепления обороны.

Противник, встречая упорное сопротивление наших войск, поменял свои планы и нанес главный удар в направлении Гумрак — Александровка, постепенно продвигаясь к городу. В то время у советского командования не хватало сил, чтобы отразить таранные удары противника. 23 августа немецкие войска, воспользовавшись слабостью нашей обороны, прорвали ее и по восьмикилометровому коридору вышли севернее города к Волге в районе Рынок — Латошинка, вплотную приблизившись к цехам тракторного завода.

Еременко связался по телефону с полковником А. А. Сараевым^[12] — командиром 10-й стрелковой

дивизии внутренних войск НКВД, которая занимала оборону по городскому обводу укреплений, растянувшемуся на 50 километров. Этой дивизии еще в середине июля 1942 года, в связи с ухудшением положения советских войск и выходом противника к территории Сталинградской области, было приказано организовать службу охраны объектов на подступах к Сталинграду и обеспечить порядок в городе. Еременко понимал, что не имевшая ни артиллерии, ни противотанковых средств дивизия не слишком подходит для ведения обороны, но выхода не было: он приказал Сараеву перебросить свой 282-й стрелковый полк внутренних войск НКВД к северным окраинам тракторного завода. Кроме частей 10-й дивизии войск НКВД, в том же направлении на рубеж реки Сухая Мечетка срочно были выдвинуты батальон морской пехоты Волжской военной флотилии и два батальона курсантов Сталинградского военно-политического училища.

В эти дни на помощь Красной армии пришли истребительные батальоны и части народного ополчения, сформированные из рабочих заводов — Тракторного, «Баррикады», «Красный Октябрь». Этим добровольным формированиям тракторный завод передал 60 танков, 45 тягачей и более 150 пулеметов. Ополченцы и чекисты проявили в этих боях исключительный героизм, стойко удерживая занятые ими рубежи. В истории битвы за Сталинград, наряду с подвигами воинов Красной армии и НКВД, навсегда останутся имена рабочих-ополченцев, насмерть стоявших и погибших у стен родного города. 28 августа, с подходом регулярных частей, вооруженные отряды рабочих были выведены из боя. В этот день была создана северная группа войск под командованием полковника С. Ф. Горохова^[13]. Она объединила 124, 115, 149-ю отдельные стрелковые бригады и 282-й

стрелковый полк внутренних войск НКВД. Группа Горохова выбила части вермахта из населенных пунктов Спартановка и Рынок и отбросила их от реки Мокрая Мечетка.

Дочь А. И. Еременко Татьяна вспоминала: «В Сталинграде отец взял на себя смелость и впервые ввел в состав действующих войск дивизию НКВД, тем самым покусился на епархию Берии. К слову, в Волгограде есть единственный памятник «Чекистам», поставленный в честь 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД. Использование этой дивизии — это был шаг, вызванный военной необходимостью. Чтобы решиться на него, нужно было иметь большую смелость, так как вовлечение целого соединения чекистов нарушало те правила политической игры, которые существовали в высших эшелонах власти и обостряли отношения Еременко с Берией. Вызов политическому режиму! Но Еременко смело берет на себя всю ответственность».

Огромное значение Еременко придавал организации артиллерийского огня. В сентябре, в период боев на городском обводе, он создал объединенную артиллерийскую группу, что позволило оперативно сосредотачивать огонь высокой плотности на угрожающих направлениях. Так, он докладывал в Ставку ВГК о ходе боевых действий: «Я решил:

1. Срочно перебросить три дивизии со Сталинградского фронта, которые сейчас находятся на марше.

2. До подхода этих дивизий в течение ночи с 28.09 на 29.09 артиллерийскими средствами и авиацией нанести удар по группе противника, действующей на фронте Баррикады, р. Царица. Будет участвовать девять гвардейских минометных дивизионов, которые выпустят по три залпа и тридцать пять артбатарей, которые совершат по три-четыре огневых налета по скоплениям

противника. На эту меру пришлось идти, несмотря на ограниченность боеприпасов».

Собранная в мощный кулак, в дни особенно напряженных боев только одна фронтовая артиллерийская группа выпускала по противнику до десяти тысяч снарядов. Эти своевременно проведенные мероприятия сыграли решающую роль в оборонительный период Сталинградской битвы.

Отходом наших войск на городской обвод завершился этап Сталинградского сражения, о котором писатель Константин Симонов — бывший в то время военным корреспондентом газеты «Красная звезда» — написал так: «Сегодня мы держимся, мы еще не побеждаем, слава дивизий и армий, слава всего русского оружия еще не родилась на этих полях. Но слава солдата, солдатская слава, каждый день и каждую ночь рождается то здесь, то там, и мужество человека всегда остается мужеством и слава славой, как бы тяжело ни приходилось армии и народу».

В ходе оборонительных боев под Сталинградом, которые с каждым днем приобретали все более ожесточенный характер, Еременко пришлось мобилизовать все свое умение и искусство управления войсками, чтобы парировать удары противника. Немецкие войска, прорвавшись к Волге на северной окраине города, добились успеха и на юге. 13 сентября части вермахта вышли на берег Волги в районе балки Купоросной на стыке 62-й и 64-й армий. 62-я армия генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова была блокирована со всех сторон и прижата к Волге. 14 сентября немцы прорвались в центр города, завязались бои за железнодорожный вокзал «Сталинград-1», а в районе Центральной набережной захватчики вышли к Волге.

Ситуация складывалась критическая. Чтобы исправить положение, по решению Ставки ВГК в ночь на 15-е и на 16 сентября с левого берега Волги из района

Красная Слобода в Сталинград переправилась 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А. И. Родимцева. В 4.00 14 сентября Еременко отдал приказ: «Командарму 62-й приказать командиру 13 гв. сд в течение 14 сентября провести тщательную командирскую рекогносцировку своих районов. Командиру 13 гв. сд 14.09 к вечеру сосредоточиться у переправ, а к 7.00 15.09 занять оборонительную полосу.

Начальнику артиллерии фронта организовать постоянную поддержку артиллерией с восточного берега реки Волга, имея непосредственную связь взаимодействия со штабами 13 гв. сд и 10 сд НКВД.

Начальнику артиллерии фронта и начальнику корпусного района ПВО зенитными средствами прикрыть переправу 13 гв. сд в ночь с 14.09 на 15.09».

Переправа 13-й гвардейской дивизии проходила, несмотря на принятые меры, в очень тяжелых условиях, под непрерывным минометным и артиллерийским огнем противника. Высадившись на правый берег, дивизия сразу же вступила в бой. Особо отличились гвардейцы в боях за центр города, железнодорожный вокзал, площадь 9 января (ныне площадь Ленина), Мамаев курган. В 1.00 19 сентября Еременко докладывал в Ставку: «Противник, подтягивая силы, пытается закрепиться в захваченных районах города, оказывал упорное сопротивление нашим частям, неоднократно переходя в атаки. К исходу дня потеснил некоторые части центра 62-й армии. Атаки с юга — все отбиты. Решил:

1. С 19.00 19.09.1942 г. включить в состав 62-й армии 95 сд, переправив к 5.00 19.09.1942 г. не менее двух полков на западный берег реки Волга. Передать 422 сд (без одного полка) из 57-й армии в состав 64-й армии.

2. В целях содействия войскам Сталинградского фронта и очистки города от противника: а) силами трех стрелковых дивизий и одной танковой бригады 62-й

армии нанести удар из района высоты 102.0 в направлении северо-западной и западной окраины города Сталинград».

Вскоре основная тяжесть боев за высоту 102.0 (Мамаев курган) легла на 284-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Н. Ф. Батюка^[14]. За организованную им оборону кургана бойцы станут называть его «огнеупорным Батю ком», «душой обороны Мамаева кургана». В составе его дивизии было много сибиряков, которые хорошо владели оружием и обладали острым глазом охотника. Именно здесь родилась боевая слава снайперов В. Г. Зайцева, В. И. Медведева, Н. О. Куликова, Г. А. Авзалова и многих других.

Двадцать восьмого сентября 1942 года вышел приказ Ставки В ГК об образовании Сталинградского и Донского фронтов: «В связи с усложнившейся обстановкой под Сталинградом, большой протяженностью фронтов и с возросшим количеством армий в них, а также в целях удобства управления, Ставка ВГК приказывает:

1. Образовать в районе Сталинграда два самостоятельных фронта с непосредственным подчинением каждого из них Ставке ВГК — из состава Сталинградского фронта — Донской фронт, включив в него 63, 21, 4-ю танковую, 1-ю гвардейскую, 24 и 66-ю армии и из состава Юго-Восточного фронта — Сталинградский фронт, включив в него 62, 64, 57, 51 и 28-ю армии.

2. Назначить командующим Сталинградским фронтом генерал-полковника тов. Еременко.

3. Назначить командующим Донским фронтом генерал-лейтенанта Рокоссовского К. К., освободив его от должности командующего Брянским фронтом».

Анализируя сложившееся положение, командующий Сталинградским фронтом принял решение уделить

большее внимание инженерным укреплениям удерживаемых позиций, поскольку в условиях уличных боев их значение неизмеримо возрастает. С этой целью Еременко разработал ряд мер и приказал инженерным частям дооборудовать позиции, развивая их в глубину. Он потребовал оборудовать в качестве узлов сопротивления и опорных пунктов отдельные кварталы, перекрестки улиц и городские здания, а также обратить внимание на укрепление заводских районов Сталинграда. Еременко приказал командармам использовать инженерные войска исключительно по их прямому назначению и при смене частей обязательно сдавать и принимать позиции по актам с карточками каждого оборонительного сооружения или заграждения. Все это чрезвычайно затрудняло продвижение противника. В донесении Военного совета Сталинградского фронта в Ставку ВГК от 25 октября 1942 года отмечалось: «25.10.42 бой в районе заводов «Баррикады», «Красный Октябрь» и Купоросное, Зеленая Поляна отличался исключительной интенсивностью и напряжением с обеих сторон.

Противник, несмотря на сильное воздействие Донского фронта, с севера и 64-й армии с юга, не ослабил удары по району заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» и только благодаря исключительному упорству войск 62-й армии, организованного и массированного огня нашей артиллерии, реактивных снарядов и авиации наступавшему противнику в составе 305, 69, 94 пехотных дивизий, 100 легкопехотной дивизии и 14 танковой дивизии, поддержанному сильной группой авиации, сделавшей за день боя 1300 самолето-вылетов, ценой больших потерь удалось продвинуться между заводами «Баррикады» и «Красный Октябрь», всего на 200–300 метров.

По показаниям пленных, части 305 и 69 пехотных дивизий понесли тяжелые потери. В ротах этих дивизий осталось по 20–30 человек. 62-я армия, отражая яростные атаки противника на всем фронте, удерживает занимаемые позиции. Противнику отдельными группами удалось просочиться между заводами до ул. Трубная.

64-я армия — прочно обороняясь в центре и на левом фланге, в 9.00 перешла в наступление на фронте Купоросное, высота 145,5 и, несмотря на отчаянное сопротивление 29 моторизованной дивизии и 371 пехотной дивизии противника, благодаря хорошему действию артиллерии, реактивных снарядов, авиации и танков прорвала передний край обороны и к исходу дня продвинулась на полтора-два километра и вышла на фронт южной части Купоросное, роща «Сапог» с отметкой 43,8, роща «Топор» (южнее Зеленой Поляны), нанося большое поражение противнику. Потери и трофеи за день боя уточняются».

Тем временем интенсивность немецкого наступления возрастала. Гитлер требовал скорейшего овладения Сталинградом. Линия советской обороны хотя и медленно, но все же отодвигалась к заводам, положение становилось угрожающим. Требовалось срочно предпринимать неотложные меры. В этих условиях Еременко сосредоточился на разработке планов двух контрударов. Первый удар был нанесен силами 51-й армии (командующий генерал-майор Н. И. Труфанов^[15]) и 57-й армии (командующий генерал-майор Ф. И. Толбухин^[16]) в районе дефиле Цаца, Сарпа и Барманцак. Этот удар преследовал две цели — ослабить давление противника на наш фронт в самом городе, а также захватить стратегически важные плацдармы. План Еременко был успешно реализован: 4-я румынская дивизия полностью лишилась своей артиллерии, а общие потери 1-й и 4-й румынских пехотных дивизий убитыми превысили четыре тысячи человек, противник

потерял важный плацдарм на Сарпинских озерах. Саперно-инженерные войска фронта быстро установили минные поля и другие заграждения. В результате был создан второй плацдарм, сыгравший важную роль в историческом наступлении под Сталинградом.

Второй удар был нанесен на Садовое, в пятидесяти километрах южнее Сталинграда. Этот удар преследовал также две цели: прежде всего, ввести в заблуждение противника относительно планов советского командования, но, кроме того, ослабить атаки немцев на позиции 62-й и 64-й армий в Сталинграде. И вновь все поставленные задачи были выполнены, причем сравнительно небольшими силами — 302-й стрелковой дивизией полковника Е. Ф. Макарчука^[17], усиленной противотанковой артиллерией, танками и гвардейскими минометами. В результате была разгромлена достаточно сильная группировка румынских войск — 2-й артиллерийский, 21-й и 5-й пехотные полки, ликвидирован штаб последнего и убит его командир полковник Бутенеску, всего уничтожено до трех тысяч солдат противника. Такое ослабление вражеских позиций немецкое командование не могло оставить без внимания, и оно было вынуждено вывести из Сталинграда и перебросить сюда дополнительные части, в том числе сильную 14-ю танковую дивизию генерал-лейтенанта Ф. Хейма^[18]. Но самое главное — враг был дезориентирован в отношении дальнейших планов советского командования. В своих воспоминаниях Еременко очень тепло отзывался о Е. Ф. Макарчуке, которому было поручено руководство вторым контрударом. Талантливый и смелый командир Макарчук погиб 12 января 1943 года в районе хутора Хохлачев, близ поселка Зимовники Ростовской области: немецкий истребитель обстрелял автомобиль, в котором находился Макарчук, и тот был смертельно ранен.

В эти октябрьские дни ожесточенные бои разгорелись в северной части города — за заводы «Красный Октябрь», «Баррикады», Тракторный. Здесь насмерть стояли 37-я и 39-я гвардейские, 193, 138, 112, 308, 95-я стрелковые дивизии. Защитники Сталинграда, сражаясь на территории завода «Красный Октябрь», отстаивали каждый цех, каждый станок, каждый проход между цехами. Некоторые цеха по несколько раз переходили из рук в руки. Бои не затихали ни днем ни ночью. Немецкие войска двигались вперед лишь там, где перед ними не осталось в живых ни одного советского солдата. В конце октября противник овладел северо-западной частью завода «Красный Октябрь», однако ему так и не удалось взять под свой контроль всю территорию завода.

Начиная с 14 октября 6-я немецкая армия стала наращивать свои усилия по захвату Тракторного завода. На позиции 37-й, 39-й гвардейских и 95-й стрелковых дивизий обрушился град фугасных бомб и артиллерийских снарядов. Все вокруг пылало, люди сражались в облаках дыма и пыли. Видимость иногда не превышала десяти шагов. Но советские солдаты упорно держались, причем не ограничиваясь одной обороной: в отдельные дни происходило до восьми контратак. 18 октября после кровопролитных боев немцам все же удалось занять территорию Тракторного завода и выйти к Волге.

К середине ноября продвижение немецких войск на территории города было остановлено. 6-я армия Ф. Паулюса окончательно утратила инициативу и была вынуждена перейти к обороне.

Военное искусство Еременко вновь ярко проявилось при подготовке войск фронта к ноябрьскому контрнаступлению. Надо иметь в виду, что Донской и Юго-Западный фронты находились в более выгодном положении, чем Сталинградский, которому

одновременно приходилось отражать постоянные атаки немцев в сражающемся городе. Как и всегда, Еременко постоянно выезжал в районы, из которых по плану предполагалось нанесение главных ударов, чтобы лично оценить обстановку. Фронтом была успешно проведена оперативная маскировка, все переброски войск проводились исключительно ночью, любые передвижения прикрывались авиацией и зенитными частями. Для дезориентации противника все дивизионные радиостанции до конца сосредоточения дивизий в новых районах оставались на прежних местах и продолжали работать. Категорически была запрещена любая переписка, связанная с подготовкой контрнаступления, все распоряжения передавались только устно и лишь непосредственно исполнителям.

В южной части Сталинграда, в поселке Татьяна, 10 ноября на командном пункте 57-й армии (командующий генерал-майор Ф. И. Толбухин) состоялось совещание, на котором присутствовал заместитель Верховного главнокомандующего Г. К. Жуков. На этом совещании был отработан и утвержден план взаимодействия фронтов. Предстоящая операция получила название «Уран». Ее план предусматривал окружение группировки врага, сражавшейся в Сталинграде, силами трех фронтов: с севера предстояло наступать войскам Донского и вновь созданного Юго-Западного фронтов. Глубина их операции намечалась в 120 километров. С юга удар наносил Сталинградский фронт, соединения которого до встречи с войсками, идущими с севера, должны были пройти около 100 километров. На всю операцию по окружению отводилось трое-четверо суток. Войскам Сталинградского фронта предписывалось перейти в наступление 20 ноября. В соответствии с планом Ставки его ударным группировкам предстояло нанести два удара: на правом фланге силами 57-й и 64-й армий и на левом фланге — 51-й армии.

Рано утром 20 ноября над позициями навис туман. В районе дефиле Сарпинских озер, в зарослях камыша стояли замаскированные, готовые к бою советские стрелковые и бронетанковые части. Впереди по линии Красноармейск — Тундутово поднималась гряда небольших высот, по гребню которых проходил передний край обороны противника. В 8.00 должна была начаться артиллерийская подготовка, но туман еще более сгустился, начал падать снег.

Перед выездом на передовой наблюдательный пункт 57-й армии Еременко запросили по ВЧ из Москвы: «Ставка беспокоится, начнете ли вы вовремя?» Он ответил, что все готово и наступление начнется точно в указанное время. Но оказалось, что выполнить свое обещание комфронта не может. И тогда командующий Еременко взял на себя смелость перенести начало артподготовки на один час, а затем еще на час. Наконец туман стал редеть. Андрей Иванович вспоминал: «Первыми заиграли «катюши», за ними начали свою шумную работу артиллерия и минометы. Трудно передать словами те чувства, которые испытываешь, вслушиваясь в многоголосый хор артиллерийской канонады, но главное в них — это гордость за мощь родной страны и вера в победу. Еще вчера мы, крепко стиснув зубы, говорили себе: «Ни шагу назад!», а сегодня Родина приказала нам идти вперед. Свершилось то, о чем так долго мечтали сталинградцы. Наступление! Казалось, нет ничего более отрадного для тех, кто познал горечь отхода и кровавый труд многих месяцев обороны».

Особое внимание Еременко уделил подвижным частям и соединениям, поскольку именно они должны были сыграть решающую роль в наступлении и в окружении группировки противника. Случилось так, что 4-й механизированный корпус задержался в районе Зеты. Командующий фронтом, почувствовав в этом

неуверенность командира корпуса В. Т. Вольского^[19], отправил ему утром 22 ноября самолетом записку, в которой подбодрил его и потребовал ускорить движение, чтобы не позднее 12 часов выйти на рубеж Советский — Карповка. Приказ Еременко был выполнен.

Двадцать третьего ноября 1942 года войска Сталинградского и Юго-Западного фронтов соединились у поселка Советский, в 18 километрах от населенного пункта Калач-на-Дону. В результате хорошо спланированных и успешно проведенных действий наших войск была окружена вражеская группировка общей численностью 330 тысяч человек — 22 дивизии и 160 отдельных частей: вся 6-я полевая и часть сил 4-й танковой армии Г. Гота^[20]. 24 ноября Еременко издал «Приказ командующего войсками Сталинградского фронта командующему 51-й армией о создании группировки с целью не допустить подхода резервов противника для деблокирования его группировки под Сталинградом». Этот приказ сыграл огромную роль, так как именно этой группировке впоследствии предстояло отбивать основной удар немецкой группы армий «Дон».

Теперь основной задачей, поставленной перед войсками Сталинградского фронта, стало постепенное сжатие кольца окружения. В этот период снабжение наших войск серьезно затруднял ледоход на Волге, но и у окруженного противника также возникли трудности со снабжением. Существенный вклад в ухудшение положения немецкой группировки внесла организация воздушной блокады. Для этого Еременко перебазировал 235-ю истребительную авиационную дивизию на полевые аэродромы южнее Сталинграда. На участке фронта по линии Котельниково — Цимлянское были размещены разведчики-наблюдатели, имевшие при себе радиостанции. Между авиаполками и с командным пунктом фронта была налажена проводная и радиосвязь. На маршрутах полетов немецкой авиации

были сосредоточены основные силы зенитной артиллерии. Здесь же, южнее Сталинграда, разместился передовой командный пункт фронта. Такая система воздушной блокады позволила вести успешную борьбу с авиацией противника. Об этой небольшой, но очень важной победе было доложено Сталину, который по ВЧ лично поблагодарил Андрея Ивановича и приказал ему поговорить с пленными немецкими летчиками, чтобы переправить их в «котел» и передать Паулюсу предложения о капитуляции. Еременко вспоминал: «Как только привезли первую партию летчиков, я приказал накрыть стол и начал беседовать с ними. Задавал различные вопросы, и летчики отвечали на них более или менее правдиво. В конце разговора я сообщил им, что мы переправим их в «котел» к Паулюсу. Они должны передать предложения о капитуляции, сообщив, что командующий Сталинградским фронтом гарантирует жизнь, если предложение будет принято. У них возник конфликт: одна часть соглашалась с нашим предложением, но большинство было другого мнения. Наконец, один из них попросил разрешения задать мне вопрос: «Господин генерал, как бы вы отнеслись к такому предложению, если бы к вам явился русский офицер из немецкого плена и предложил, чтобы ваши войска капитулировали? Что бы вы ему на это ответили?» Наша беседа была завершена».

После окружения Сталинградской группировки основные усилия Еременко направил на ее скорейшую ликвидацию. Однако, несмотря на активные действия и ожесточенные бои, 57-й и 51-й армиям продвинуться вперед не удалось. Проанализировав сложившуюся ситуацию, командующий издал директиву, в которой отметил, что неуспех наступления вызван плохой организацией артподготовки, в частности, недостаточным использованием минометов, а также неудовлетворительным взаимодействием соединений в

ходе боевых действий. 1 декабря войска Сталинградского фронта во взаимодействии с Донским фронтом нанесли главный удар в направлении Ворононово — Алексеевка. Противник оказал упорное сопротивление, а временами даже переходил к активным действиям. 12 декабря немцы предприняли попытку серьезного контрнаступления из района Котельниково, однако Еременко проявил большую оперативность и, умело руководя действиями своих войск, сорвал ее.

Тем временем немецкое Верховное командование начало подготовку операции по спасению окруженных под Сталинградом войск ударом извне. В спешном порядке была сформирована группа армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна^[21] (30 дивизий, в том числе 7 танковых и моторизованных). Манштейн решил создать две ударные группировки: одну в районе Котельниково (армейская группа «Гот»), другую — в районе Тормосино (оперативная группа «Холлидт»). Он заверил А. Гитлера, что одновременным ударом на двух направлениях его войска прорвут линию советских войск и деблокируют немецкие войска в Сталинграде. По немецкому плану советские войска должны были оказаться «между молотом и наковальней». И вновь на самом ответственном и тяжелом участке Сталинградской битвы оказываются генерал-полковник Еременко и его бойцы и командиры. Для руководства войсками, на которые была возложена задача отразить контрудар противника, была сформирована оперативная группа во главе с заместителем командующего Сталинградским фронтом генерал-майором Г. Ф. Захаровым. К району боевых действий были подтянуты резервы, нацелена авиация. Группу армий «Дон» необходимо было остановить, причем сделать это так, чтобы у окруженных не возникло надежды на спасение и мысли

о нанесении удара с внутреннего фронта кольца навстречу Манштейну. Поставленную задачу должны были выполнить 5-я ударная генерал-майора М. М. Попова^[22] и 51-я — генерал-майора Н. И. Труфанова — армии. Наступавшие немецкие войска превосходили советские в живой силе — в два раза, в танках — более чем в шесть раз. В ходе кровопролитных боев 51-я армия, в полосе обороны которой сложилась наиболее тревожная обстановка, отошла на оборонительный рубеж по реке Аксай. Возникла реальная опасность прорыва немецкими войсками внешнего фронта окружения.

Противник стремился развить успех в районе хутора Верхне-Кумский, поскольку именно здесь проходили наиболее удобные дороги на Сталинград. На этом участке исключительно умело действовал 1378-й стрелковый полк 87-й стрелковой дивизии под командованием подполковника М. С. Диасамидзе^[23]. Бойцы полка в течение пяти суток отбивали атаки противника, обладавшего многократным превосходством в силах, уничтожили до двух батальонов пехоты и сорок танков. В критические минуты боя командир лично водил бойцов в атаку, был дважды ранен, сражался в окружении на КП полка, воины которого стойко удерживали занятый рубеж.

В боях в районе Верхне-Кумского отличились также танкисты 55-го отдельного танкового полка подполковника А. А. Асланова^[24]. Его полк, ведя бои на донских рубежах, уничтожил 30 танков и 50 автомашин противника, а также до двух рот пехоты. Сам Асланов дважды горел в танке.

Тяжелые бои развернулись в районе села Громославка и хутора Нижне-Кумского. Противник, прорвав линию обороны наших войск, к концу дня 19 декабря вышел к реке Мышкова. Советские воины стояли насмерть, отбивая многочисленные атаки

вражеских танков и пехоты. К исходу 22 декабря наступление Манштейна захлебнулось, а на следующий день войска ударных группировок перешли к обороне. Больше никаких надежд на спасение у Сталинградской группировки Паулюса уже не осталось.

В оборонительных боях советские войска, прежде всего части 51-й армии, в междуречье Аксай — Мышкова ценой невероятных усилий и жертв сорвали замысел противника прорваться к Сталинграду, выиграли драгоценное время для подхода свежих резервов. Успешное наступление войск Юго-Западного фронта и упорная оборона Сталинградского фронта на реке Мышкова привели к тому, что вермахт прекратил дальнейшие попытки прорваться к окруженной группировке. Сопротивление немцев было сломлено, и он начал отходить на юг.

Утром 24 декабря только что подтянувшаяся полностью укомплектованная и хорошо оснащенная 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского^[25] и 51-я армия генерал-майора Н. И. Труфанова перешли в наступление, которое ознаменовалось новым крупным успехом. 29 декабря наступающие части 7-го танкового корпуса овладели городом Котельниково, а 31 декабря 2-й гвардейский механизированный корпус освободил Тормосино. Новый, 1943 год командиры этих соединений и частей встречали вместе со штабом фронта в Котельниково.

Войска Сталинградского фронта выполнили возложенную на них задачу, разгромив ударную группировку Э. фон Манштейна. Когда спустя много лет после войны Андрей Иванович ознакомился с воспоминаниями фельдмаршала, его слова о событиях тех дней сильно задела Еременко. В своих мемуарах он ответил немецкому военачальнику: «...Стремление Манштейна доказать, что сопротивление окруженных на всем протяжении их борьбы и сама их гибель имели

смысл... является не чем иным, как попыткой обелить себя в глазах немецкого народа... Бессмысленная гибель более 200 тысяч солдат и пленение 90 тысяч других, доведенных до крайней степени истощения, долго не изгладятся из памяти немецкого народа. Вдовы и сироты погибших не простят этого Гитлеру и его ближайшим соучастникам. Поэтому-то так и изворачивается Манштейн, пытаясь отвести от себя гнев народа. Несомненно, что действия Гитлера и его подручного — Манштейна, заставивших людей драться до последнего, были проявлением бессмысленной жестокости. В бессильной ярости они стремились до последней возможности всеми способами ввести своих солдат в заблуждение: широко распространялись сведения о приближающейся помощи, различные фальшивки об ужасах большевистского плена... Однако действительные настроения окруженных были уже таковы, что подобная агитация не достигала своих целей. И гитлеровские генералы стали прибегать к иным действиям. Весьма красноречив в этом отношении приказ командира 376-й германской пехотной дивизии от 6 декабря 1942 года за № 1027: «Мне сообщают, что в подчиненных вам частях советская листовка, озаглавленная «К окруженным под Сталинградом немецким частям», подписанная командующим Сталинградским фронтом генерал-полковником Еременко и командующим Донским фронтом генерал-лейтенантом Рокоссовским, вызвала у солдат и офицеров склонность к капитуляции, поскольку создавшееся положение расценивается как безнадежное. Далее до меня дошли слухи о случаях отказа повиноваться командирам во время атак, о переходе солдат на сторону врага, особенно группами, об открытом выступлении солдат за прекращение борьбы и сдачу в плен.

Приказываю всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами, включая показательные расстрелы, прекратить всякое упоминание о капитуляции со стороны солдат и офицеров. Всем офицерам и солдатам надлежит еще раз указать на необходимость безусловного выполнения приказа фюрера о том, что немецкий солдат должен погибнуть, если он сдал пост. Все части до последнего человека должны быть введены в бой. Генерал Даниэльс^[26]». Так и через многие годы после войны продолжалось противостояние двух полководцев — победителя и побежденного, мысли и сердца которых остались в Сталинграде.

Остатки понесшей огромные потери группы армий «Дон» под совместными ударами Сталинградского и Юго-Западного фронтов были отброшены на 200–250 километров от Сталинграда. Вермахту так и не удалось деблокировать окруженную в Сталинграде группировку.

Как известно, ликвидация окруженной группировки противника была возложена на войска Донского фронта генерал-полковника К. К. Рокоссовского. В соответствии с директивой Ставки ВГК № 170720 от 30 декабря 1942 года с 1 января 1943 года в состав Донского фронта из Сталинградского передавались 57, 62 и 64-я армии. Вскоре вместо Сталинградского фронта, просуществовавшего около полугода, был создан Южный фронт, возглавить который было поручено генерал-полковнику А. И. Еременко. Он получил под свое командование 2-ю гвардейскую, 28-ю и 51-ю армии.

Решение о новых задачах фронтов, участвовавших в Сталинградской битве, их переименовании и перегруппировке сил было принято Государственным Комитетом Обороны (ГКО) в конце декабря 1942 года. Об этом в своих воспоминаниях написал маршал Советского Союза Г. К. Жуков:

«Верховный предложил:

— Руководство по разгрому окруженного противника нужно передать в руки одного человека... Какому командующему поручим окончательную ликвидацию противника?

Кто-то предложил передать все войска в подчинение К. К. Рокоссовскому.

— А вы что молчите? — обратился Верховный ко мне.

— На мой взгляд, оба командующих достойны, — ответил я. — Еременко будет, конечно, обижен, если передать войска Сталинградского фронта под командование Рокоссовского.

— Сейчас не время обижаться, — отрезал И. В. Сталин и приказал мне:

— Позвоните Еременко и объявите ему решение Государственного Комитета Оборона.

В тот же вечер я позвонил А. И. Еременко по ВЧ и сказал:

— Андрей Иванович, ГКО решил окончательную ликвидацию сталинградской группировки противника поручить Рокоссовскому, для чего 57, 64 и 62-ю армии Сталинградского фронта вам следует передать в состав Донского фронта.

— Чем это вызвано? — спросил А. И. Еременко.

Я разъяснил ему, чем вызвано такое решение.

Все это, видимо, расстроило Андрея Ивановича...»

Несомненно, новость, полученная Еременко от Жукова, оказалась для Андрея Ивановича совершенно неожиданной и вызвала у него, как и предполагал Жуков, обиду и непонимание. В сложившейся ситуации подобную реакцию можно было ожидать от любого военачальника. Но в данном случае она усугублялась тем, что Сталинградский фронт, которым руководил Еременко, вынес не себе основную тяжесть борьбы за город. Важная роль Донского фронта в Сталинградской битве, безусловно, не подлежит сомнению, однако повод для раздражения у Еременко имелся.

О том, насколько глубоко Андрей Иванович был взволнован принятым ГКО решением, свидетельствует тот факт, что он попытался лично переговорить об этом со Сталиным, однако такой разговор не состоялся, так как Верховный отдал распоряжение, чтобы по этим вопросам все переговоры велись только с Жуковым. Более того, как вспоминает Жуков, узнав о подробностях его разговора с Еременко, Сталин отругал его и приказал немедленно передать директиву Ставки командующим фронтами.

Очевидно, что день, когда Еременко получил директиву Ставки, а также какое-то время после этого стали непростым периодом в биографии полководца. Но приказ командования есть приказ, и вскоре все внимание Андрея Ивановича было полностью сосредоточено на выполнении боевых задач Южного фронта. Лишь один раз в своем дневнике Еременко вернулся к этой теме, сделав в августе 1943 года после своей встречи со Сталиным уже на Калининском фронте такую запись: «Сталин пристально посмотрел на меня и сказал: «Вы, по-видимому, до сих пор обижаетесь на меня за то, что я не принял вашего предложения на последнем этапе Сталинградской битвы о том, кто же должен доколачивать Паулюса. Обижаться не следует. Мы знаем, знает весь наш народ, что в Сталинградской битве вы командовали двумя фронтами и сыграли главную роль в разгроме фашистской группировки под Сталинградом, а кто доколачивал привязанного зайца — это уже особой роли не играет. Я, конечно, давал директивы, но вы же непосредственно там командовали и руководили этой битвой».

Но, прежде чем Сталинградский фронт в связи со стратегическими приоритетами прекратил свое существование, Еременко 31 декабря 1942 года направил итоговое боевое донесение Верховному

главнокомандующему с оценкой действий войск в ходе оборонительной и наступательной операций:

«Доношу, что Сталинградское сражение резко делится на два этапа:

1-й этап: оборона города Сталинграда в течение трех месяцев с 5.8. по 20.11.1942 г. Противник в этот период сосредоточил превосходящие силы из отборных войск — пехоты, мотопехоты, танковых частей и авиации, в течение трех месяцев вел непрерывные атаки, стремился уничтожить 62-ю и 64-ю армии и овладеть Сталинградом.

Бои носили исключительно ожесточенный характер. Авиация противника с ранней зари до позднего вечера бомбила наши боевые порядки. 1000-1500 самолетовылетов в день — это считалось рядовым днем. Были отдельные дни, когда противник производил по 2000-2500 самолетовых атак. За это время противник произвел 100 000 самолетовых атак, сбросил не менее одного миллиона бомб разного калибра.

Кроме того, за этот же период на направлении главного удара минометные и артиллерийские части противника, по далеко не полным данным, выпустили по нашим боевым порядкам 900 000 снарядов и мин (не считая огня танковой и мелкокалиберной артиллерии). В общей сложности противник выбросил на каждый километр фронта 76 000 снарядов и бомб.

Несмотря на то, что противник применял массированные удары авиации, танков и артиллерии, войска Сталинградского фронта, поддержанные материально и морально всем народом нашей страны, непосредственно под Вашим руководством и при огромной Вашей помощи отбили все бешеные атаки врага (а таких атак за указанный период было 700), и не только отбили атаки, но и нанесли крупнейшее поражение превосходящим силам врага, сорвали все его планы и сроки по захвату Сталинграда и задержали [его

у стен города] на 4 месяца. При этом убито 182 810 человек, а ранено в два-три раза больше, уничтожено танков — 1548, пулеметов — 4017, минометов — 1075, орудий — 1024, самолетов — 1337. Таков далеко не полный итог первого этапа сражения.

2-й этап Сталинградского сражения [охватывает] период 20.11.1942 — 31.12.1942 — прорыв фронта [обороны], наступление, окружение [сталинградской] и разгром котельниковской группировок противника.

В результате прорыва обороны противника 20.11.1942 южнее Сталинграда [силами Сталинградского фронта] и развития успеха во взаимодействии с другими войсками сталинградская группировка противника — свыше двадцати пехотных и танковых дивизий — оказалась полностью окруженной, а подходящая на выручку южная группировка противника разгромлена и отброшена за реку Сал от 210 км. В ходе своего наступления почти полностью уничтожены 1, 2, 4, 18, 20 п.д., 5 и 8 к.д. (румын.), 17 и 21 немецкие танковые дивизии, нанесены значительные потери 29 п.д., 6 т. д. и другим частям.

Захвачено: пленных 17 600 человек, танков — 457, самолетов — 92, пулеметов — 1541, минометов — 11 005, тракторов — 137, лошадей — 5205, снарядов — 983 201, мин — 353 680, гранат — 15 800, патронов — 9 492 330, большое количество имущества связи и колоссальное количество авиабомб, а также большое количество складов с различным имуществом, много скота и др. Уничтожено: солдат и офицеров — 87 658 человек, танков — 1062, самолетов — 580, пулеметов — 2002, орудий — 1002, минометов — 330, автомашин — 2417, складов с боеприпасами — 38, складов с горючим — 2. Таков итог второго этапа Сталинградского сражения.

Итого за 5 месяцев существования Сталинградского фронта только уничтожено, не считая захваченных трофеев, в процессе наступления:

офицеров и солдат убито — 270 468 человек, раненых в два-три раза больше, танков — 2610, орудий — 2026, минометов — 1341, пулеметов — 6019, самолетов — 1917. Вот таков итог Сталинградского сражения. Эти цифры показывают исключительную напряженность боев, героизм войск Сталинградского фронта и колоссальные потери врага. Фашисты свернули себе шею под Сталинградом, они потеряли здесь стратегическое положение.

В боях за Сталинград особо отличились на первом этапе сражения 62-я и 64-я армии, а войска их показали невиданное упорство в борьбе и преданность нашей родине. Эти армии заслуживают награждения орденами, преобразования их в гвардейские и присвоение им наименований «Сталинградских», сохранив их номера. А их командующие генерал-лейтенант Чуйков и генерал-майор Шумилов достойны присвоения звания «Герой Советского Союза». Еременко. Хрущев^[27]. Варенников^[28]».

В своих воспоминаниях Еременко остановился еще на одном, очень ярком событии, в котором ему участвовать не довелось, но оно оставило сильные впечатления — Митинге Победителей. Вот они: «Сталинград праздновал свои первые мирные дни, широко отмечая великую победу. Военный совет Южного, бывшего Сталинградского, фронта был приглашен на эти дни в Сталинград. Я, к глубокому сожалению, по состоянию здоровья поехать туда не смог.

В Сталинграде на многолюдном митинге Никита Сергеевич от имени командования фронта горячо поздравил сталинградцев — военных и гражданских — с большой исторической победой.

Вечером же за скромным ужином, который устроили городские власти, генерал Шумилов — командующий 64-й армией, части которой пленили фельдмаршала

Паулюса и его штаб, передал личное оружие командующего 6-й германской армией Никите Сергеевичу, сопроводив эту передачу такими словами:

«Оружие побежденного фельдмаршала должно находиться у командования Сталинградского фронта, вынесшего на своих плечах всю тяжесть обороны и принявшего самое активное участие в контрнаступлении под Сталинградом».

Вернувшись на командный пункт фронта, Никита Сергеевич пришел ко мне. Измученный непрекращавшимися болями в ноге, я лежал. Товарищ Хрущев подробно рассказал мне о своих впечатлениях от поездки. Закончив свой рассказ, он передал мне небольшой вороненый револьвер:

— Это личное оружие генерал-фельдмаршала Паулюса. Командование 64-й армии передало его нам, как командованию бывшего Сталинградского фронта. Считаю, что это оружие по праву принадлежит тебе, Андрей Иванович.

На мое возражение, что оружие принадлежит нам обоим, Никита Сергеевич безапелляционно заявил:

— Бери, оружие принадлежит тебе — командующему Сталинградским фронтом.

С благодарностью я принял пистолет как память о незабываемых днях великой битвы». В настоящее время это оружие хранится в Центральном музее Вооруженных сил Российской Федерации.

Андрея Ивановича Еременко офицеры и рядовые, служившие под его началом, характеризовали как человека с настойчивым характером, сильного и думающего полководца. За победу в Сталинградском сражении А. И. Еременко, наряду с заместителем Верховного главнокомандующего Г. К. Жуковым, начальником Генерального штаба РККА А. М. Василевским, начальником артиллерии РККА Н. Н. Вороновым, командующим Юго-Западным фронтом

Н. Ф. Ватутиным, командующим Донским фронтом К. К. Рокоссовским, 23 января 1943 года был награжден орденом Суворова 1-й степени, а также медалью «За оборону Сталинграда».

* * *

Главной задачей, поставленной Ставкой перед Южным фронтом, которым теперь командовал Еременко, стал разгром войск противника в нижнем течении Дона. В случае успеха советским войскам удалось бы отрезать от главных сил группировку немецких войск, действовавшую на Северном Кавказе.

В первой половине января 1943 года в донских степях развернулись тяжелейшие кровопролитные бои. Обе стороны пытались добиться стратегического успеха. Южный фронт, наступая на Ростов, должен был овладеть городом. Немецкое командование бросило все силы на то, чтобы стабилизировать фронт и удержать главную транспортную артерию — дорогу Тихорецк — Ростов.

Во время заключительного периода Сталинградской битвы Еременко передвигался с трудом. В эти дни прежнее ранение стало мучить его еще больше, и он временами лежал на кровати ничком, прислушиваясь то к утихающей, то внезапно нарастающей боли. Но и тогда он ни на минуту не выпускал из своих рук управление вверенными ему войсками: рядом с кроватью на табуретке стоял телефон, по которому комфронта полулежа отдавал приказания командующим армиями, начальникам отделов штаба... Все это время за ним ухаживала, лечила его лейтенант медицинской службы Нина Гриб. Романтическая фронтовая история влюбленности молодой красивой девушки в боевого

генерала переросла в большую любовь. Впоследствии Нина Ивановна станет женой Андрея Ивановича.

В январе 1943 года здоровье Еременко резко ухудшилось, но об этом мало кто знал. Еременко всеми силами старался, чтобы о его состоянии не узнал Сталин, и скрывал его даже от доверенных офицеров штаба. Хрущев, случайно став свидетелем острых приступов у Андрея Ивановича, доложил в Ставку. Было принято решение направить командующего фронтом на лечение в Цхалтубо. Переправляли генерала в лежащем положении на специально оборудованном легковом автомобиле. Ехать предстояло через Зимовники, Моздок, Орджоникидзе, по Военно-Грузинской дороге.

После напряженных дней под Сталинградом и на Южном фронте он никак не мог примириться с вынужденным покоем. Следил за тем, как, развивая общее наступление, войска Южного фронта 7 февраля 1943 года взяли город Батайск, а 14 февраля овладели Ростовом-на-Дону.

Отдыхая в Грузии, Еременко решил с пользой использовать появившееся у него свободное время и описать события недавних дней. Героизм защитников Сталинграда вдохновил его на стихотворную форму изложения, за 40 дней он создал поэму о Сталинграде. В своем обращении к читателям генерал написал: «После такого напряжения требовалась психологическая разрядка, у меня появилось непреодолимое желание изложить на бумаге то, что было пережито, рассказать о подвиге, совершенном нашим народом в Сталинграде. Вся грандиозная битва, казалось мне, стояла перед моим мысленным взором, подвиг наших людей воодушевил меня настолько, что я невольно стал писать о ней стихами». Поэма была подписана — «Генерал Иванов» (условная фамилия командующего Сталинградским фронтом в шифрованных донесениях Ставки). При жизни

Андрея Ивановича поэма так нигде и не была опубликована.

В Цхалтубо ежедневно, слушая и читая сообщения Совинформбюро, Еременко мысленно переносился на фронт. Радио, газеты будили воспоминания о боевых товарищах. Генерал все острее чувствовал желание быть рядом с ними, делить все тяготы и напряжение фронтовых будней. Но лишь в апреле он научился ходить без костылей. Лечение шло успешно, у Еременко зажили практически все раны, и 7 апреля 1943 года он наконец смог выехать в Москву.

В столице генерал был вызван к Верховному главнокомандующему. Сталин сообщил ему о новом назначении: на этот раз командующим Калининским фронтом. Зайдя в Генеральный штаб, Еременко ознакомился с боевой обстановкой. Войска Калининского фронта подошли к Среднерусской возвышенности, к Бельско-Духовщинской гряде Валдая. Природный рубеж как нельзя лучше подходил для создания оборонительной линии, чем и воспользовался противник, развернув сильную оборону, опирающуюся на природные объекты — болота, озера, леса. Всю зиму 1942/43 года вплоть до апреля войска фронта вели бои местного значения. Соседом справа был Северо-Западный фронт (командующий генерал-полковник И. С. Конев), а слева — Западный (командующий генерал-полковник В. Д. Соколовский). Перед Калининским фронтом оборону держали войска 3-й танковой армии генерал-полковника Г.-Г. Рейнгардта и часть сил XXVII армейского корпуса 4-й армии.

Путь к немецкой линии обороны был крайне сложным. Он проходил по земле, лишь недавно освобожденной от захватчиков: через Клин, Калинин, Ржев на Торопец. Командный пункт фронта располагался в 35 километрах западнее Торопца. Дорога, по которой Андрей Иванович ехал к месту

нового назначения, была ему хорошо знакома. Зимой 1941/42 года 4-я ударная армия вела здесь тяжелые бои. Это были места, опаленные войной: разрушенные города, сожженные деревни и села, и везде — братские могилы воинов.

Беглое знакомство с обстановкой на фронте показало, что необходимо немедленно решить четыре важнейшие задачи: как можно быстрее наладить снабжение войск, укрепить в инженерном отношении занимаемые позиции, привести в порядок дороги и развернуть боевую подготовку войск. Постепенно на всех участках фронта была укреплена оборона, проведен ряд успешных операций. Задачей фронта на первом этапе летней кампании 1943 года являлось обеспечение фланга наших войск и сковывание противника. Войска фронта должны были постоянно оттягивать на себя силы немцев, лишая командование противника маневра.

Гитлер готовился взять «реванш за Сталинград» на Курской дуге. Этот план был своевременно разгадан советским командованием, и в район Курска, Орла, Белгорода были направлены главные силы Красной армии. Чтобы обеспечить успех Красной армии под Курском, нельзя было давать вермахту передышки на других участках фронта, особенно в самом центре, в районе Духовщины и Смоленска. Калининскому фронту предстояло решать важнейшие оперативные задачи. Фронт располагался на одном из главных стратегических направлений — в междуречье Западной Двины и Днепра, вошедшем в героическую историю нашей страны под названием «Смоленские ворота». К середине июля 1943 года, то есть к началу подготовки Смоленской наступательной операции, войска Калининского фронта обороняли рубеж Жары (30 километров севернее Великих Лук) — восточнее Новосокольников — Усвяты — Велиж — Рядыни, общей

протяженностью 340 километров. Занимавшие позиции напротив немецкие войска ожидали наступления советских войск на Смоленском и Рославльском направлениях и продолжали укреплять свои оборонительные рубежи.

Соединения Калининского и Западного фронтов, несмотря на хорошо подготовленную немецкую оборону, наносили столь сильные и болезненные удары, что немецкое командование не только не сумело снять с этого направления войска в помощь тем, что находились в районе Орла и Белгорода, а, наоборот, было вынуждено перебросить с Курского направления на центральный участок до десяти дивизий.

В ходе инспектирования воинских частей Еременко выявил недостатки в обеспечении подразделений боеприпасами и обмундированием. Эти недочеты в ряде случаев зависели не только от объективных причин, но и от старшин рот, от того, каким было их отношение к своим непосредственным обязанностям. Андрей Иванович разработал ряд мероприятий по улучшению снабжения соединений фронта. Он пришел к выводу, что для улучшения подвоза грузов крайне необходима железнодорожная ветка протяженностью примерно 120 километров (от станции Старая Торопа в направлении на Велиж), которая значительно сократила бы сроки снабжения трех армий всем необходимым. Еременко принял решение строить железную дорогу силами фронта, который при этом не прекращал вести боевые действия. В Наркомате путей сообщения никак не могли поверить, что военные строители могут построить дорогу без привлечения их специалистов, поэтому прислали своих представителей, чтобы ее опробовать, перед тем как разрешить движение. В дальнейшем эта железнодорожная ветка сыграла важную роль в осуществлении всех операций Калининского фронта.

В начале августа 1943 года возглавляемый Еременко фронт был усилен 3-м гвардейским кавалерийским корпусом. Теперь общая численность войск фронта составляла около полумиллиона человек.

Неожиданно для командования фронта Сталин сообщил по ВЧ о своем намерении приехать 5 августа на Калининский фронт, назначив местом встречи село Хороше-во под Ржевом. Во время встречи с Верховным Еременко доложил ему план Духовщинско-Смоленской наступательной операции, который Сталин одобрил. Как уже отмечалось, это был единственный за всю войну выезд Сталина на фронт для встречи с командующим.

Одиннадцатого августа 1943 года Еременко провел совещание с командным составом 39-й и 43-й армий, на котором был подробно рассмотрен план предстоящей операции по этапам и по задачам. Еременко отдал следующий приказ: «Верховное главнокомандование поставило перед войсками Калининского фронта задачу: во взаимодействии с правым крылом Западного фронта разгромить Духовщино-Ярцевскую группировку противника, имея в виду дальнейший выход на р. Днепр с захватом г. Смоленск. Подготовка войск к этой операции закончена. Приказываю командующему 39-й армии генерал-лейтенанту А. И. Зыгину и командующему 43-й армии генерал-лейтенанту К. Д. Голубеву с утра 13.08.43 г. перейти в решительное наступление».

Вскоре после начала наступления, 17 и 18 августа, противник контратаковал наши войска. Испытывавшая нехватку боеприпасов 39-я армия не могла обеспечить необходимую плотность огня при прорыве немецкой обороны. Возникла угроза срыва сроков наступления наших войск. На командный пункт фронта, который находился на направлении главного удара 39-й армии, 26 августа прибыли представители Ставки — командующий артиллерией РККА маршал артиллерии

Н. Н. Воронов и командующий ВВС РККА маршал авиации А. А. Новиков — для координации взаимодействия Калининского и Западного фронтов. А. А. Новиков занимался также вопросами усиления 3-й воздушной армии фронта — в ее состав были переданы две новые авиадивизии. За действиями фронта внимательно следил и Сталин, который в телефонном разговоре с Еременко 22 августа сообщил ему о передаче Калининскому фронту 31-й армии из состава Западного фронта. 27 августа 1943 года А. И. Еременко было присвоено звание генерала армии.

В последние дни августа Калининский фронт продолжил наступление, но сопротивление противника становилось все более ожесточенным. На Духовщинское направление гитлеровцы перебросили новые резервы. В создавшейся оперативной обстановке Еременко решил перенести направление главного удара с выходом во фланги и в тыл Духовщинскому оборонительному району и овладеть городом Духовщина с запада и северо-запада. Противник приспособил к обороне городские толстостенные старые кирпичные здания, в то же время немцы боялись, что советские войска перережут важную дорогу, соединяющую Духовщину с Ярцевом и с Демидовой, и сосредоточили на этом направлении десятки артиллерийских батарей, а также свои основные силы.

Рано утром 19 сентября 1943 года в результате комбинированного удара с севера и юга войска Калининского фронта штурмом овладели важнейшим опорным пунктом немецкой обороны — городом Духовщина. Вечером 19 сентября Москва салютовала доблестным войскам Калининского фронта. 21 сентября фронт Еременко освободил город Демидов, 29 сентября — Рудню. За умелые боевые действия в Духовщинско-Демидовской операции войскам фронта была объявлена благодарность Верховного главнокомандующего.

Первый этап Духовщинско-Смоленской операции был выполнен. Как вспоминал Еременко: «Более года укреплял противник свои позиции. Но войска нашего фронта в упорных боях проломили оборону противника.

Успех Духовщинской операции позволил нам открыть так называемые Смоленские ворота.

Вслед за Духовщинской была проведена Невельская операция, которая буквально ошеломила противника. Прорвав оборону, которая совершенствовалась и укреплялась в течение двух лет, за один день с боями наши войска прошли по сплошным заграждениям 40 километров и овладели важным опорным пунктом — городом Невель.

Успехи войск Калининского фронта имели важнейшие стратегические последствия и в значительной мере предопределили успех Ленинградского и Западного фронтов, намного облегчая их действия.

За успешное проведение Духовщинской операции я был награжден орденом Кутузова 1-й степени».

Двадцать третьего сентября советские войска перерезали железнодорожную и шоссейную дороги Смоленск — Рославль и полудугой охватили вражескую группировку в районе Смоленска. Развивая наступление, войска Калининского фронта освободили Смоленск, Невель, Рославль и вышли на оперативный простор: дорога в Прибалтику и Восточную Пруссию была открыта. Всего Калининский и Западный фронты сковали около 55 дивизий противника, чем способствовали успешному завершению контрнаступления Красной армии на Курской дуге.

В этой операции Еременко еще раз продемонстрировал свое умение малыми силами добиваться больших результатов. Позже ему удалось это и в Крыму, где Отдельная Приморская армия под его командованием совместно с 4-м Украинским фронтом во

взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией провела Крымскую операцию.

* * *

Одиннадцатого февраля 1944 года решением Ставки генерал армии Еременко был назначен командующим Отдельной Приморской армией. Это не было понижением, а, наоборот, очень ответственным назначением. Штаб армии располагался в станице Ахтанизовская Краснодарского края. Здесь произошла встреча Еременко с представителем Ставки маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым, прибывшим сюда несколько ранее, а также бывшим командующим этой армией генерал-полковником И. Е. Петровым и начальником штаба армии генерал-майором П. М. Котовым-Легоньковым. Нового командующего ознакомили с расписанием войск и положением на фронте. В состав армии входили: 3-й горнострелковый, 11-й гвардейский стрелковый, 16-й и 20-й стрелковые корпуса и 4-я воздушная армия. Также командующему Отдельной Приморской армией в оперативном отношении подчинялась Азовская военная флотилия, которой командовал контр-адмирал С. Г. Горшков.

Перед вновь сформированной армией стояла задача расширить Керченский плацдарм, переправить все свои силы на полуостров и провести подготовку наступательной операции с целью освобождения Крыма. В апреле и мае 1944 года соединения армии участвовали в Крымской операции. Замысел Ставки заключался в нанесении совместных ударов войск 4-го Украинского фронта генерала армии Ф. И. Толбухина с севера от Перекопа и Сиваша и Отдельной Приморской армии генерала армии А. И. Еременко с востока с плацдарма в районе Керчи. В начале операции войска Еременко

должны были овладеть Ак-Монайскими позициями севернее Керчи. Это был последний укрепленный рубеж обороны немцев на Керченском полуострове.

Восьмого апреля 1944 года 4-й Украинский фронт перешел в наступление. В ночь на 11 апреля начала наступление Отдельная Приморская армия, развернувшая преследование противника по всему фронту. Утром 12 апреля войска Еременко освободили Керчь. Затем, прорвав оборону врага на Ак-Монайских позициях, на следующий день в районе Карасубазара они соединились с частями 4-го Украинского фронта. 13 апреля был освобожден Симферополь. В течение трех следующих дней части Отдельной Приморской армии по юго-восточному побережью Крыма продвигались к Севастополю, готовясь к штурму сильно укрепленного города. Освободив в кратчайший срок Южное побережье Крыма — почти 420 километров от Керчи до Севастополя, — Приморская армия спасла от разрушения его прекрасные здравницы. В ходе этих боев Андрей Иванович снова был ранен, но на этот раз легко.

Восемнадцатого апреля 1944 года А. И. Еременко был назначен командующим 2-м Прибалтийским фронтом. Возглавляемые им войска нанесли мощный удар на Идрицко-Режицком направлении и вышли на подступы городов Остров, Идрица, Пушкинские Горы. В июле 1944 года войска фронта успешно провели Режицко-Двинскую операцию, в ходе которой они продвинулись на запад на 200 километров. «За умелое руководство войсками и проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками мужество и героизм» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1944 года генералу армии А. И. Еременко присвоено звание Героя Советского Союза.

В августе 1944 года 2-й Прибалтийский фронт, развивая наступление вдоль северного берега реки

Западная Двина, продвинулся еще на 60–70 километров, освободив крупный железнодорожный узел — латышский город Мадона. О том, какие трудности пришлось преодолевать войскам в ходе этого наступления, Еременко рассказал в своей статье, опубликованной во фронтовой газете «Суворовец» (№ 199; август 1944): «Наши воины стремительно двинулись вперед на Рижском направлении и преодолели известные своей непроходимостью Лубанские болота... Переход через Лубанские болота есть выдающийся воинский подвиг. На этой гнилой местности, протянувшейся на десятки километров, считалось невозможным вести боевые действия, тем более крупными соединениями. Однако войска фронта за десять дней прошли с боями Лубанскую низменность, сбивая врага с оборонительных рубежей, совершая тяжелые обходы по непролазным топям и сбрасывая врага с дорог. Наши герои-гвардейцы шли по наспех проложенным гатям, пробирались вперед по пояс, а то и по горло в болотной воде, перетаскивая на себе свое оружие, — и победили. Честь и слава бойцам и офицерам лубанского перехода. Его участники — бойцы и сержанты — не уронили престиж доблестного русского солдата, известного со времен Суворова тем, что для него нет непреодолимых преград. Участники перехода — офицеры — показали такое искусство маневра в сложнейших природных условиях, которым можно по достоинству гордиться. В Лубанах приумножена гвардейская слава!»

Пришло время сражений совершенно другого рода. Теперь это были бои по преследованию противника и от командующего требовалось провести анализ управления войсками, чтобы повысить эффективность наступательных действий и взаимодействия всех служб и родов войск. И вновь первое, на что обратил внимание Еременко, была работа разведки. Ее организация в

период преследования противника является сложным и кропотливым делом, поэтому, несмотря на то что она находилась под неослабным контролем фронтового управления, не удалось полностью избавиться от некоторых недостатков, особенно в корпусном и дивизионном звене. Нередко нарушалась столь необходимая непрерывность в действиях разведки. Система огня противника на переднем крае и особенно в глубине подчас выявлялась не полностью, поэтому артиллерии приходилось иногда вести огонь не по целям, а по площадям, что приводило к большому расходу боеприпасов при снижении эффективности. Были случаи, когда отход противника обнаруживался слишком поздно. Командиры ряда частей и подразделений не проявляли достаточной инициативы по быстрому реагированию на изменение ситуации, когда от них требовалось осуществить в сжатые сроки смелый маневр. Также командиры явно недостаточно использовали для ведения боя темное время суток. Действия групп и подразделений в тылу противника были, к сожалению, не всегда достаточно успешными.

В ходе наступательных боев в июле имели место и другие недостатки в организации управления войсками: отмечались случаи смены штабами своих командных пунктов без разрешения вышестоящих начальников, причем на прежнем месте не оставлялось ответственного офицера, который мог бы постоянно отслеживать меняющуюся обстановку и информировать вышестоящий штаб. При продвижении дивизий вперед заблаговременное изучение районов расположения КП дивизий производилось не всегда, а связь запаздывала с развертыванием. Бывали также случаи утраты связи с подчиненными частями и вышестоящими штабами на два-три часа, что крайне затрудняло управление боем. Некоторые командиры дивизий выдвигались вперед, не взяв с собой радиостанцию, в результате чего не могли

четко и оперативно руководить своим штабом и подчиненными частями.

Опыт июльских боев показал, что при преследовании противника важнейшее значение для всего хода наступательной операции имеет способность артиллерии к быстрому маневру огнем и к перемещению на местности и ее обеспеченность боеприпасами. Для успешных действий самоходных орудий важнейшее значение имеет выбор и подготовка огневых позиций. Рельеф местности и наличие значительного количества лесов и кустарников обеспечивали скрытность выхода самоходов на огневые позиции и их хорошую маскировку. В большинстве случаев огневые позиции выбирались на опушках леса или в кустарнике с таким расчетом, чтобы можно было наблюдать за действиями противника и своих частей. Командующий фронтом отмечал в этой связи бой 18 июля 999-го самоходного артиллерийского полка полковника Н. Ф. Кожемячко. Скрытно заняв свои огневые позиции, в течение двух часов полк огня не открывал, ведя в это время наблюдение за противником. В результате удалось «засечь» большинство вражеских огневых точек и в последующем уничтожить их.

Осенью 1944 года фронт, руководимый Еременко, принял участие в Рижской операции, которая являлась частью стратегической Прибалтийской операции. Целями, поставленными перед 2-м Прибалтийским фронтом, были разгром Рижской группировки противника, освобождение Риги и выход на побережье Рижского залива. При этом требовалось не допустить отход немецких войск в Восточную Пруссию. В состав 2-го Прибалтийского фронта входили 10-я гвардейская, 42, 22, 3-я ударная и 15-я воздушная армии. Противник оборудовал три мощные линии оборонительных укреплений и оказал ожесточенное сопротивление. Войска Еременко, ведя кровопролитные бои,

продвинулись на 16 километров, освободив города Гостини и Эргли. 27 сентября наши соединения вышли к последнему, сильно укрепленному рубежу обороны немцев «Сигулда» в 60 километрах от Риги. Войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов одновременно перешли в наступление и с ходу преодолели несколько оборонительных рубежей противника. 13 октября была освобождена столица Латвии Рига. Войска 2-го Прибалтийского фронта продолжили преследование противника и 22 октября своим правым крылом вышли к Тукумскому оборонительному рубежу, блокировав с суши основные силы групп армий «Север», заперев их на Курляндском полуострове. В этой операции Еременко успешно использовал возросшие ударные возможности армий, умело взаимодействуя с соседними фронтами. Рижская наступательная операция завершилась разгромом группы армий «Север» и полным освобождением от захватчиков территории Латвийской ССР.

После завершения этой операции 1 марта 1945 года, покинув Прибалтику, Еременко выехал в Москву, где его ждало новое назначение.

* * *

Весной 1945-го Москва была, конечно же, более приветливой, чем в первые годы войны, но особую красоту ей придавали салюты, гремевшие каждый вечер, а иногда и дважды в день, возвещая о новых победах советских войск на полях сражений.

Шестого марта 1945 года Еременко был вызван в Кремль. Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР М. И. Калинин вручил ему медаль «Золотая Звезда», орден Ленина и Грамоту о присвоении звания Героя Советского Союза, а также ордена Ленина и

Красного Знамени за долголетнюю и безупречную службу в Красной армии. 21 марта Еременко был принят Сталиным, который сообщил ему о новом, десятом по счету за время Великой Отечественной войны назначении. На этот раз он должен был принять командование войсками 4-го Украинского фронта. Верховный главнокомандующий особо подчеркнул необходимость скорейшего овладения войсками фронта Моравска-Остравским промышленным районом. Официальное назначение на новую должность Еременко получил 26 марта. На тот момент соединения фронта уже вели боевые действия в рамках Моравско-Остравской операции, однако все никак не могли добиться решающего успеха^[29]. В состав фронта входили 1-я гвардейская армия генерал-полковника А. А. Гречко, 38-я армия генерал-полковника К. С. Москаленко, 18-я армия генерал-лейтенанта А. И. Гастиловича, 8-я воздушная армия генерал-лейтенанта авиации В. Н. Жданова.

Прибыв на место и заслушав доклады офицеров штаба фронта, Еременко неожиданно приказал перенести основные усилия войск ближе к полосе действия 1-го Украинского фронта, которому к этому времени удалось добиться более значительных результатов. Это давало войскам фронта возможность обойти с северо-запада сильные укрепленные позиции противника, которые ранее никак не удавалось взять. Однако в сложившейся обстановке было необходимо также продолжить боевые действия и на тех направлениях, где они уже велись, чтобы не давать противнику возможности разгадать новый замысел советского командования и осуществить перегруппировку сил. 38-я армия, возобновив 27 марта наступление, в течение дня овладела двадцатью населенными пунктами. На следующий день, преодолевая упорное сопротивление противника, части

ее войска вышли на советско-германскую границу, проходившую по рекам Одер и Олыпа. 18-я армия, продолжая действовать в трудных условиях горно-лесистой местности, шаг за шагом теснила немцев, пытавшихся закрепиться в горах и населенных пунктах, оборудованных для ведения круговой обороны. За неделю боев соединения армии на отдельных участках продвинулись до 20 километров в ущельях Скалистых Татр и овладели рядом господствующих высот. Действуя совместно с частями 1-го Чехословацкого корпуса генерала бригады Людвика Свободы, они заняли также несколько важных опорных пунктов противника. Воинам 38-й армии, захватившим плацдарм на западном берегу реки Одер, пришлось преодолевать яростное сопротивление немецких войск, предпринимавших непрерывные контратаки. Наступление 38-й армии с восточного берега Одера было поддержано фронтовой артиллерией и авиацией 8-й воздушной армии, наносившей непрерывные бомбардировочные и штурмовые удары.

Пятого апреля Еременко выехал в расположение 38-й армии. Ему довелось стать свидетелем очередной атаки противника в районе Тунскирха, где немцы пытались выбить советские войска с захваченного плацдарма. Эта атака была отбита с большими для противника потерями. Здесь, на Одерском плацдарме, пал смертью храбрых отважный сын чехословацкого народа танкист Стефан Вайда, на счету которого было 20 подбитых вражеских танков^[30]. Посмертно Стефан Вайда был удостоен звания Героя Советского Союза.

Для развития успеха в ходе наступления 4-й Украинский фронт нуждался в пополнении танками. Машины, которые ремонтировали в фронтовых условиях, не могли восполнить безвозвратных потерь, понесенных в ходе боев. Пришлось запрашивать в Ставке, а затем ожидать подвоза новых танков и самоходных установок.

При передислокации командного пункта фронта в местечко Необшютц Андрей Иванович побывал в освобожденном советскими войсками концлагере Освенцим, который оставил у него тяжелейшее, неизгладимое впечатление. Он вспоминал: «Около 6 миллионов человек разных национальностей нашли здесь свою гибель. Мы проезжали мимо высоких заборов из колючей проволоки, тянувшихся на 20 км вдоль шоссе, за ними виднелись пепельно-серые бараки, построенные на болоте. В районе Освенцима гитлеровцы создали 20 лагерей на площади 50 кв. км. Сам Освенцим — небольшой городок, затерявшийся в огромном кольце концентрационных лагерей, где день и ночь пылал огонь 74 огромных печей, в которых сжигались сразу тысячи людей. Когда сюда подошли части Советской Армии, им удалось спасти лишь 10 тыс. человек».

В апреле войска 4-го Украинского фронта основными силами подошли к оборонительному рубежу на чехословацко-германской и польско-германской границах по рекам Опава, Одер, Олыпе. Это была глубоко эшелонированная мощная оборонительная линия, возведенная еще до Второй мировой войны для защиты восточной границы рейха. Главным опорным пунктом обороны на этом направлении был город Моравска-Острава, прикрывавший подступы к южным районам Германии. Здесь были сосредоточены важнейшие военные заводы, а также многие крупнейшие предприятия металлургической, машиностроительной, угледобывающей и химической промышленности.

Севернее Моравска-Оставы по западному берегу реки Одер на десятки километров тянулись полевые укрепления, связанные между собой единой огневой и заградительной системой. С востока и северо-востока подходы к городу были прикрыты двумя оборонительными рубежами, которые представляли

систему мощных дотов. Характерной особенностью расположения дотов на местности было отсутствие амбразур в напольной лобовой стенке. Амбразуры располагались по бокам и в тыловой стенке укреплений с расчетом на ведение флангового и тыльного огня.

В телефонном разговоре со Сталиным Еременко попросил разрешения несколько отсрочить начало операции, поскольку еще не был завершен подвоз необходимого количества боеприпасов. Сталин категорически запретил перенос даты наступления и подчеркнул, что освобождение этого города является первоочередной задачей. С целью подготовки к наступлению были проведены учения с войсками второго эшелона. За годы войны сложилось не совсем обоснованное мнение, что в действующей армии бой — это единственный вид боевой учебы. Еременко с этим был категорически не согласен: он считал проведение учений делом важным и необходимым. Этот процесс должен был идти без остановки: поскольку войска постоянно пополняются, меняются условия ведения боевых действий, местность, цели и задачи, не говоря уже о тактике противника.

Утром 15 апреля 1945 года началось наступление на Моравска-Оставу. Достигнутый частями 4-го Украинского фронта успех создал благоприятные предпосылки для освобождения центральной части Чехословакии. В ходе дальнейших боев на территории Чехословакии войска Еременко спасли от разрушения индустриальное сердце страны — Оставский промышленный район. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника, мощную линию укреплений и горно-лесистую местность, наши соединения пробиваются с востока к столице страны Праге. Еременко впоследствии писал: «Моравска-Оставу мы брали в обход, нанося удары по укреплениям, хотя была возможность прямым ударом с применением авиации и

артиллерии большой мощности взять город без излишних усилий, но это могло бы вызвать большие жертвы среди гражданского населения и нанести ущерб его промышленности».

Войска фронта участвовали в разгроме последней группировки вермахта, которая даже после официальной капитуляции Германии все еще продолжала оказывать сопротивление в районе Праги. В тот период немцы располагали на территории Чехословакии большими силами: около 900 тысяч человек, более 2200 танков и до тысячи самолетов. 9 мая силами двух фронтов — 1-го Украинского И. С. Конева и 4-го Украинского А. И. Еременко группировка немецких войск была окружена. В кольцо окружения попало более полумиллиона к тому времени уже дезорганизованных, потерявших управление и боеспособность немецких солдат и офицеров. Отход на Запад войскам группы армии «Центр» был отрезан. Однако противник, отказываясь капитулировать, продолжал с боями отходить в западном направлении. Для преследования противника Еременко сформировал подвижные группы, которые действовали на острие наступления, уничтожая оказывающие сопротивление остатки немецкой армии.

В спасении столицы Чехословакии Праги очень важную роль сыграли принятое Ставкой решение об ударе силами 1-го Украинского фронта от Дрездена на Прагу

и последовавшие за этим стремительные действия войск маршала Советского Союза И. С. Конева. В результате тесного взаимодействия трех фронтов (1, 2 и 4-го Украинских) с входившими в их состав воинскими формированиями Чехословакии, Польши и Румынии было завершено окружение той части сил врага, которые продолжали оказывать сопротивление после капитуляции. Потеряв связь и управление, немцы начали

массово сдаваться в плен. В течение 9 и 10 мая было пленено более 20 тысяч солдат и офицеров вермахта.

Вместе с войсками своего фронта Еременко встретил День Победы в Чехословакии. По радио передали Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении 9 мая днем всенародного торжества — праздником Победы. Но 4-й Украинский фронт продолжал боевые действия. 10 мая основные силы 38-й и 60-й армий фронта продолжали продвижение в западном направлении и к исходу дня вышли на линию Градец-Кралове — Пардубице — Хрудим. Поздно ночью 10 мая генерал армии А. И. Еременко получил приказ Ставки ВГК:

«1. Установить с 6.00 11.5.45 следующую разграничительную линию между 1-м и 4-м Украинскими фронтами:

До Рождяловице — прежняя, далее Ржичаны.

2. Командующим войсками 1-го и 4-го Украинских фронтов принять меры к скорому пленению войск противника, окруженных северо-восточнее Праги, не допустив отхода их на запад.

Командующему войсками 4-го Украинского фронта после пленения противника, окруженного северо-восточнее Праги, две армии (60-ю и 38-ю) сосредоточить в районе Хлумец, Нимбург, Костелец, Часлав и две другие армии (1-ю гвардейскую и 18-ю) — восточнее линии Градец-Кралове, Пардубице, Здирец.

3. Командующему войсками 4-го Украинского фронта вывести 1-й Чехословацкий армейский корпус в город Прага».

В соответствии с этим приказом Ставки 1-й Чехословацкий армейский корпус 13 мая вступил в Прагу. Жители столицы восторженно встречали его воинов, сражавшихся с общим врагом плечом к плечу с советскими войсками.

Армии фронта, выдвигаясь в указанные им районы сосредоточения, продолжали операции по обезвреживанию и пленению оставшихся фашистских войск. Действия 4-го Украинского фронта в последние недели войны характеризовались упорными кровопролитными боями в сложных условиях местности. Так продолжалось до 13 мая. Нина Ивановна Еременко вспоминала: «После сообщения о нашей Победе Андрей Иванович заснул. Сразу же заснул, спокойно и мирно. Проспал полные сутки, не реагировал ни на что и ни на кого, я даже испугалась. В Чехословакии мы жили еще два месяца, в городе Пардубице, здесь был штаб фронта. Забот было много: приводили в порядок личный состав, вооружение, технику, оказывали помощь населению, готовились к формированию сводного полка из самых заслуженных воинов 4-го Украинского фронта для участия в предстоящем Параде Победы. Все эти хлопоты были радостными и приятными, как предпраздничная генеральная уборка в своем доме».

За время боевых действий на территории Чехословакии войска фронта под руководством Еременко освободили около пятисот городов и населенных пунктов. Решением Чехословацкого правительства, по просьбе населения ряда освобожденных городов, командующему войсками 4-го Украинского фронта А. И. Еременко было присвоено звание почетного гражданина городов Острава, Оломоуц, Пардубице, Градец-Кралове. Одной из шахт Остравского бассейна было присвоено имя «Генерал Еременко».

Во время Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 года А. И. Еременко прошел во главе колонны сводного полка 4-го Украинского фронта. Этот фронт в ходе войны четырежды менял названия, но на всех полях сражений продолжал с честью нести боевые традиции и хранить славу тех, кто воевал в его рядах в

тяжелейших битвах на Волге и на юге нашей страны. В 1942 году этот фронт назывался Юго-Восточным, затем Сталинградским, в 1943 году — Южным, в 1944-1945 годах — 4-м Украинским. А. И. Еременко довелось командовать, хотя и с перерывами, войсками этого фронта на всех этапах Великой Отечественной войны.

* * *

Проходя в парадном марше по Красной площади, Андрей Иванович, наверное, вспоминал свой долгий боевой путь: бои на Смоленской земле, не менее тяжелые сражения на Брянщине, сыгравшие важную роль в защите столицы с юго-запада, Сталинградская битва, затем Калининский фронт, прорыв в «Смоленские ворота», участие в освобождении Крыма, Прибалтики и заключительные бои в Чехословакии.

После окончания Великой Отечественной войны А. И. Еременко командовал войсками Прикарпатского, Западно-Сибирского и Северо-Кавказского военных округов. 11 марта 1955 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Андрею Ивановичу Еременко было присвоено персональное воинское звание Вооруженных Сил СССР — маршал Советского Союза. С присвоением высокого звания Еременко поздравил 1-й секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, который во время Сталинградской битвы был членом Военного совета Сталинградского фронта. 1-й секретарь позвонил Еременко, чтобы лично поздравить его: «Дорогой Андрей Иванович! От всего сердца поздравляю тебя с присвоением высокого звания маршала Советского Союза... По голосу слышу, что ты так же молод, полон сил и энергии, как в незабываемые дни Сталинградской обороны, душой которой ты был. Я много раз

докладывал тов. Сталину, что душой обороны Сталинграда был тов. Еременко...»

С 1958 года маршал А. И. Еременко — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Ему пришлось много работать над укреплением боеготовности Советской армии. На всех занимаемых им постах Еременко служил с полной самоотдачей, проявляя внимание, чуткость к людям и являясь образцом самодисциплины.

После войны его любимая жена Нина Ивановна подарила ему троих детей: двух сыновей Андрея и Владимира и дочь Татьяну. Оба сына связали свою судьбу с Советской армией: Андрей Андреевич — полковник запаса, Владимир Андреевич — капитан 1-го ранга запаса. Дочь Татьяна стала экономистом. Она так вспоминала отца: «Папа был страстным охотником и рыбаком, а также заядлым шахматистом. Он любил, когда в доме было много гостей, и гости приходили охотно и часто, порой неожиданно, и мама спешила накрыть на стол. Папа был великолепным рассказчиком. Его увлекательные воспоминания и шутки завораживали и притягивали внимание. Впечатление от таких встреч всегда было теплое и радостное. Мне льстило то, что он обязательно звал меня, даже маленькую, к застолью как равную. Однако то, что мне неизменно предлагалось сказать речь в виде тоста, воспринималось мной в то время как наказание.

Почти каждый вечер папа закрывался в своем кабинете и долго, чуть ли не до утра, свет настольной лампы ярким пятном освещал огромный стол. Папа писал воспоминания».

За годы своей жизни Еременко, когда у него выдавалось свободное время, часто брался за перо. Теперь у маршала появилась возможность вплотную заняться научной и литературной работой. Он стал одним из самых плодовитых военачальников Великой

Отечественной: им опубликованы около десяти книг и брошюр, большинство которых переведены на иностранные языки. Основной и самой значительной явилась работа над документальной трилогией о Великой Отечественной войне: «В начале войны», «Сталинград», «Годы возмездия». Еременко постоянно выступал со статьями в периодической печати — в журналах «Коммунист», «Мировая экономика и международные отношения», «Международная жизнь», «Военный вестник» и др. Всего им опубликовано около двухсот различных работ. С особой благодарностью и восхищением Андрей Иванович писал о подвигах рядовых и младших офицеров. Гордость за советского солдата и грусть о павших воинах пронизывают строки его воспоминаний.

А. И. Еременко занимался также вопросами военной теории, не раз возвращался к событиям Великой Отечественной войны, вновь и вновь разбирал и анализировал свои решения в ходе прошедших сражений. Маршал внимательно читал воспоминания немецких военачальников — Ф. Гальдера, Г. Дёрра, Э. фон Манштейна, Г. Гудериана и др. Со многими их оценками и подходами он был категорически не согласен и даже выпустил брошюру с очень актуальным названием для сегодняшнего дня — «Против фальсификации истории Второй мировой войны». В ней он, в частности, писал: «Эта работа послужит делу восстановления исторической правды и вместе с тем избавит нашего, а быть может, и зарубежного читателя от ряда ошибочных представлений, которые могут возникнуть у него при чтении фальсификаторских измышлений.

Критика должна быть строго научной, она должна остро и принципиально вскрывать как сами искажения исторической действительности и негодные методы, с помощью которых они делаются, так и причины,

побуждающие горе-историков прибегать к подобным приемам.

Мы не должны позволять ни германским реваншистам, ни кому бы то ни было другому клеветать на советский народ и его армию, умалять их титанический подвиг в Великой Отечественной войне».

Будучи командующим войсками военных округов, Андрей Иванович работал в областных партийных и советских органах, избирался членом обкомов и депутатом областных Советов: Новосибирского, Ростовского и др. Еременко избирался также и депутатом Верховного Совета УССР 1-го созыва, депутатом Верховного Совета Союза ССР всех созывов, начиная со 2-го. Был делегатом с решающим голосом съездов ВКП(б) и КПСС с XVIII по XXIII. На XX и последующих съездах КПСС Еременко избирался кандидатом в члены ЦК КПСС.

Обычно имя крупного полководца ассоциируется с какой-нибудь одной или двумя конкретными битвами. При упоминании имени маршала Еременко невольно вспоминается битва под Сталинградом. Сталинградское сражение явилось важнейшей страницей в боевой биографии Андрея Ивановича, с городом-героем его связывало неизгладимое чувство пережитого. Он часто приезжал в Волгоград, принимал участие в церемонии зажжения Вечного огня на площади Павших Борцов 1 февраля 1963 года, в закладке комплекса музея-панорамы «Сталинградская битва» 2 февраля 1968 года, в открытии памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане» 15 октября 1967 года. Тогда, выступая на торжественной церемонии, маршал Советского Союза А. И. Еременко сказал: «...От имени бывших бойцов Сталинградского фронта, войсками которого мне выпала честь командовать в этой беспримерной битве, прошу Вас, товарищи Л. И. Брежнев, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный,

принять горячую благодарность нашей партии, ее Центральному Комитету, Советскому правительству, всему народу за создание здесь, на местах ожесточенных боев, величественного монумента в честь героев битвы на Волге. Пройдут годы, десятилетия, века, но в памяти народной не забудется эта победа, каждый будет склоняться перед этим грандиозным сооружением, которое замечательно выражает суровую героику минувших дней, воспекает вечную славу мужественным советским солдатам — богатырям нашей Родины». Звание «Почетный гражданин города-героя Волгограда» присвоено Андрею Ивановичу Еременко решением Волгоградского городского совета депутатов трудящихся от 4 мая 1970 года за особые заслуги, проявленные в обороне города и в разгроме немецко-фашистских войск в Сталинградской битве.

А. И. Еременко скончался 19 ноября 1970 года, урна с его прахом была захоронена на Красной площади в Кремлевской стене. В январе 1971 года имя Еременко было присвоено Орджоникидзевскому высшему общевойсковому командному дважды Краснознаменному училищу, а в апреле 1971 года одна из улиц Волгограда получила название улица Маршала Еременко. Сегодня память о маршале Еременко бережно хранится волгоградцами, а в музее-заповеднике «Сталинградская битва» экспонируются его личные вещи времен Великой Отечественной войны, оружие, документы и фотографии.

Заканчивая очерк о выдающемся полководце Сталинградской битвы, приведем небольшой отрывок из его поэмы «Сталинград»:

Разбит нами враг исконный,
Но он еще не побежден,
Как зверь, под сердце пораженный,
В последний раз воспрянет он.

Подходит день, когда мы снова
Лавиной двинемся вперед
За честь Отечества святого,
За непреклонный русский род.
Подходит час, когда мы сами
Решим судьбу свою в огне —
Или жить свободными людьми,
Или быть с печатью на спине.
Но мы не знали поражений,
И наши прадеды в былом
Еще ни разу на колени
Не становились пред врагом.

НАГРАДЫ
МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
А. И. ЕРЕМЕНКО

**Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского
Союза —**
29 июля 1944 года.

Ордена
Пять орденов Ленина — *22 февраля 1938 года; 29
июля 1944 года; 21 февраля 1945 года; 13 октября 1962
года; 13 октября 1967 года.*
Орден Октябрьской Революции — *22 февраля 1968
года.*
Четыре ордена Красного Знамени — *15 июня 1926
года; 22 февраля 1941 года; 3 ноября 1944 года; 20 июня
1949 года,*
Три ордена Суворова 1-й степени — *23 января 1943
года; 16 мая 1944 года; 23 мая 1945 года.*
Орден Кутузова 1-й степени — *22 сентября 1943
года.* Почетное оружие (именная шашка) с золотым

изображением Государственного герба СССР — 22 февраля 1968 года.

Иностранные ордена

Звание Героя ЧССР с вручением медали «Золотая Звезда» (ЧССР) — 30 апреля 1970 года.

Кавалерский крест ордена Виртути Милитари (ПНР) — 24 июня 1946 года.

Орден Креста Грюнвальда 2-й степени (ПНР) — 24 июня 1946 года.

Шеф-коммандер Легиона Почета (США).

Орден Белого льва 1-й и 2-й степени (ЧССР).

Василий Иванович ЧУЙКОВ

Будущий маршал Советского Союза, выдающийся полководец, человек стальной воли и широкой души, снискавший неоспоримую славу одного из самых известных советских командармов времен Великой Отечественной войны, Василий Иванович Чуйков был ровесником века. Начиная с самого рождения в 1900 году его жизненный путь удивительным образом не только совпал по времени с драматическими потрясениями и величайшими битвами в истории России первой половины XX века, но и сам он часто оказывался там, где происходили главные события, в которых решались не только судьбы народов, но и вопрос о самом существовании нашего государства.

Василий Чуйков родился 31 января (12 февраля) 1900 года. Село Серебряные Пруды Веневского уезда Тульской губернии, где родился и провел детские годы Василий, ныне является районным центром на юге Московской области. Дом Чуйковых стоял на левом берегу небольшой речки Осетр, разделившей село напополам. В этой части села, именуемом Кайманьевской вытью, жила беднота. Среди разбросанных в беспорядке неказистых построек и изб выделялся своими размерами и внешним видом — шестиоконный, крестовый, с воротами на дубовых столбах, — дом Ивана Чуйкова, главы большой многодетной крестьянской семьи, состоявшей из восьми сыновей и четырех дочерей, их матери Елизаветы Федоровны и деда с бабушкой. Отец семейства, сильный и спорый в работе, трудился не покладая рук, чтобы выбиться из нужды. Его основательность и усердие служили наглядным примером отношения к труду для детей. А еще у главы семейства Чуйковых было на селе

прозвище «силач Ионыч». Мало кто мог устоять против его пудовых кулаков, если сходились порой сельчане стенка на стенку.

От отца Василий унаследовал упорство и привычку все доводить до конца. От матери — любовь к семье и чуткое сердце, отзывчивое на чужую беду. Василий окончил четыре класса сельской школы и еще один год проучился в высшем начальном училище. Как было заведено в семье, в 12 лет с котомкой за спиной парнишка ушел из дома в Петербург. Выбор именно этого города в качестве начала самостоятельной жизни был не случаен. На Балтийском флоте служили три его старших брата — Петр, Иван и Илья. И хотя до призыва на военную службу Василию было еще далеко, в его судьбе уже произошел поворот, после которого ему будет суждено впервые оказаться в центре судьбоносных исторических событий. Все Васино имущество умещалось в котомке, а в памяти на всю жизнь остались слова отцовского напутствия: «Не зазнавайся, от беды народной не убегай. Живи почестному... Верь простым людям, и они поймут тебя, поверят тебе, не подведут, не оставят в беде. В них вся сила. За дело народа не жалея себя...»

Трудовая деятельность в Питере началась с работы мальчиком в Серибеевских банях, где он трудился по 16 часов в день в течение почти двух лет, зарабатывая пять рублей в месяц и пропитание. После этого он сменил еще несколько мест, работал коридорным, разносчиком товаров. Когда представлялась возможность, Вася бродил по городу, дивясь непривычным для себя картинам — огромным скоплениям людей, дорогим лавкам и магазинам, широким проспектам и площадям. Спустя два с половиной года Василий устраивается в мастерскую Петра Савельева, выпускавшую знаменитые в те времена у военных шпоры с «малиновым звоном». Большинство работавших — такие же, как Василий,

несовершеннолетние мальчишки да старики. Шел 1915 год, уже вовсю бушевала Первая мировая война, многих мужчин отправили на германский фронт.

Работать приходилось с раскаленным металлом, чтобы хоть что-то заработать, трудиться надо было в полную силу по 10–12 часов в день. В полуподвальном помещении стояла духота, воздух пропитан металлической пылью, а стоящий за спинами работников мастер не дает передохнуть. Чтобы выкроить хотя бы минуту-другую передышки, ребята, сговорившись, дружно прекращали работу, и пока мастер бесновался, угрожая им штрафами и увольнением, они отдыхали. Вскоре повсюду, и даже у них в мастерской, стали появляться листовки, политические брошюры — отголоски тех событий, которыми жила столица. Общаясь с рабочими питерских заводов, Василий и его друзья уяснили, что в жизни страны грядут перемены.

Осенью 1916 года Василий сильно простудился и тяжело заболел. Помогла сестра, написавшая родителям, что брата надо спасти, а отец прислал Василию письмо, в котором просил его приехать домой. Произшедшая вскоре Февральская революция 1917 года застала Чуйкова в Серебряных Прудах. Поправившись, он помогал отцу, но ближе к лету снова отправился в Петербург. Летом на улицах города появились демонстранты, повсеместно собирались митинги, стало шумно и беспокойно.

Юный Василий Чуйков оказался в эпицентре грандиозных событий, охвативших в первую очередь Питер. Переломным моментом для него в понимании происходящего явилась гибель его близкого друга Васи Зимина во время расстрела Июльской демонстрации, участники которой требовали отставки Временного правительства. После подавления протестов ситуация в городе резко переменилась. Днем и ночью слышались

выстрелы, ходить по центральным улицам города стало опасно, повсюду дежурили казачьи разъезды, скорые на расправу со всеми, кто казался им нарушителем порядка. Оставаться нейтральным в этой обстановке Василий, как и вся молодежь рабочих районов, уже не мог. Вспоминая те дни, В. И. Чуйков писал: «Прощаясь с Васей Зиминым, я распрощался и с юностью».

В сентябре 1917 года мастерская закрылась, спрос на «малиновый звон» закончился, все рабочие оказались на улице. Потеряв работу, Василий отправился по известному ему адресу в Кронштадт к братьям, у которых он уже бывал несколько раз. Все они теперь поддерживали большевиков, как и большинство революционных матросов. Неожиданно для Василия, ему предложили остаться в Кронштадте, в учебно-минном отряде, на что он с радостью согласился. Так в 17 лет он стал матросом, началась новая, военная жизнь.

Старшие братья Василия принимали активное участие в Октябрьском вооруженном восстании, но рвавшегося в дело младшего брата они на боевые задания не взяли, берегли. Несмотря на то что ему не удалось поучаствовать в схватке с юнкерами, Василий мог гордиться, что явился свидетелем исторического события такого масштаба. А вскоре настал и его черед взять в руки оружие, чтобы защитить новую власть.

На борьбу с врагами революции отправлялись наиболее надежные отряды балтийских моряков. Зимой брат Илья был направлен охранять хлебные поезда, на которых в города везли конфискованное у крестьян зерно, и взял Василия с собой. Два месяца они колесили в теплушках между Москвой и Саратовом. В феврале получили письмо от отца, из которого узнали, что сельские богатеи отомстили ему за сыновей, вставших на сторону революции, и сожгли ригу (так в старину называли сарай для сушки снопов и молотьбы). Это был

тяжелый удар, семья из 15 душ осталась без хлеба. Нужно было спасти родных.

На призыв отца о помощи откликнулись все взрослые сыновья. К весне, закончив хозяйские дела, братья разъехались по своим частям, лишь Василий, не получивший назначения, остался в Серебряных Прудах. В селе множились слухи о мятежах, вспыхивающих во всех концах страны. Из газет Василий узнал о существовании Антанты, грозившей Советской России войной и экономической блокадой. Он понял, что нужно действовать, искать свое место в борьбе за дело революции. От брата Ильи он узнал о существовании в Москве военных курсов. Для поступления требовалась лишь справка от сельсовета о благонадежности. Обзаведясь ею, Василий вместе с двумя односельчанами помчался в Москву.

С деревянными сундуками в руках они добрались до Лефортова, где размещались курсы. Василий был одет в матросскую форму, что, по его мнению, являлось чем-то вроде наглядной аттестации его желания служить в армии. Комиссар курсов, оглядев Василия, неожиданно спросил: «Чем ты можешь доказать, кроме справки, что пришел честно служить революции?» Василий ответил: «Делом. Других доказательств у меня нет». И на всякий случай, для подкрепления своей преданности рабоче-крестьянской власти, добавил, что комиссар может позвонить на Павелецкий вокзал начальнику отряда ЧК, его родному брату Илье Чуйкову. Звонил ли комиссар на вокзал — неизвестно, но через два дня был объявлен приказ о зачислении Чуйкова Василия Ивановича курсантом пехотного отделения Первых московских военно-инструкторских курсов Красной армии. Радость переполняла Василия — он и его товарищи будут учиться на красных командиров.

Напряженный до предела распорядок жизни и учебы, строгая дисциплина и требовательность

преподавателей — все это курсанты испытали сполна. С утра до вечера шли занятия по тактике и огневой подготовке, изучению ружейных приемов и штыкового боя. Обучали слушателей бывшие офицеры царской армии, а дело свое они знали отменно. Учили по принципу: «Курсант не солдат, ему дается двойная нагрузка. Хочешь быть командиром — терпи, закаляйся, готовь себя к суровым испытаниям». Чрезмерные нагрузки не угнетали Василия, наоборот, он сам хотел проверить себя до предела возможностей. Он понимал, что ему предстоит сражаться с кадровыми офицерами белой армии и имевшими боевой опыт солдатами.

По воскресеньям курсантов вместо отдыха водили по несколько часов строем, при оружии и с оркестром по Москве, выдав на всякий случай по 15 боевых патронов. Это тоже было нелегким испытанием, при том, что дневной паек курсанта составлял всего фунт хлеба. Но командование решило — простые граждане, друзья и недруги советской власти должны видеть, что есть надежные части, готовые встать на ее защиту.

День 2 июля 1918 года навсегда сохранился в памяти Василия Чуйкова. В здании, где размещались их курсы, состоялась встреча красноармейцев с В. И. Лениным. О его приезде заранее не сообщалось. Поэтому, когда он вошел в переполненный зал, от неожиданности поначалу все замерли, а потом бурно его приветствовали. Чуйков старался услышать каждое слово вождя революции. Он хорошо запомнил призыв Ленина упорно учиться, чтобы защищать своих матерей и отцов, трудовой народ, завоевания трудящихся. После этой встречи Василий для себя решил: «Если потребуются, останусь «человеком с ружьем» на всю жизнь. Это самая важная должность на земле...»

Но июль 1918-го запомнился Василию не только этой встречей. Уже через несколько дней — 7 июля — курсанты вместе с латышскими частями участвовали в

подавлении восстания левых эсеров в Москве. Это был первый бой, в котором Чуйков принял участие. Позже он вспоминал: «Мы продвигались вперед вдоль стен короткими перебежками. Вскоре из переулка ударил пулемет. Один из курсантов, перебежавших улицу, упал. В ответ на пулеметный огонь ахнула наша пушка».

Тридцать первого августа курсантов вновь подняли по тревоге. От прибывших сотрудников ЧК стало известно, что накануне было совершено покушение на В. И. Ленина. Небольшая группа, в которую вошел Чуйков, вместе с чекистами отправилась в район, где находился явочный пункт контрреволюционеров. В ночной быстротечной схватке Чуйков оказался лицом к лицу с врагом и первый раз выстрелил не в мишень, а в человека.

В октябре 1918 года слушателям курсов предстоял экзамен на право называться командирами Красной армии. Однако положение на фронтах полыхавшей в стране Гражданской войны было настолько напряженным, что в сентябре всех курсантов срочно направили на Южный фронт сражаться против донских частей генерала П. Н. Краснова. Экзамен предстояло держать на поле боя. Особенностью формирования частей к этому времени являлась практика выборности командиров солдатами, а не назначение их вышестоящими штабами. Для этого нужно было заслужить авторитет у солдат: выскочек и назначенцев бойцы не принимали. Даже невысокую должность помощника командира роты Чуйкову необходимо было подкрепить отвагой в бою. Сделать это удалось лишь через несколько недель. Однажды утром недалеко от села, где располагалась его часть, Чуйков обнаружил отряд белогвардейцев численностью около полутора сотен штыков, изготовившихся к нападению. Взвод Чуйкова насчитывал лишь 23 человека — силы были слишком неравные. Но Василий уже успел к тому

времени хорошо уяснить, что главное для командира — думать. Вместе с бойцами он скрытно совершил обходной маневр и атаковал противника с тыла. Отбив у врага пулеметы, красноармейцы полностью разгромили донцов и захватили, кроме оружия, две пароконные повозки и почти сорок пленных. После этого боя Чуйков был выбран бойцами командиром роты вместо своего тяжело раненного предшественника.

Через месяц все курсанты, прибывшие на фронт, были отозваны в Москву для продолжения учебы. Не вернулся лишь друг и односельчанин Василия, с которым они вместе приехали на курсы, Вася Рыкин. Он погиб в неравном бою с казаками в голой степи, выдержав экзамен на право называться командиром — первый и последний в своей восемнадцатилетней жизни.

«Вскоре все курсанты, — вспоминал Чуйков, — кто побывал на фронте, получили удостоверение «Красный офицер». Чуйков отбыл на Восточный фронт, сначала в Казань, где формировался 40-й стрелковый полк, и был назначен помощником командира полка по строевой (боевой) части. Можно представить, каково было ему в 18 лет выполнять свои обязанности, постоянно подтверждая свой авторитет в солдатской массе. Подтрунивания, подначки, смешки со стороны «стариков», все пришлось испытать на себе начинающему командиру. И это было новое, серьезное испытание его характера. Но он не случайно оказался единственным в своей группе курсантов, кто был избран на столь высокую должность. Его выручало упорство в достижении цели, приобретенные на курсах знания, привычка не давать повода старшим упрекнуть себя в слабости или неумении. И вышестоящие начальники, судившие о Чуйкове с высоты своего армейского опыта, и его подчиненные, которым он сумел быстро доказать свое знание военной науки и боевое мастерство, словно чувствовали и признавали в нем задатки вожака,

командира, притягательность и надежность сильной личности.

Для поднятия духа и сплочения молодежи в полку был создан клуб солдатской самодеятельности. Несмотря на усталость, бойцы исправно приходили на репетиции различных кружков, увлеченно выступали на концертах. И здесь Василий Чуйков был в числе первых. Следует отметить, что участие в самодеятельности в первые годы советской власти стало отличительной чертой молодого поколения. Ею занимались в городах и в отдаленных селах, в школах и в других учебных заведениях и, как мы видим, в армии! Это была настоящая примета времени.

В марте 1919 года 40-й полк был переброшен ближе к линии фронта и влит в состав 28-й дивизии, которая была хорошо известна своей боеспособностью, в основном благодаря своему легендарному командиру В. М. Азину. И хотя ему было тогда всего 23 года, о его необыкновенной храбрости, находчивости и дерзости в боях знала вся армия.

В первых же боях Чуйков показал себя смелым, грамотным, отлично выполнявшим свои обязанности командиром. В его действиях совмещались трезвый расчет и риск, исполнительность и разнообразие тактических приемов. В одном из боев в конце марта, после того как командир полка был ранен, на его место назначили Чуйкова, несмотря на то, что ему едва исполнилось 19 лет и он был самым молодым из командиров части. Но самое главное, что в него поверили не только старшие по званию, но и солдаты, не пожелавшие видеть на этом посту офицера, предложенного командующим армией, и дружно поддерживавшие его кандидатуру на эту должность. Неловкую ситуацию с назначением Чуйкова пришлось улаживать в политотделе армии. Еще не прошло и пяти месяцев после его отъезда из Москвы, и отвоевал-то

всего месяц, но он уже командир полка в одной из лучших дивизий Восточного фронта! Ровесник века, красный командир Чуйков стремительно рос и мужал вместе с армией, частицей которой он являлся.

Обстановка на фронте становилась для Красной армии все сложнее. Под натиском Колчака она отступала, ведя тяжелые бои. Но уже в апреле войска Восточного фронта, руководимые М. В. Фрунзе, нанесли белогвардейцам сильнейший удар, после чего уже сами перешли в решительное наступление. До того, как оно началось, в жизни Василия Чуйкова произошло важное событие — 7 мая 1919 года его приняли в члены РКП(б). Теперь на нем лежала двойная ответственность — он обязан вести себя в бою не только как командир, отвечающий за своих солдат, но и как коммунист отвечать и за политподготовку.

Однако личной храбрости и слаженности войск еще недостаточно для победы над таким сильным противником, каким были войска адмирала А. В. Колчака, в оснащении которых приняли активное участие страны Антанты. Чуйков очень серьезно подошел к своим обязанностям, постоянно совершенствуя воинское мастерство. Он фактически с нуля создал в полку разведку, сформировал мобильные отряды, начал обучение личного состава взаимодействию и применению фланговых ударов. Но при этом в критические моменты сражений он всегда был готов верхом врезаться в гущу атакующего врага, увлекая за собой своих солдат и обеспечивая победу в бою.

О том, что он чувствовал, сражаясь на полях Гражданской войны — беспощадной и жестокой, Чуйков так рассказал в своих воспоминаниях: «По сути своей сражения Гражданской войны стали продолжением революции... Мы будто не боялись смерти. Были, конечно, во мне и мальчишество и задор. Я, например,

любил гоняться за беляками в офицерских погонах: «Врешь, гад, не уйдешь!» — и с шашкой наголо вперед, пока не настигнешь. А ведь можно было поразить врага пулей. Но случилось и так, что участие командира в жестоком сражении диктовалось необходимостью. И тут уж не лихачество руководило моими действиями, а ясно осознанный долг перед народом, революцией». В такой же лихой кавалерийской атаке Чуйков получил свое первое ранение — он был ранен в руку. Его спасло то, что поле боя осталось за красноармейцами и ему, уже впадшему в беспамятство от потери крови, успели оказать помощь.

В июне 1919 года полк Чуйкова переименовали в 43-й и передали из 28-й дивизии Азина в 5-ю. Чуйкову очень не хотелось расставаться с командиром. Он вспоминал: «Я видел в Азине мудрого боевого учителя, который не признавал шаблона, не придерживался буквы устава, всегда мыслил в бою дерзко, творчески». Чуйков тяжело переживал трагическую гибель любимого комдива, который в боях на Дону в начале 1920 года, будучи раненым, был захвачен казаками и после пыток казнен.

Все, чему научился Чуйков у Азина и других военачальников Красной армии, он стремился применить на практике, отвергая отжившую, как он считал, тактику позиционной войны, действуя нестандартно, вырабатывая новые приемы боя, используя уже опробованные — обходы, охваты с выходами во фланг и тыл противника. Но порой Чуйков одерживал верх не только при помощи новых боевых приемов, но и благодаря смекалке, военной хитрости, выдумке. Так, при форсировании в июле 1919 года реки Уфы он решил с ходу начать переправу, несмотря на то, что на противоположном берегу находились сильно укрепленные позиции белых. Чтобы отвлечь внимание противника, он приказал полковому оркестру перед атакой играть революционные песни. Услышав музыку,

белые покинули свои укрытия, удивленно рассматривая, что творится на противоположном берегу. Раздался дружный залп из всех видов оружия, многие белогвардейцы упали, сраженные плотным огнем, другие растерялись. Красноармейцы успешно преодолели водную преграду, завершив операцию полной победой.

В то лето число серьезных успехов полка Чуйкова, а также примеров его личной отваги множилось настолько быстро, что о нем уже сложилось мнение, как об опытном командире. Его боевая деятельность не могла остаться незамеченной командованием фронта. Из штаба М. Н. Тухачевского в Москву ушло донесение: «...В районе Капсакуль колчаковцы собрали большие силы и 19 июля задержали продвижение 5-й дивизии. Тогда в бой вступил лучший в дивизии 43-й полк. Командир полка В. И. Чуйков, сковав противника с фронта, с конными разведчиками обошел белогвардейцев и нанес им удар с тыла. Противник в панике бежал. 43-й полк захватил 1100 пленных и 12 пулеметов. 43-й полк представляется к награждению Почетным революционным знаменем».

Вскоре произошло новое сражение, которое по своей продолжительности и жестокости превзошло все, что Чуйков видел ранее. В своих воспоминаниях он написал об этом так: «Село Муслюмово... Я запомнил его на всю жизнь. Кажется, именно здесь во мне стало особенно развиваться то самое чутье, которое называется командирским: ответственность за судьбы вверенных тебе людей, умение разгадать замыслы врага и принять единственно верное решение». Бой за село продолжался пять дней. Бойцы Чуйкова заняли его, но, оценив обстановку и разгадав замысел противника, он принял решение уйти из села, заманив врага на подготовленные заранее позиции. Вовремя принятые молодым командиром полка меры позволили уберечь много

жизней своих бойцов. Белые много раз бросались в атаки, но каждый раз попадали под умело организованный огонь красноармейцев. Потери колчаковцев были настолько велики, что под конец сражения наступать им пришлось по полю, усеянному трупами своих солдат и офицеров. Их боевой дух таял на глазах. Бой закончился взятием полком Чуйкова 400 пленных и большого числа трофейного оружия. Из воспоминаний Чуйкова: «Так закончился бой у Муслюмова, самый жестокий и кровопролитный из тех, в которых мне довелось участвовать в ту пору». Он называл его «Сталинградом боевой молодости».

За заслуги в сражениях на Восточном фронте Чуйков был награжден именными золотыми часами от ВЦИК РСФСР — высшего органа государственной власти Советской республики.

В ноябре 1919 года бойцы Чуйкова завершили свой последний бой на Восточном фронте, а вскоре красные войска заняли Омск — столицу Колчака. За этот бой 4 ноября 1919 года Чуйков был удостоен своего первого ордена Красного Знамени (награждение состоялось через полгода — 30 апреля 1920 года). В составе 5-й армии полку Чуйкова предстояла отправка в европейскую часть России, где продолжались бои с белыми войсками и польской армией. Дорогу из Сибири на запад Чуйков запомнил как нескончаемую череду простоев на перегонах и полустанках, добывания продовольствия и дров. Но за Уралом в эшелон ворвался еще более страшный, чем холод и голод, враг — тиф.

Болели сотни людей, многие умирали. Заболел и Василий, но, к счастью, это не был тиф. Чтобы не отстать от полка, он скрыл болезнь от врачей, перенес ее на ногах. Когда поезд проезжал Рязань, от которой до родного села Чуйкова всего 35 километров, ему, конечно же, захотелось навестить родителей и родню, но он гнал эти мысли, понимая, что его подчиненным тоже хочется

навестить родные места, которые они проезжали, и неизвестно, как они отнесутся к его отъезду. Проведя больше месяца в пути, полк прибыл в Великие Луки и был сразу же направлен на работы по восстановлению разрушенного хозяйства. Но трудовая жизнь закончилась очень скоро, 43-й полк срочно перебрасывался в Белоруссию навстречу польским войскам, продвигавшимся вглубь страны.

Несмотря на то что воевать нужно было на территории, сильно отличающейся от знакомых мест в Сибири, Василий Чуйков не изменил своим принципам — глубокая разведка, верный расчет, маневрирование, отлаженное взаимодействие пехоты, артиллерии и конницы. Уже в первом бою с поляками у города Лепель на севере Белоруссии обученные Чуйковым, опытные и дисциплинированные подразделения красноармейцев разгромили вражеский полк, оборонявший это местечко. Сражение было выиграно во многом благодаря личной храбрости и боевым качествам Василия Чуйкова, при этом сам он несколько раз побывал на краю смерти. Его видели и конным и пешим, он поднимал бойцов в атаку, ложился за пулемет, рубился на саблях в седле. Вокруг него один за другим падали, сраженные сталью и свинцом, его солдаты и командиры. На его глазах упал с лошади смертельно раненный комиссар полка, а он, как заговоренный, носился в этой бешеной круговерти, оказываясь всегда там, где было особенно горячо, успевая при этом отдавать приказы и помогать раненым. Под конец сражения, увлекшись, он оказался один против нескольких польских офицеров. В револьверной дуэли с ними он был удачливее, но вдруг появились вражеские солдаты с винтовками в руках. О том, что было дальше, Чуйков вспоминал: «В сознании промелькнуло: наступил мой конец, из винтовок солдаты сразу меня уложат... Но недаром говорят, что некоторые рождаются в рубашке. Так и получилось со мной. Моя жизнь

висела на волоске. Но в этот момент из-за угла улицы выскакивают конники во главе со своим начальником Гурьяновым. Из-за другого угла улицы бежит командир 4-й роты Андреев почти со всеми своими бойцами. Раздается крик «ура!». Враг не выдерживает... В сознании мелькает: «Спасен!», и, забыв об опасности, я настигаю противника и кого-то рублю шашкой». В пылу сражения Чуйков не заметил, что ранен, в третий раз за войну, на этот раз в ногу. Именно за этот победный бой, как вспоминал Чуйков, он был 7 января 1925 года награжден вторым орденом Красного Знамени.

Несмотря на ранение, Чуйков продолжал командовать полком. В тяжелом бою на реке Березине рядом с ним разорвался снаряд. Под ним убило коня, а сам он получил сильную контузию. Бойцы, нашедшие его, — с окровавленной головой, в бессознательном состоянии, подумали, что он убит. Но когда принесли к повозке, он стал выкрикивать слова, не приходя в сознание. Выходили своего командира дедовским способом солдаты-сибиряки: они топили баню выше всякой человеческой возможности и хлестали Василия веником почти до потери сознания. Через неделю он начал ходить, а еще через несколько дней вернулся в полк.

В августе 1920 года полякам, имевшим большое превосходство в силах, удалось несколько раз окружить части Красной армии, в том числе и полк Чуйкова. Когда это случилось впервые, лишь благодаря его находчивости и разработанному им за ночь плану, казавшемуся подчиненным невыполнимым и даже фантастическим, ему удалось вывести своих людей и при этом разбить врага. Он спланировал и разыграл сцену сдачи полка в плен. Риск был огромный, а шансов на успех было ничтожно мало. Многое зависело от того, как поведут себя его бойцы. Чуйков выехал с двумя ординарцами к полякам, якобы для проведения

переговоров о сдаче. За ним без строя, толпой двигались его солдаты, держа винтовки стволами вниз. Подъехав к вышедшим навстречу польским офицерам, Чуйков бросил на землю пистолет и на вопрос о том, кто он и какая это часть, назвал себя и правильный номер полка. Говорить неправду в этой ситуации было опасно, поляки могли знать, какое соединение перед ними. Пока продолжался разговор, подчиненные Чуйкова подошли уже совсем близко, и едва поляки заподозрили неладное, он подал условный сигнал. Его бойцы рванулись вперед, противник был смят. Это было невероятно, но план сработал! Они вырвались из кольца.

Стремление Чуйкова лично участвовать в разработанных им операциях, неумный молодой задор, безрассудная отвага не могли бесконечно оставаться без последствий. Спустя несколько дней Чуйков повел на прорыв сразу два полка своей дивизии, вновь попавшие в окружение — свой и соседний. Увлечшись боем, он вырвался вперед и оказался в одиночестве около поселка, занятого поляками. Поняв, что попал в засаду, он во весь опор поскакал назад, надеясь, что ему снова повезет. Но на этот раз все закончилось драматично. Ему вослед застучали пулеметные и ружейные выстрелы. Чуйков почувствовал сильный удар в руку и в ту же секунду его конь, которого тоже достали вражеские пули, сбившись с бега, упал на полном скаку. Поднявшись с земли, Василий увидел, что левая рука безжизненно повисла. Когда его подобрала свои, выяснилось, что ни врачей, ни санитаров при них нет. Рана оказалась очень большой, из нее торчали осколки плечевой кости. Во время перевязки, сделанной не очень умело с помощью индивидуальных пакетов, он, чтобы стерпеть боль, правой рукой вцепился себе в волосы, почувствовав, как ему казалось, облегчение. Весь дальнейший путь на повозке, которую бросало на бездорожье из стороны в сторону, он запомнил, как

нескончаемую муку и боль, временами впадая в забытие. Лишь к концу следующего дня они вышли к своим, где в бригадном лазарете ему наконец обработали руку по всем правилам. К счастью, в витебском госпитале, куда переправили Чуйкова, оказался опытный хирург, благодаря советам которого раненый начал быстро восстанавливаться. Выздоровев, он получил отпуск и, наведив свой полк, уехал на родину.

Радость встречи с родными, которых Василий не видел около трех лет, была особенно волнующей еще и потому, что он узнал новости о братьях, а самое главное — все были живы! Шестеро из них служили в Красной армии и на флоте. Василий, хотя и был пятым по старшинству братом, но по должности оказался выше всех. Большая семья Чуйковых жила бедно, 1921 год был неурожайным, голод был повсеместным. В эти дни в родном селе на спектакле самодеятельного кружка у Василия произошла встреча с девушкой Валентиной — он впервые увидел свою будущую супругу. Валентина Петровна, став женой Василия Ивановича, всегда была рядом с мужем на всем протяжении его жизненного пути.

В январе 1921 года Чуйков вернулся в свой родной 43-й полк, который теперь был отправлен на охрану государственной границы — особых пограничных частей в Советской России еще не существовало. С наступлением лета полку пришлось очищать белорусские леса от банд, грабивших села, нападавших на продотряды и убивавших заготовителей продовольствия, уничтожавших склады.

Служба в полку продолжалась до весны 1922 года, когда Чуйкову предложили отправиться на учебу на Высшие стрелковые курсы в Москву. Он и сам давно хотел продолжить свое обучение, поскольку понимал, что четыре класса сельской школы и краткосрочные курсы — это не тот багаж, с которым можно стать

настоящим командиром. Но решил, что будет поступать сразу в Военную академию, на подготовительные курсы. Однако неожиданно возникла серьезная проблема, из-за которой учеба в академии едва на закончилась для него, не успев начаться. Раненая рука начала опухать, покраснела. Каким-то образом Чуйкову удалось уговорить врачей выдать нужные справки без осмотра! Его мечта осуществилась — он был зачислен слушателем подготовительных курсов Военной академии им. М. В. Фрунзе. На этом для Чуйкова закончилась Гражданская война, отнявшая у него лучшие годы молодости, но выковавшая из него бесстрашного, самобытного командира.

* * *

После окончания Военной академии в 1925 году Чуйков получил неожиданное предложение продолжать учебу на китайском отделении Восточного факультета в том же учебном заведении. Он с головой ушел в новую для него область знаний, все вызывало у него огромный интерес — китайские иероглифы, история Китая, национальные традиции, политическая обстановка в стране. В 1926 году Чуйков в составе группы слушателей факультета побывал в Китае на практике.

Осенью 1927 года, после окончания Восточного факультета, Чуйков выехал на работу в Китай в должности военного советника при войсках, находящихся под влиянием китайских коммунистов. По роду своей службы он побывал во многих районах, научился хорошо говорить по-китайски и не думал тогда, что это очень поможет ему, когда он вновь придет работать в эту страну через несколько лет с миссией, гораздо более трудной и ответственной.

Летом 1929 года на советско-китайской границе, а также на Китайско-Восточной железной дороге стало неспокойно. Направляемые Чан Кайши, начавшим вооруженную борьбу против коммунистов, китайские войска систематически обстреливали нашу территорию. В сложившейся обстановке Чуйков и другие военспецы вынуждены были кружным путем, через Японию, вернуться на родину. Вскоре он вместе с прибывшими из Китая товарищами выехал в Хабаровск, где формировалась Особая Дальневосточная армия, во главе которой стоял легендарный герой Гражданской войны В. А. Блюхер. Как считало командование, руками китайцев проводился зондаж военных возможностей Красной армии на Дальнем Востоке. Части Особой Дальневосточной армии в середине ноября перешли в наступление, в котором была задействована авиация и танки МС-1. Это был легкий танк с экипажем из двух человек: не только китайцы, но и многие наши командиры, включая Чуйкова, впервые видели их в бою. Впоследствии Чуйков вспоминал трагикомическую картину, которую они наблюдали: пораженные появлением невиданных стальных «драконов», извергающих огонь, китайские солдаты и офицеры, высунувшись из окопов, взирали на них, парализованные страхом настолько, что были даже не в силах бежать прочь. Но и наши бойцы с удивлением глядели на новую для них технику, забывая наступать за танками. Большинство красноармейцев еще совсем недавно были крестьянскими парнями, которые до того времени не то что танков, но и тракторов-то у себя в деревнях ни разу не видели. В результате проведенной в кратчайшие сроки военной операции угроза нашим границам была ликвидирована.

Вернувшись в Москву, Чуйков занимается обучением командных кадров, а затем вновь учится сам — на академических курсах при Военной академии

механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина. Его боевой опыт и разносторонняя подготовка позволили ему прекрасно проявить себя на различных командных должностях — он успел побывать командиром бригады, стрелкового корпуса, Бобруйской армейской группы. В сентябре 1939 года он был назначен командующим 4-й армией, с которой принял участие в освободительном походе в Западную Белоруссию. В самый разгар советско-финляндской войны, в декабре 1939 года, Чуйков сменил не слишком удачно действовавшего М. П. Духанова на посту командующего 9-й армией, сражавшейся в Северной Карелии.

Осенью 1940 года Чуйков вновь оказался востребованным в качестве опытного специалиста по Китаю. Его срочно вызвали к наркому обороны С. К. Тимошенко, от которого он узнал о предстоящем переводе в Китай на военно-дипломатическую работу. Суть беседы с Тимошенко сводилась к тому, что в условиях начавшейся Второй мировой войны, уже охватившей Европу, главный вопрос, который волнует советское правительство, — это позиция Японии в случае вооруженного конфликта с Германией. Перспектива войны на два фронта вызывала большую тревогу. В разговоре с Чуйковым нарком заявил, что СССР продолжит оказывать помощь Китаю в отражении японской агрессии, а его задача — разобраться в обстановке в стане Чан Кайши и активизировать действия китайской армии. Но и это было еще не все: Чуйков должен был к тому же сдерживать агрессивность гоминьдановских войск против коммунистов. Для выполнения ответственной миссии генерал-лейтенант Чуйков назначался главным военным советником и военным атташе при главнокомандующем китайской армией.

Вскоре Чуйков смог получить еще одно очень весомое подтверждение того, сколь большое значение

придавалось руководством страны выяснению ситуации на востоке и созданию инструментов для воздействия на происходящие в этом регионе процессы в интересах безопасности Советского государства. Его вызвали в Кремль для новой беседы. Неожиданно для себя он был приглашен в кабинет к И. В. Сталину. Чуйков впервые лично встретился со Сталиным. Поздоровавшись, Сталин сразу перешел к делу. Услышав от Чуйкова, что он готов выполнить новую для него миссию, Сталин ознакомил его с внутривосточной обстановкой в Китае и, словно угадывая, как показалось Чуйкову, его вопросы, объяснил, почему тот должен ехать к Чан Кайши, а не в китайскую Красную армию. Как вспоминал Чуйков, Сталин, в частности, сказал: «Казалось бы, китайские коммунисты нам ближе, чем Чан Кайши, им и должна быть оказана главная помощь... Но эта помощь выглядела бы как экспорт революции в страну, с которой мы связаны дипломатическими отношениями... Главное — это объединить все силы Китая на отпор агрессору. Ваша задача, товарищ Чуйков, не только помочь Чан Кайши и его генералам с умением воспользоваться оружием, которое мы им посылаем, но и внушить Чан Кайши уверенность в победе над японскими захватчиками... Ваша задача, товарищ Чуйков, задача всех наших людей в Китае — крепко связать руки японскому агрессору. Только тогда мы сможем избежать войны на два фронта, если немецкие агрессоры нападут на нашу страну...» К этому необходимо добавить, что Чуйкову с его аппаратом вменялось в обязанность своевременно информировать руководство о возможных планах нападения Японии на нашу страну. Что и говорить, задача, поставленная Чуйкову, была не просто не из легких, но казалась почти неразрешимой, учитывая тот клубок противоречий, в котором переплелись интересы китайских политиков, а также тщательно скрываемые истинные цели японских

властей. Но он глубоко уяснил и другое — от результата его будущей миссии в значительной степени зависит ни много ни мало — соотношение сил на фронтах надвигающейся войны.

Вместе с Чуйковым в Китай выехали 15 военных советников и специалистов. И хотя все они имели отличную военную подготовку, сложность состояла в том, что никто из них не знал китайского языка. Стремление Чуйкова и его аппарата скоординировать, объединить военные действия гоминьдана и коммунистов наталкивалось на упорное сопротивление и той, и другой стороны. В этих условиях им было чрезвычайно сложно, особенно поначалу, реализовать хоть какую-нибудь военную операцию против японцев.

Однако, несмотря на все объективные трудности, на попытки гоминьдановских властей всячески осложнить работу группы Чуйкова, снабжать их дезинформацией, на постоянную слежку, удалось получить из разных источников достаточно информации для ответа на некоторые вопросы. В апреле 1941 года анализ военно-политической и экономической ситуации, сложившейся к тому времени в Китае, позволил сделать вывод о том, что Чан Кайши не осмелится в ближайшее время обострять борьбу с коммунистами, рискуя лишиться военной помощи из СССР и опасаясь гражданской войны, а следовательно, сохранится единый фронт борьбы китайцев против японской интервенции. Сделать такой вывод уже означало частично выполнить поставленные задачи. Но аппарат Чуйкова продолжил свою нелегкую работу. По рекомендациям советских советников в 1941 году были приняты меры по усилению оборонительных сооружений, а осенью того же года удалось наконец провести ряд спланированных аппаратом Чуйкова операций и нанести агрессору чувствительные поражения.

Но оставалась нерешенной еще одна труднейшая задача: выяснение направления дальнейших военных устремлений Японии — на север, против СССР, или на юг? Москва потребовала ответа на этот вопрос от советского посольства в Китае и от Чуйкова в начале лета 1941 года. Анализ поступающих к нему данных о переброске крупных соединений японской авиации и флота на юг, встречи с американскими, английскими, французскими военными дипломатами и изучение информации о ситуации на Дальнем Востоке позволили Чуйкову сделать окончательный вывод — Япония не выступит против нашей страны, а повернет свою экспансию в Тихоокеанский регион, против США. Риск в выводах Чуйкова, несомненно, существовал, но он не только умел рисковать, но прежде всего просчитывать результаты своей работы. И оказался прав.

После нападения Германии на СССР всем сердцем Чуйков был вместе с Родиной. Он написал несколько рапортов с просьбой направить его на фронт. В марте 1942 года он наконец вернулся в Москву.

* * *

Завершив дела, связанные с работой в Китае, Чуйков просится в действующую армию. Несмотря на то что ему уже 42 года — возраст зрелости военачальника, имеющего к тому же огромный боевой опыт, его длительное отсутствие в стране, видимо, при определении его места службы настораживало кадровиков, полагавших, что он недостаточно знаком с текущей обстановкой.

Лишь в мае Чуйков получил назначение на должность заместителя командующего 1-й резервной армией, развернутой под Тулой и усиленно занимавшейся боевой подготовкой. Поскольку

командующего армией назначено не было, Чуйков оказался в ней старшим генералом и фактически командующим. В начале июля был получен приказ Ставки о переименовании армии в 64-ю и переброске ее на Дон. Это означало, что ей предстоит вести боевые действия на Сталинградском направлении.

Шестнадцатого июля 1942 года Чуйков прибывает в штаб Сталинградского фронта. До прибытия туда он не имел никакой информации о том, где проходит линия фронта, где соседи, где противник. На тот момент части 64-й армии только выгружались из эшелонов. Отдельные подразделения дивизий уже находились недалеко от Дона, тогда как другие еще были у Волги. Тыловые части и армейские запасы, как выяснилось, еще даже не начинали погрузку и находились в районе Тулы. Армию нужно было срочно собрать из разбросанных на огромном пространстве частей и переправить через Дон. В такой обстановке Чуйков 17 июля получил директиву командующего фронтом с требованием занять оборону по линии, находящейся в 120–150 километрах за Доном. Чуйкову пришлось лично доказывать начальнику Оперативного отдела штаба невозможность выполнения приказа в указанный срок. Но произошло так, что именно 17 июля передовые отряды 62-й и 64-й армий вступили в бой с противником. Эту дату принято считать началом Сталинградской битвы.

Получение от вышестоящего штаба нереальных сроков развертывания главных сил армии явилось для Чуйкова неприятным сигналом, свидетельствующим об опасном расхождении между реальным положением дел и их оценкой командованием фронта. Причиной этого, как вскоре стало ясно Чуйкову, стала чрезмерная отдаленность командных структур от передовой. Расстояние от переднего края до штаба фронта составляло около 200 километров, а до штаба 64-й армии — 30–40 километров. Управлять на таком

расстоянии войсками при существовавших тогда средствах связи было нелегко.

В эти дни Чуйков встретился с командованием 62-й армии, вместе с которой его войскам предстояло остановить врага в излучине Дона — генералом В. Я. Колпакчи^[31] и дивизионным комиссаром К. А. Гуровым^[32]. Они и познакомили Чуйкова с обстановкой. Главное, что стало ему ясно, — драться придется в крайне невыгодных условиях, что подтвердила и рекогносцировка. Одного взгляда на местность было достаточно, чтобы понять — рубеж определяли в спешке. Линия обороны армии была выбрана крайне неудачно — в голой степи, без использования естественных преград, без возможностей маскировки и наличия выгодных позиций для огневых средств. Разведка и авиация противника видели обороняющиеся войска как на ладони, фланги были уязвимы перед возможностью их охвата и выхода в тыл нашей обороны. Ни один боевой командир не мог совершить таких ошибок. Это явилось еще одной неприятной новостью для Чуйкова, привыкшего относиться к выбору позиции как к залогам победы в бою. Волновало и отсутствие контакта со своим соседом слева.

В отсутствие командующего 64-й армией Чуйкову пришлось самому организовывать оборону с учетом всех обстоятельств, используя малейшие возможности для ее усиления и совершенствования, как он умел это делать. Дополнительные трудности при этом возникали из-за того, что каждая дивизия должна была оборонять участки фронта протяженностью в десятки километров. 19 июля в штаб Чуйкова прибыл генерал В. Н. Гордов, назначенный командующим 64-й армией. Но через два дня Гордова вызвали в Москву, откуда он вскоре вернулся уже командующим Сталинградским фронтом.

В преддверии первых для Чуйкова сражений с таким сильным и опытным противником, каким был вермахт, он, не теряя времени, старался изучать его тактику, сильные и слабые стороны. Он стремился чаще бывать в войсках, успел побеседовать со многими офицерами и солдатами, участвовавшими в боях, понимая, что их опыт — это его важнейший помощник в предстоящей битве.

Двадцать пятого июля противник начал наступление основными силами на полосу обороны 64-й армии. Уже в самом начале боев Чуйков едва не погиб, осматривая с воздуха позиции своей армии. В районе станицы Суворовской самолет У-2, на котором он летел, был атакован немецким Ju 88. И хотя «юнкере» не был истребителем, в данном случае это не имело значения — невооруженный тихоходный У-2 был прекрасной мишенью для боевого Ju 88. Немец около десяти раз делал заход на наш самолет, ведя огонь из пушек и пулеметов. Пытаться совершить посадку в голой степи было смерти подобно. Пилот У-2 вел машину на восток и безуспешно пытался найти хоть какой-нибудь лесок, за которым можно было укрыться. После очередной атаки самолет Чуйкова, маневрировавший на очень низкой высоте, ударился о землю и разломился пополам. Их выбросило из кабин и лишь благодаря случайности падение для обоих обошлось сравнительно благополучно. Вскоре их подобрал и вывез на машине в безопасное место офицер из Оперативного отдела штаба 62-й армии.

Ранним утром 25 июля 1942 года противник обрушился на позиции армии Чуйкова. В ходе непрерывных боев, продолжавшихся несколько дней, немцы преодолели первую полосу обороны 64-й армии, но все же были остановлены на реках Чир и Дон. Опасность прорыва 6-й немецкой армии с хода на Сталинград была ликвидирована. Минуло всего три дня

с начала сражения, а Чуйков уже сделал для себя первые выводы о тактике противника и поведении его солдат в бою:

немецкие танки не идут в наступление без поддержки пехоты и авиации;

пехота, вооруженная автоматическим оружием, часто ведет беспорядочную стрельбу, не причиняя заметного вреда обороняющимся;

при контратаках пехота отходит и ожидает поддержки танков;

ночью немцы не жалеют осветительных ракет и трассирующих пуль, опасаясь каких-либо действий с нашей стороны, освещая тем самым свой передний край;

взаимодействие наземных частей с люфтваффе хорошо отработано, причем летчики прекрасно знают тактику не только своих войск, но и наших, что было особенно малоприятно.

Способность Чуйкова в короткий срок подметить главные особенности действий противника, проанализировать и сделать правильные, а главное — конструктивные выводы, то есть все то, что отличало его и в Гражданскую войну, и во время работы в Китае, приносило свои плоды и в нынешней быстро меняющейся обстановке. Сам Чуйков так формулировал первейшую обязанность командующего: «Наблюдать врага, изучать его сильные и слабые стороны, знать его повадки — значит драться с ним с открытыми глазами, ловить его промахи и не подставлять свои слабые места под опасный удар».

Под натиском превосходящих сил противника 64-я армия была вынуждена отступить. О событиях тех дней Чуйков вспоминал: «Успех противника во многом объяснялся тем, что он начал наступление, когда войска нашей армии еще не были собраны в полки и дивизии. Если бы мы имели хотя бы двое-трое суток для организации обороны, закопались в землю, наладили

огневое взаимодействие и связь и организовали нормальное снабжение — противнику не удалось бы так легко прорвать оборону на фронте 64-й армии... Эта армия формировалась заново, как резервная. Очень многие ее бойцы и командиры впервые участвовали в бою... Они отступали, но отступали с боями, сдерживая натиск врага, о силе которого они порой не имели представления. Нельзя требовать невозможного. Превосходство противника было велико, остановить его наступление теми силами, которыми тогда располагала 64-я армия, было невозможно. Но бойцы и командиры 64-й задержали наступление, сорвали намерение гитлеровского командования окружить и уничтожить наши силы на западном берегу Дона».

Большая часть из того, что написано о Сталинградской битве, относится к периоду боев в самом городе. Нам известны поименно все герои — от солдата до генерала — и те, кто совершил подвиги, и те, кто, как принято считать, просто выполнил свой долг, хотя в сражающемся Сталинграде то, что сделал каждый из них, можно считать геройством. Но начиналась Сталинградская эпопея на берегах Дона. В. И. Чуйков, которому выпало быть участником Сталинградской битвы от ее начала и до конца, всегда отдавал должное своим бойцам и командирам, встретившим врага, нацелившегося на город, на дальних подступах. Он считал, что они тоже по праву могут считаться защитниками Сталинграда, независимо от того, пришлось ли им позднее участвовать в городских боях или нет. В 64-й армии было много частей, сражавшихся стойко и умело. Но среди них Чуйков особо выделял 112-ю стрелковую дивизию полковника И. П. Сологуба^[33] (после его гибели в августе командиром был назначен полковник И. Е. Ермолкин^[34]), 229-ю полковника Ф. Ф. Сажина^[35], 33-ю гвардейскую полковника Ф. А. Афанасьева^[36]. Эти дивизии, не успев

полностью сосредоточиться, до конца июля 1942 года не сдали своих рубежей на реке Чир, сражаясь против превосходящего противника. 112-я дивизия затем отличилась и в Сталинграде.

В разгар боев на Дону в штаб 64-й армии прибыл генерал-майор М. С. Шумилов, назначенный ее командующим, а Чуйков, который в течение почти всего июля исполнял обязанности командующего, оставался его заместителем. Как вспоминал Чуйков, с первых дней они нашли общий язык, отчего работа шла дружно и слаженно.

К концу июля 1942 года продвижение южной группировки 6-й немецкой армии было остановлено. Вермахту не удалось с ходу форсировать Дон на кратчайшем направлении на Сталинград. Не сумев сломить упорное сопротивление Красной армии на Дону, немецкое командование, уверенное в том, что произошла лишь досадная заминка, усилила состав группы «Б», наносящей удар на Сталинград, 4-й танковой армией генерала Г. Гота с задачей: ударом с юга овладеть городом, взяв в клещи войска Сталинградского фронта. Сражение принимало более острую форму, вовлекая все большие ресурсы с обеих сторон, силы наших армий таяли, требовалось принятие экстраординарных мер.

В этой обстановке 28 июля 1942 года вышел приказ наркома обороны № 227, ставший мгновенно известным как приказ «Ни шагу назад!». Этот документ с предельной ясностью показал, какая угроза нависла над Советской Россией, поставив вопрос о самом существовании государства. От Красной армии требовалось остановить врага. Верховное главнокомандование уже имело возможность на многих примерах убедиться, что вермахт почувствовал силу ответных ударов и обескуражен стойкостью наших

частей. Выстоять сейчас означало добиться перелома в войне.

Воздействие приказа на действия советских войск проявилось очень скоро. На это обратили внимание и в немецком командовании, хотя вначале этому не придали большого значения. Так, бывший генерал вермахта Г. Дёрр^[37], непосредственный участник боев под Сталинградом, впоследствии отмечал, что сопротивление Красной армии усилилось уже в начале августа.

По заданию Шумилова 2 августа Чуйков выехал на юг для выяснения обстановки. Проехав более 20 километров к югу от реки Аксай, мобильный отряд Чуйкова встретил две сильно поредевшие дивизии И. И. Людникова и Д. С. Куропатенко^[38], не имевшие связи со своей армией, и два полка гвардейских минометов — «катюш». Все они отходили в направлении Сталинграда. Чуйков принял решение подчинить себе отступающие части и переправить их за реку Аксай, служившую хорошим естественным рубежом. Продолжая собирать отходившие войска, Чуйков вскоре присоединил к сколоченной им группе бригаду морской пехоты, показавшую себя в развернувшемся через два дня сражении с наилучшей стороны, а также кавалерийский полк и несколько других полуразбитых дивизий. Собранные вместе и направляемые опытной рукой, эти части представляли вполне боеспособное соединение, которое Чуйков в рабочем порядке назвал Южной группой. Он доложил штабу фронта о ситуации на этом направлении и получил категорический приказ удерживать занимаемые позиции.

Пятого августа пехотным частям противника удалось на небольшом участке переправиться через реку. О дальнейших действиях врага Чуйков уже мог догадаться по своему, хотя и небольшому, но надежному, приобретенному в боях опыту. Ему было ясно, что за

ночь немцы постараются навести переправы для танков и с утра начнут наступление. «Они наверняка будут действовать по шаблону — авиация, затем артиллерия, потом пехота, а за ней танки, — размышлял Чуйков. — Другого порядка в наступлении через водную преграду, даже не очень широкую, они не знают». Предвидя, что немецкая авиация прилетит, когда солнце уже взойдет, он решил нанести удар «Катюшами» по скоплению танков и пехоты рано утром и затем атаковать. Чуйков не сомневался в верности избранного плана. Его беспокоило лишь одно — он не знал, на что способны наспех собранные им войска.

Все произошло именно так, как рассчитал Чуйков. Удар артиллерии на рассвете застал противника врасплох, фашисты были отброшены за реку с большими потерями, а танковая атака сорвана. В течение следующих дней в чуйковской Южной группе выработалась своя тактика: днем советские войска заманивали немцев вглубь своих оборонительных порядков, имитируя отступление, а в темное время суток, когда противник не любил воевать, контратаковали и возвращались на прежние позиции. Почувствовав, что его подчиненные обрели уверенность, Чуйков организовал преследование, в результате которого были захвачены десятки пленных, орудия, пулеметы и другая техника — первые пленные и трофеи за время оборонительных боев под Сталинградом. Подобная ситуация повторялась несколько раз — до 17 августа, когда был получен приказ штаба фронта на отход. В ходе умело организованной обороны группа Чуйкова в этих боях, имея минимальные потери, нанесла противнику такой урон, что после отхода наших частей гитлеровцы долгое время не вели наступление на этом участке фронта, обнаружив отход «чуйковцев» с большим опозданием.

Чуйков не только оборонялся, но и бил врага — без танков, без авиационного и зенитного прикрытия, без противотанковых средств! В этой незапланированно создавшейся ситуации, когда он получил возможность самостоятельно, без лишней волокиты и неосуществимых порой приказов управлять большим соединением, его полководческие задатки проявились ярко и с большой пользой для всего Юго-Восточного фронта.

Девятнадцатого августа немецким войскам удалось форсировать Дон у хутора Вертячий и начать наступление на Сталинград на всех направлениях. Вспоминая сражения в междуречье Дона и Волги, Чуйков не отделяет действия 64-й армии от участия в сражении их боевых соратников, имея в виду прежде всего 62-ю армию. В его словах о событиях середины августа ощущается и горечь поражений и потерь, и растущая гордость за своих солдат: «Остановить врага не удалось, он вырвался на дороги, ведущие к Волге. Но мы сорвали сроки его наступления, замедлили его продвижение. С каждым днем возрастала стойкость наших бойцов и командиров. Мы отступали. Но на каждом рубеже обороны противник встречал ожесточенное сопротивление... А мы, отступая, учились бить врага. Я вправе говорить о 62-й и 64-й армиях. В этих армиях зарождался массовый героизм Сталинграда».

На фоне массового героизма и самопожертвования выделяется подвиг, совершенный в эти дни у станицы Клетской шестнадцатью воинами 111-го гвардейского стрелкового полка во главе с младшим лейтенантом Кочетковым. Не сумев сломить их сопротивление силами пехоты, немцы двинули против них 12 танков. У красноармейцев не было ни одного противотанкового ружья. Тяжелое ранение получил их командир, многие тоже были ранены. Один из гвардейцев кинулся под гусеницы переднего танка со связкой гранат. Танк

загорелся. Вслед за своим товарищем еще трое бойцов остановили бронированные машины ценой своей жизни. Вражеские танки стали пятиться назад, но два по-прежнему ползли вперед. В живых оставалось только четверо советских воинов. Они могли где-нибудь укрыться, но не пожелали пропустить врага до тех пор, пока были в силах драться. Спрятав в укрытии своего раненого командира, они со связками гранат бросились под танки, уничтожив их.

Немецкие войска рвались к Сталинграду, не считаясь с потерями. Гитлер приказал взять город к 25 августа. За два дня до этой даты несколько пехотных, моторизованных и танковая дивизии врага из состава 6-й армии Ф. Паулюса прорвались на участке Вертячий — Песковатка и устремились к Сталинграду. Случилось то, чего наше командование из всех сил стремилось не допустить — передовые части немцев, в том числе около ста танков, вышли севернее поселка Рынок к Волге. Однако, натолкнувшись на заранее подготовленную оборону, они не смогли с ходу захватить северную часть Сталинграда. На тот момент 4-й танковой армии Г. Гота оставалось пройти до его южной окраины — Красноармейска — около 15 километров.

Положение становилось в высшей степени опасным. Этот день — 23 августа 1942 года — запомнился всем сталинградцам не только прорывом противника к Волге. Он стал самым трагическим в истории для жителей Сталинграда. Немецкое командование решило разрушить город, чтобы посеять панику и страх у его защитников и жителей. Во второй половине дня воздух наполнился нарастающим гулом, задрожали стекла в окнах домов. Сотни самолетов, волна за волной, обрушили на город бомбовый груз. В течение дня люфтваффе совершили две тысячи самолето-вылетов. Сталинград, растянувшийся вдоль волжского берега на

50 километров, был разрушен и пылал, погибли десятки тысяч людей.

Двадцать четвертого августа по просьбе Шумилова Чуйков выехал на передовую. В течение двух дней, действуя в своей обычной манере — инициативно, требовательно и без промедления, он исправлял промахи командиров, проверял состояние обороны, организовывал контратаки. Об этом «рейде» Чуйкова командарм М. С. Шумилов вспоминал: «Однажды он около десяти часов не давал о себе знать. Как выяснилось впоследствии, В. И. Чуйков успел за это время побывать на нескольких участках фронта. В одном месте помог растерявшимся артиллеристам отразить атаку танков, в другом — остановил отступавшее подразделение, которое осталось без командиров. Повернул цепь назад, приказал окопаться на новом рубеже. Словом, волевых качеств Василию Ивановичу было не занимать».

В условиях больших разрывов между частями и удаленности высших штабов от линии фронта огромное значение приобретала связь. Вспоминая лето 1942 года, Чуйков отмечал, что и на второй год войны связь оставалась в нашей армии слабым местом. Если противник широко применял радию, то наши войска использовали преимущественно проводную связь, которая постоянно выходила из строя. Из-за плохой связи данные о положении на передовой приходили с опозданием. Для передачи указаний войскам, разбросанным на большой территории, приходилось рассылать офицеров. Все это крайне затрудняло руководство армией.

Ставка Верховного главнокомандования постоянно усиливала войска Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. С 1 по 20 августа сюда было направлено 15 стрелковых дивизий и три танковых корпуса, однако прибывали они с запозданием и спешно вводились в бой,

нередко по частям, что снижало их боевые возможности. Многие части несли большие потери от налетов немецкой авиации еще в местах выгрузки и в пути.

Двадцать третьего августа недалеко от станции Котлу-бань передовой отряд 35-й гвардейской стрелковой дивизии, которым командовал капитан А. А. Столяров, вступил в схватку с превосходящими силами мотопехоты и танков противника. В разгар боя командир выбыл из строя и командование принял капитан Рубен Руис Ибаррури, сын председателя ЦК Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури. В этом бою он был смертельно ранен. Рубену Ибаррури посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В. И. Чуйков в своих воспоминаниях дал такую оценку этому периоду Сталинградской битвы: «Мы знали решение Ставки Верховного главнокомандования, лично Сталина, что за город будем сражаться всеми силами. Мы понимали, что судьба и результат кампании всего 1942 года решается здесь, на Волге.

Сталинград в 1942 году оказался, как Москва в 1941 году, таким объектом, в котором сошлись главные стратегические, политические, экономические и престижные цели и задачи всей войны. Накал боев на Волге дошел до такой степени, что осенью 1942 года весь мир замер. Все зависело от того, удержат ли советские войска Сталинград».

Стремление Чуйкова чаще находиться не передовой было по сути своей верным, но таило в себе постоянный риск, особенно в условиях, когда передвигаться приходилось по степи в условиях полного господства немецкой авиации и невозможности порой найти хоть какое-то укрытие. Но к смертельной опасности привыкали, стараясь не обращать на это внимание. В трудные минуты выручали фронтовой опыт, разумная осторожность и взаимопомощь. Но и вдали от

передовой, под непрерывным огнем врага в те дни никто, включая армейское командование, не мог ощущать себя даже в относительной безопасности.

Третьего сентября на КП 64-й армии обрушились немецкие снаряды и бомбы. Чуйков и другие офицеры продолжали работать, сидя в пыли и духоте под жиденьким навесом из жердей и земли. Они не имели права покинуть свои места — отсюда велось управление войсками. То, что произошло далее, В. И. Чуйков описал так: «Вдруг наш блиндаж будто подбросило кверху. Раздался оглушительный взрыв. Я не помню, как мы с Абрамовым^[39] очутились на земле, а столы и табуретки оказались перевернутыми. Над нами было небо, затянутое пылью... кругом раздавались крики и стоны.

Когда пыль несколько рассеялась, мы увидели в шести-восьми метрах от нашего блиндажа огромную воронку диаметром метров 12-15. Вокруг лежало несколько изуродованных трупов, валялись перевернутые автомашины, выведенная из строя радиостанция; проводная связь тоже оказалась нарушенной». При переезде на запасной КП за автомашиной Чуйкова начал охоту «Юнкере», который на бреющем полете высыпал на них дюжину бомб. Однако на этот раз Чуйкова с его водителем и адъютантом спас не слепой случай, а выдержка и расчет.

Противник продвигался вперед благодаря многократному превосходству над войсками Юго-Восточного фронта. Наиболее значительным оно было в полосе 62-й армии: в живой силе — в 1,8 раза, в танках — почти вчетверо, в крупнокалиберной артиллерии — в шесть раз. Некоторые советские дивизии в обеих армиях, защищавших Сталинград, имели в своем составе всего по 500-1000 человек, а в десяти танковых бригадах оставалось 146 танков. Предпринятые в помощь защитникам города по приказу Ставки удары с

северо-восточного направления армий Сталинградского фронта не достигли желаемого результата. К 12 сентября войска 62-й и 64-й армий были вынуждены отойти на городской оборонительный обвод. Вместе с войсками уходили, торопясь к переправам, люди, угоняя скот, захватив с собой остатки своего имущества. В этот день в районе Купоросное немцы вышли к Волге и разорвали фронт, изолировав 62-ю армию от остальных войск. На следующий день бои уже шли на улицах города.

За день до этих событий Чуйкова вызвали в штаб фронта. Он не выезжал в тыл уже более месяца. То, что он увидел по дороге в город, потрясло его. В своих воспоминаниях он описал ту драму, которая разворачивалась на его глазах: «Проселки забиты или отходящими войсками, или беженцами. Фашистские самолеты совершали разбойничьи налеты на мирных жителей... На переправах создавались пробки. Паромы через протоки Волги работали с перебоями. На берегу скопились повозки и машины с ранеными. От этой картины щемило сердце, но я ничем им помочь не мог. Увидя мои генеральские знаки различия, меня обступили с расспросами: «Как дела в городе?», «Сдадим ли Сталинград?», «Когда остановится отступление?»

— Сталинград не сдадим! — заверил я раненых. — Этого не может быть! Дальше отступать некуда!

Ну, а когда меня спрашивали, когда подойдет за ними транспорт, я ничего ответить не мог. Раненые лежали под открытым небом... Перебои с едой. Врачи и медсестры валились с ног от усталости...

В темноте мне удалось переправиться через Волгу. Западный берег в огне. Зарево пожара освещает и Волгу, и восточный берег. Можно не зажигать фар. Не искушенному в боях человеку показалось бы, что в пылающем городе уже нет места для жизни, что там все

разрушено, все сгорело. Но я знал: на том берегу продолжается бой...»

Утром 12 сентября Чуйков явился в штаб Юго-Восточного фронта. Командующий А. И. Еременко в присутствии члена Военного совета Н. С. Хрущева объявил Чуйкову о назначении его командующим 62-й армией. Задачи были обозначены коротко и ясно: немцы решили любой ценой взять город, отдать Сталинград фашистам невозможно, отступать дальше нельзя и некуда. Командарм 62-й армии генерал Лопатин^[40] считает, что его армия город не удержит.

На вопрос Еременко, как он понимает задачу, Чуйков ответил: «Я приму все меры к удержанию города и клянусь, оттуда не уйду. Мы отстоим город или там погибнем». Вечером того же дня Чуйков вернулся на правый берег. Найти КП армии оказалось очень непросто. В указанном месте у реки Царица, которое ему сообщили в штабе фронта, его не оказалось. Блуждать в надвигавшейся темноте по разрушенному городу было небезопасно. Случайно повстречавшийся офицер сообщил, что искать надо на Мамаевом кургане.

На КП Чуйкова встретил начальник штаба армии Н. И. Крылов^[41]. Поздоровавшись, Крылов продолжил начатый ранее телефонный разговор, показывая Чуйкову на карте, участки, о которых шла речь, и подробно объясняя задачу какому-то командиру. Чуйков понимал, что таким образом он постепенно вводил его в курс дела, поскольку времени на подробный доклад у него не было. Они словно общались на понятном обоим языке, отлично понимая друг друга уже в первые минуты совместной работы. Чуйков почувствовал, что с этим человеком он быстро сработается. Именно так и произошло впоследствии. Они не только прекрасно дополняли друг друга как военачальники, но и крепко сдружились, сохранив эти отношения на всю жизнь.

Помещение КП армии трудно было даже назвать блиндажом. Это была широкая щель, прикрытая хворостом и соломой и присыпанная небольшим слоем земли. Внутри на земляном полу возвышались предметы «интерьера», сделанные тоже из земли: лавка, кровать и стол с разложенной на нем картой. В этом же пространстве оборудовано место для связистов. В первые часы пребывания на своем КП Чуйкову представился случай показать и ближайшему окружению, и подчиненным свой характер командарма и понимание боевой задачи. Узнав, что командир танкового корпуса без разрешения перенес свой КП на самый берег Волги, оказавшись позади КП армии, Чуйков приказал ему вместе с комиссаром срочно явиться с докладом. Когда вызванные товарищи прибыли, в блиндаже уже находились офицеры штаба армии и дивизионный комиссар К. А. Гуров. В их присутствии Чуйков в категоричной форме объявил генералу — командиру танкового корпуса и его комиссару, что расценивает их поведение как грубейшее нарушение приказа № 227, а следовательно, как дезертирство с поля боя. Оба провинившихся готовы были провалиться сквозь землю от стыда. Чуйков строго предупредил их и приказал немедленно вернуть КП на прежнее место. Вне всякого сомнения, весть об этом разговоре и о крутом нраве нового командующего мгновенно разлетелась по армии.

Когда Чуйков принял командование 62-й, она по своей сути мало чем напоминала полноценную армию, от этого грозного военного понятия оставалось лишь название. Просто сказать, что она была ослаблена в предыдущих сражениях, означало бы только полуправду, потому, что многие соединения фактически перестали существовать в изначальном виде и не могли самостоятельно выполнять положенные им боевые задачи. Так же ошибочно определять ее силу по

количеству дивизий, танковых и других частей, входивших в нее. В некоторых дивизиях оставалось по 100-200 бойцов, а в танковых бригадах по одному-два танка. Армия оказалась полностью отрезанной от соседей, ее фланги упирались в Волгу. У Чуйкова было около 50 тысяч человек, тогда как наступающий на него противник имел 170 тысяч солдат, 500 танков, 3 тысячи орудий. В воздухе господствовала немецкая авиация, совершавшая до трех тысяч вылетов в сутки. Поддержка нашей авиации была раз в десять меньшей.

Задача этой мощной группировки противника была очевидной для нашего командования, а немцам казалась простой, решаемой в несколько дней: разгромить оставшиеся советские войска и сбросить остатки 62-й армии в Волгу. Перестроив свои силы, противник повел наступление на центральную часть Сталинграда. Что же делать командующему в такой ситуации, на что опереться, как отстоять город?

Первым конкретным шагом Чуйкова, при отсутствии резервов и в ожидании подкреплений, обещанных командованием фронта, стала одобренная Военным советом армии раздача оружия коллективам предприятий города и создания вооруженных рабочих отрядов. Чуйков запретил любой самовольный отход с занимаемых позиций без ведома его и начальника штаба. Введение этой меры сопровождалось принятием решения о том, что командующий и штаб армии должны оставаться в Сталинграде и на левый берег или на острова ни в коем случае не отходить. Чуйкову оказалось достаточно одного дня боев, чтобы понять, что в условиях постоянных бомбежек, обстрелов и непрерывного нарушения связи управлять войсками с командного пункта на Мамаевом кургане невозможно. КП армии с разрешения штаба фронта был перенесен в балку реки Царица. Положение 62-й армии в эти дни стало критическим. Сил противостоять сильному

противнику не хватало, требовалось срочное усиление свежими дивизиями.

С этого дня — 13 сентября 1942 года — все предыдущие представления Чуйкова о ведении боевых действий и построении обороны и даже накопленный им опыт сражений с немецкими войсками не имели почти никакого значения. Для него и для его подчиненных началась новая война. Она называлась — сражение в условиях города. В этой войне не существовали, в том понимании и в тех параметрах, как это принято военной наукой, такие определения, как линия фронта, передний край, глубина обороны, оперативное построение, тыл. Ни бойцы, ни командиры, ни сам Чуйков и ни вышестоящие генералы — от командования фронта до Ставки, не имели опыта столь масштабных боев в огромном городе. Единственным положительным моментом в этой ситуации являлось отсутствие аналогичного опыта и у противника. Более того, немцы не собирались вести длительное сражение в городе и были к нему совершенно не готовы. Вот как понимал перемену в ходе битвы сам В. И. Чуйков: «13 сентября 1942 года было началом периода самого кровопролитного, самого упорного сражения, которое вошло в историю как «оборона Сталинграда», длившаяся до 19 ноября, то есть до перехода советских войск в контрнаступление. Это сражение для войск, оборонявших Сталинград, особенно для войск 62-й армии, было непрерывной смертельной схваткой, без оперативных пауз и без ночных затиший как с той, так и с другой стороны. Оборона 62-й армии не была ни на минуту пассивной, это была атакующая оборона, которая не давала передышки наступающему противнику».

Ограничиваться одними лишь оргмероприятиями, даже крайне необходимыми, было недостаточно. Первым важным командирским решением Чуйкова

явилась организация контратаки в ночь на 14 сентября. Это была отчаянная попытка с небольшими надеждами на успех, предпринятая малыми силами, но сыгравшая важную роль. Планы немцев на какое-то время были сорваны, появилась возможность укрепить оборону центра города и переправы, на которой через сутки должна была высадиться 13-я гвардейская стрелковая дивизия Героя Советского Союза генерал-майора А. И. Родимцева, спешившая на помощь защитникам города. Но наутро противник нанес сильнейший удар. Враг рвался к Мамаеву кургану и к Волге через центр Сталинграда, не считаясь с потерями, напролом. Чуйков вспоминал, что немцы, видимо уверовав в скорую победу, были буквально охвачены каким-то психозом. Наши бойцы видели, как пьяные солдаты выпрыгивали из машин, играли на губных гармошках, кричали и плясали на тротуарах, попадая под шквальный огонь защитников города.

Общая длина Сталинграда вдоль берега Волги составляла около 40 километров, а ширина всего пять и только на севере в заводском районе доходила до десяти. Именно столько оставалось пройти захватчикам для взятия города. Представитель Ставки Г. К. Жуков, координировавший действия армий в районе Сталинграда и предпринимавший все возможное для того, чтобы отстоять город, но обязанный логикой стратега предусмотреть любое развитие событий, не исключал, что наступают, возможно, последние часы обороны Сталинграда. Но произошло то, чего не ожидал никто ни в Германии, ни в союзных ей странах, но что как самую важную новость затаив дыхание ждали советские люди: эти километры гитлеровцы пройти так и не смогли, несмотря на многократное превосходство в силах над защитниками города.

Именно в эти дни Чуйков и его окружение со всей очевидностью убедились — истребление солдат и

офицеров противника среди развалин города происходит гораздо успешнее, чем на открытом пространстве. Это было важное новшество, родившееся на руинах Сталинграда — втянуть немцев в городские бои и перемалывать их живую силу в условиях, когда они, наступая, несут неизмеримо большие потери, зачастую не понимая, откуда по ним ведут огонь. Вынудив противника сражаться в тесноте узких улиц, в ближнем бою, защитники города постепенно лишили его главных преимуществ — в авиации, танках и количестве пехоты. Теперь сражение продолжалось на равных и по нашим правилам. Но все это проявится в полной мере позже, а в те дни Чуйков, сознавая колоссальную опасность, нависшую над центральной переправой, куда должны прибывать подкрепления, бросил в бой последние резервы, включая охрану и сотрудников штаба армии, заменивших погибших командиров в различных частях. Судьбу Сталинграда и его защитников решали уже не дни, а часы.

В ночь на 15 сентября 13-я гвардейская дивизия генерала Родимцева переправилась двумя полками в Сталинград и с ходу вступила в бой. Ее удар был совершенно неожиданным для противника. Бойцы дивизии, ядро которой составляли десантники, дрались умело и бесстрашно. Удалось отбросить противника от берега Волги, в районе вокзала и в центре города завязались жестокие схватки, переходившие в рукопашные. На следующую ночь в Сталинград переправился 39-й гвардейский стрелковый полк этой дивизии, который 16 сентября при участии подразделений 112-й стрелковой дивизии штурмом взял Мамаев курган.

Пятнадцатого сентября Родимцев прибыл на КП Чуйкова и получил от него задачу — очистить центр города и занять оборону на участке от реки Царица до Мамаева кургана. В результате умелых действий

обороняющихся и контратак прибывших свежих сил, за один день 15 сентября противник потерял только убитыми свыше двух тысяч человек, а вместе с ранеными около десяти тысяч и 54 танка. Получив жесткий отпор, немецкое командование осознало, что лобовыми ударами, нахрапом Сталинград не взять.

С первых же дней боев в Сталинграде Чуйков направил свои усилия не только на то, чтобы отразить удары врага, но и на поиск новых форм городского боя, полагаясь на свое понимание обстановки, а также на опыт командиров и бойцов, проявлявших инициативу и смекалку. Так родился важнейший тактический прием, ставший обязательным для всей 62-й армии. Чуйков вспоминал: «Наблюдая за действиями вражеской авиации, мы заметили, что фашистские летчики не отличаются точностью бомбометания: они бомбят наш передний край только там, где есть широкие нейтральные полосы, то есть достаточное расстояние между нашими и вражескими передовыми позициями. Это натолкнуло нас на мысль: сократить нейтральные полосы до предела — до броска гранаты... И удержаться там всеми силами. А если враг не примет нашу тактику ближнего боя, попытается оторваться — не давать увеличивать разрыв». Чтобы еще больше нейтрализовать действия немецкой авиации и уменьшить свои потери, командование армии приказало контратаковать преимущественно ночью. Атаковать врага, когда он этого не ждет, — излюбленный прием Чуйкова еще со времен Гражданской войны. Этому он учил своих подчиненных и в Сталинграде. Он требовал вести активную оборону, использовать любую возможность для наступательных действий. Для этого, как вскоре стало понятно, лучше было действовать небольшими группами.

Внимательно изучая донесения о сражениях в городских кварталах, Чуйков все яснее понимал, что

хорошо отработанной, но шаблонной тактике противника надо противопоставить что-то еще, что даст возможность не только успешно обороняться, но и уничтожать врага. Необходимо было определить и донести до всех солдат и командиров понятную, вытекающую из характера боев задачу. Замысел о новой тактике окончательно созрел, когда стали известны подробности сражения за вокзал, которое вели бойцы 13-й гвардейской дивизии.

В. И. Чуйков, вспоминая эти события, отмечал: «13-я дивизия генерала Родимцева... вступила в бой сразу после переправы через Волгу и выдержала главный удар немецко-фашистских войск, стремившихся с ходу захватить город. Гвардейцы стояли насмерть, отходили только тяжелораненые, выползая поодиночке. Из рассказов раненых явствовало, что фашистские захватчики несут большие потери. Отрезанные от главных сил дивизии, гвардейцы одиночками или группами по два-три человека закреплялись в будках стрелочных постов, в подвалах привокзальных помещений, за перронными путями и под вагонами и оттуда самостоятельно продолжали выполнять поставленную перед ними задачу: били фашистов и с тыла, и с флангов, истребляли их ночью и днем. Они навязывали врагу такую тактику уличного боя, которая вынуждала гитлеровских офицеров держать в напряжении роты и батальоны круглые сутки... Тогда-то особенно ясно стала оформляться мысль, которую я вынашивал с первых дней фронтовой жизни...

Надо было сделать так, чтобы каждый дом, где имеется хоть один наш воин, стал для врага крепостью. Ничего страшного не будет, если боец, зная общую задачу армии, останется один и будет решать ее самостоятельно. В уличном бою солдат порой сам себе генерал. Нельзя быть командиром, если не веришь в способности солдат».

Командование 62-й армии без промедления решило изменить тактику. В ротах и батальонах появились новые тактические единицы — штурмовые группы. Действовать организованно большими подразделениями в условиях городского боя зачастую было невозможно. В эти группы, помимо автоматчиков, включались истребители танков, минометчики, саперы, связисты, разведчики. Главная задача таких групп — активная оборона. Нужно было лишить противника возможности воевать в привычном ритме, держать его в напряжении и днем и ночью, не дать ему возможности угадать, откуда будет нанесен очередной разящий удар, посеять в его рядах неуверенность и страх.

Успех штурмовых групп, так же как и собственная жизнь бойца, и жизнь его товарищей, целиком зависел от поведения в бою каждого солдата. Чуйков вывел свою формулу действий, понятную каждому: «Штурмовая группа — детище ближнего боя. Ее незаменимое оружие — граната... Автомат — на шее, 10 гранат — под рукой, отвага — в сердце. Действуй!.. Врывайся в дом вдвоем — ты и граната. Оба будьте одеты легко: ты — без вещевого мешка, граната — без «рубашки». Врывайся так: граната — впереди, а ты — за ней. Проходи весь дом опять же с гранатой — граната — впереди, а ты — следом...»

Сражение в городе постепенно стало распадаться на отдельные очаги. Бои шли в основном в разрушенных зданиях — за каждый этаж, комнату, подвал, дома постоянно переходили из рук в руки. Полоса обороны армии напоминала зубья пилы, которую позже так и называли «пила Чуйкова». А фронтовые журналисты подхватили это сравнение, написав, что она «перепилила шею Гитлера медленно, но верно».

Смерть поджидала захватчиков со всех сторон. В этих схватках верх брали наши солдаты, потому что, как вспоминал Чуйков, «гитлеровцы не любили, вернее, не

знали ближнего боя, они его не выдерживали морально». Штурмовые группы явились важнейшей формой борьбы, позволившей не только перехватить инициативу у противника, но и победить его психологически, что стало уже совершенно ясно в октябре. Но во второй половине сентября враг был еще очень силен и активен. Вся линия обороны 62-й армии полыхала огнем. Наиболее ожесточенные бои развернулись на Мамаевом кургане, в районе вокзала, в центре города, у элеватора. Стойкость наших войск в центральной части Сталинграда сорвала планы командования 6-й немецкой армии. В этих боях особенно отличились гвардейцы Родимцева, а также вступившие в бой в течение 17–18 сентября дивизии: 284-я полковника Н. Ф. Батюка и 95-я полковника В. А. Горишного^[42]. На реке Царица вели тяжелые бои 42-я бригада М. С. Батракова^[43], 92-я стрелковая бригада моряков-североморцев, полк дивизии А. А. Сараева и 35-я гвардейская стрелковая дивизия полковника В. П. Дубянского^[44].

Двадцать первого сентября Ф. Паулюс бросил на прорыв на узком участке в направлении центральной пристани пехотную, моторизованную и две танковые дивизии, отчаянно пытаясь подавить защитников города массой. Но немецкая пехота продолжала бесследно исчезать в этом городе, ставшем для них огромной могилой. Большие потери понесли и наши соединения. Однако командование фронта уже смогло оценить значение битвы в условиях города, когда оборона меньшим количеством войск наносит противнику огромный урон. В Сталинград постоянно направлялись пополнения.

Из-за непрерывного обстрела КП армии противником его снова пришлось перенести — на этот раз севернее пристани «Красный Октябрь». Чтобы не угодить со всеми документами в руки противника, решено было

переправиться на лодках на левый берег, проехать на машинах на север и вернуться в Сталинград. Пользуясь возможностью, Чуйков с офицерами побывали в баньке, переоделись в чистое обмундирование. Время пролетело быстро, незаметно наступил рассвет. В ужасе от того, что они могут не успеть вернуться засветло в Сталинград, оставив тем самым армию на сутки без командующего и штаба, Чуйков и его попутчики помчались к переправе. Увидев, как отчаливает последний катер, Чуйков бросился к нему и запрыгнул на борт, рискуя свалиться в воду. Он приказал вернуться к берегу. Забрав остальных, они вскоре высадились на «своем» берегу.

Способность к сопротивлению прижатой со всех сторон к Волге 62-й армии полностью зависела от работы переправ. Для более устойчивого снабжения и вывоза раненых каждой дивизии было разрешено иметь свои пристани и переправочные средства. Это решение оказало большое влияние на ход битвы. Удалось повысить и надежность связи, проложив по дну реки резервные провода. Но перебросить через Волгу боеприпасы, продовольствие и другое имущество было еще недостаточно. Привезенное за ночь нужно было до рассвета доставить непосредственно в войска, иначе утром все будет уничтожено огнем артиллерии и бомбовыми ударами. При отсутствии лошадей и автомашин все грузы разносили по ночам в свои части те самые солдаты, которые днем сражались на передовой. Так продолжалось не день, не неделю, а все время, пока длилась битва за город.

Командование 62-й армии понимало, что прорвавшийся к Волге противник поведет наступление вдоль берега на север и на юг, отрезая наши войска от реки. Чуйков принял решение опередить немцев. 23 сентября вдоль берега Волги на юг, в помощь дивизии Родимцева, атаковала врага переправившаяся накануне

284-я дивизия полковника Н. Ф. Батюка. Вспоминая эти бои, Чуйков отмечал: «Уничтожить противника, вышедшего к Волге... не удалось. Однако план Паулюса — выйти к Волге, а затем атаковать армию во фланг и тыл ударом вдоль Волги — сорвался, он разбился о стойкость дивизий Родимцева, Батюка, Горишного, Ермолкина, бригады Батракова и других частей. Для 62-й армии кризис миновал, она не дрогнула после первого прорыва врага до самой Волги. Мамаев курган оставался у нас. Ни одна наша часть не была уничтожена полностью. Контратаки сибиряков дивизии Батюка остановили наступление противника в городе».

Чуйков считал крайне важным не только присутствие офицеров штаба армии и всех членов Военного совета в Сталинграде, но требовал от них бывать в войсках, доходить до переднего края. Все защитники города — от солдат до комдивов — видели, что командование армии рядом с ними.

В войне на истребление, развернувшейся в Сталинграде, наши воины использовали все возможные способы, при этом надеясь не только на свое оружие. Они придумывали различные уловки, били врага хитростью и смекалкой, подмечали любую мелочь в поведении немецких солдат. Заметив, что во время затишья лишь немногие немцы наблюдают за полем боя, а остальные отдыхают в укрытиях, чтобы выманить их, среди ночи красноармейцы дружно кричали «ура», немцы бросались к окнам и амбразурам, и тогда с нашей стороны по ним открывался огонь из всех видов оружия.

В ходе боев немецкая пехота постоянно использовала ракеты для указания своей авиации направления на цели. Наши бойцы часто начинали пускать такие же ракеты в направлении позиций, занимаемых немцами. Сбитые с толку летчики люфтваффе были вынуждены сбрасывать бомбы куда

попало, иногда на головы своих. И таких приемов наши солдаты придумали множество.

Настоящим кошмаром для захватчиков в Сталинграде являлись снайперы. Они пользовались особым уважением среди наших солдат, порой решая судьбу скоротечного боя. Чуйков всячески поддерживал снайперское движение, часто встречался с прославленными снайперами 62-й армии — В. Г. Зайцевым, А. И. Чеховым, В. И. Медведевым и др. На счету каждого из них были сотни солдат и офицеров противника. Понимая, что эти люди как никто другой знают повадки врага, он интересовался их мнением о том, какие приемы ведения боев на конкретных участках, занимаемых их частями, могут быть наиболее эффективными, что нового подмечают они в поведении врага.

Внимание к солдатам, общение с ними Чуйков считал необходимым для себя в любой обстановке. Он многому учился у них, ценил их боевой опыт. Чуйков вспоминал: «Порой солдат больше знает психологию солдат противника, чем генералы... Он изучает характер врага... Он не видит поля боя так широко, как видим мы со своих НП, но по поведению солдат противника на поле боя... он острее других чувствует моральные силы врага. А знать моральные силы врага не вообще, а непосредственно на поле боя — это в конечном счете главный решающий фактор любого боя».

Заканчивался сентябрь. Казалось, после первого бешеного натиска немцев 62-ю армию трудно чем-либо удивить. Однако впереди ее ждали новые, еще более тяжелые испытания. 27 сентября Ф. Паулюс бросил против защитников города свежие части, перенес главный удар на заводской район и Мамаев курган. И хотя к наступлению противника усиленно готовились, об истинных силах, подтянутых немцами к Сталинграду, советское командование, по-видимому, не имело ясного

представления. Когда к вечеру того же дня выяснилось, что враг продвинулся вперед до трех километров и овладел вершиной Мамаева кургана, Чуйков подумал: «Еще один такой бой, и мы окажемся в Волге».

Ночью в Сталинград переправились два полка 193-й дивизии генерал-майора Ф. Н. Смехотворова^[45] и сразу вступили в бой на участках прорыва немцев. На следующий день все повторилось сначала. Потери с обеих сторон были огромные. Немецкая авиация сбрасывала на позиции армии Чуйкова не только бомбы, но и куски металла, бочки, издававшие при падении устрашающее гудение. Возможно, у немцев не хватало бомб, но, что вероятнее, это делалось с целью психологического воздействия на советских солдат.

Анализ действий противника штабом Чуйкова показал, что Ф. Паулюс переносит направление главного удара из центральной части города на заводы СТЗ, «Баррикады» и «Красный Октябрь», сосредоточив на этом направлении крупные силы. Но и 62-я армия, сдержавшая уже не одно сильнейшее наступление, получила своевременную помощь. В течение трех суток с 1 по 3 октября в Сталинград переправились стрелковые дивизии: 39-я гвардейская генерал-майора С. С. Гурьева^[46], ядро которой составляли десантники, 308-я полковника Л. Н. Гуртьева^[47] — в ее рядах в основном были сибиряки, и 37-я гвардейская генерал-майора В. Г. Жолудева^[48].

В эти дни, когда накал боев доходил до предела человеческих возможностей, Чуйков, как бывало всегда в минуты смертельной опасности, действовал еще быстрее и решительнее. Он направлял удары армейской артиллерии из-за Волги по скоплениям войск противника, вызывал авиацию, маневрировал своими частями, прикрывая ослабленные участки обороны. Однако немецкие наблюдатели засекли место, где размещался КП армии, и 2 октября нанесли по нему

артиллерийский и авиационный удары. Поблизости находились резервуары с нефтью. Такое соседство и раньше беспокоило Чуйкова, и теперь море огня хлынуло прямо на КП, сжигая все на своем пути — блиндажи, провода связи, баржи на берегу. О том, что произошло далее, Чуйков вспоминал так: «Начальник штаба Н. И. Крылов подал команду «Никому никуда не уходить! Все за работу в уцелевшие блиндажи!»... Подойдя ко мне, он шепотом спросил:

— Как, выдержим?

Я ему ответил: — Выдержим! — И закончил его же, сказанными ранее, словами: — А в случае необходимости будем прочищать свои пистолеты...

— Где вы находитесь? — то и дело запрашивали из штаба фронта. Мы это понимали так: командование фронта хотело убедиться, живы ли мы и существует ли еще управление войсками в городе. Не договариваясь, мы с Крыловым отвечали одно и то же:

— Сидим там, где больше всего огня и дыма».

КП армии пришлось менять в очередной раз. Его новое место выбрали на пол километра ближе к Тракторному заводу. Словно по воле злого рока, стоило Чуйкову переместить свой КП, как вскоре противник начинал наступление в этом направлении. Вот и на этот раз он двинул прибывшие подкрепления именно в эту сторону.

В один из дней в начале октября Гуров предложил Чуйкову поехать на левый берег в баню. Надобность в этом была очень большая. Сын В. И. Чуйкова Александр рассказывал мне: «Отцу, конечно, очень хотелось побывать в баньке. Он колебался. Вышел на берег, подошел катер. И в этот момент он заметил: отовсюду вышли люди и смотрят — уедет или не уедет? Отец постоял и пошел назад. Все понимали ситуацию одинаково — если командарм уедет попариться, то значит и нам можно...»

С конца сентября основные силы немецких войск практически непрерывно атаковали советские позиции в заводских районах Сталинграда. 62-я армия втянулась в тяжелейшие оборонительные бои, которые, ненадолго затихая, разгорались с новой силой, повсеместно переходя в рукопашные схватки. Как стало известно после войны из трофейных документов, только в октябре в 6-ю армию Ф. Паулюса было отправлено 75 процентов всех пополнений, прибывших на советско-германский фронт.

Казалось, что защитники города уже столько пережили, что их невозможно удивить накалом сражения. Но настал день 14 октября. Чуйков назвал его «днем небывалых по жестокости боев». Паулюс бросил в бой пять дивизий, из них две танковые. Это немецкое наступление командарм-62 и его подчиненные запомнили на всю жизнь. От грохота разрывов снарядов и рева самолетов невозможно было услышать, что говорит сосед. Бомбежка и артобстрел достигли такой силы, что нельзя было высунуться из укрытий. Подойдя к своему блиндажу, Чуйков не успел открыть дверь, как получил такой удар взрывной волны в спину, что просто влетел в него. К 15 часам дня танки противника были уже в 300 метрах от КП армии, но были там остановлены ротой охраны штаба. Окажись они ближе, драться с ними пришлось бы офицерам штаба. Отойти они не могли, отсюда осуществлялось управление войсками. В разгар боя Чуйкову сообщили, что командир полка подполковник Устинов просит открыть огонь по его КП, который подошедшие вплотную немцы забрасывают гранатами. Отдать приказ бить по своему командиру? Не так просто на это решиться. И все-таки сделать это пришлось. Артиллеристы сообщили: «накрыли» немцев удачно.

Немецкий генерал Дёрр, оправдывая неудачи вермахта в Сталинграде, впоследствии писал, что

Тракторный завод «обороняли три русских дивизии». На самом деле там была только одна — 37-я гвардейская Жолудева и около 600 человек из 112-й стрелковой дивизии. Они смешали все расчеты Ф. Паулюса. В своих воспоминаниях Чуйков дал такую оценку бойцам Жолудева: «Это действительно гвардия. Люди все молодые, рослые, здоровые, многие из них были одеты в форму десантников, с кинжалами и финками на поясах. Дрались они геройски. При ударе штыком перебрасывали гитлеровцев через себя, как мешки с соломой. Штурмовали группами. Ворвавшись в дома и подвалы, они пускали в ход кинжалы и финки. Отступления не знали, в окружении дрались до последних сил и умирали с песней и возгласами: «За Родину!», «Не уйдем и не сдадимся!».

Командарм Чуйков слов на ветер не бросал. Свое суждение о соединениях и частях, воевавших в составе 62-й армии, он строил не на документах и чьих-то разговорах, а на собственном разумении. Он не только знал всех сталинградских комдивов и многих командиров полков, но и хорошо представлял уровень их подготовки и возможности воевавших под их началом младших командиров и бойцов. В суровой обстановке он был непреклонен и строг, но при этом знал цену своим подчиненным, поддерживал и оберегал их, гордился ими, не умаляя значения ни одной боевой единицы, принимавшей участие в битве за Сталинград.

Несмотря на то что к наступлению противника в армии Чуйкова готовились, удара такой силы никто не ожидал. Отовсюду шли донесения о тяжелых потерях. Было ясно, что самая острая фаза сражения еще не окончена. Судьба Сталинграда держалась на волоске. Невзирая ни на что, гитлеровцы рвались к Волге. Как отмечал Чуйков, «казалось, Гитлер готов истребить всю Германию за один этот город». Вместе с тем Чуйков и офицеры его штаба по многим признакам и на основе

своего опыта понимали, что наступил критический, возможно, решающий момент битвы. Удержаться сейчас означало одолеть врага. Анализ ситуации говорил за то, что сконцентрировать еще раз такое количество войск гитлеровскому командованию вряд ли удастся. 17 октября на правый берег переправилась 138-я стрелковая дивизия полковника И. И. Людникова и сразу вступила в бой у завода «Баррикады». Хотя она пришла на помощь защитникам города позже многих других соединений, эта дивизия отличилась стойкостью и умелыми действиями еще во время боев между Доном и Волгой. Теперь же ей суждено было не просто войти в историю Сталинградской битвы, но и вписать в нее свою яркую страницу, хотя совершить это, влившись в ряды 62-й армии, где каждая часть заслужила право называться героической, было нелегко.

Обстановка вновь вынудила Чуйкова сменить место КП армии. Не найдя поблизости подходящего места, штаб расположился на берегу Волги, поначалу просто под открытым небом в километре от Мамаева кургана, где проходил передний край. На этом месте он находился до конца битвы.

Двадцать третьего октября в районе завода «Красный Октябрь» в результате прорыва противника расстояние от передней линии до Волги сократилось до 300 метров. В эти, во многом решающие дни остановить противника помогли массированные удары артиллерии, «катюш» и авиации. Огромные потери в ходе сражения за Сталинград уже заставили немецкий Генеральный штаб задуматься о целесообразности столь затратной операции, однако в конце октября Гитлер не хотел слышать о переходе 6-й армии к обороне. Вспоминая эту тревожную пору, Чуйков верно заметил: «В боях в конце октября за Сталинград прорастали зерна будущей победы».

Как только в начале ноября в действиях противника наметилась пауза, Чуйков немедленно организовал контрудар в основном силами прибывшей в Сталинград накануне 45-й стрелковой дивизии подполковника В. П. Соколова^[49]. Жизненно необходимо было отодвинуть немцев как можно дальше от пристани, через которую шло снабжение армии. Нашим частям удалось продвинуться вперед примерно на 100 метров. И Чуйков считал это большим успехом! Такова была цена сталинградских метров, отвоеванных у врага. Кажущаяся малость наших успехов в Сталинграде на самом деле имела огромное значение и для руководства фронтов, и для Генерального штаба, где уже вызревал план грандиозного возмездия. По своей значимости эти метры были равноценны взятию городов и освобождению десятков километров советской земли, когда наступило время побед и изгнания врага.

Рано утром 11 ноября фашисты перешли в очередное наступление, для которого собирали войска даже с других участков фронта, доставляя их по воздуху. Им удалось сколотить мощный таран из пяти пехотных и двух танковых дивизий и пробиться к Волге на участке шириной около 500 метров. 62-я армия в третий раз оказалась рассеченной, но разгромить ее гитлеровцам не удалось.

Произошло нечто удивительное: еще один прорыв немцев к Волге на незначительном участке, за который они отдали тысячи жизней своих солдат, ничего не изменил ни в способности армии Чуйкова удерживать ту территорию, которая была у нее в руках, ни в достижении захватчиками своей конечной цели. Гитлеровские генералы оказались перед лицом ужасающей реальности — они не сумели выполнить *ничего* из того, что еще два месяца назад казалось таким простым делом. 62-я армия, несмотря на огромные потери, стояла перед ними непреодолимой

стеной, как и в начале битвы. И время теперь работало против них.

Фронт 62-й армии после этих событий оказался расколотым на несколько участков: в северной части оборонялась группа полковника Горохова; на самом берегу у завода «Баррикады» — дивизия Людникова; далее после захваченного немцами отрезка береговой линии в 500 метров шла основная полоса обороны армии — до пристани в центре города, где на левом фланге сражалась 13-я гвардейская дивизия Родимцева, соседом которой тоже были немцы. Глубина обороны армии составляла от 200 метров на рубеже 13-й гвардейской до 1,5 километра у «Красного Октября».

Но Чуйкову было не привыкать драться в окружении. Оценив обстановку, он немедленно принял меры, чтобы в первую очередь попытаться помочь Людникову, чья дивизия оказалась отрезанной от армии на клочке земли, прижатая к Волге. Территория, которую она защищала, составляла 700 метров по фронту и 400 метров в глубину от переднего края до Волги. Эту частицу сталинградской земли, простреливаемую насквозь всеми видами оружия, позже назвали «островом Людникова». Положение оборонявшихся осложнялось тем, что по реке шел сплошной лед и доставка различных припасов прерывалась иногда на двое-трое суток. Связь с осажденными была только по радио. Чуйков несколько раз лично разговаривал с Людниковым, знал об их положении, но помочь сильно поредевшей дивизии в те дни ничем не мог из-за тяжелого положения на других участках обороны. Знал об этом и Людников. По несколько дней его бойцы и командиры оставались почти без пищи. Дневной боезапас — 30 патронов на человека. Только в ночь на 16 ноября с самолетов «У-2» им сбросили по четыре тюка продовольствия и боеприпасов.

На протяжении всей Сталинградской битвы Чуйков вселял уверенность в своих солдат, в любой ситуации делал все возможное, чтобы помочь тем, кому труднее всего. И воины 62-й армии верили своему командарму, знали, что их не оставят в беде. Чуйков гордился подвигами, совершенными его бойцами и командирами. Он видел, что они не щадили себя и был свидетелем того, как легко раненные бойцы стыдились даже пойти на ближайший медпункт и ни за что не хотели эвакуироваться за Волгу.

«Дом Павлова» и узкая полоска волжского берега, которые отстояли гвардейцы Родимцева, сражение за Мамаев курган, «остров Людникова», самопожертвование и героизм дивизий Ермолкина, Горишного, Жолудева, Батюка, Гурьева, Смехотворова, Гуртьева, Соколова, Дубянского, бригады Андрусенко, Болвинова, группы Горохова и многих других — вечный памятник солдатам, память о которых Василий Иванович Чуйков навсегда сохранил в своем сердце. Каждое из этих соединений внесло свой вклад — последние дома у самой Волги, считанные метры берега или заводские руины — в нерушимую оборону той сталинградской земли, на которую 62-я армия так и не допустила захватчиков.

Когда, после окончания Сталинградской битвы, Чуйков беседовал с историками из комиссии академика И. И. Минца, собиравшими материалы о Великой Отечественной войне и опрашивавшими очевидцев, он особо отметил боевое единение и спайку, присущие его ближайшему окружению и сталинградским комдивам. Он вспоминал, что был момент, когда из-за непрерывных обстрелов и бомбежек постоянно рвались телефонные провода, проложенные по берегу, были разбиты рации и связь приходилось устанавливать от штаба армии на другой берег, а потом оттуда к сражающимся частям. Управлять войсками в таких условиях стало почти

невозможно, и Чуйков обратился к командующему фронтом Еременко с просьбой перенести управление за Волгу, оставив его самого и Военный совет армии в Сталинграде. Командование фронтом, после некоторых колебаний, готово было пойти ему навстречу. Перед тем как сделать этот шаг, Чуйков сообщил своему начальнику штаба Н. И. Крылову и начальнику артиллерии Н. М. Пожарскому^[50], переговорив с каждым из них отдельно, о том, что им придется отправиться на левый берег. Оба ответили ему одинаково: «Ни шагу от Вас не пойдем». По словам Чуйкова, так же могли ответить ему Родимцев, Людников, Батюк, Гурьев, за которых он мог бы поручиться. Он рассказывал о том, что хорошо понимал командиров дивизий и других частей, которые в тяжелые моменты обращались к нему с просьбой перейти на другой берег, но не разрешал им этого делать. Некоторых приходилось, по словам Чуйкова, как следует «молотить по телефону» и слать им грозные телеграммы. Четверо упомянутых им комдивов, а также Жолудев и Горишный, были в числе тех, кто ни разу его об этом не попросил.

Чуйков с особой теплотой вспоминал об отношении солдат к командирам: «Бойцы любили и уважали своих командиров, сберегали и защищали их... Бывало, идешь на наблюдательный пункт и чувствуешь, как солдаты охраняют тебя. Генерал Родимцев, наверное, помнит, как однажды мы с ним выскочили на передний край на западной окраине поселка Красный Октябрь и как воины уговаривали нас уйти с опасного места, доказывая, что они и без нас справятся с поставленной задачей».

Битва в заводских районах и атаки по всему фронту продолжались без пауз вплоть до контрнаступления советских войск 19 ноября 1942 года. В этот день командующий группой армий «Б» генерал-полковник барон М. фон Вейхс приказал Паулюсу немедленно прекратить наступательные действия в Сталинграде.

В начале января 1943 года на КП 62-й армии приехали командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, члены Военного совета и офицеры штаба фронта. Рокоссовский объяснил Чуйкову задачу: не допустить прорыва немцев из окружения через замерзшую Волгу. Чуйков вспоминал, как приехавшие офицеры несколько раз спрашивали: «Удержит ли 62-я армия противника, если он под ударами наступающих армий с запада всеми силами бросится на восток?»

Николай Иванович Крылов ответил на это так:

— Если Паулюс летом и осенью с полными силами не мог сбросить нас в Волгу, то голодные и полузамерзшие гитлеровцы не пройдут на восток и десяти шагов.

Подобный же вопрос задал мне начальник штаба фронта генерал Малинин^[51]. Я ему ответил, что гитлеровцы 1943 года уже не те, что летом 1942 года, что армия Паулюса уже не армия, а лагерь вооруженных пленных».

Рокоссовский с первой встречи с Чуйковым сумел разглядеть в нем незаурядную личность, прекрасно понимая, чего стоило управлять армией в условиях не вписывающегося ни в какие каноны сражения в Сталинграде. В своих воспоминаниях Рокоссовский писал: «С Василием Ивановичем Чуйковым я встретился впервые и сразу проникся к нему глубоким уважением. Мне всегда нравились люди честные, смелые, решительные, прямые. Таким представлялся мне Чуйков. Был он грубоват, но на войне, тем более в условиях, в каких ему пришлось находиться, пожалуй, трудно быть другим. Только такой, как он, мог выстоять и удержать в руках эту кромку земли. Мужество и самоотверженность командарма были примером для подчиненных, и это во многом способствовало той стойкости, которую проявил весь личный состав армии, сражавшейся в городе за город. На меня этот человек произвел сильное

впечатление, и с первого же дня знакомства мы с ним сдружились».

Приказ о наступлении! Этот день стал самым радостным для всех защитников Сталинграда. С узкой полосы волжского берега они пошли на запад! И пусть не им — солдатам 62-й армии — довелось замкнуть гигантские клещи окружения всей немецкой группировки у берегов Дона, но они тоже ощущали себя частью этого стального кольца. Они отстояли Сталинград!

Оставив без сожаления свои блиндажи и укрытия, они в едином порыве выбивали немцев из сталинградских домов и улиц, сполна расплатившись с ними за горечь отступления и за погибших товарищей. Утром 26 января в районе Мамаева кургана и южнее поселка Красный Октябрь передовые части 62-й армии соединились с войсками 21-й и 65-й армий. Немецкие войска были расчленены на две группировки: южную — в центральной части Сталинграда и северную — в районе заводов «Баррикады» и тракторного. До полного разгрома и капитуляции Сталинградской группировки немецких войск и остатков армий их союзников оставались считанные дни — это произошло 2 февраля 1943 года.

Победу праздновала вся страна, но, пожалуй, больше других — семьи защитников Сталинграда. Жена Чуйкова Валентина Петровна писала в письме мужу: «Дорогой Вася! Поздравляем вас с победой! Желаем еще больших успехов... От всего дома просим передать большое спасибо за победу, за общую радость, которую мы все переживаем. О нас не беспокойся. Мы все здоровы, настроение трудно передать на словах, какое-то буйное. Самые тяжелые, черные дни остались позади.... Будь здоров, мой родной, до радостной встречи!»

Командарм легендарной 62-й армии В. И. Чуйков выразил общие чувства победителей такими словами:

«Наша борьба за город, наше ожесточенное сопротивление противнику в Сталинграде приобрело свой законченный смысл... Стало быть, не напрасно лилась кровь русских воинов, не напрасно сталинградцы из последних сил и возможностей держали оборону, когда казалось, что уже все рухнуло и враг нас раздавит... «Ни шагу назад!» — теперь означало: «Только вперед!» «За Волгой для нас земли нет!» — означало: «Идти только на запад!»».

В послевоенные годы маршал Советского Союза В. И. Чуйков в своих выступлениях говорил: «Не героев в Сталинграде не было». Он имел право на любую оценку каждого из тех, кто сражался на волжском берегу. Но он считал именно так, потому что руководил этими людьми и лучше всех понимал, что значило быть защитником Сталинграда. Были ли среди них те, кто проявил малодушие или дрогнул в трудную минуту? Были. Про таких Чуйков сказал: «Трусливых людей в пылающем Сталинграде не терпели, для них не находилось места в бою». Поэтому слова командарма о героях — это о той его армии, солдаты и командиры которой, верные присяге, сделали для победы все, что могли.

Об историческом значении и военном феномене победы в Сталинградской битве, ознаменовавшей коренной перелом в ходе Второй мировой войны, можно с полным на то основанием сказать, используя мысль Л. Н. Толстого из романа «Война и мир»: на Германию в Сталинграде «была наложена рука сильнейшего духом противника».

* * *

Около месяца 62-я армия отдыхала и пополнялась личным составом и техникой в селах, расположенных вдоль Ахтубы. Но при этом многие дивизии и части после

переформирования перебрасывались на другие фронты. Ставка В ГК рассредоточивала войска, принимавшие участие в Сталинградской битве, укрепляя ими другие соединения. Понятие «сталинградские дивизии», или отдельные части, прочно вошло в военный обиход. В конце марта 1943 года Ставка передала 62-ю армию в состав войск Юго-Западного фронта с передислокацией в район Купянска на Северский Донец.

Трудным, необычайно эмоциональным явилось для защитников Сталинграда расставание с этим городом. Да, здесь им выпало пройти через невероятные испытания, заплатив высокую цену за победу над врагом. Но и радость победы, чувство выполненного долга и исполненной клятвы отомстить фашистам за павших товарищей были настолько глубокими, что для каждого из них Сталинград навсегда стал местом, где он словно родился второй раз.

Шестнадцатого апреля 1943 года 62-я армия получила наименование 8-й гвардейской. Более ста тысяч ее бойцов и командиров были награждены орденами и медалями, а 233 человека удостоены звания Героя Советского Союза. Гвардейские соединения стали важным резервом Ставки и считались с этих пор наиболее надежными и боеспособными войсками. В директиве Ставки от 18 апреля 1943 года указывалось: «Ставка Верховного главнокомандования приказывает гвардейские соединения (гв[ардейские] стр[елковые] корпуса, гв[ардейские] армии), состоящие из наиболее опытных и устойчивых войск, держать, как правило, в резерве или во втором эшелоне и использовать их в наступательной операции для прорыва на направлении главного удара и в оборонительной операции для контрудара».

В Купянске Чуйкова ожидало расставание со своим другом и соратником Н. И. Крыловым. Еще никогда Чуйков не испытывал такого чувства сожаления и

душевного волнения, как в день, когда пришлось с ним попрощаться. Он с огромным уважением относился к Крылову за высокий профессионализм и человеческие качества, ценил его крепкую мужскую дружбу. И это было взаимно. Н. И. Крылов вспоминал: «Если бы меня спросили, что отличает Василия Ивановича Чуйкова как командира и военачальника, я бы ответил: умение предвидеть опасность... От этого во многом зависит принятие правильного решения... Чуйков мог быть и резок, и вспыльчив, но друг ведь не тот, с кем всегда спокойно. С нашей первой встречи на Мамаевом кургане я считал, что мне посчастливилось быть в Сталинграде начальником штаба у такого командарма, чуждого шаблонам, до дерзости смелого в принятии решений, обладавшего поистине железной волей. Василий Иванович принадлежит к людям, которые выражают доброе отношение к товарищу прежде всего своими поступками, а не словами. Но когда после Сталинграда... пришло время прощаться, он при всем нашем штабе сказал, что расстается с братом. Одно это слово вместило все».

На новом месте 8-я гвардейская готовилась к предстоящим боям в составе Юго-Западного фронта, которым командовал генерал армии Р. Я. Малиновский. Оказавшись в новой обстановке, Чуйков задавался вопросом — как будут его подчиненные, да и он сам, действовать в наступлении, на оперативном просторе, преодолевая десятки километров, если у них выработалась привычка действовать в стесненных условиях, преимущественно в обороне, ограничиваясь кратковременными атакующими действиями? Во время паузы в боях он старался набраться опыта ведения наступления у командиров высокого уровня и перестроить мышление своего штаба и офицерского корпуса. Он подробно обсуждал эти вопросы с командующим Воронежским фронтом генералом армии

Н. Ф. Ватутиным, командующими армиями генералами В. И. Кузнецовым, П. С. Рыбалко и многими другими.

Для ровесника века — Чуйкова настало время зрелости, когда весь накопленный опыт и понимание законов войны, глубокая вера в своих подчиненных и уверенность в себе переплавились в мудрость военачальника, сделали из него такого командарма, которого боялись враги и хотели видеть в своих рядах многие командующие фронтами. Его оперативный кругозор, решительность, твердость, вся сила его полководческого таланта ярко проявились в сражениях на Северском Донце и в битве за Днепр, в боях за важнейшую для обороны страны сырьевую базу в районе Никополя и Кривого Рога, при освобождении Одессы, в наступательных операциях — в Белоруссии, Висло-Одерской и Берлинской.

5 июля началась Курская битва, а через два дня 8-я гвардейская армия впервые после Сталинградской битвы вступила в бой. В составе Юго-Западного фронта ей предстояло форсировать Северский Донец, разгромить группировку противника в Донбассе и выйти к Днепру. В таком крупном наступлении Чуйков участвовал впервые. Продолжавшееся почти до середины августа сражение проходило поначалу успешно для наших войск. Однако, убедившись в провале наступления под Курском, Гитлер уводил оттуда оставшиеся наиболее боеспособные части, усиливая Донбасское направление. В результате германскому командованию удалось приостановить наступление советских войск на Северском Донце.

Отдавая должное оперативности противника, Чуйков не переставал анализировать действия своих и других частей, думал о том, как удивить и переиграть врага, изготавившегося к прочной обороне. В новом наступлении 22 августа Чуйкову удалось своими нешаблонными действиями сбить противника с толку и

нанести внезапный удар на участке, где уже несколько дней безуспешно атаквали другие соединения. Потеснив вражескую оборону, гвардейцы Чуйкова расширили и удержали плацдарм. Это был успех в масштабах всего Юго-Западного фронта, впервые за месяц кровопролитных боев!

Первый опыт крупных наступательных операций многому научил Чуйкова. Но вместе с тем он имел возможность еще раз убедиться в том, что и в этих условиях действуют законы и правила, которые он уже применял или сформулировал заново совместно со своими помощниками в ходе Сталинградской битвы: изучать особенности поведения противника, избегать шаблона, как в обороне, так и особенно в атаке, использовать там, где это возможно, фактор неожиданности. И во всех последующих операциях до самого конца войны он не изменял своим принципам.

Германское командование создало на Днестре мощный оборонительный рубеж, намереваясь именно здесь остановить наступление Красной армии. Для прикрытия важных направлений противник оставил также плацдармы на левом берегу Днестра. Одним из них был город Запорожье. Начавшееся 1-2 октября наступление силами трех армий Юго-Западного фронта окончилось неудачей. Сильная группировка врага, глубокие противотанковые рвы шириной до семи и глубиной до четырех метров, мощные огневые точки не позволили быстро овладеть городом. Наступление наших войск и в последующие дни не принесло решающего успеха. 12 октября Чуйков, не усидев на своем наблюдательном пункте, пошел с адъютантом на НП одной из дивизий, поближе к переднему краю, чтобы поднять настроение людей и уточнить обстановку. На обратном пути их накрыл ураганный огонь артиллерии противника. Рядом не оказалось никакого укрытия, лишь одиноко торчащий телеграфный столб. Они упали

головами к столбу, Чуйков с одной стороны, адъютант — с другой. Заметив, что его попутчик ранен, Чуйков вскочил, схватил офицера на руки и сумел невредимым добежать до своего НП.

Топтание на месте было не в духе Чуйкова. Проанализировав действия противника в течение суток, он почувствовал, что немцы сопротивляются из последних сил. Взвесив все «за» и «против», он принял решение атаковать ночью! Это было неожиданно не только для немцев, но и для своих и казалось даже для Чуйкова слишком. Военный совет армии поначалу отнесся к этой идее скептически, но после недолгих совещаний решил-таки провести ночной бой. И мгновенно приведенный в исполнение план сработал! В ночь на 13 октября все наступавшие части продвинулись вперед на несколько километров — небывалое достижение за все дни осады Запорожья. Это был перелом.

Р. Я. Малиновский, впечатленный итогами ночного сражения, предложил провести ночной штурм города силами всего фронта. К вечеру план наступления, над подготовкой которого Чуйков и офицеры его штаба вместе с фронтовыми штабистами трудились весь день, был готов. В ходе войны ночных операций такого масштаба еще не было. Но расчет на внезапность оказался верным: начавшаяся в 21.50 атака к 13.00 следующего дня завершилась полным успехом — Запорожский плацдарм противника ликвидирован.

На Запад по Украине. В середине октября Чуйков уехал на лечение в Москву и вернулся на фронт через месяц. За время его отсутствия 8-я гвардейская армия переправилась через Днепр. Ей предстояли бои на Правобережной Украине. Противник был еще очень силен, из Европы на Восточный фронт прибывали свежие части. Когда до освобождения Никополя оставалось несколько дней, Чуйков едва не погиб, совершая

очередную поездку по передовым позициям армии. Из-за сильнейшего бездорожья он вместе с адъютантом и коноводом выехал верхом в одну из частей. Вероятно, они сбились с пути, оказались на открытом месте, были замечены немцами и попали под обстрел. Всадники упали ничком в глубокие колеи от автомашин, заполненные водой, их лошади были убиты. Чтобы выйти из-под огня, им пришлось долго ползти по-пластунски в жидкой грязи. Лишь чудом они остались живы и не попали в руки врага.

В ходе продолжительных сражений за Днепром Чуйков постоянно искал новые тактические ходы, которые явились бы неожиданными для противника, хорошо изучившего действия наших войск и оказывавшего сильное сопротивление. Под руководством Чуйкова в его армии родился новый вид атаки — разведка боем, перерастающая в наступление. Главным при этом являлось точное выполнение солдатами и командирами приемов боя с участием всех родов войск. Применив свое новшество, Чуйкову удалось за два дня прорвать немецкую оборону. Этим ударом была решена участь мощной вражеской группировки, которая несколько месяцев удерживала большую территорию вокруг Никополя. 8 февраля город был освобожден, а 29 февраля войска 3-го Украинского фронта победно завершили Криворожско-Никопольскую операцию.

Все сражения на Правобережной Украине зимой и весной 1944 года происходили в условиях небывалого бездорожья и погодных сюрпризов. Снег, оттепель и дождь превратили чернозем в непролазную грязь, непроходимую не только для машин, но и для танков. Едва различимые на картах речушки разлились на сотни метров. Там, где это было возможно, танки тащили на тросах караваны легковушек и грузовиков. На одной из дорог были обнаружены десять брошенных немцами

исправных танков «тигр», увязших по самые башни. Ссылку на погодные условия со стороны командующих армиями вышестоящее начальство могло бы, при желании, счесть неким оправданием медленного продвижения войск вперед, хотя это и было чистой правдой. Но вот что пишет по этому поводу побывавший в войсках 3-го Украинского фронта представитель Ставки маршал Советского Союза А. М. Василевский: «Много я повидал на своем веку распутиц. Но такой грязи и такого бездорожья, как зимой и весной 1944 года, не встречал ни раньше, ни позже. Буксовали даже тракторы и тягачи. Артиллеристы тащили пушки на себе».

Во время боев на реке Ингулец в начале марта подчиненные Чуйкова совершили рейд по тылам противника, который способствовал неожиданному для немецкого командования форсированию реки всеми силами 8-й гвардейской армии. При этом эффект от действий советских войск был настолько большим, что вызвал переполох в немецком Верховном командовании. Все начиналось как вылазка разведывательной роты старшего лейтенанта Каткова из 88-й гвардейской стрелковой дивизии. Проникнув в немецкий тыл, они обеспечили проход сквозь вражеские кордоны двум батальонам. Действуя по-чуйковски смело и дерзко, этот отряд за одну ночь уничтожил или взял в плен несколько вражеских гарнизонов и личный состав двух гаубичных батарей, прошив насквозь всю немецкую группировку. В расположении противника возникла паника и неразбериха. Однако командир 16-й моторизованной дивизии, в тылу которой происходили эти события, генерал-лейтенант граф Г. фон Шверин решил, что из-за шума, поднятого русской разведкой, не стоит сильно волноваться. Он считал, что советское наступление задержит «генерал грязь», и не ждал активных действий со стороны наших войск. Но он плохо

знал Чуйкова. Уже утром 8-я гвардейская армия, используя успех разведгруппы, переправилась на другой берег и глубоко вклинилась в немецкую оборону.

Узнав о молниеносном продвижении советских войск на этом участке фронта, от фон Шверина потребовал объяснений сам Гитлер, который в горячке даже заявил об отдаче под суд всех виновных командиров. Однако оказалось, что Шверин сделал все возможное, и он свой пост сохранил: разгромленная дивизия была отправлена во Францию на отдых и пополнение. Начало конца этого представителя прусской военной касты, как вспоминал Чуйков, «положили младшие офицеры и младшие командиры Красной Армии, переиграв профессионала в генеральском звании».

К середине марта вся немецкая группировка на реке Ингулец была полностью разгромлена 8-й гвардейской и 46-й армиями. Потери противника, чьи солдаты, пытаясь вырваться из окружения, шли напролом под огнем нашей артиллерии, танков и пехоты, составили несколько десятков тысяч убитыми и ранеными. Путь на Одессу и Днестр был открыт.

В начале апреля 1944 года 8-я гвардейская армия подошла к последнему перед Одессой Хаджибейскому лиману. Позади остались многочисленные мелкие заливчики, протоки, весенние разливы рек. Германское командование в очередной раз решило, что на этом рубеже удастся если не остановить, то хотя бы на длительное время задержать советские войска и подготовиться к обороне Одессы. Но гитлеровцы снова не смогли уследить за быстротой подчиненных Чуйкова. 8-я гвардейская опередила их и с ходу форсировала лиман, открыв путь на Одессу.

Вся Одесская операция — это пример отличного взаимодействия нескольких армий 3-го Украинского фронта. Решающим моментом в битве за город стал обходный маневр 8-й гвардейской армии и конно-

механизированной группы генерал-лейтенанта И. А. Плиева. Но сводить все лишь к стратегическим решениям было бы неверно. Огромную роль сыграли морально-волевые качества бойцов. Чуйков вспоминал, что в войсках царили подъем и решимость как можно скорей освободить Одессу. Солдаты шли вперед по грудь в ледяной воде, никакие препятствия не останавливали их. Гитлеровцы уже в который раз недооценили выучку и боевой потенциал наших бойцов и командиров.

Когда передовые части армии Чуйкова вышли на окраины Одессы, разведка доложила, что оборонявшиеся в городе, вместе с румынскими войсками, эсэсовские части заминировали многие здания и портовые сооружения. Город надо было сохранить во что бы то ни стало! Было принято решение взять Одессу ночным штурмом, без артобстрела и бомбежки. Это было архисложно, но гвардейцы выполнили задачу и весь город, кроме порта, удалось спасти от разрушения. В предотвращении взрывов заминированных объектов большую роль сыграли партизаны и подпольщики.

Во время штурма Одессы произошел удивительный эпизод. Командир зенитной роты повел своих бойцов в атаку как обычную пехоту, и они участвовали в захвате аэродрома и восемнадцати исправных «Мессершмиттов». Зенитчики одолели авиацию на земле, захватив в качестве трофеев самолеты! А их командиром был тот самый знаменитый сталинградский снайпер В. Г. Зайцев, который действовал так, как учил его командарм Чуйков.

В мае гвардейцы Чуйкова сражались на берегах Днестра. Он вспоминал, что его армии, привыкшей к наступлению, неожиданно пришлось отражать сильнейшие контрудары гитлеровцев. Отстояв свои рубежи, 8-я гвардейская армия готовилась к отправке на

1-й Белорусский фронт. Впереди были бои на главном направлении.

Висла и Одер. 23 июня 1944 года началась одна из крупнейших стратегических операций Великой Отечественной войны — «Багратион». Действуя в составе 1-го Белорусского фронта, 8-я гвардейская армия получила задачу прорвать оборону противника западнее Ковеля и наступать в направлении Люблина и Вислы. Впервые в приказах, получаемых Чуйковым, появились названия иностранных городов и рек! Это придавало сил, и в то же время росла ответственность. На прямом направлении на Берлин сопротивление врага усилилось. Здесь впервые Чуйков столкнулся с немецкой тактикой «эластичной обороны», когда, отступая, части вермахта как бы заманивали атакующих, а затем наносили удары с заранее подготовленных позиций, причиняя советским войскам большой урон.

Изучив действия противника, Чуйков решил применить испытанный им на Украине прием — разведку, перерастающую в наступление. Наступление всеми силами армии на плечах частей, ведущих разведку боем, не давая возможности противнику закрепиться и ударить по атакующим, — это был ключ к немецкой обороне! Новшество, предложенное Чуйковым, шло вопреки сложившимся традициям и шаблонам. При обсуждении своего плана ему пришлось преодолеть серьезное сопротивление. Он вспоминал: «Пытаюсь доказать преимущество предложенного нами способа. Разговор постепенно принимает форму спора... Но мне помог командующий фронтом К. К. Рокоссовский. Он во всеуслышание заявил:

— Вы командарм, вы решаете, и вы будете отвечать и за хорошее и за плохое...

Это меня вполне устраивало».

Тщательно разработанный план оправдал самые смелые ожидания: 18 июля 1944 года 8-я гвардейская

начала наступление и через двое суток, пройдя с боями свыше 40 километров, с ходу форсировала Буг, вступив на польскую землю. Армия более чем на сутки опережала темп наступления фронта. Не все подчиненные Чуйкова смогли действовать в таком стремительном ритме. Корпус генерал-лейтенанта Я. С. Фоканова, опытного командира, начал отставать — трудности случаются у каждого. С группой генералов и офицеров Чуйков нагрянул к нему в штаб. Увидев, что Фоканов беседует с представителями штаба фронта, Чуйков, отложив выяснение отношений с ним на более подходящее время, приказал ему выехать к войскам, а «гостей» по-чуйковски предупредил.

Вскоре произошло событие, потрясшее видавшего виды командарма Чуйкова. Подойдя к окраине города Люблин, его войска освободили концентрационный лагерь Майданек. Чуйков в своих воспоминаниях написал: «Мне казалось, что уже ничего не сможет меня удивить, что касалось бы облика фашизма. Я видел все! И бои в Сталинграде, сожженные и разрушенные села и города Украины... я видел горы трупов немецких солдат, преданных их генералами, брошенных в бессмысленную бойню... Оказывается — это еще не самое страшное. Мне рассказали, и я сначала даже не поверил... Фабрика смерти! Скажу откровенно, когда мне рассказывали, когда я увидел фотографии, я не пошел туда... Дрогнуло у меня сердце... Какая сила могла теперь остановить руку советского воина, когда он войдет на немецкую землю? Внушать, объяснить... А как? Как объяснишь, если семьи многих и многих наших бойцов были уничтожены, а некоторые, может быть, горели в этих печах! Мы опасались, что отныне никто не будет брать немецких солдат в плен...»

На следующий день после освобождения Майданека к Чуйкову привели пленного немецкого офицера. Его захватил старший сержант Юхим Ременгок. Он вырос на

Украине, на фронте с 1941 года, воевал в Сталинграде. Когда ему

довелось освобождать родное село, он узнал, что его отца и мать зверски убили, а жену и дочь угнали в неволю. Слово «фашист» с тех пор слышать не мог. «А пленного привел. Живого. Пальцем не тронул», — написал о нем Чуйков.

Вопрос о том, как будут относиться советские воины к немцам, находясь в Германии, являлся предметом озабоченности не только командиров, но и политического руководства нашей страны, и прежде всего это касалось отношений с населением. Спустя много лет после войны Чуйков рассказывал: «Очень модно сейчас на Западе стало рассуждать о зверствах наших войск по отношению к мирному населению Германии, но мало кто знает, что еще до вступления на немецкую землю был приказ Верховного — преступления против мирного населения карались расстрелом перед строем в присутствии потерпевших и их семей. И этот приказ, как и все приказы Верховного, выполнялся».

Передовые части 8-й гвардейской армии 26 июля 1944 года вышли к Висле. Опыт и оценка обстановки подсказывали Чуйкову, что есть возможность с ходу форсировать реку. Построить понтонный мост было не из чего, но штатных и подручных средств для переправы имелось в достатке. Для захвата плацдарма он решил вновь использовать свой эффективный прием — разведку боем, переходящую в наступление. Здесь, на Висле, эту тактику его подчиненные нарекли «разведывательным эшелоном». Он сознавал, что имеется риск — не разгадает ли враг его тактику? Но, продумав все детали операции, убедился, что даже в этом случае парировать удар немцам будет практически невозможно. Ставка, как всегда, делалась на неожиданность.

Получив «добро» от Рокоссовского, 1 августа Чуйков начал форсирование Вислы. В первый же день подразделения 8-й гвардейской армии захватили на западном берегу в районе Магнушева плацдарм в десять километров в ширину и пять в глубину. Противник не мог с этим смириться и нанес по ним удар колоссальной силы. Сражение продолжалось до 10 августа. Так трудно подчиненным Чуйкова было, пожалуй, только в Сталинграде. Это отметил в своих воспоминаниях и Рокоссовский: «Особенно тяжело пришлось войскам, державшим Магнушевский плацдарм. Должен прямо сказать, что отстоять его нам удалось в значительной степени потому, что обороной руководил командующий 8-й гвардейской армией Василий Иванович Чуйков. Он находился все время там, в самом пекле». Магнушевский плацдарм стал трамплином для наступления 1-го Белорусского фронта через Польшу к границам Германии.

В окопах у Вислы солдаты Чуйкова встретили Новый 1945-й год, который, никто не сомневался, будет победным. 15 января армия Чуйкова прорвала немецкую оборону и устремилась на запад, постоянно опережая установленные сроки. 18 января она подошла к Лодзи. Стоять и ждать указаний — это было не по-чуйковски. Не имея связи со штабом фронта, он принимает решение на штурм. Быстрота действий командарма и решимость подчиненных позволили освободить Лодзь, не допустив его разрушения гитлеровцами.

На подходе к Одеру войскам Чуйкова предстояло взять Познань. Здесь впервые на его пути оказалась, без преувеличения, настоящая крепость, с фортами и цитаделью. Обороняли ее, это выяснилось позже, более 60 тысяч человек, а не в три раза меньше, как изначально считало командование фронта. Получив полную информацию о мощи оборонительных сооружений, Чуйков принял рискованное и очень

ответственное решение — частью сил блокировать немецкий гарнизон, а остальным войскам двигаться к Одеру, до которого оставалось около 150 километров.

Решать одновременно две задачи оказалось делом крайне сложным. После того как немецкое командование отвергло ультиматум, предъявленный ему во избежание лишних потерь, начался штурм города с применением всех видов оружия и при активном участии саперов. Лишь 23 февраля остатки немецкого гарнизона капитулировали.

К этому времени 8-я гвардейская армия уже укрепилась на плацдарме на западном берегу Одера в районе крепости Кюстрин. Можно лишь догадываться о том, сколько энергии и воинского искусства потребовалось Чуйкову, чтобы справиться сразу с двумя сложнейшими задачами. Да и командование фронта, несмотря на форсирование его армией Одера, постоянно напоминало ему о заминке в Познани.

Занятый управлением войсками Чуйков не забывал внимательно наблюдать за тем, как сражаются его гвардейцы, и награждать отличившихся. Об одном из них — рядовом 79-й гвардейской дивизии Сергее Мостовом он вспоминал: «Когда мне его представили, я не мог им налюбоваться. Ростом великан, в плечах, как говорится, косая сажень... Отражая вражескую контратаку, он израсходовал восемь пулеметных лент. Когда кончились патроны, пустил в дело гранаты. Но вот не стало и гранат, а немцы продолжали наседавать. Тогда боец разъединил пулемет, взял в одну руку станок, в другую — лопату и, поднявшись во весь рост, бросился вперед. Раскрутив над головой пулеметный станок, он им разметал себе дорогу среди немецких автоматчиков, а лопатой крошил черепа тем, кто оставался у него под ногами. При виде русского богатыря немцы опешили и покатались обратно в овраг... И тут ему на глаза попался напуганный немецкий ефрейтор. Гвардеец схватил его и

зажал под мышкой и с пленным ефрейтором не спеша пошел к своему командиру.

В тот же день Сергей Мостовой был представлен к званию Героя Советского Союза».

Штурм Берлина. По указанию Чуйкова в армии началась подготовка солдат и командиров к сражению за Берлин. Это был звездный час командарма Чуйкова! Вот где пригодился сталинградский опыт! Теперь тактике городских боев обучалась полнокровная, к тому же наступающая армия, а памятку, написанную Чуйковым, раздали во всех соединениях 1-го Белорусского фронта. Но до этого 8-й гвардейской вместе с соседями пришлось несколько дней прорывать немецкую оборону на Зееловских высотах — последнем сильно укрепленном рубеже перед Берлином. Такого упорного сопротивления обороняющихся войск никто не ожидал. На небольшом пространстве сошлись в смертельной схватке огромные массы войск. 21 апреля передовым частям армии Чуйкова удалось выйти на восточные окраины Берлина.

Двадцать пятого апреля 1945 года начался штурм столицы Третьего рейха. Солдаты Чуйкова с ожесточенными боями продвигались к центру города. Главари рейха, не имея даже призрачных надежд на спасение, чтобы отсрочить свой конец, отправляли на смерть детей 14-15 лет с фаустпатронами. Это случилось в полосе 8-й гвардейской армии. Толпа в 400 юнцов двигалась на наши позиции. Стрелять в мальчишек у бойцов не поднялась рука. С передовой запросили — как быть? Был отдан приказ первыми огонь не открывать, отпугнуть их, но вовсе избежать жертв не удалось с обеих сторон.

Двадцать седьмого апреля гвардейцы Чуйкова вышли к Тиргартену. Им оставалось пройти 400 метров до правительственного квартала, где находились главные государственные учреждения Третьего рейха:

Имперская канцелярия, где укрывался Гитлер, гестапо, различные министерства. Обороняли Тиргартен сборные отряды СС. Соединения Чуйкова ворвались в последний район обороны Третьего рейха и вели бои на подходах к бункерам Имперской канцелярии.

Острой болью отзывались в сердце командарма сообщения о том, как гибли в эти последние часы битвы, не жалея себя, лучшие бойцы и командиры, которые дошли с ним до Берлина от берегов Волги, чтобы поставить победную точку в войне, пришедшей на русскую землю именно отсюда.

В ночь на 1 мая на КП Чуйкова доставили парламентаря — исполняющего должность начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала пехоты Г. Кребса, сообщившего о самоубийстве Гитлера и о предложении правительства Германии заключить перемирие. Позиция советского руководства была категоричной — только безоговорочная капитуляция. Был отдан приказ — открыть шквальный огонь по правительственному кварталу. 2 мая в 10 часов 30 минут в расположении штаба Чуйкова командующий обороной Берлина генерал артиллерии Г. Вейдлинг подписал приказ подчиненным ему войскам прекратить боевые действия. В полдень в Берлине наступила тишина.

Война закончилась.

* * *

После окончания Великой Отечественной войны Чуйков еще надолго задержался в Германии. До 1953 года он являлся вначале 1-м заместителем, а затем главнокомандующим Советской группой войск и главой Советской военной администрации в Восточной Германии. Сложное время — экономические проблемы,

денацификация Восточной Германии, непростые отношения с бывшими союзниками, создание Германской Демократической Республики. Теперь на первый план выдвинулись организаторские и дипломатические способности Чуйкова. А ведь помимо этого надо было заниматься вопросами размещения, обучения и поддержания боеготовности наших войск.

О Чуйкове-военачальнике, о его личных качествах, проявленных в годы войны, по-военному немногословно и прямо сказано в аттестации, подписанной в июле 1945 года маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым: «Тов. Чуйков всесторонне развитый и культурный генерал... В прошедших боях армия показала высокую организованность, стремительность в преследовании, упорство в обороне и смелость при штурме укрепленных позиций. Тов. Чуйков в боях, независимо от сложности боевой обстановки, идет смело на рискованные решения. В боях проявляет исключительную храбрость и отвагу. В тяжелые периоды боя всегда находился на самых ответственных участках боевых действий войск армии. Настойчив, дисциплинирован, инициативен, энергичен, требователен к себе и подчиненным, смелый и храбрый, по характеру твердый, вспыльчивый. Заботу о подчиненных проявляет. Среди личного состава пользуется заслуженным авторитетом и уважением». После битвы за Берлин Чуйкова стали называть «Генерал Штурм».

В 1952 году у Чуйкова состоялась неожиданная для него встреча со Сталиным. Генерал отдыхал в Сочи и там получил приглашение прибыть на дачу Сталина. Поначалу разговор зашел о положении в Германии, затем вспомнили Сталинградскую битву. Вдруг Сталин спросил: «Скажите, товарищ Чуйков, можно ли было в декабре сорок второго года пропустить в Сталинград группу Манштейна и там ее захлопнуть вместе с Паулюсом?» Чуйков и сам размышлял о такой

возможности, поэтому вопрос его не удивил. Он ответил в том духе, что в этом был очень большой риск, а главной задачей являлось не выпустить немцев из Сталинграда. Могло произойти и так, что прорыв Манштейна к окруженной армии придал бы ей надежду на спасение, и тогда уничтожение этой группировки могло бы сильно затянуться и надолго сковало бы наши войска вокруг Сталинграда. Чуйков так вспоминал окончание их разговора: «Сталин вздохнул и задумался. Тихо проговорил: — Это было очень рискованно. Рисковать нельзя было. Народ очень ждал победы!»

В 1953–1960 годах Чуйков командовал войсками Киевского военного округа, в эти годы — 11 марта 1955 года — ему было присвоено звание маршала Советского Союза. Затем четыре года — с 1960 по 1964-й — он занимал пост главнокомандующего сухопутными войсками, а затем восемь лет — с 1964 по 1972-й — возглавлял Гражданскую оборону СССР. Именно при Чуйкове были заложены те основы гражданской обороны страны, которые действуют и поныне. Преемником традиций и сферы деятельности этих «чуйковских» структур является современное МЧС России. В 1972 году Чуйков получил почетный пост генерального инспектора Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

В семье Василия Ивановича и Валентины Петровны Чуйковых выросли трое детей: дочери Нинель, Ирина и сын Александр. Последний стал скульптором и создал памятник своему отцу, который был установлен в Волгограде.

Личность такого масштаба и неукротимого характера, каковой являлся Василий Иванович Чуйков, неизбежно привлекала к себе повышенное внимание. Уже при его жизни стали множиться всевозможные истории о нем, появляться воспоминания людей, которым довелось служить под его началом или

общаться с ним. В них были и восхищение, и непонимание, и юмор, и фронтовые курьезы. А еще стало известно о том, какие высказывания звучали порой в его адрес, вызванные, возможно, ревностью к его славе. Вот лишь некоторые из рассказов.

Армия наступает, а одна дивизия — ни с места. Чуйков со своим братом Федором, бывшим у него и за адъютанта, и за охрану, оба в комбинезонах, знаков отличия не видно, приехали к ним на КП. Противник обстреливает действительно страшно. Чуйков врывается в блиндаж, комдиву, без разговоров — в лоб! Солдат из его охраны, богатырь, метра под два ростом, не растерявшись, врезал Чуйкову так, что тот улетел в угол. Федор — за автомат. Глядит, а на них уже несколько автоматов направили, затворами щелкают. В раз бы перестреляли, но у Чуйкова при падении комбинезон распахнулся, солдаты увидели генеральские погоны. Опустили оружие. Комдив встать пытается, а Чуйков поднялся и бойца здоровяка одним ударом — в нокаут. Оглядел всех и полез в карман. Все замерли... Чуйков достал дорогой портсигар, бросил на стол: «Когда этот очухается, — показал на солдата, — отдайте от меня на память. Мало кому удавалось сбить меня с ног. А ты, — это комдиву, — если через пять минут не поднимешь дивизию в атаку — расстреляю». И пошел к машине.

Притчей во языцех была трость, с которой еще в Сталинграде ходил Чуйков. Рассказывали, что один из больших начальников в штабе фронта высказал недовольство — мол, у Чуйкова буржуйские привычки, воюет со стеклом и в белых перчатках. «Стеком» была самодельная трость, на нее он опирался при ходьбе, беспокоили старые раны. А белые перчатки — это бинты, которыми ему перевязывали руки, так как из-за нервного напряжения у него началась сильная экзема.

Но тростью командарм все-таки иногда пользовался и в качестве воспитательной меры по отношению к нерадивым подчиненным. Мог ударить на узкой фронтовой дороге и по машине нерасторопного командира. Но делалось это не со злом, а поделом, и никаких дисциплинарных мер за этим не следовало.

Василий Иванович Чуйков — это уникальное явление в истории Советской армии. Мало кому удалось так ярко и образцово проявить себя во всем, что выпало в его судьбе, — в величайших сражениях и исторических событиях XX века, ровесником которого он являлся. Он одинаково успешно, под грохот канонады, руководил штурмом городов-крепостей и вдали от родины вел окутанную тайной разведывательную работу. В нем были слиты воедино черты, казалось бы, несовместимые — высокое воинское искусство и окопный опыт боев, грубая прямота солдата и такт дипломата, расчет и темперамент, железная воля и ранимое сердце.

Помимо своих ратных дел, Чуйков написал несколько интереснейших книг — о своей огневой молодости, о битвах, о том, как шли к победе: «Закалялась молодость в боях», «Миссия в Китае», «Начало пути», «Сражение века», «Гвардейцы Сталинграда идут на запад», «Конец Третьего рейха» и др. В его книгах история страны, которую он любил и защищал. Но все-таки главное в них — это люди: однополчане, простые солдаты, его командиры, родные и друзья.

Откуда столько сил у одного человека? Они — от духовного стержня, доставшегося ему от отца и матери. Елизавета Федоровна Чуйкова была простой русской крестьянкой, но стала известной всему миру. Не только благодаря своим двенадцати трудолюбивым и прославленным детям. В 30-х годах прошлого века, когда в нашей стране многих людей согнул страх, она проявила гражданское мужество, отправившись в Москву, не позволив разрушить церковь в ее родном

селе Серебряные Пруды. В знак уважения к этой сильной духом женщине одной из малых планет Солнечной системы, открытой в 1978 году, присвоено имя «Чуйковия».

Василий Иванович Чуйков скончался 18 марта 1982 года. Менее чем за год до своей кончины Василий Иванович Чуйков написал завещание, в котором просил похоронить его прах на Мамаевом кургане в Сталинграде. «С того места слышится рев волжских вод, залпы орудий и боль сталинградских руин, там захоронены тысячи бойцов, которыми я командовал...» — такими были его прощальные слова.

Выдающийся полководец обрел покой там, где осталось его сердце.

НАГРАДЫ
МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В. И. ЧУЙКОВА

Две медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза —

19 марта 1944 года; 6 апреля 1945 года.

Ордена

Девять орденов Ленина — *26 октября 1943 года; Смарты 1944 года; 21 февраля 1945 года; 11 февраля 1950 года; 11 февраля 1960 года; 11 февраля 1970 года; 11 февраля 1975 года; 21 февраля 1978 года; 11 февраля 1980 года.* Орден Октябрьской Революции — *22 февраля 1968 года.*

Четыре ордена Красного Знамени — *30 апреля 1920 года; 7 января 1925 года; 3 ноября 1944 года; 24 июня 1948 года.*

Три ордена Суворова 1-й степени — *28 января 1943 года; 23 августа 1944 года; 29 мая 1945 года.*

Орден Красной Звезды — *21 мая 1940 года.*

Почетное оружие (шашка) с золотым изображением
Государственного герба СССР — *22 февраля 1968 года.*

Иностранные ордена

Два ордена «За заслуги перед Отечеством» (ГДР).

Крест «За выдающиеся заслуги» (США) — *1943 год.*

Орден Креста Грюнвальда 2-го класса (ПНР) — *1946 год.*

Крест ордена Виртути Милитари (ПНР).

Великий крест и командорский крест ордена
Возрождения Польши (ПНР) — *1968 год, 1980 год.*

Орден Сухэ-Батора (МНР) — *1969 год.*

Орден Народной Республики Болгария 1-й степени
(НРБ) — *1974 год.*

Михаил Степанович ШУМИЛОВ

Имя Михаила Степановича Шумилова, наряду с именами В. И. Чуйкова и Ф. И. Толбухина, хорошо известно каждому жителю Волгограда. В городе-герое ему установлен бюст, в его честь названа улица, дом, в котором располагался командный пункт его армии и состоялся первый допрос генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, сохраняется как памятник культурного наследия. Да и сердце командарма Шумилова навсегда осталось в Донских степях, на Сталинградской земле — там, где не счесть братских могил бойцов 64-й армии...

Михаил Шумилов родился 5 (18) ноября 1895 года в семье крестьянина-бедняка в приуральском таежном селе Верхняя Теча Шадринского уезда Пермской губернии^[52]. Жили трудно, голодно, несмотря на то что глава семейства трудился от зари до зари. Выбраться из постоянной нужды не удавалось. О таких семьях говорили: «Перебивались с хлеба на квас». Еще тяжелее стало после смерти отца. Однако мать Михаила сделала все, чтобы сын мог получить образование.

Михаил с детства проявлял большие способности к учебе. Сельскую школу он окончил с отличием и, получив от курганского земства стипендию, смог продолжить образование в учительской семинарии. Будущее для крестьянского сына было довольно завидным — профессия учителя на селе всегда считалась одной из почетнейших. Но окончить семинарию Шумилов не успел: шла Первая мировая война, и в 1916 году он был призван в ряды Русской императорской армии. Шумилова направили на учебу в Чугуевское военное училище, после окончания которого весной 1917 года он в чине прапорщика был направлен на фронт и зачислен на должность младшего офицера

32-го пехотного Кременчугского полка 8-й пехотной дивизии.

С марта 1917 года прапорщик Шумилов находился на передовой на Западном фронте. Боевые действия шли лишь эпизодически, в это революционное время полк представлял собой скорее потревоженный улей — бесконечные митинги, собрания, обсуждение приказов командиров, выборы всевозможных депутатов. В зависимости от политических предпочтений солдаты разделились на кадетов, эсеров, энесов, меньшевиков, большевиков и т. д. Но осенью все стало проще: осталось лишь две группы — одна за революцию, другая против большевиков. Михаил не колеблясь встал на сторону первых, приняв революцию как свое кровное дело. До конца жизни он останется ее верным солдатом. В конце 1917 года вышел указ об увольнении из армии всех учителей. Хотя Шумилов и не окончил семинарию, но какое-то образование он имел и был демобилизован. Он вернулся в родное село — Верхнюю Течу, чтобы заняться делом, к которому готовился с молодых лет. Однако посвятить себя выбранной профессии ему не удалось. В селе верховодили зажиточные крестьяне, руководимые старшиной и старостой. Шумилов же, опираясь на бедноту и поденных рабочих, попытался установить здесь советскую власть, но силы оказались неравны. Сломить сопротивление сельчан он не смог, и, когда стали поступать угрозы физической расправы, Шумилову пришлось уехать из села. В Шадринске, в уездной земской управе, он получил назначение учителем в село Параткуль.

В феврале 1918 года обстановка в Верхней Тече резко изменилась. Домой с фронта вернулись солдаты, принесшие с собой революционные идеи, среди них были и большевики. Когда фронтовики узнали, что Шумилов выступал в селе за установление советской власти, они отправили бывшему прапорщику просьбу —

возвращаясь домой. Неожиданно для себя Шумилов оказывается на острие революционной борьбы в своем родном селе, закончившейся установлением здесь советской власти.

Наступила весна и, Шумилова решили отправить на землемерные курсы: на селе начался масштабный передел земли, а подготовленных специалистов среди сторонников революции было очень мало. Во время учебы на курсах Шумилов вступил в партию большевиков. Однако вскоре учебу пришлось прервать: в конце мая 1918 года Чехословацкий корпус, эшелоны которого растянулись на сотни километров, двигаясь на Дальний Восток, выступили с оружием в руках против Советов. Действия чехословаков, поддержанные недовольным большевиками населением, оказались неожиданными для местной советской власти. Командование Красной армии оказалось не готово к созданию нового фронта борьбы на Урале и в Сибири. Вскоре чехословаки и белые части захватили Челябинск и многие станции вдоль Транссибирской магистрали.

Красной армии катастрофически не хватало сил, и было решено мобилизовать всех слушателей землемерных курсов, благо там были практически одни большевики. В мае 1918 года Шумилов был зачислен в 4-й Уральский полк 29-й стрелковой дивизии. Один взвод был полностью сформирован из слушателей курсов, его командиром стал бывший прапорщик Шумилов. Вскоре его избрали командиром 3-й коммунистической роты, а в конце сентября он, как человек, имеющий военный опыт, стал командиром всего полка. Во главе 4-го Уральского полка Шумилов участвовал в освобождении Перми, Невьянска, Шадринска и других городов и сел Урала и Западной Сибири. В боях на колчаковских фронтах комполка был ранен, а после выздоровления вновь вернулся в строй. Командование отмечало у молодого комполка умение управлять вверенной ему частью,

правильно решать боевые задачи, а также личное мужество и отвагу.

Летом 1920 года полк, входивший в состав 85-й особой бригады, был отправлен на Южный фронт и брошен в бой против войск барона П. Н. Врангеля. После прибытия на место полк начал готовиться к штурму Перекопа. В первом же бою Шумилов получил тяжелое ранение, но после недолгого лечения вернулся в полк.

После окончания Гражданской войны Шумилов остался на военной службе. Все свои знания, накопленный в боях опыт он отдавал делу подготовки красноармейцев. Его служба проходила в 58-м стрелковом полку 7-й стрелковой дивизии Харьковского военного округа, где он с июля 1921 года командовал батальоном. В 1924 году Шумилов окончил Высшие Харьковские курсы старшего командно-политического состава, а в ноябре 1929 года — Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна. В 1924 году он возглавил штаб стрелкового полка, а в 1929-м стал командиром и военкомом полка. В 1933 году Шумилов был назначен начальником штаба стрелковой дивизии, а в ноябре 1935 года ему было присвоено звание полковника.

В эти годы Шумилов вновь оказался в гуще боев: он был направлен в Испанию, где республиканские войска вели тяжелые сражения с франкистами. Шумилов был назначен военным советником при командующем группой армий Центрально-южной зоны. Уже в Испании, в июне 1937 года, он был произведен в комбриги.

Дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник А. И. Родимцев, получивший свою первую Золотую Звезду за отличие в боях на стороне республиканских сил на испанской земле, находился в Испании в одно время с Шумиловым, однако вернулся на родину до окончания Гражданской войны в этой стране. Тогда как советнику Шумилову довелось не только стать

свидетелем драматического и трагичного для защитников республики окончания этой войны, но и на себе испытать коварство франкистов. В своей книге «Под небом Испании» Родимцев вспоминал: «27 марта 1939 года Англия и Франция объявили о признании ими правительства Франко и о разрыве дипломатических отношений с республиканским правительством. Республика пала...

Двадцать четыре года спустя мне довелось ехать на празднование 20-й годовщины великой битвы на Волге с генерал-полковником М. С. Шумиловым.

— В каком году вы вернулись из Испании? — спросил я его.

— В 1939-м.

— Расскажите о последних днях...

И Шумилов вспомнил трагические дни, когда он прощался с республикой.

В самое трудное время законное правительство неожиданно было низложено кучкой интриганов, возглавляемых полковником Касадо. Он-то и создал так называемую хунту обороны... В своих последних выступлениях Касадо обрушился с клеветой на Советский Союз и советских людей, сражавшихся в Испании. Без зазрения совести он утверждал, что кровь в Испании льется по приказу Москвы, призывал установить наблюдение за портами и аэродромами, чтобы «ответственные за испанскую трагедию не могли сбежать из страны».

А ведь Касадо хорошо знал, какую благородную роль сыграли советские люди в его стране. Всему народу было известно, как самоотверженно отдавали свои жизни за свободу и независимость Испании наши добровольцы... Когда стало известно о совершившемся перевороте и создании хунты, Советский Союз решил отозвать всех своих граждан на Родину. Касадо выдал визы нескольким советникам, находившимся в Мадриде,

на выезд в Валенсию. Но когда советник Центрально-южной зоны М. С. Шумилов позвонил по телефону и попросил предоставить самолет для отправки советских граждан во Францию или Алжир, то Касадо заговорил по-другому.

Он заявил, что даст самолет только в том случае, если главный военный советник немедленно прибудет в Мадрид и обратится по радио к поднявшимся против хунты коммунистам с приказом сложить оружие...

Условие было неприемлемым. И тогда Касадо пошел на прямую провокацию. Когда советские люди отправились на аэродром близ Аликанте, чтобы сесть в самолет французской авиакомпании «Эр Франс», у взлетной полосы их ждала рота солдат... И двадцать один человек — последние советские граждане, оставшиеся в Испании, — оказались арестованными.

Их шантажировали, грозили расстрелять. Но изменники не отважились на расправу, лишь отобрали деньги, личные вещи и отпустили».

В этой беседе двух прославленных генералов, которых роднило не только участие в Сталинградской битве, но и совместная борьба в Испании, шла речь о многих советских добровольцах, отправившихся на помощь Республике в борьбе против антиправительственного мятежа генерала Франко, поддержанного фашистскими режимами Германии и Италии. Они вспомнили товарища Малино — Р. Я. Малиновского и товарища Петровича — К. А. Мерецкова, ставших маршалами Советского Союза, главного военного советника Г. М. Штерна, военного советника в бригаде Лукача П. И. Батова, летчиков-героев А. К. Серова, Я. В. Смушкевича, Г. П. Кравченко, боевых друзей, вместе с которыми на полях сражений воевал Родимцев, — Д. Д. Погодина, Д. А. Цюрупу, И. Н. Татарина, Н. П. Гурьева. Это было особое братство воинов-интернационалистов.

Шумилов и Родимцев вспоминали и своих испанских товарищей, сражавшихся в республиканской армии. Судьба большинства из них была трагична. Многие были расстреляны франкистами, некоторые брошены в тюрьмы. Те, кому удалось перейти границу, оказались в концентрационных лагерях Алжира, Марокко, Франции.

* * *

В апреле 1938 года Михаил Шумилов был назначен командиром 11-го стрелкового корпуса, дислоцированного в Белорусском особом военном округе. В сентябре 1939 года корпус участвовал в освободительном походе и присоединении Западной Белоруссии, а в ноябре того же года Шумилову было присвоено воинское звание комдива. В 1940 году он принял участие в советско-финляндской войне, а после введения генеральских званий, в мае был переименован в генерал-майора. В июле 1940 года 11-й стрелковый корпус был включен в состав Прибалтийского особого военного округа и дислоцировался в Литве. 22 июня 1941 года 11-й стрелковый корпус, которым командовал Шумилов, вступил в бой с перешедшими советскую границу немецко-фашистскими войсками. Под натиском врага корпус отходил в направлении Риги, вел тяжелые оборонительные бои на рубеже Пярну — Таллин. В августе 1941 года Шумилов был назначен заместителем командующего 55-й армией, защищавшей Ленинград с южного направления. В январе следующего года Шумилова перевели в Москву, а затем он получил назначение на должность заместителя командующего 21-й армией Юго-Западного фронта.

После тяжелых сражений летом 1942 года в районе Харькова и на Дону, приведших к отступлению Красной армии на восток, Шумилов принял командование 64-й

армией. 28 июля он прибыл в штаб армии, который находился на хуторе Логовский юго-западнее Сталинграда. На Дону, не затихая ни на минуту, шли тяжелые, кровопролитные бои. Жарко было и в воздухе, и на земле. Немецкие войска прорвали оборону 64-й армии, которая еще не завершила перегруппировку. С тяжелыми боями часть войск 64-й армии отошла на левый берег Дона.

Положение было крайне тяжелым. Немецкая авиация непрерывно бомбила скопление наших войск у переправ. 26 июля противником был разбит железнодорожный мост через Дон. На переправе погибли начальник артиллерии 64-й армии генерал-майор Я. И. Броуд^[53], а также начальник Оперативного отдела штаба армии подполковник Т. М. Сидоркин, начальник инженерной службы армии полковник Бурилов и другие офицеры штаба армии.

Именно в день прибытия генерала Шумилова на Сталинградский фронт был принят Приказ народного комиссара обороны № 227, получивший в народе название «Ни шагу назад». Приказ точно описывал положение дел на фронте: «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами... Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором... Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем...»

Положение в полосе обороны 64-й армии соответствовало описанию ситуации в приказе. Уже первый доклад, который выслушал новый командующий, о состоянии дел в полосе фронта на участке вдоль Дона от станицы Суровикинской до Верхнекурмоярской ничего утешительного не содержал, напротив, он со всей суровостью и неотвратимостью обнажал серьезность и опасность положения. Всем присутствующим на встрече с новым командующим стало ясно, что Шумилов будет говорить о Приказе № 227. Так и случилось. Командарм сказал: «Я хочу, чтобы этот приказ вошел в плоть и кровь каждого из нас, чтобы мы жили им и помнили одно: отступать некуда, позади Сталинград, Волга... Дисциплина и стойкость войск в обороне — вот наша ближайшая задача. А теперь — по местам». В свою первую ночь на Сталинградском фронте командарм Шумилов так и не заснул.

Враг, владевший инициативой, продолжал теснить советские войска за Дон. За несколько дней до прибытия Шумилова немецкие войска прорвали оборону соседней 51-й армии, создав тем самым тяжелую обстановку и для 64-й армии, так как выходили на ее левый фланг и коммуникации.

После занятия противником Котельникова Шумилов отчетливо ощутил, насколько велика стала опасность не только для левого фланга его армии, но и для всего тыла главных сил Сталинградского фронта. В это время 64-й армии приходилось одновременно вести бои на донском рубеже и выделять силы для прикрытия южного направления. Понятно, что управлять боевыми действиями в такой обстановке было крайне сложно. В этой ситуации Шумилов сформировал отдельную оперативную группу во главе со своим заместителем генерал-лейтенантом В. И. Чуйковым, которому была поставлена задача прикрыть левый фланг армии. Группа Чуйкова оказалась втянутой в тяжелые бои. Имея в своем составе две малочисленные дивизии и бригаду морской пехоты, она не могла сдержать наступление крупных сил противника и вынуждена была с боями отойти за реку Аксай. Тем не менее группа сделала свое дело: в ходе тяжелейших шестидневных боев притянула к себе свыше трех дивизий из 4-й танковой армии врага и тем самым ослабила ее ударную группировку, наступавшую на основной рубеж нашей обороны.

Подчиненные Шумилова практически с первых дней его пребывания на посту командующего армией получили возможность убедиться в его полководческих талантах. «М. С. Шумилов спокойно и глубоко анализировал обстановку, принимал продуманные и смелые решения, определяя войскам ясные задачи, твердо держал в своих руках управление. Обычно Михаил Степанович не испытывал затруднений при принятии решений. Как правило, он мысленно ставил себя на место противника, всесторонне оценивал его возможный замысел и исходя из этого определял свой. Принятое решение он проводил в жизнь с железным упорством и не вносил в него изменений до тех пор, пока это не вызывалось обстановкой по ходу боя. А пульс боя командующий чувствовал очень тонко». Это

свидетельство бывшего начальника штаба 64-й армии генерал-майора И. А. Ласкина^[54], сражавшегося бок о бок с Шумиловым всю Сталинградскую битву. В его характеристике командарма выделяются не только полководческие, но и человеческие качества: «По натуре Михаил Степанович был человеком крутым, прямым, любил деловые качества и правдивость в людях, сам был очень работоспособен и честен во всем. Я не знаю случая, чтобы в своих докладах командарм приукрашивал положение дел или излишне подчеркивал сложность обстановки».

Третьего августа четыре эшелона 208-й стрелковой дивизии, включенной в состав 64-й армии, выгрузились на станции Котельниково, и сразу же подверглись удару фашистской авиации и танков. Потери были большими. Выполняя приказ командования фронта, Шумилов передислоцировал свой командный пункт из Логовского в Верхнее — Царицынский. Соединения и части армии находились на разных участках фронта, что затрудняло управление. На правом берегу Дона оборонялись 229-я, 112-я стрелковые дивизии, другие соединения и части армии. О тяжести боев свидетельствует и тот факт, что 9 августа был смертельно ранен командир 112-й стрелковой дивизии полковник И. П. Сологуб. В командование дивизией вступил подполковник И. Е. Ермолкин. 10 августа в бою убит командир 229-й стрелковой дивизии полковник Ф. Ф. Сажин, командование дивизией принял генерал-майор В. Н. Марцинкевич^[55].

Шестого августа 4-й немецкой танковой армии все же удалось прорваться на южном фланге внешнего оборонительного обвода и выйти в район Абганерово — Тингута. К вечеру гитлеровцы заняли село Плодовитое и разъезд 74-й километр. Генерал Шумилов принял решительные меры, чтобы вернуть утраченные позиции. Ему удастся выполнить маневр резервами и войсками,

снятыми с других, неатакованных участков, после чего у Шумилова созрело решение создать отдельную оперативную группу войск и с ее помощью нанести контрудар по противнику. 9 августа Шумилов смог организовать и провести сильный контрудар по частям 14-й танковой и 29-й моторизованной немецких дивизий у разъезда 74-й километр.

Воспользовавшись пассивностью противника на правом фланге армии и внимательно проанализировав обстановку, командующий 64-й армией снял с правого фланга 204-ю стрелковую дивизию и часть курсантских полков и перебросил эти силы на угрожаемый участок в районе разъезда, чтобы нанести здесь внезапный контрудар. За одну ночь к затерянному в степи небольшому разъезду были стянуты все имевшиеся армейские резервы и средства усиления. По указанию командарма курсантские полки заняли исходное положение в районе Зеты, 204-я дивизия полковника А. В. Скворцова^[56] — в районе совхоза им. Юркина, там же сосредоточилась и 254-я танковая бригада. 38-я дивизия полковника Г. Б. Сафиулина^[57] должна была прочно удерживать занимаемые позиции и не допустить прорыва противника к Сталинграду. Таким образом, немецкая мотодивизия с более чем 100 танками оказалась, по существу, в «мешке».

В результате тщательной и всесторонней подготовки контрудара, намеченного Шумиловым, группировка перешла в решительное наступление и в течение двух дней разгромила вклинившиеся в нашу оборону гитлеровские войска. В районе 74-го разъезда было подбито до 60 и захвачено 40 исправных вражеских танков. Гитлеровцы перешли к обороне и больше на этом участке активности не проявляли.

Командование немецкой группы армий «Б» было вынуждено срочно перебросить на усиление армии Гота танковую и пехотную дивизии из 6-й армии Паулюса.

Потери противника в ходе контрудара оказались столь значительными, что 4-я танковая армия в самое горячее время в течение десяти суток вынуждена была стоять на месте. Немцам нужно было время, чтобы подтянуть главные силы, дожидаться прибытия двух новых дивизий, перегруппироваться, накопить горючее и снаряды, отремонтировать танки.

Этим поражением расчет Гитлера на молниеносный захват Сталинграда с ходу силами 4-й танковой армии с юго-запада был раз и навсегда сорван, и в дальнейшем она была вынуждена безуспешно топтаться на подступах к Сталинграду то с юга, то с юго-запада, то с запада.

Особенность боевого почерка командарма Шумилова состояла в том, что он умел в нужный момент сосредоточить основные силы армии на важнейшем направлении для решения главной задачи. Наблюдавший в те дни за действиями Шумилова заместитель командующего Юго-Восточным фронтом генерал Ф. И. Голиков впоследствии писал: «Командующему 64-й армией генералу М. С. Шумилу удалось провести 9 августа сильный контрудар по частям 14-й танковой и 29-й механизированной дивизий у разъезда 74-й километр, хорошо его организовать. А это было не просто, так как обстановка торопила и ждала нужного сосредоточения сил и создания определенного превосходства в решающем месте было трудно. Однако Михаил Степанович Шумилов выстоял, проявив выдержку, расчетливость и понимание обстановки».

Одержан первый успех. Немцам крепко досталось. И командарм теперь озабочен тем, чтобы об успешном контрударе подробно и толково рассказать всем воинам армии, вселить в них уверенность в том, что при личной храбрости каждого, при умелом использовании своего оружия они способны не только остановить противника,

но и разгромить его. Всех отличившихся в контрударе командарм приказал представить к наградам.

В ходе жестоких многодневных боев с 17 по 26 августа советские войска отразили очень сильные и опасные удары 4-й танковой армии, действовавшей совместно с 4-м воздушным флотом и стремившейся прорвать фронт 57-й армии ударом через высоты у Красноармейска и затем встык 64-й и 57-й армий в районе Тингутинского лесничества, станции Тундутово, Тингута. Превосходство противника было велико, казалось, что остановить его наступление теми силами, которыми тогда располагала 64-я армия, было невозможно. Но бойцы и командиры 64-й задержали наступление, сорвали намерение немецкого командования окружить и уничтожить наши силы на западном берегу Дона.

В течение этих дней были введены в сражение созданные командармом резервы 64-й армии (29-я и 138-я стрелковые дивизии, 154-я морская стрелковая бригада). Они вступили в ожесточенные бои на заблаговременно занятых рубежах. Шумилов умело организовывал бой, наладив взаимодействие родов войск, он всегда твердо держал управление в своих руках и ни при каких обстоятельствах не проявлял признаков растерянности. Его доклады об обстановке и ходе боев всегда были исчерпывающе полны и объективны, а смелые, четкие решения — всесторонне продуманны и говорили о высокой оперативной культуре. Как бы ни было горячо на передовой, в штабе, в Военном совете армии обстановка всегда была спокойной, деловой. Со своими подчиненными Шумилову удалось установить добрые, подлинно товарищеские отношения. Характерен случай, о котором рассказывает в своей книге «Сражение века» В. И. Чуйков: «Вечером я решил возвратиться на командный пункт армии,

который размещался в балке в десяти километрах восточнее Зеты.

Около железнодорожного переезда нам встретился работник политотдела армии. Он сообщил, что Шумилов и весь штаб сидят на телефонах и разыскивают меня. Тут только я вспомнил, что уже около десяти часов не звонил в штаб армии.

Генерал М. С. Шумилов, его ближайшие помощники, члены Военного совета З. Т. Сердюк^[58], К. К. Абрамов, начальник штаба И. А. Ласкин отнеслись ко мне внимательно. Мы как-то быстро нашли общий язык, работали дружно, слаженно, проявляя постоянную заботу друг о друге. (Такая обстановка сохранилась до последних дней моего пребывания в этой армии.) А тут вдруг они потеряли меня...

Когда я вошел в землянку, Шумилов, увидев меня, громко закричал: «Вот он, нашелся!» Он тут же позвонил начальнику штаба фронта и доложил ему о моем появлении.

Вскоре в землянку вошел член Военного совета. Меня упрекали и ругали, но на их лицах я видел нескрываемую радость. Долго не получая от меня известий, они, оказывается, дали указание Людникову и другим командирам частей разыскать меня на поле боя, найти хотя бы разбитую машину. Но случилось так, что я вернулся жив-здоров и на своей машине».

К этому периоду войны Шумилов уже имел большой опыт руководства боевыми действиями. Но жизнь ставила перед военачальниками все новые и новые проблемы. Росло техническое оснащение войск, появлялось более мощное новое оружие.

На донском рубеже в армии действовал 76-й гвардейский минометный полк, который зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Не раз его залпы удачно накрывали скопление танков и пехоты противника. И вот в разгар августовских боев в армию прибыли сразу

шесть полков «катюш». Шумилов был необычайно рад. «Вот это то, что нам сейчас нужно!» — сказал командарм и тут же попросил одного из специалистов подробно доложить Военному совету о боевых возможностях реактивной артиллерии. Ведь прежде, чем учить других, надо самому познать дело во всех тонкостях.

Генерал-майор артиллерии П. А. Дегтярев^[59] рассказал Шумилову и членам ВС о состоянии и боевой выучке личного состава полков, охарактеризовал их командиров и штабы, подробно остановился на способах боевого применения «Катюш», использования их массированных ударов на решающих направлениях. Шумилов, то и дело задавая вопросы, интересовался, как разведываются и выбираются цели для поражения, на каком удалении от своих войск производится залп, какую площадь покрывает батарейный, дивизионный, полковой залп. Получив исчерпывающие ответы, присутствующие убедились, какая огромная огневая сила оказалась в руках командующего, если, конечно, ее умело, творчески использовать в бою.

Обладая необходимой информацией, Шумилов стал размышлять, какие дивизии, стоящие на наиболее угрожаемых направлениях, усилить гвардейскими минометными полками. Он определил и свой огневой резерв, состоящий из трех полков. Позже командарм будет постоянно и придирчиво проверять, как используется реактивная артиллерия. Вот один из таких примеров. Уже вскоре после прибытия «Катюш» Шумилову доложили, что к участку обороны 204-й стрелковой дивизии приближаются две колонны противника на бронетранспортерах. Он сразу же решил использовать огневую мощь своей реактивной артиллерии. Получив приказ командарма, командиры гвардейских минометных полков подполковники Н. В. Воробьев и Л. З. Парновский^[60] приняли решение

уничтожить обе колонны поочередно. Вскоре огненные трассы разрезали небо. Снаряды точно накрыли цели. Сколько было таких точных залпов в период обороны! Некоторые полки давали по 7–8 залпов в день.

После войны маршал Советского Союза А. И. Еременко вспоминал о Шумилове: «Припоминаю, как в особо трудные минуты он говорил спокойным баском: «Духом не падаем, товарищ командующий, прошу о нас не беспокоиться, задачу выполним». Эта уверенность командарма 64-й передавалась каждому воину армии, непоколебимо защищавшему сталинградскую землю и действительно стоявшему насмерть».

Почти месяц 64-я армия сдерживала на дальних подступах к Сталинграду танковые дивизии Г. Гота. Интенсивность сражений на Сталинградском направлении нарастала с каждым днем. Бои шли буквально за каждую пядь земли. Палило солнце, горела земля от разрывов бомб и снарядов, людей душили пыль и гарь, мучила жажда. Каждый метр своего продвижения вперед гитлеровцы оплачивали дорогой ценой. Но несли серьезные потери и наши войска. В ряде мест оборона держалась лишь реденькими цепочками пехоты. Для командарма трудность состояла в том, чтобы как можно точнее установить, до какого момента целесообразно удерживать тот или иной рубеж обороны и когда следует его оставить, чтобы с наименьшими потерями перейти на следующий, заранее подготовленный.

Как-то уже после войны у Шумилова спросили: «Какой день Сталинградской битвы вы считаете самым тяжелым и какой самым радостным?» На первую часть вопроса Михаил Степанович ответил так: «Я бы назвал не один, а два дня — 29-е и 30-е августа. Это были поистине «черные дни» за все время битвы».

В эти напряженные, тяжелейшие для 64-й армии дни 126-я стрелковая дивизия полковника В. Е. Сорокина приняла на себя основной удар врага, позволив основным силам армии организованно отойти на новый рубеж обороны. В воспоминаниях Шумилова, хранящихся в фондах музея-заповедника «Сталинградская битва», он так описывает эти события: «В то утро со стороны восходящего солнца слышался нарастающий гул вражеских пикировщиков. Они шли волна за волной и весь груз фугасок обрушивали на позиции 126-й стрелковой дивизии. Потом ударила артиллерия, и под ее «аккомпанемент» пошли в наступление подвижные части гитлеровцев. В 6 часов 30 минут комдив 126-й полковник В. Е. Сорокин доложил о начавшейся атаке крупных сил танков и мотопехоты. Находившийся на своем К.П. под Зетами командарм ответил:

— Вижу сам. Держись, дорогой. Иного выхода нет. Надо выручать армию. Она уже начала отход, и нельзя позволить, чтобы Гот раздавил нас танками.

— Раз надо, будем стоять до конца, — твердо ответил Сорокин.

Любой ценой, всеми средствами сдерживайте танки. Подпускайте их ближе и бейте наверняка. Отсекайте пехоту от танков — без нее они далеко не пойдут». Такими были последние наставления командарма комдиву Сорокину.

Шумилов ни на минуту не сомневался ни в Сорокине, ни в его хорошо обученных и закаленных в жестоких боях воинах. Недаром командующий фронтом генерал А. И. Еременко назвал 126-ю дивизию наиболее боеспособной и стойкой из соединений фронта. Военачальником незаурядных способностей, человеком большого мужества зарекомендовал себя ее командир Владимир Евсеевич Сорокин. На него Шумилов полагался как на самого себя.

...Уже второй час 126-я дивизия отбивала неистовый натиск врага. Обороняющиеся сами переходят в контратаку и отбрасывают противника на исходные позиции. Сорокин докладывает командующему об этом. Шумилов отвечает ему: «Молодцы! Иного доклада от вас и не ждал. Продержитесь еще пару часов — хорошо, три — еще лучше. Нам дорога каждая минута». На глазах командарма над позициями дивизии вновь появилась армада немецких пикирующих бомбардировщиков. После того как люфтваффе сбросили свой смертоносный груз на позиции 126-й, немцы вновь пошли в атаку. Часть вражеских танков прорвалась к переднему краю и начала «утюжить» окопы обороняющихся советских частей. Группа машин достигла артиллерийских позиций. Наши артиллеристы вели огонь практически в упор. И все же немцам не удалось прорвать оборону дивизии. Середина дня. Шумилов с трудом связался с Сорокиным. Тот сообщил о больших потерях, о гибели многих командиров. Но голос его был твердым и спокойным. Никаких просьб и сетований на судьбу! Тем временем атаки следовали одна за другой. Четыре вражеские дивизии на узком участке волна за волной таранили оборону 126-й. Все вокруг в огне и дыму. На позициях настоящий ад. Сообщения поступают одно хуже другого. Тяжело контужен Сорокин. Убиты начальник штаба дивизии, все командиры полков, многие комбаты. Но воины не отошли ни на шаг. Лишь с третьей попытки сотне вражеских танков удалось прорваться через позиции дивизии и к концу дня выйти в район Гавриловки. Однако и на этот раз вражеская мотопехота была отрезана от танков теми, кто еще был способен держать оружие. Солдаты 126-й до конца выполнили задачу, дав возможность главным силам армии сосредоточиться на новом рубеже.

Много лет спустя рукой командарма в книге «Двести огненных дней» будут написаны строки, полные

сердечной благодарности воинам 126-й дивизии: «Годы прошли, а тот день не выходит из головы. Мы покидали свой командный пункт, уже зная, что основные силы армии оторвались от противника, что они вот-вот зацепятся за внутренний обвод и организованно встретят врага. И этим мы обязаны 126-й дивизии, героической дивизии, подвиг которой и по сей день еще не раскрыт со всей полнотой. Тысячи безвестных героев должны обрести имя...»

Михаилу Степановичу после войны удалось разыскать В. Е. Сорокина. Тот в письме рассказал о своей нелегкой судьбе, вспомнил, как танки обошли командный пункт дивизии и с тыла открыли губительный огонь по блиндажам. Сорокин был тяжело контужен разрывом снаряда и взят в плен. В ответном письме Сорокину командарм писал: «Дорогой Владимир Евсеевич! Какая радость охватила меня с получением письма от Вас. Спасибо, что не забыли старика.

Владимир Евсеевич! Перед воинами 126-й сд я считаю себя виновным. Они во все дни обороны Абганерово дрались геройски. 29 августа части дивизии понесли большие потери, и поэтому она была выведена в резерв фронта и в состав нашей армии не возвратилась. После разгрома немецко-фашистских войск дивизия мною не была представлена к званию гвардейской. Я был уверен, что это сделает фронт. Я же не проверил. В этом и состоит моя вина перед воинами 126 сд. Моя же характеристика дивизии и Вас, Владимир Евсеевич, остается неизменной. Вы сделали все, что могли, и даже немножечко больше. За все это Вам большое спасибо!

С глубоким уважением, бывший командующий 64-й армией Герой Советского Союза генерал-полковник М. Шумилов».

Под непрерывным воздействием авиации, в условиях полуокружения пробивались части и соединения 64-й

армии к новому рубежу. Но бойцы и командиры не теряли самообладания, чувства долга и воинской чести. В намеченные пункты подходили отставшие или отбившиеся от своих частей бойцы и сразу же вступали в новый бой. Несмотря на мужество и героизм наших воинов, под натиском численно превосходящего противника по приказу фронта армия вынуждена была отойти на последний оборонительный рубеж: на высоты западнее южной части города.

Началось упорное оборонительное сражение. Противник почти ежедневно с разных направлений и по несколько раз в день после мощной авиационной и артиллерийской подготовки силами двух-трех дивизий при поддержке танков атаковал войска армии. Но бойцы 64-й выдержали натиск врага, нанося ему большие потери в живой силе и технике.

К 3 сентября армия закрепилась на рубеже Песчанка — Елхи — Ивановка. В боевом донесении в Ставку ВГК 3 сентября Военный совет Юго-Восточного фронта сообщал: «Противник силами двух 24-й и 14-й танковых дивизий, 29-й моторизованной дивизии и шести пехотных дивизий — 76-й, 71-й, 94-й, 297-й, двух румынских пехотных дивизий, с утра 3.9.42 атаковал войска в полосе обороны х[утор] Новая Надежда — Елхи, нанося главный удар в направлении Питомник — Опытная Станция.

К исходу дня противник силами одной танковой, одной моторизованной и одной пехотной дивизий, прорвав оборону наших войск, вышел в район Опытная Станция. Одновременно подтягивал до одной пехотной дивизии из района Нижний Акатов и до пехотной дивизии из Верхнего Царицынский, Зеты, создавая вторую группировку для удара на Бекетовку.

Надо ожидать, что с утра 4.9.42 г. противник этими группами будет пытаться овладеть г. Сталинград».

Шумилов в своем приказе говорил об опасности, нависшей над городом, и предупреждал, что дальше указанного рубежа противник не может быть пропущен ни в коем случае. «Отступить некуда, за нами Волга. Ни шагу назад! Лучше славная смерть, чем позор отхода».

В два часа ночи 4 сентября поступил приказ командующего войсками Юго-Восточного фронта о нанесении контрудара силами 64-й армии: «Двумя полками 112-й стрелковой дивизии, 27-й, 99-й танковыми бригадами с фронта будка, что южнее Гумрак 2 км, участок № 6, удар нанести в направлении Таловой, Опытная Станция, Ежовка.

— Одним полком 35-й гвардейской стрелковой дивизии, военно-политическим училищем, 196-й стрелковой дивизии, нанести удар с фронта лес, восточнее Опытная Станция в направлении Ежовка.

— 38-й мотострелковой бригаде, 26-й танковой бригаде, 35-й гвардейской стрелковой дивизии нанести удар с фронта высоты 145,5 — Верхняя Ельшанка — Песчанка в направлении Воропоново, Алексеевка».

Господствующей возвышенностью между населенными пунктами Горная Поляна, Зеленая Поляна, Песчанка и Стародубовка являлась высота 145,5, называемая Лысой горой, неоднократно переходившая из рук в руки. Это одно из самых высоких мест в Сталинграде. Расстояние от нее до Волги около трех километров. Овладение высотой было основной задачей не только советских, но и немецких частей. Бои на Лысой горе были столь кровопролитными и ожесточенными, что немцы называли ее «горой смерти».

Утром 9 сентября немецкие танки прорвали оборону обескровленных частей 35-й гвардейской и 131-й стрелковых дивизий. За ними в образовавшуюся брешь устремились автоматчики. К середине дня передовые подразделения немецко-фашистских войск вышли к Купоросному. В результате левый фланг 271-го

стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД оказался под непосредственным ударом врага.

Продолжая наступление, противник вклинился в оборону 3-го батальона 271-го стрелкового полка внутренних войск НКВД. Когда на левом фланге полка противник получил сильный отпор и командованию удалось восстановить положение, он направил свой удар на участки, обороняемые 4-й и 5-й стрелковыми ротами. Ему удалось потеснить их и захватить территорию кирпичного завода № 8. Сюда прорвались шесть танков и до сотни немецких автоматчиков. Завязался ожесточенный бой, противник подтягивал все новые силы, стремясь прорваться к Волге кратчайшим путем — вдоль железной дороги — и разрезать оборону советских частей. В этой критической ситуации было решено подключить к бою гвардейские минометы и орудия бронепоезда, чтобы воспрепятствовать подходу к противнику резервов. Одновременно были предприняты меры по восстановлению утраченных позиций. С этой целью командир полка подтянул находившийся во втором эшелоне 1-й стрелковый батальон. Контратака оказалась неожиданной для немцев, и вскоре они были отброшены к кирпичному заводу.

Утром 10 сентября бои на этом участке возобновились с новой силой. По обороне полка немцы нанесли сильнейший бомбовый и артиллерийский удар, после чего возобновились атаки пехоты и танков. На этот раз гитлеровцы сосредоточили основные усилия на стыке батальонов полка. Однако и в этот раз успеха они не добились. Тогда враг перенес направление главного удара и нанес его вдоль берега Волги. По наступающему противнику открыли огонь гвардейские минометы и орудия 416-го истребительного противотанкового артиллерийского полка.

Двенадцатого сентября противник силами 14-й танковой, 29-й моторизованной и 20-й пехотной румынской дивизий, прорвав оборону 64-й армии на ее стыке с 62-й армией, овладел Зеленой Поляной, «Квадратной рощей». Была также взята и находившаяся в полутора километрах восточнее Зеленой Поляны высота 145,5 (Лысая гора) — важнейшая доминирующая точка нашей обороны. С ее потерей положение обороняющихся резко ухудшилось. По балке Купоросной немцы вышли к Волге на участке балка Купоросная — авторемонтный завод, отрезав 62-ю армию от остальных войск Юго-Восточного фронта.

На следующий день немцы в очередной раз прорвали советскую оборону и вышли к поселку Купоросный. Однако войска 64-й армии продолжали удерживать занимаемый рубеж. Ее правый фланг составляли 36-я гвардейская и 422-я стрелковые дивизии, 90-я танковая бригада, армейский арtpолк, полк «Катюш» и Волжская военная флотилия. До генерала Шумилова был доведен приказ командующего фронтом генерал-полковника А. И. Еременко от 13 сентября: «Всей группой артиллерии обеспечить уничтожение противника на стыке 62-й и 64-й армий в полосе р. Царица, северная окраина Бекетовка, Елхи. С целью наиболее эффективного использования огня артиллерийской группы иметь одновременно сеть артиллерийского наблюдения в обеих полосах».

С 14 по 18 сентября части 64-й армии вели кровопролитные бои на Лысой горе, пытаясь овладеть этой высотой. Более 50 тысяч солдат и офицеров, сотни танков, артиллерийских и минометных стволов с одной и другой стороны сошлись на площади всего в четыре квадратных километра. На пятые сутки боев немцы были вынуждены оставить Лысую гору. Паулюс, чтобы восстановить положение своих частей на этом участке, вынужден был отвести с фронта 62-й армии еще две

дивизии к Лысой горе. Через двое суток фашистские войска силами 14-й танковой дивизии и 94-й пехотной дивизии перешли в контратаку, чтобы вновь занять эту важную высоту. Несмотря на упорное сопротивление наших воинов, гитлеровцам удалось овладеть ее западной половиной.

Сорок дней — с 14 сентября по 24 октября — 422-я стрелковая дивизия подполковника И. К. Морозова^[61] и 36-я гвардейская стрелковая дивизия полковника М. И. Денисенко^[62] вели ожесточенные бои с противником на этом направлении. В конце октября состав 64-й армии был усилен 7-м стрелковым корпусом генерал-майора С. Г. Горячева^[63], в состав которого входили 93, 96, 97-я стрелковые бригады. Корпус был основательно подготовлен к боям, все три его бригады укомплектованы моряками, прибывшими с кораблей Тихоокеанского флота, и дальневосточными пограничниками. Вместе с дивизиями Морозова и Денисенко корпус начал наступление, в результате которого противник был выбит с восточных скатов Лысой горы. В районе этой высоты и непосредственно на ней мужественно сражались также воины 126-й стрелковой дивизии, сводный курсантский полк и другие части 64-й армии.

Пятнадцатого сентября силами четырех дивизий немецкие войска, перейдя в общее наступление, овладели поселком Купоросный и на участке Лапшин сад — балка Купоросная вышли к Волге, прижав к реке 62-ю армию. Ослабить удар противника по соседу и оттянуть на себя его силы могли только 57-я и 64-я армии. 64-я армия ударила на северо-запад в направлении Лысой горы, Песчанки, станции Воропоново. Начавшись в сентябре, ожесточенные бои продолжались в этом районе более четырех месяцев. Советскому командованию удалось подтянуть резерв и,

задействовав также корабли Волжской военной флотилии, остановить и местами потеснить противника.

Благодаря стойкости воинов 64-й армии в Кировском районе Сталинграда и в Красноармейске продолжали работать промышленные предприятия и учреждения. Рабочие, в свою очередь, оказывали большую помощь армии — ремонтировали танки, тракторы, автомашины, минометы, изготавливали бутылки с горючей смесью. Труженики Красноармейских хлебозавода и мельницы снабжали войска и гражданское население мукой, крупой, хлебом.

В текущей работе Шумилов работал в постоянном контакте с партийными организациями города и Кировского района. Он присутствовал почти на всех их пленумах, систематически информируя партийный актив о положении дел на фронте, помогал местным организациям всем, чем только мог. До последних дней жизни крепкая личная дружба связывала Михаила Степановича с председателем городского комитета обороны, 1-м секретарем Сталинградского обкома и горкома партии А. С. Чуюновым^[64]. Он, со своей стороны, высоко оценивал человеческие качества Шумилова. «На такого человека всегда можно положиться. Слово у него никогда не расходилось с делом. Меня всегда изумляли и его выдержка, хладнокровие, высокая личная отвага. И еще: доступность, близость к людям. Потому и авторитет его в войсках, среди жителей города был необычайно высок», — писал Чуюнов в своем «Сталинградском дневнике».

Однажды на встрече, посвященной Сталинградской победе, Чуюнов сказал: «Мною подсчитано, что на каждого жителя Сталинграда в общей сложности пришлось двести пятьдесят килограммов тротила — четверть тонны! На всю Англию за время варварских бомбежек сброшено тротила в пять раз меньше, чем на наш многострадальный город...» «Но город-то жил! —

воскликнул М. С. Шумилов. — Сталгрэс работала почти все время. Наши бойцы, глядя на ее дымящиеся трубы, говорили: «Пыхтит Сталгрэс — значит, все в порядке». Сталгрэс стала символом мужества и стойкости, наряду с Домом Павлова, элеватором...»

Армия Шумилова прочно удерживала господствующие высоты в районе Бекетовки, надежно прикрывала Кировский район города и Красноармейск. Вместе с тем для успешного противостояния врагу необходимо было не только постоянно совершенствовать оборону, но и активизировать другие виды боевой деятельности. В соответствии с приказом командующего Юго-Восточным фронтом «О недостатках и организации разведки в соединениях и частях и мерах по их устранению» от 12 августа 1942 года, при Военном совете 64-й армии была создана специальная оперативная группа (опергруппа воинской части № 00131 при 64-й армии), в обязанности которой входили сбор и анализ разведданных с ежедневным докладом генералу Шумилову. 10 октября группа представила командарму оперативную сводку, в которой говорилось:

«Совершенно секретно.

1. Подготовлены, вооружены и переправлены в тыл противника партизанские отряды: Тормосинского района в составе 21 человек, Нижне-Чинского района в составе 11 человек.

2. Организована, вооружена и переправлена в тыл противника диверсионная группа «Максим» в составе 8 человек.

3. Организована, вооружена и озадачена диверсионная группа «Иван» в населенном пункте Бекетовка.

4. Послано в разведку в тыл противника 2 человека.

5. В настоящее время работаем по организации диверсионной группы в Кировском районе города

Сталинграда и по установлению связи с действующими партизанскими отрядами.

6. Трудности в работе группы заключаются в том, что на участке фронта 64-й армии имеется один лишь населенный пункт — Бекетовка, из которого основная масса людей эвакуирована и кадры подбирать негде, так как в тылу нашей армии фактически ни одного населенного района нет.

Исполняющий обязанности начальника оперативной группы командир батальона капитан Тюпченко».

В середине октября бои в черте города приняли особо ожесточенный характер. Получив подкрепление, Ф. Паулюс бросил крупные силы против разрезанной на части 62-й армии. Верная принципам боевого братства, 64-я армия частыми контратаками, дерзкими ночными вылазками, огневыми налетами «катюш» и артиллерии оказывала помощь своему соседу. Но положение 62-й с каждым днем ухудшалось.

Легендарная 138-я стрелковая дивизия в сентябре сражалась в рядах 64-й армии. Командующий Сталинградским фронтом А. И. Еременко, видя критическое положение 62-й армии, в середине октября распорядился передать эту дивизию, которой командовал полковник И. И. Людников, в 62-ю армию. Дивизия сыграла большую роль в стабилизации положения в городе, сражаясь в течение трех месяцев на Нижнем поселке завода «Баррикады», который в историю Сталинградской битвы вошел под названием «Остров Людникова». Перед отбытием 138-й дивизии в 62-ю армию Военный совет 64-й армии встретился с И. И. Людниковым и комиссаром дивизии Н. И. Титовым. Поблагодарив бойцов и командиров уже успевшей прославиться дивизии за проявленные в донских и волжских степях мужество и героизм, Шумилов и члены Военного совета армии пожелали воинам дивизии новых боевых успехов и побед.

Оборона 64-й армии в этот период не была пассивной. Шумилов организовывал частные наступательные операции, отвлекая на эти направления дополнительные силы противника, облегчая положение соседней 62-й армии, сражавшейся в центре города. Примером такой операции может служить контрнаступление, предпринятое 25 октября. После артиллерийской подготовки войска армии пошли в атаку. Артиллерия противника открыла ответный огонь, а через 30–40 минут в воздухе появились немецкие самолеты, но советские войска не остановили атаку. Части 7-го стрелкового корпуса и 422-й стрелковой дивизии с ходу овладели первой и второй позициями противника. Однако дальнейшее продвижение замедлилось, ожили неподдавленные немецкие огневые точки — оказалось недостаточное количество орудий (30–40 стволов на километр фронта). Подтянув дополнительные силы люфтваффе, противник под прикрытием с воздуха бросил в контратаку пехоту с танками.

Шумилов следил за боем со своего наблюдательного пункта на высотах западнее пригорода Бекетовка. По приказу командира корпуса Горячева был своевременно организован артиллерийский огонь по развертывавшимся фашистским танкам, и вражеская контратака была отбита. После этого снова заговорила советская артиллерия, а затем поднялась в атаку пехота, которую поддерживали танки. Моряки, сбросив с себя шинели и надев бушлаты и бескозырки, бесстрашно устремились на врага. Наблюдавший эту картину со своего командного пункта Шумилов произнес: «Упорный народ эти моряки. С ними не пропадешь!» К вечеру корпус продвинулся вперед до полутора километров.

Двадцать пятого октября командующий войсками фронта А. И. Еременко доложил в Ставку ВГК: «64-я армия, прочно обороняясь в центре и на левом фланге, в

9.00 перешла в наступление на фронте Купоросное, высота 145,5 (Лысая гора) и, несмотря на отчаянное сопротивление 29-й моторизованной дивизии и 371-й пехотной дивизии противника, благодаря хорошему действию артиллерии, РС, авиации и танков прорвала передний край обороны и к исходу дня продвинулась на полтора-два километра и вышла на фронт южной части Купоросное, роща «Сапог» с отметкой 43,8, роща «Топор» (южнее Зеленая Поляна), нанеся большое поражение противнику».

О кровопролитных октябрьских боях на юге Сталинграда свидетельствует боевой приказ командующего 64-й армией командирам частей и соединений на продолжение наступления на Купоросное:

«1. Противник, оставив передний край обороны на участке: Купоросное, роща Топор, продолжает оказывать упорное огневое сопротивление нашим наступающим войскам, на линии — южная часть Купоросное, Бараки, южная опушка рощи, Зеленая Поляна, высота 145,5. Танки и авиация в течение дня активности не проявляли. Отмечается скопление пехоты в районе рощи южнее станции Садовая, танков западнее Песчанка.

2. Войска правого крыла армии, ведя наступление в течение 25.10.42 г., вышли на рубеж южнее окраины Купоросное, отметки 43,6, южный берег оврага (севернее рощи Квадратная). Задачу дня не выполнили.

Основными причинами невыполнения боевой задачи являются: отсутствие управления огнем артиллерии и минометов со стороны командиров бригад и полков, поэтому огонь не сосредоточивался на те объекты, на которые вела наступление пехота;

Пехота не сумела использовать всю мощь артиллерийско-минометного огня и действия танков и

авиации, поэтому наступление проходило исключительно медленным темпом...

3. Я решил: с утра 26.10.42 продолжать наступление по выполнению моего приказа М 0157/оп. — выход на рубеж — северная окраина Купоросное, Ельшанка, севернее опушки рощи..., МТС, высота 145,5.

4. 7-му стрелковому корпусу с прежними средствами усиления в течение ночи закрепиться на достигнутом рубеже и с утра 26.10.42 продолжать наступление, с задачей выйти северная окраина Купоросное, Ельшанка, северная опушка рощи (западнее Ельшанка), МТС; в дальнейшем прочно прикрыв корпус со стороны Верхняя Ельшанка, Песчанка и выйти на линию железной дороги восточнее станции Садовая.

Разгранлиния слева — прежняя.

5. 36-я гвардейская стрелковая дивизия — с утра 26.10.42 продолжать наступление с задачей овладеть безымянной высотой (1,5 км западнее Зеленая Поляна), высота 145,5, где и закрепиться, прочно прикрывая левый фланг 7 стрелкового корпуса.

6. 157-й стрелковой дивизии с утра 26.10.42 артиллерийским наступлением содействовать наступлению 36-й гвардейской стрелковой дивизии, не допуская контратак противника со стороны Песчанка на высоту 145,5.

7. Артиллерия — состав прежний. Задачи:

а) в течение 15 минут огневого налета подавить артиллерийские и минометные батареи и узлы сопротивления в районе — центральной и северо-западной части Купоросное, южная часть Ельшанка, южная опушка рощи западнее Ельшанка, безымянная высота западнее Зеленая Поляна, обеспечивая наступление пехоты и танков в полосе 7-го стрелкового корпуса;

б) воспрепятствовать контратакам пехоты и танков на станцию Садовая, Верхняя Ельшанка, Песчанка...

8. Группа гвардейских минометных полков в прежнем составе. Задачи:

а) огнем залпом всех гвардейских минометных полков, за 3 минуты до атаки пехоты подавить узлы сопротивления — центр Купоросное, южная окраина Ельшанка, Бараки, южная опушка рощи западнее Ельшанка, овраг на севернее опушки этих рощ, МТС...

9. Авиация — задачи:

а) последовательными бомбовыми ударами подавлять артбатареи и узлы сопротивления в районах: Купоросное, Ельшанка, рощи западнее Ельшанка, безымянные высоты западнее Зеленая Поляна, роща западнее поселка Минина, высота 137.7;

б) разгромить и не допустить подхода и контратак противника из районов: ст. Садовая, Верхняя Ельшанка, Песчанка.

10. Командирам соединений в течение ночи восстановить управление частями и подразделениями, подтянуть огневые средства пехоты и орудия сопровождения в передовую линию пехоты, вести разведку с целью установления системы обороны противника и его перегруппировок, принять все меры к пополнению боеприпасов.

11. Готовность к наступлению — 6.00, 26.10.42 г.

Начало атаки пехоты — 11.00 час».

На следующий день наступление продолжалось при возросшем сопротивлении врага. Генерал-майор И. К. Морозов рассказывал об этом контрударе 64-й армии: «Удар нашей дивизии и корпуса генерала Горячего был неожиданным для врага. Мы овладели высотой 145,5 и успешно продвигались на северо-запад в направлениях Купоросное, хутор Андреевский, Зеленая Поляна, Песчанка, отражая яростные контратаки 295-й и 71-й пехотных, а также частично 100-й легкой пехотной и 29-й моторизованной дивизий немцев».

В ходе боев, которые длились с 25 октября по 3 ноября, войска 64-й армии продвинулись лишь на 4–5 километров. Им не удалось соединиться с 62-й армией. Но задача — оттянуть на себя силы и средства противника — была выполнена. И это имело большое значение: в центре Сталинграда атаки фашистов ослабли. Выполнена была и вторая задача — авиация противника уделила все внимание контрудару в районе Купоросного и почти не летала над позициями 57-й и 51-й армий, где шло скрытное сосредоточение резервов, готовилось наступление.

В своих воспоминаниях маршал Советского Союза Г. К. Жуков так оценивал значение контрудара, нанесенного 64-й армией в районе Купоросного: «... Наступление Донского фронта и контрудар 64-й армии облегчили тяжелое положение 62-й армии и сорвали усилия противника, нацеленные на овладение городом. Не будь этой помощи, 62-я армия была бы добита и город Сталинград, возможно, был бы взят противником».

После 67 дней непрерывных боев в районе Купоросное, Зеленая Поляна немецкие войска были измотаны, прекратили контратаки и перешли к обороне на всем участке обороны 64-й армии. Войска Шумилова, понеся значительные потери, в свою очередь прекратили дальнейшее наступление, также перейдя к обороне. Этот рубеж воины 64-й не сдали до конца битвы за Сталинград. Благодаря их стойкости и мужеству в Кировском районе города и в Красноармейске продолжали работать предприятия и учреждения.

Огромную помощь армии в осеннюю пору оказывали железнодорожники станции Сарепта. Регулярно курсировал созданный руками рабочих бронепоезд, огнем поддерживая армию. А курсировал он благодаря тому, что участок железной дороги поддерживался в

рабочем состоянии усилиями небольшого количества путейцев.

По-особенному встречали на фронте бойцы 64-й армии 25-ю годовщину Октябрьской революции. По инициативе начальника политотдела армии полковника М. П. Смольянова из ветеранов красного Царицына была создана специальная группа, в задачу которой входило рассказать личному составу частей и соединений армии об обороне Царицына в 1918–1919 годах — как защищали свой город царицынцы, москвичи, петроградцы, казаки Дона и Кубани, воины-интернационалисты. «Здесь насмерть стояли полки Ворошилова... И снова я тут. Вновь защищаю Сталинград, ставший за годы советской власти крупнейшим индустриальным центром. Мне вручили грозное оружие — миномет. Я все сделаю для того, чтобы каждая мина находила и разила подлого врага», — выступал перед бойцами участник обороны Царицына Н. Стеченко.

Как и другие военачальники, Шумилов в условиях строжайшей секретности готовил войска к предстоящему контрнаступлению. Свои соображения по организации наступления он доложил на совещании, которое состоялось 10 ноября на юге Сталинграда в Татьянке, на командном пункте 57-й армии. На совещании присутствовали представители Ставки ВГК Г. К. Жуков и А. М. Василевский. Командарм Шумилов доложил свои предложения, которые были одобрены. Представителей Ставки особо интересовало политикоморальное состояние войск, их готовность к переходу в наступление и к полному разгрому вражеской группировки. Начинались не бои за улучшение позиций, а большое наступление. Девиз «Ни шагу назад!» сменялся девизом «Вперед, на запад!».

Зная о боевых качествах подчиненных ему командиров, о самоотверженности воинов своей армии,

Михаил Степанович с уверенностью доложил, что войска к наступлению готовы. Рассказал и о том, что порядок наступления и вопросы взаимодействия родов войск отработаны. В своих мемуарах командир 38-й стрелковой дивизии Г. Б. Сафиулин написал: «Командующий генерал Шумилов провел с нами, командирами дивизий, рекогносцировку. Тут только я услышал от него слова, взволновавшие всех нас: «До сих пор вели оборонительные бои, — сказал командарм. — И вели неплохо. Но не век же сидеть на месте, когда-нибудь и наступать надо. Если нам с вами не учиться, то все забудем, в том числе и как прорывать вражеские укрепления». И он потребовал тщательно провести учения с командирами полков, батальонов, рот и со штабными работниками по прорыву оборонительных позиций противника.

В условиях строгой секретности мы занялись этим с большим вдохновением. Сначала в узком кругу все продумали, взвесили, составили план. Обо всем этом доложил командующему. Он одобрил нашу работу и предупредил: «Скоро получите боевой приказ. Подготовительную работу не затягивайте. Командный пункт разрешаю перенести в другое место».

Мы поняли, что это означает. Праздник, которого мы все ждали, наконец, пришел и на нашу улицу в прямом смысле. Мы идем вперед!»

Тридцатого октября подразделения 97-й и 96-й отдельных стрелковых бригад, входивших в состав 64-й армии, начали операцию по улучшению своих позиций в районе рощей «Топор» и Квадратная и Купоросной балки. 14-16 ноября части 96-й отдельной стрелковой бригады и 77-го укрепленного района проводили операцию по захвату южной части Купоросное, а части 64-й армии, находившиеся на правом фланге, нанесли удар по высоте 128,2, которая уже несколько раз переходила из рук в руки. Шумилов подъехал на

командный пункт 38-й стрелковой дивизии в то время, когда там шло обсуждение вопроса о том, как же брать эту высоту: либо обходить, либо бить в лоб. Шумилов, выслушав все соображения, принял решение: подтянуть как можно больше артиллерии, «Катюши» и сровнять эту высоту с землей.

Девятнадцатого ноября началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. В этот день первыми пошли вперед войска Юго-Западного и Донского фронтов. Услышав мощный залп «Катюш», затем гром артиллерии, бойцы и командиры от души радовались, бросали вверх шапки.

Наступило туманное утро 20 ноября. Пора начинать артподготовку, но туман не рассеивается, в придачу к этому посыпал большими хлопьями снег. Ни противника, ни соседей не видно. Шумилов и все собравшиеся на его командном пункте волновались, то и дело звонили в службу погоды. Командующий фронтом А. И. Еременко тоже тревожил Шумилова звонками: «Как видимость у вас? Будем ждать...» Лишь в 13 часов 30 минут несколько сотен орудий и «Катюш» ударили по высоте 128,2. Она была словно охвачена огненным смерчем, многие бойцы впервые видели такой массированный артиллерийский удар. Мощный огонь пробил брешь в обороне врага, и в нее устремилась пехота. Ни снег, ни буран, ни мороз, ни отчаянное сопротивление противника не могли остановить рвавшихся вперед советских солдат. Оборона противника (100-я легкопехотная, 71-я, 371-я, 297-я пехотные немецкие, а также 20-я румынская пехотная дивизии) как на севере, так и на юге была взломана. В прорыв ринулись мобильные группы, которые 23 ноября соединились в районе хутора Советский. Крупная группировка немецких войск была окружена.

Двадцать третьего ноября командующий 64-й армией издал приказ № 20: «7 стрелковому корпусу с

прежними средствами усиления, удерживать занимаемый рубеж и быть готовым к отражению атак танков и пехоты с направления Зеленая Поляна, Песчанка, Соловьев. Всеми видами огня и активными действиями боевой разведки не допустить перегруппировок противника перед фронтом корпуса и соседа слева, иметь части в готовности к наступлению в направлении Песчанка». В составе корпуса к этому времени оставались 93, 96, 97-я отдельные стрелковые бригады и сводно-курсантский полк. Задача, поставленная этим приказом Шумилова, корпусом была выполнена.

С 23 ноября и до конца декабря 1942 года войска 64-й армии продолжали держать кольцо блокады, отразив все попытки немцев вырваться из окружения. Командующий окруженной в районе Сталинграда 6-й немецкой армией Ф. Паулюс получил приказ Гитлера организовать круговую оборону и ждать помощи извне. Немецкое командование предпринимало значительные усилия по деблокаде оказавшихся в «котле» своих солдат.

Командующий группой армий «Дон» генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн в срочном порядке подготовил операцию по деблокаде Сталинградского «котла». В бой пошла ударная группа, основу которой составила 4-я танковая армия Г. Гота. Возобновились тяжелые бои. Положение становилось настолько опасным, что Шумилов развернул на юг из своего резерва две стрелковые дивизии. Подошедшая 2-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского изменила ситуацию в пользу советских войск. 4-я немецкая танковая армия, понеся большие потери, начала отход. Таким образом, замысел немецкого командования по освобождению окруженной группировки Ф. Паулюса рухнул. В канун нового, 1943

года, 31 декабря, Шумилову присвоено воинское звание генерал-лейтенант.

Доклады командующего 64-й армией Шумилова об обстановке в ходе сталинградских боев всегда были исчерпывающи и объективны, а его смелые, четкие решения были всесторонне продуманы и говорили о высокой оперативной культуре. Взаимоотношения с подчиненными он строил на суровой, но справедливой требовательности и отеческой заботе об их нуждах. Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков вспоминал: «Командующие 64-й и 57-й армиями генералы М. С. Шумилов и Ф. И. Толбухин показали себя истинными мастерами своего дела. Они отличались высокой идейной и морально-политической закалкой, бдительностью, зоркостью, энергией и быстротой осуществления своих решений».

Для развития общего стратегического наступления советских войск необходимо было в кратчайший срок покончить с армией Ф. Паулюса, что позволило бы высвободить войска, занятые у Сталинграда. Ставка приняла решение о ликвидации Сталинградского фронта и образовании на его основе Южного, наступление которого было развернуто на Ростов и Элисту. Проведение операции по уничтожению окруженной группировки, которое получило кодовое название «Кольцо», целиком возлагалось на Донской фронт генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, в состав которого передавались с 1 января 1943 года 62, 64 и 57-я армии ликвидированного Сталинградского фронта. Представителем Ставки на Донском фронте был назначен генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов.

На командном пункте 64-й армии побывал командующий фронтом К. К. Рокоссовский, состоялся обстоятельный разговор. Шумилов, понимая, что войска армии не имеют численного превосходства над противником, попросил у комфронта усилить армию

артиллерией, огонь которой в этой ситуации должен был иметь решающее значение. Но Рокоссовский тактично заметил, что придется обойтись тем, что есть у армии в наличии, а в конце совещания обратился к Шумилу: «Учтите, главная ваша задача: огнем и активными действиями на отдельных участках истреблять врага, сковывать его силы и по возможности притянуть на себя часть его резервов».

Начальник армейской артиллерии полковники. С. Петров^[65] разработал оригинальный план артиллерийского обеспечения наступательной операции. Утверждая этот план, генерал Шумилов заметил: «Мне, как участнику многих атак на полях гражданской войны, войны в Испании и нынешней, приходилось не раз видеть, как срывались наши атаки из-за того, что противник останавливал нас заградительным огнем перед своим передним краем. А ведь это происходит в самый решающий момент атаки. Вот почему, товарищи артиллеристы, важно не дать врагу ставить такой огонь на пути нашей пехоты. Заткните глотку вражеских орудий и минометов своим огнем — вот вам и успех атаки. И еще, организуйте получше огонь орудий прямой наводки. Не оставляйте пехоту без их поддержки. Сейчас зима. Снега глубокие. Тащить орудия трудно. Тут мы и пехотинцам скажем, чтобы помогали расчетам. Это и будет настоящим братством на поле боя».

Тщательное изучение обстановки подсказало план операции «Кольцо» — рассечь «котел» по прямой линии с запада на восток, уничтожив на первом этапе вражеские войска в юго-западном выступе. Кольцо наших войск продолжало все крепче сжимать окруженного противника. Предъявленный по инициативе К. К. Рокоссовского ультиматум о сдаче в плен окруженной группировки 6-й немецкой армии, был отвергнут Ф. Паулюсом. В соответствии с утвержденным

планом операции, советские войска перешли к решительным действиям.

В рамках операции «Кольцо» перед войсками 64-й армии были поставлены следующие основные задачи:

с 10 по 14 января 1943 года прорвать немецкую оборону на участке Попов, балка Караватка, Цыбенко и левым крылом выйти на рубеж окраина Западный — балка Песчаная;

с 15 по 16 января выйти левым крылом к западной окраине Старо-Дубовки, Песчанке и высоте 132,9;

с 17 по 25 января овладеть Купоросным, Зеленой Поляной, Ельшанкой, Старо-Дубовкой, Песчанкой, Верхней Ельшанкой, станцией Садовой и выйти на юго-западную окраину Сталинграда.

Кроме этого, командование Донского фронта поставило перед Шумиловым не менее важные дополнительные задачи: прорвать фронт противника на участке Попов — высота 111,6; нанести удар левым крылом в направлении Басаргино, овладеть им и населенным пунктом Кошара, а также высотой 123,6 и совместно с войсками 57-й армии очистить от противника районы Попов, Кошара, Басаргино, Н. Рогачик, Кравцов, сковав резервы противника в районе Песчанка, Алексеевка.

В ходе мероприятий по подготовке к операции «Кольцо» Шумилов провел перегруппировку своих сил. Расположенные на правом фланге армии части заняли более широкий фронт, а 204-я и 209-я стрелковые дивизии, 38-я мотострелковая бригада, 154-я морская стрелковая бригада были выведены в резерв и расположены за левым крылом армии. Именно на левом фланге, как считал командарм, противник может предпринять попытку вырваться из окружения. Кроме того, там же могли нанести удар войска Котельниковской группировки немцев.

На направлении главного удара находились 36-я гвардейская, 204-я и 29-я стрелковые дивизии, 154-я морская и 143-я стрелковые бригады. Ударная группировка армии Шумилова была усилена 35-м и 166-м танковыми полками, 90-й танковой бригадой, семью арtpолками, арtdивизионом, гвардейским минометным полком, гвардейской тяжелой минометной бригадой, противотанковой артиллерией, инженерными и химическими (огнеметными) частями. Войскам предстояли бои на Ергенинской гряде с большим количеством больших и малых высот. В полосе главного удара соотношение войск 64-й армии и противника выглядело следующим образом: в живой силе — 4:1, артиллерии — 5:1, в танках — 1:1.

На направлении вспомогательного удара были сосредоточены 93-я и 97-я стрелковые бригады 7-го стрелкового корпуса и два полка 169-й стрелковой дивизии. Соотношение сил на этом участке: в живой силе — 4:1 в пользу советских войск, по артиллерии — 2:1. В резерве располагалась 38-я мотострелковая бригада в трех километрах южнее Елхи.

Командование армией поставило перед войсками следующую задачу: «...Силами двух стрелковых дивизий и одной стрелковой бригады при поддержке танков и артиллерии в первом эшелоне; одной стрелковой дивизии и одной стрелковой бригады во втором эшелоне — прорвать оборону противника на участке Попов, отметка 91,9;

— наступая в направлении на разъезд Басаргино, уничтожить противника;

— выйти на рубеж высота 123,6, разъезд Басаргино, балка Чапурина;

— нанести вспомогательный удар в направлении Ста-ро-Дубовки с целью сковать резервы противника и выйти на рубеж Страдубовский сад, Соловьев;

— на остальном фронте удерживать занимаемый рубеж и обеспечить действия ударной и вспомогательной группировок.

Командующий армией генерал М. С. Шумилов».

Утром 10 января после часовой артиллерийской подготовки войска ударной группировки 64-й армии перешли в наступление. С первых же часов операции немецкие войска оказали ожесточенное сопротивление, повсеместно переходя в контратаки. На фронте вспомогательного удара наши части овладели только первой линией обороны противника. Командование армией ввело в бой 29-ю стрелковую дивизию и 154-ю морскую стрелковую бригаду.

Тем временем 93-я и 97-я стрелковые бригады, овладев первой линией обороны противника, продолжили вести бой в окопах на юго-западных скатах высоты 145,5 и в районе расположенного рядом кургана. 169-я стрелковая дивизия также овладела первой линией неприятельских траншей. Полоса наступления наших войск изобиловала высотами, вокруг которых и разворачивались основные бои. В этих сражениях бойцами и командирами всех уровней был проявлен возросший уровень воинского искусства и массовый героизм.

Все соединения 64-й армии в основном выполнили задачи дня: 143-я стрелковая бригада овладела высотой 119,7; 204-я стрелковая вышла к отметке 105,3; 36-я гвардейская выбила противника из первой линии траншей и завязала бои на южных скатах высоты 111,6; 154-я морская стрелковая бригада вышла к точке в 0,5 километра южнее отметки 119,7. Танковые части в тот же день в 10.30 вышли на высоту 163,3, отбив все контратаки противника. Однако дальнейшие попытки продвинуться вперед натолкнулись на упорное сопротивление немцев. 166-й танковый полк атаковал врага на отметке 111,6, но прижатая к земле советская

пехота поддержать танки не смогла. В течение дня потери полка составили 11 танков, из них шесть сгорело. На следующий день войска армии успеха не имели, лишь в последующие два дня удалось сломить сопротивление противника.

К исходу 14 января соединения 64-й армии вышли на рубеж отметка 119,7 — совхоз Горная Поляна. В тот же день 422-я стрелковая дивизия 57-й армии овладела отметкой 105,4 и Песчаным карьером. В результате успешных действий солдат армии Шумилова ситуация на фронте армии изменилась. Теперь 64-й армии нужно было повернуть на восток. Для этого потребовалось создать новую группировку, на левом фланге которой действовали 36-я гвардейская, 29, 204, 157-я стрелковые дивизии, 143-я стрелковая бригада, а с юга наступала 154-я морская бригада. 7-й стрелковый корпус и 169-я стрелковая дивизия продолжили наступление на Старо-Дубовку — Песчанку с целью не дать возможности немцам подтянуть резервы. Именно 7-й стрелковый корпус принял наиболее активное участие в операции «Кольцо». По приказу Шумилова корпус был укомплектован 97-й и 93-й стрелковыми бригадами. 10 января он атаковал противника на участке северо-восточнее высоты 142,2 с задачей овладеть высотой 145,5 (Лысая гора). За обладание ею и прилегающими к ней высотами всего несколько месяцев назад шли кровопролитные бои — в ходе оборонительной операции.

С началом операции «Кольцо» немецким войскам, отступавшим на широком участке фронта под натиском Красной армии, удалось зацепиться за высоту 145,5 и в январе 1943 года некоторое время удерживать ее. Высота являлась ключевой позицией немецкой обороны на участке наступления 7-го стрелкового корпуса. Контролируя ее и соседние возвышенности, противник имел возможность фланкировать наступление советских

войск на север вдоль берега Волги, поэтому удержанию их немецкое командование придавало особое значение.

Ожесточенные бои на этом направлении продлились несколько дней. Подразделениям обеих бригад (97-й и 93-й), ворвавшихся на высоту 142,2, пришлось отбивать постоянные атаки немецкой пехоты и танков, наступавшими из района Песчанка. Сопротивление отдельных групп противника было настолько упорным, что их приходилось буквально выжигать огнем приданных батальонам подразделений ранцевых огнеметов. Когда высота была окончательно занята, оказалось, что вся ее поверхность изрыта глубокими, более чем в рост человека траншеями, имела много дзотов и несколько ходов сообщения, которые позволяли выполнять скрытый подход живой силы и маневр резервами. Преодолевая сильное сопротивление немцев, соединения 7-го стрелкового корпуса в течение трех дней очистили от врага высоты 142,2 и 140,6, а 18 января полностью овладели Лысой горой. После этого сопротивление противника на данном участке значительно ослабло и были созданы благоприятные условия для наступления наших войск в направлении на Сталинград.

Командование Донского фронта 22 января 1943 года вторично предложило окруженной немецкой группировке капитуляцию, но вновь получило отказ. Но уже через два дня, осознавая безвыходность ситуации и бессмысленность дальнейшего сопротивления, Ф. Паулюс обратился к Гитлеру с просьбой о капитуляции, поскольку в противном случае, как сообщал Паулюс, «катастрофа неизбежна». Однако фюрер приказал армии сражаться до последней возможности, на что командующий 6-й полевой немецкой армией ответил: «Ваш приказ выполняется. Да здравствует Германия!»

Двадцать третьего января 97-я отдельная стрелковая бригада полностью очистила от немцев рощу «Топор», а 93-я стрелковая бригада — высоту 140,1 и Зеленую Поляну. На этом небольшом участке немецкой обороны было захвачено 25 закопанных в землю, превращенных в огневые точки танков. К утру 25 января советские войска выбили немцев из центральной части Купоросного, Ельшанки и со станции Садовая.

В честь воинов 64-й армии, героически сражавшихся в период Сталинградской битвы на Лысой горе (высота 145,5) и на отметке 140,6, в 1968 году по проекту архитектора Ф. М. Лысова был сооружен 22-метровый обелиск. На нем высечены слова: «Мир отстоявшим для будущих поколений. Слава Вам и вечная благодарность Отечества. Родина чтит ваши подвиги, имя которым — бессмертие». В 1975 году на обелиске установлена мемориальная доска с текстом: «На этой высоте в 1942 году воины 64-й армии вели ожесточенные бои с немецко-фашистскими захватчиками и не пропустили врага к Волге».

Двадцать седьмого января войска генерал-лейтенанта Шумилова, овладев южной частью города Сталинград, повернули на север, развивая наступление на центр города. На следующий день частями армии был захвачен госпиталь противника и взято в плен до 1600 человек. От пленного офицера штаба 371-й пехотной дивизии были получены сведения, что командир 371-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Р. Штемпель^[66] и его 1-й офицер Генштаба погибли во время инспекции одного из полков. В ходе ожесточенных уличных боев соединения армии выбили противника из района улиц Урицкого и Краснознаменская, продолжая постепенно продвигаться вперед. В этих боях было взято в плен до 5330 солдат и офицеров противника. Позднее маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский писал: «Командующий армией генерал М. С. Шумилов обладал

хорошими военными знаниями, богатым практическим опытом. Внешне он производил впечатление человека флегматичного, но на самом деле оказалось, что в нужные моменты он бывает весьма энергичным и решительным».

Тридцатого января войска Шумилова выбили противника с улиц Сталинская, Ленина, Володарского, Московская, Островского, Гоголя, Волго-Донская. В результате боев было взято в плен еще 2536 человек противника — немецких и румынских солдат и офицеров. Среди пленных оказались командир 1-й румынской кавалерийской дивизии генерал К. Братеску^[67] и командующий артиллерией IV армейского корпуса генерал-майор Г. Вульц^[68].

В конце января командование Сталинградского фронта осуществило перегруппировку сил. В соответствии с приказом командующего фронтом № 067/оп от 30 января 1943 года, из 57-й армии были переданы в 64-ю армию 15-я гвардейская, 422-я, 38-я стрелковые дивизии, 143-я отдельная стрелковая бригада, части укрепрайона и усиления.

* * *

Когда командарму-64 был задан вопрос о самом радостном для него дне Сталинградской битвы, то Шумилов ответил так: «31 января 1942 года, когда передо мною сидел Паулюс, первый генерал-фельдмаршал гитлеровской армии, взятый в плен Красной армией, точнее, воинами 64-й армии».

Штаб 6-й немецкой армии 24–25 января располагался в здании больницы Водников, а 27 января переместился в здание универмага на площади Павших борцов. 29 января из опроса пленных Шумилову стало известно о новом местонахождении штаба и самого

Ф. Паулюса — подвал универмага. Шумилов приказал командиру находившейся в резерве 38-й мотострелковой бригады полковнику И. Д. Бурмакову^[69] окружить универмаг и захватить командование немецкой группировки. Выполняя приказ командарма, соединению Бурмакова пришлось подавить сопротивление немцев на северном берегу реки Царица, после чего к 30 января части бригады продвинулись от улицы Краснознаменной к площади Павших борцов. Среди захваченных в этих боях пленных были три командира батальонов, которые сообщили, что Ф. Паулюс находится в большом здании севернее площади. Комбриг Бурмаков отдал распоряжение к утру 31 января овладеть укрепленными пунктами противника в зданиях обкома ВКП(б), городского театра и дома по восточной стороне улицы Островского.

В это время поступила информация о том, что А. Гитлер присвоил командующему 6-й армией звание генерал-фельдмаршала. Советское командование понимало, что по сути этот жест фюрера означал требование не сдаваться ни при каких обстоятельствах и драться до последнего солдата. 30-31 января в районе площади Павших борцов занимали позиции следующие советские части: 36-я гвардейская стрелковая дивизия (в районе драмтеатра имени Максима Горького и Комсомольского сада), 97-я стрелковая бригада (в районе улицы Советской), 38-я мотострелковая бригада, 329-й инженерный батальон, 422-я стрелковая дивизия в районе привокзальной площади. Бойцы последней дивизии 30 января водрузили Красное знамя на крыше железнодорожного вокзала «Сталинград-1», ожесточенные бои за который с 15 сентября 1942 года вели бойцы 1-го батальона 42-го полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии: практически все они погибли, но не отступили.

В ночь на 31 января Шумилов не спал. Телефоны звонили непрерывно: докладывали командиры дивизий, бригад, штаб фронта запрашивал данные о положении дел. Особенно нетерпеливо Михаил Степанович ждал вестей от полковника Бурмакова. При наступлении на улице Ломоносова его бригада столкнулась с яростным сопротивлением немцев, засевших в подвалах двух зданий, которые являлись опорными пунктами на подступах к универмагу. По указанию Шумилова туда срочно подтянули артиллерию, которая разбила вражеский опорный пункт, после чего здание универмага удалось блокировать.

Командарму доложили, что на рассвете 31 января завязалась перестрелка с охраной немецкого штаба. С минуты на минуту Шумилов ожидал новостей из 38-й бригады. Напряжение нарастало, командарм не отходил от рабочего стола, время от времени пил крепкий чай. В пепельнице росла гора окурков. Перестрелка на улице Ломоносова продолжалась.

После ожесточенных боев к 6.00 31 января советским частям удалось овладеть домами около универмага. При беглом опросе, который проводил заместитель начальника штаба бригады старший лейтенант Ф. М. Ильченко^[70], пленные подтвердили, что Паулюс находится в здании на другой стороне площади. Это было здание бывшего универмага.

В ходе завязавшегося нового боя универмаг был частично окружен. С советской стороны поступило предложение немецкому гарнизону сложить оружие, но оно в очередной раз было отклонено. После этого по зданию универмага был открыт минометный огонь. Через 15-20 минут представитель немецкого командования попросил кого-нибудь из советских офицеров спуститься в подвал для ведения переговоров. Командир бригады отправил в универмаг старшего лейтенанта Ильченко в сопровождении заместителей

командиров батальонов по политчасти старшего лейтенанта Н. Г. Рыбака, капитанов Л. П. Морозова и Н. Ф. Гриценко и нескольких бойцов. Они встретились с командующим Южной группой немецких войск генерал-майором Ф. Роске^[71] и начальником штаба 6-й немецкой армии генерал-лейтенантом А. Шмидтом^[72], которые предложили, чтобы переговоры о капитуляции с советской стороны вел представитель штаба фронта.

Получив эти сведения, командир бригады Бурмаков распорядился усилить кольцо блокады вокруг универмага и представил доклад Шумилову. Одновременно к штабу 6-й немецкой армии был прикомандирован заместитель командира бригады по политчасти подполковник Л. А. Винокур^[73]. Немецкая сторона попросила о прекращении огня на время переговоров.

Для переговоров Шумилов назначил группу в составе начальника Оперативного отдела армии полковника Г. С. Лукина^[74], начальника разведотдела майора И. М. Рыжова, заместителя начальника штаба армии по политчасти подполковника Б. И. Мутовина; возглавил группу начальник штаба армии генерал-майор И. А. Ласкин.

Ласкин вместе с Бурмаковым спустились в подвал универмага, где их встретил Винокур, ознакомивший их с ходом предварительных переговоров. По прибытии непосредственно в распоряжение штаба 6-й немецкой армии Ласкин потребовал от ее командования немедленно прекратить огонь и капитулировать. Начальник штаба 6-й армии генерал А. Шмидт заявил, что в связи с расчленением окруженной немецкой группировки на две части Паулюс снял с себя командование окруженными войсками, назначив командующим Северной группой войск командира XI армейского корпуса генерала К. Штреккера^[75], а Южной

— командира 71-й пехотной дивизии генерал-майора Ф. Роске.

Один из участников пленения Паулюса, подполковник Мутовин, записал в своем дневнике: «Отправляя нас, в качестве ответственных парламентариев, для ведения переговоров о капитуляции войск и штаба 6-й немецкой армии, командарм М. С. Шумилов дал нам предельно четкие указания: «Надо принять все меры предосторожности и в то же время проявить настойчивость и, если хотите, дипломатическую сметку, чтобы взять фельдмаршала Паулюса живым. Повторяю — живым».

В результате проведенных переговоров командование Южной группы 6-й немецкой армии приняло условия капитуляции и подчиненные ему войска сложили оружие. На требование Ласкина передать документы и карты минных полей Сталинграда Шмидт ответил, что требование о передаче оперативных документов невыполнимо, так как все они уничтожены, радиопереговоры с высшими командными инстанциями уже не ведутся, поскольку все радиостанции выведены из строя огнем советской артиллерии. Одновременно Ф. Роске и А. Шмидт отказались отдавать приказ о капитуляции в отношении Северной группы, сославшись на то, что не командуют ею. Ф. Паулюс во время переговоров с генералом Ласкиным также отказался отдать распоряжение о сдаче, отговорившись тем, что более не командует армией.

Ласкин и Бурмаков встретились с Паулюсом в его комнате в подвале универмага, официально уведомив его о пленении. После завершения всех формальностей генерал-фельдмаршал, а также начальник его штаба генерал-лейтенант А. Шмидт и 1-й адъютант полковник В. Адам^[76] были доставлены на командный пункт 64-й армии, который располагался в деревянном доме на улице Красноуфимской в Бекетовке. Во время переезда

на КП 64-й армии Ласкин, обращаясь к Паулюсу, заметил: «Вы, генерал, неважно выглядите». На что Паулюс ответил: «Да, это ужасно... Позорная капитуляция, страшная трагедия солдат. А ведь до сих пор шестая армия считалась лучшей сухопутной армией вермахта...»

Примерно в 12 часов 31 января в кабинет командарма Шумилова ввели Паулюса, Шмидта и Адама. Шумилов с большим интересом смотрел на стоявшего перед ним генерал-фельдмаршала, немецкого военачальника, одного из тех, кто непосредственно разрабатывал план «Барбаросса». Все трое вошедших подняли правую руку в нацистском приветствии со словами «Хайль Гитлер!». Михаил Степанович достаточно резко ответил, что здесь нет Гитлера, а перед ними командование 64-й армии, войска которой их пленили, и потому, сказал он: «Извольте приветствовать так, как положено». Вошедшие в кабинет командующего 64-й армией пленные военные подчинились. Шумилов попросил их предъявить личные документы. Паулюс протянул командарму солдатскую книжку, заявив, что он солдат германской армии. На это Шумилов ответил, что он, являясь солдатом Красной армии, занимает в ее рядах определенную должность, после чего Паулюс предъявил ему удостоверение командующего 6-й армией. Затем Шумилов попросил его подтвердить ставшую ему известной информацию о том, что Паулюсу присвоено звание генерал-фельдмаршала. На этот вопрос ответил Шмидт, сообщив, что по радио был получен приказ Гитлера о присвоении Паулюсу звания генерал-фельдмаршала. Командарм уточнил, может ли он об этом повышении Паулюса в звании доложить советскому Верховному командованию. Последовал короткий ответ: «Да».

Шумилов потребовал от Паулюса отдать приказ Северной группировке немецких войск прекратить огонь

во избежание лишних жертв. Однако Паулюс вновь повторил, что он ею не командует и отдать подобный приказ не может. На вопрос о том, почему не был принят ультиматум о прекращении сопротивления, Паулюс ответил: «Русский генерал поступил бы так же, как и я. Я имел приказ драться и не должен был нарушать этот приказ».

Весь допрос плененных Шумилов провел с большим искусством. О его содержании достаточно подробно писалось в военно-исторической и мемуарной литературе. По окончании допроса пленных пригласили на обед. За столом Паулюс весьма осторожно прикасался и к содержимому бокала, и к еде. На вопрос Шумилова, почему фельдмаршал так осторожен к пище, Паулюс ответил, что за последнее время он очень мало ел и сейчас боится перегрузить желудок.

Вслед за Паулюсом в штаб 64-й армии были доставлены девять гитлеровских генералов во главе с командующим Южной группой генералом Ф. Роске. В этот же день 31 января было пленено около 50 тысяч солдат и офицеров противника.

Через много лет, в день празднования тридцатилетия Сталинградской победы, у Михаила Степановича спросили: «Вот уехал плененный 64-й армией генерал-фельдмаршал. Наступила тишина над развалинами Сталинграда. Какие мысли и чувства владели вами в эти минуты?» — «Подумалось, — ответил М. С. Шумилов, — что самое трудное позади. Будут еще десятки и сотни ожесточенных схваток, но тяжелее уже не будет. После всего пережитого мы стали покрепче духом, умнее. Противник теперь перед нами — битый, основательно битый. Это мы все почувствовали».

Второго февраля 1943 года была ликвидирована Северная группировка противника. Сталинградская битва окончилась блестящей победой советских войск. Она положила начало коренному перелому в Великой

Отечественной войне и в конечном итоге во всей Второй мировой войне. Она означала полный провал немецкой военной доктрины. Советское оперативное искусство, стратегия и тактика выдержали суровую проверку практикой. Это признавали и противники: «Советская стратегия оказалась выше нашей... Лучшее тому доказательство — исход битвы на Волге, в результате которого я оказался в плену» — это слова генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса.

За умелое и мужественное руководство операциями и за достигнутые в их результате успехи в боях с захватчиками командарм 64-й М. С. Шумилов 28 января 1943 года в числе первых был награжден орденом Суворова 1-й степени. Но особенно хочется отметить его награждение медалью «За оборону Сталинграда». Ведь на удостоверении к медали вписан номер — 00001, а это значит, что ему первому была вручена эта награда!

Маршал Советского Союза А. И. Еременко вспоминал: «64-я армия под его [Шумилова] командованием сыграла исключительно большую роль в Сталинградском сражении. Ее упорство и активность в обороне, ее маневренность и подвижность на поле сражения причинили врагу много неприятностей, нанесли ему большой урон, опрокинули многие расчеты противника, помогли сорвать не один из намеченных Гитлером сроков захвата Сталинграда. Наступая на участке 64-й армии, Гот, что называется, обломал свои танковые «клинья». Армии удалось удержать в своих руках высоты, расположенные южнее Сталинграда, что сыграло существенную роль в устойчивости обороны города в целом».

Позднее Михаил Степанович напишет: «Сталинград стал паролем Победы для воинов нашей доблестной армии, для советского народа, для всех, кто в те огненные годы сражался с германским фашизмом и

наголову разгромил его, избавив человечество от коричневой чумы».

Второе февраля 1943 года считается днем победы советских войск в Сталинградской битве, но 3 февраля вышел приказ штаба Донского фронта командующим 62, 65, 66 и 64-й армиями об основных задачах на ближайшие дни и об отмене парада войск в Сталинграде, из чего следует, что единичные очаги сопротивления противника в городе еще сохранялись. Их ликвидация в различных районах Сталинграда продолжалась до 6 февраля.

Четвертого февраля на площади Павших борцов в центре Сталинграда у разрушенных стен Центрального универмага состоялся митинг Победителей, на котором присутствовали воины легендарной 64-й армии и ее командующий генерал-лейтенант Шумилов. Вечером того же дня состоялся скромный ужин, который устроили городские власти в честь Сталинградской победы. Шумилов передал личное оружие командующего 6-й немецкой армией Паулюса члену Военного совета Сталинградского фронта Н. С. Хрущеву со словами: «Оружие побежденного фельдмаршала должно находиться у командования Сталинградского фронта, вынесшего на своих плечах всю тяжесть обороны и принявшего самое активное участие в контрнаступлении под Сталинградом».

* * *

За выдающиеся заслуги, проявленные в ходе Сталинградской битвы, 64-я армия 1 мая 1943 года была преобразована в 7-ю гвардейскую. Наименования гвардейских были удостоены 29, 38, 204, 157, 422-я стрелковые дивизии, 38-я мотострелковая бригада, 66-я и 154-я бригады морской пехоты. 7-й гвардейской армией М. С. Шумилов командовал до конца войны. Но еще до того как 64-я армия получила звание гвардейской, в начале февраля 1943 года она была

включена в состав впервые созданной Сталинградской группы войск. Ставка ВГК направила Директиву № 46053 командующему войсками Донского фронта о задачах должностных лиц и войск, остающихся в районе Сталинграда после завершения разгрома Сталинградской группировки противника:

«Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. В связи с передислоцированием Полевого управления Донского фронта командование войсками фронта, остающимся в районе Сталинграда, возложить на заместителя командующего Донским фронтом генерал-лейтенанта Трубникова К. П.

Для обеспечения руководства войсками генерал-лейтенанту Трубникову К. П. создать небольшую оперативную группу из командиров штабов армий и обеспечить прямую телефонную связь со штабами армий и Генеральным штабом.

В состав 62, 64 и 66-й армий включить по шесть дивизий: в 62-ю армию — 27 и 39 гвардейские, 24, 45, 99 и 284 стрелковые дивизии; в 64-ю армию — 15 и 36 гвардейские, 173, 204, 214 и 233 стрелковые дивизии; в 66-ю армию — 13 и 66 гвардейские, 116, 226, 299 и 343 стрелковые дивизии. Остальные стрелковые соединения и части РГК подчинить генерал-лейтенанту Трубникову К. П.

На командующего группой возложить ответственность:

а) за расквартирование частей и соединений, с учетом обеспечения им условий для отдыха и приведения себя в порядок. Части дислоцировать вблизи железных дорог;

б) за организацию боевой подготовки войск и сколачивание армий;

в) за наведения полного порядка в учете личного состава и имущества в частях и соединениях;

г) за приведение в порядок частями всех видов имущества;

д) за полное разминирование окружающей местности;

е) за сбор и вывоз трофейного имущества;

ж) за организацию снабжения войск».

В течение февраля 64-я армия выполняла поставленные задачи, оставаясь на Сталинградской земле.

Первого марта 64-я армия была передана Воронежскому фронту, в рядах которого вела оборонительные бои на реке Северский Донец в районе Белгорода. С июля по август 1943 года 7-я гвардейская армия под командованием Шумилова в составе Воронежского, а с 18 июля — Степного фронтов участвовала в Курской битве — в оборонительных сражениях, а затем в контрнаступлении советских войск.

Во второй половине июля 1943 года войска Степного фронта были сосредоточены севернее Белгорода. Наступавшие на южном фланге Курской дуги немецкие войска, хотя и были ослаблены в ходе начавшегося 5 июля сражения, но все еще обладали достаточными силами не только для ведения упорной обороны, но и для осуществления контрударов. Бывший командующий Степным фронтом маршал Советского Союза И. С. Конев вспоминал: «К концу июля основные силы войск Воронежского и Степного фронтов были сосредоточены севернее и северо-западнее Белгорода, что создавало условия для нанесения глубокого фронтального удара по стыку 4-й танковой армии и оперативной группе «Кемпф». Исходя из этого было принято решение осуществить рассекающий удар смежными флангами Воронежского и Степного фронтов из района северо-западнее Белгорода».

Целью этой операции, получившей название «Полководец Румянцев», являлась полная ликвидация Курского выступа, спрямление линии фронта на этом стратегическом направлении и разгром противника в районе Белгорода и Харькова. В случае успешного выполнения фронтами своих задач наши войска выходили на оперативный простор, получая возможность наступать к Днепру, нависая при этом над флангом и тылами всей немецкой группировки, находившейся на Донбассе.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, вспоминая битву под Курском, отмечал, что И. В. Сталин требовал от войск обоих фронтов немедленного перехода в контрнаступление, как только они выйдут 23 июля к переднему краю обороны противника. Однако вскоре стало понятно, что для прорыва хорошо подготовленной немецкой обороны необходимо провести тщательную подготовку.

И. С. Конев так охарактеризовал силы противника и состояние его обороны на этом участке фронта: «Для обороны белгородско-харьковского плацдарма немцы держали крупную группировку войск в количестве 15 пехотных и 3 танковых дивизий... Тактическая зона обороны противника состояла из главной и второй полос общей глубиной до 18 км... Вокруг Харькова было оборудовано два кольцевых обвода. Белгород также был хорошо защищен оборонительными сооружениями, опорными пунктами с множеством огневых точек, несколькими рядами колючей проволоки с огромным количеством минных полей».

Анализ состояния вражеской обороны и его сил показал, что требуется усиление наших войск, насыщение их средствами прорыва и всесторонняя подготовка наступления, на что, по оценкам советского командования, требовалось не менее восьми дней. 3 августа началось контрнаступление войск Воронежского

и Степного фронтов, которому предшествовала сильная артиллерийская и авиационная подготовка. Начало операции в эти сроки явилось для германского командования совершенно неожиданным. В стане противника полагали, что значительные потери, понесенные Красной армией в ходе оборонительных сражений на южном фланге Курской дуги, не позволят советским армиям начать новое наступление ранее конца августа. В рамках общего плана наступления советских войск 7-й гвардейской армии Шумилова ставилась задача вести наступление из района Пушкарное на Бочковку, сворачивая фронт противника с севера на юг.

После прорыва немецкой обороны главной задачей наших войск на этом этапе наступления стало освобождение Белгорода. 7-я гвардейская армия Шумилова повела наступление на город с восточного направления. Впервые после Сталинградской битвы армия генерала Шумилова участвовала в наступательной операции столь большого масштаба и в тесном взаимодействии с другими соединениями различных родов войск, участвовавших в сражении на Белгородско-Харьковском направлении. Командование Степного фронта, выполняя распоряжения Ставки, постоянно требовало от войск поддерживать высокий темп наступления в соответствии с общим планом операции, независимо от особенностей театра военных действий, на котором вели бои отдельные соединения, имея в виду, что все они имеют в своем распоряжении необходимые средства усиления и инженерные части для успешного продвижения вперед.

Выполнение поставленных перед 7-й гвардейской армией задач потребовало от Шумилова проявить весь свой полководческий и организаторский опыт. От его подчиненных требовалось не просто преодолеть многочисленные и хорошо подготовленные укрепления

врага, но сделать это на сильно пересеченной местности с обилием естественных преград, таких, например, как меловые горы, которые входили в систему немецкой обороны, а также река Северский Донец. В кратчайший срок преодолеть водный рубеж армии Шумилова удалось благодаря самоотверженным и слаженным действиям саперов и понтонеров 156-го отдельного мостостроительного батальона. Несмотря на сильный огонь врага, они сумели перебросить мост через Северский Донец, а после того, как он был разрушен неприятелем, быстро восстановить его. В общей сложности инженерным частям удалось построить три моста и наладить шесть переправ.

Преодолев 4 августа в нескольких местах реку, соединения 7-й гвардейской армии вплотную приблизились к Белгороду. Войска Шумилова отразили все попытки противника вновь оттеснить их за Северский Донец. В этих боях высокое боевое мастерство и наступательный порыв проявили бойцы и командиры 111-й стрелковой дивизии. Части этой дивизии совместно с 93-й гвардейской дивизией армии Шумилова утром 5 августа атаковали немецкую оборону города с восточной стороны. В этот же день войска 69-й и 7-й гвардейской армии овладели Белгородом.

В сражении на Курской дуге, в ожесточенных боях за Белгород по-новому раскрылся талант командарма Шумилова — его военная смекалка, железный характер, глубокое понимание военной науки, знание возможностей своих солдат и командиров, умение в сжатые сроки концентрировать силы и средства армии для выполнения задачи. Войска 7-й гвардейской под его командованием внесли в это сражение свой достойный вклад.

В честь двадцатилетия освобождения Белгорода от захватчиков решением Исполкома городского Совета депутатов трудящихся от 1 августа 1963 года № 821

командующему 7-й гвардейской армией Михаилу Степановичу Шумилову будет присвоено звание «Почетный гражданин города Белгорода».

В ходе последующих боевых действий по плану Белгородско-Харьковской стратегической операции 7-я гвардейская армия Шумилова, во взаимодействии с войсками 69-й и 5-й воздушной армий, 23 августа 1943 года освободила Харьков.

* * *

Полководческие успехи генерала становились известны на его родине, где гордились своим прославленным земляком. В начале Великой Отечественной войны семья генерала Шумилова эвакуировалась в Шадринск. Там о ней заботились члены промартели «Маяк», большинство из которых хорошо знали Михаила Степановича. В ноябре 1943 года Шумилов писал председателю артели А. Л. Пермякову: «Многоуважаемый Александр Лукич! От всего сердца благодарю Вас за заботу, которую Вы оказываете моей семье. Спасибо, дорогой товарищ! Спасибо за то, что не забыл старого сослуживца по Гражданской войне. Вспомни, сколько было хороших и трудных дней тогда. Сегодня мы научились бить немцев, и они со своей «эластичной» обороной катятся назад. Недалек тот час, когда Красная Армия окончательно изгонит ненавистных захватчиков с нашей родной земли.

Помогайте еще лучше в тылу Красной Армии! Привет старым бойцам — партизанам-шадринцам! До скорого свидания.

С коммунистическим приветом М. С. Шумилов».

Это письмо с волнением читали члены артели. Бывшие участники Гражданской войны вспоминали времена, когда Шумилов командовал 4-м Уральским

полком. «Степаныч, Степаныч-то куда махнул: генерал. Командует армией», — с восхищением говорили бывшие однополчане.

На фронте начиналась битва за Днепр — одна из славных страниц боевой летописи 7-й гвардейской армии. Командующий Степным фронтом И. С. Конев приказал Шумилу, энергично развивая наступление в направлении Ливенское, Новый Орлик, 23 сентября овладеть переправами на реке Днепр в районе Переводочная, Бородаевка, Старый Орлик, а 24 сентября форсировать Днепр и захватить плацдарм на участке Мишуриный Рог, Анновка, Ново-Александровка.

В конце сентября 1943 года 7-я гвардейская армия подошла к Днепру. Немецкое командование не допускало возможности, что находившиеся на восточном берегу войска Шумилова смогут с ходу форсировать Днепр. Проанализировав сложившуюся ситуацию, немецкие генштабисты пришли к выводу, что армия Шумилова по всем правилам военной науки должна занять у Днепра оборону, пополниться людьми и техникой, а главное — навести переправы или хотя бы сосредоточить на участке форсирования достаточное количество простейших плавсредств — лодок, паромов, катеров. Ничего подобного пока у Шумилова нет, утверждала немецкая разведка, и была в этом права: например, в 72-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора А. И. Лосева имелось всего несколько лодок.

Но в первые же сутки подхода к Днепру гвардейцы во главе со своим командармом были уже на правом берегу Днепра. Переправа началась, как стемнело, 24 сентября. Бойцы плыли на лодках, самодельных плотках с пушками и минометами, переправлялись на правый берег вплавь. В эту памятную ночь командарма видели особенно озабоченным и молчаливым. Весь его вид говорил о том, какое огромное напряжение испытывает

этот человек, перед которым снова и снова вставали задачи, казавшиеся невыполнимыми. Он переживал и за успех операции, и за своих бойцов. Он верил в них, в то, что они выполнят поставленную перед ними задачу, так же как под Сталинградом и у Донца.

Гвардейцы Шумилова с ходу перешагнули через водный рубеж, который два с лишним года готовили к обороне немецкие генералы. Армия Шумилова захватила правобережные плацдармы раньше всех. В ночь на 25 сентября первыми переправились разведывательная рота и 229-й гвардейский стрелковый полк майора Г. М. Баталова. Они и зацепились на правом берегу за маленький клочок земли у села Домоткань. Это послужило сигналом к началу форсирования Днепра другими соединениями Степного фронта.

Поначалу форсирование шло успешно, но на второй день Шумилов доложил И. С. Коневу о том, что из-за сильных контратак немцев, осуществлявшихся при поддержке авиации, на плацдарме в районе действия 24-го гвардейского корпуса сложилась тяжелая обстановка. Войска несли большие потери, положение было крайне трудным. Необходимы были срочные меры по сохранению плацдарма. Шумилов требовал от авиации более активных действий по прикрытию переправы и плацдарма. После того как командарму удалось наладить слаженные действия авиации и артиллерии, положение на захваченном плацдарме заметно улучшилось. 20 дней продолжались бои, которые вела армия Шумилова за удержание и расширение плацдарма. За успешное форсирование соединениями и частями 7-й гвардейской армии реки Днепр и умелое руководство боями по захвату и прочному удержанию плацдарма на его западном берегу, проявленное личное мужество генерал-полковнику Шумилову 26 октября 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Двадцатого октября 1943 года Степной фронт, в составе которого сражалась 7-я гвардейская армия, был переименован во 2-й Украинский. В ходе битвы за Днепр фронт расширил плацдарм, захваченный на правом берегу на участке от Кременчуга до Днепропетровска. Отбросив противника от Днепра на 30—100 километров, войска под командованием И. С. Конева к 20 декабря вышли на подступы к Кировограду и Кривому Рогу. 29 декабря Ставка ВГК поставила перед войсками 2-го Украинского фронта новые задачи:

«1. 2-му Украинскому фронту, прочно удерживая занимаемый рубеж на своем левом фланге, не позднее 5 января 1944 г. возобновить наступление, нанося главный удар на Кировоград силами не менее четырех армий, из которых одна танковая армия. Ближайшая задача — разбить кировоградскую группировку противника и занять Кировоград, охватывая его с севера и юга.

В дальнейшем овладеть районом Ново-Украинка... и наступать на Первомайск с целью выхода на реку Южный Буг, где и закрепиться.

2. Одновременно нанести вспомогательный удар силами двух армий в направлении Шпола, г. Христиновка... 7-й гвардейской армии во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией нанести удар в общем направлении на Плавни, Покровское, обходя Кировоград с юго-запада».

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков вспоминал: «Особенно успешно дрались войска армий генерала А. С. Жадова и генерала М. С. Шумилова. Оба эти командарма были мне хорошо известны. Они прошли большой и суровый путь с самого начала войны, сумели выдержать и устоять в тяжелых схватках с врагом, обогатились опытом победных операций и пришли сюда, в район Кировограда, во главе своих армий опытными военачальниками».

Наступление давалось нелегко: на первом этапе немцам удалось замедлить продвижение 7-й гвардейской армии, нанеся несколько танковых контрударов из районов Аджамки и Новой Андреевки. Но к вечеру 5 января части 33-го стрелкового корпуса генерал-майора А. И. Семенова^[77] вышли на рубеж Червоный Яр, северная окраина Новой Андреевки. 7 января завязались бои за Кировоград, при этом войскам фронта пришлось отражать сильные контратаки противника. К утру 8 января 1944 года Кировоград был очищен от немцев войсками 2-го Украинского фронта. 297-я и 50-я стрелковые дивизии 7-й гвардейской армии получили наименование Кировоградских.

Закаленная в боях 7-я гвардейская армия, оставаясь в составе 2-го Украинского фронта, совместно с войсками 3-го Украинского фронта приняла участие в Ясско-Кишиневской операции. В течение почти двух дней — 20 и 21 августа — армия Шумилова совместно с конно-механизированной группой прорывали сильно укрепленные позиции противника в районе небольшого городка Тыргу-Фрумос, состоявшие из трех оборонительных рубежей. Лишь к вечеру второго дня тяжелых боев, расширив полосу прорыва до 65 километров, нашим войскам удалось отбить у гитлеровцев этот важный транспортный узел, а также расположенный в 44 километрах восточнее город Яссы, один из крупнейших городов Румынии. 24 августа силами двух фронтов была окружена ясско-кишиневская группировка немецко-румынских войск. В результате победного завершения Ясско-Кишиневской операции были разгромлены 18 дивизий противника, а 26 августа завершено освобождение Молдавии.

Сделав паузу для приема пополнения и вооружений, 7-я гвардейская армия в августе 1944 года начала изгнание немецких войск с территории Румынии. В начале ноября армия форсировала Тису, освободив

венгерские города Сольнок и Абонь. В дальнейшем армия наступала севернее Будапешта и 26 декабря вышла к берегам Дуная, соединившись с частями 3-го Украинского фронта и завершив, тем самым, окружение Будапештской группировки противника.

С января по февраль 1945 года 7-я гвардейская отражала отчаянные попытки немцев деблокировать окруженные в районе Будапешта войска, а затем участвовала в их уничтожении. 13 февраля вместе с другими частями фронта соединения армии Шумилова овладели городом Будапештом.

В марте 7-я гвардейская армия вела наступление в междуречье Большого и Малого Дуная. 31 марта в распоряжение Шумилова был передан 24-й стрелковый корпус генерал-майора М. Ф. Григоровича. Не встречая серьезного сопротивления, корпус начал преследование противника, отходившего в направлении Братиславы. Повсеместно жители городов и сел Словакии радушно встречали советских воинов-освободителей, они выходили навстречу советским солдатам с цветами, с корзинами еды и вина, горячо приветствуя Красную армию.

Тяжелые бои развернулись за столицу Словакии Братиславу. Немцам было жизненно необходимо удержать город. Свежие танковые и пехотные части под прикрытием войск первого эшелона спешно занимали заранее подготовленные рубежи обороны на подступах к Братиславе, оборудованных развитой системой инженерных заграждений. С северной и восточной сторон города имелись три оборонительных обвода, оборудованных многочисленными железобетонными огневыми позициями, противотанковыми рвами и минными полями. Оборона противника была усилена установленными на прямую наводку зенитными орудиями.

Учитывая насыщенность немецкой обороны вокруг Братиславы огневыми средствами и инженерными сооружениями, атакующим войскам требовалось до предела сократить время продвижения от одного оборонительного рубежа к другому, чтобы в ходе штурма не дать противнику возможности оторваться от преследования и закрепиться на новом рубеже. Для ведения уличных боев в полках были заранее сформированы штурмовые группы. Шумилов постоянно держал под своим контролем подготовку и ход штурма одного из ключевых узлов немецкой обороны на этом направлении.

Первого апреля соединения 7-й гвардейской армии вплотную подошли к Братиславе. На следующий день 932-й полк 252-й стрелковой дивизии первым форсировал Малый Дунай, а за ним переправились другие части корпуса генерала М. Ф. Григоровича. Части 19-й стрелковой дивизии вышли во фланг противнику, оборонявшемуся на восточной окраине Братиславы.

Начальник штаба 24-го стрелкового корпуса полковник С. А. Андрющенко описал эти бои в своих воспоминаниях: «После возвращения с наблюдательного пункта 252-й сд... я стал докладывать обстановку, но нашу беседу прервал приезд командарма. Генерал Михаил Степанович Шумилов ненадолго заехал к нам по пути в 25-й гв[ардейский] стрелковый корпус, дравшийся на самой северной окраине Братиславы. Мы познакомились с командующим всего несколько дней тому назад, когда корпус только что вошел в состав 7-й гвардейской армии. Он приехал к нам в город Дунайска-Стреда, где располагался штаб, и пробыл там часа полтора-два. Все, кто был на командном пункте, представились командарму. М. С. Шумилов заслушал подробный доклад генерала Григоровича... Затем он, в свою очередь, поставил перед нами задачи, указал на особенности предстоящих боевых действий.

Командарм и на сей раз произвел на нас приятное впечатление. Он был высок ростом, слегка грузноват и добродушен. Держался запросто, разговаривал весело, с улыбкой.

— Так где же вы споткнулись? — спросил он, едва мы спустились в подвал, где располагался командный пункт корпуса. — В чем задержка?

Григорович доложил о положении дел в корпусе, в том числе и о затруднениях, возникших на участке 252-й стрелковой дивизии.

— И что же вы решили? — спросил Михаил Степанович. — Какие меры думаете предпринять?

— В течение ночи, — ответил комкор, — создадим два штурмовых отряда, по стрелковому батальону в каждом. Усилим их самоходками, орудиями прямой наводки, огнеметными и инженерными подразделениями, подтянем тяжелую артиллерию... И с утра возобновим штурм.

Шумилову этот план понравился. Он одобрил его, а в ответ на просьбу об авиационной поддержке атаки сказал:

— Об этом можете не беспокоиться. Я позабочусь, чтобы действия ваших штурмовых отрядов были надежно обеспечены с воздуха. С рассветом удар по крепости нанесет пятый штурмовой авиационный корпус генерала Каманина.

Уезжая, Шумилов с улыбкой заметил:

— Спешу к Остащенко в двадцать пятый гвардейский корпус. Вам придется вместе с ним продолжать штурм Братиславы. Надеюсь, вы подружитесь.

...Все получилось так, как было задумано. Утром 4 апреля после авиационной и артиллерийской подготовки части корпуса перешли в атаку. Крепость была довольно быстро взята... 4 апреля наши войска

освободили город Братиславу и направили свой удар на Прагу».

После освобождения столицы Словакии 7-я гвардейская, наступая в общем направлении на Прагу, вошла на территорию Австрии и в середине апреля 1945 года овладела важным промышленным центром — городом Цистерсдорф. Войска 7-й гвардейской армии в связи с успешными действиями в ходе Великой Отечественной войны 16 раз отмечались в приказах Верховного главнокомандующего. В одном из приказов завершающего этапа войны (№ 338) отмечалось: «Войска 2-го Украинского фронта, продолжая наступление, сегодня, 17 апреля, овладели центром нефтеносного района Австрии городом Цистерсдорф. В боях за овладение городом Цистерсдорф отличились войска генерал-полковника Шумилова, генерал-майора Лукина...

Сегодня, 17 апреля, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 2-го Украинского фронта, овладевшим городом Цистерсдорф, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Цистерсдорфа.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!»

Войска 2-го Украинского фронта стремительно подвигались к Праге с юго-востока. Командующий фронтом маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский решил нанести 7-го мая главный удар на Прагу из района южнее Брно силами 7-й гвардейской армии Шумилова с последующим вводом в ее полосу наступления 6-й гвардейской танковой армии в направлении Нова-Бистрице — Пльзень.

Свой боевой путь 7-й гвардейская армия закончила в боях в ходе Пражской наступательной операции — последней стратегической операции Великой Отечественной войны, в ходе которой была уничтожена часть группы армий «Юг» и полностью ликвидирована группа армий «Центр».

Имя генерала М. С. Шумилова приобрело в годы войны широкую известность как в войсках, так и во всей стране. Его полководческий талант и огромный боевой опыт во многом способствовали успеху возглавляемых им крупных соединений и армии, командование которой он принял в тяжелую пору нашего отступления и разгоравшейся битвы за Сталинград. Но истинный командир возникает только тогда, когда он освоит науку отношений со своими подчиненными, сумеет проявить себя в требовательной военной среде, в боевой обстановке, не прощающей ошибок, заносчивости, самомнения. В этом отношении Михаил Степанович был образцом командира, его отличало глубокое знание русского солдата, его любили бойцы. «Наш командарм» — так с гордостью говорили о своем боевом генерале все воины армии.

Солдаты и офицеры, служившие под его началом, рассказывали и писали о том, что они всегда ощущали с его стороны отеческую заботу о своих подчиненных. Многим офицерам приходилось докладывать командующему о выполнении его боевых приказов, и всякий раз они выходили от него в приподнятом настроении. Если кто-то допускал какие-либо тактические ошибки, генерал указывал на них и в то же время давал толковые практические советы по организации обороны или наступательных действий. Несмотря на огромную занятость по руководству войсками, Михаил Степанович внимательно слушал не только командиров, но и рядовых бойцов. Из многочисленных рапортов и рассказов он умел отбирать

главное и это главное принимать во внимание при разработке планов операций.

Внешне он был похож на большого крепко сшитого таежного лесоруба — высокий, широкоплечий, с большими ладонями, с широким лбом, цепкими глазами охотника. В душе командарм оставался тем же простым русским человеком, каким его знали земляки. Ни солдатская служба, ни суровые испытания войны не изгладили в нем черты деревенского учителя — простого и доброго. Все, кто его знал, замечали его невольную склонность отечески учить подчиненного, будь то офицер или рядовой солдат.

И еще одна черта характера Шумилова вызывала симпатию к нему — скромность. Он никогда не говорил и не писал о своих воинских заслугах, он восхищался и рассказывал о подвигах, героизме, мужестве командиров, офицеров, солдат, которые воевали с ним рядом, — о своих боевых товарищах. Командарм не любил всезнающих и людей, кричавших: «Мы русские, мы шапками закидаем!» Таких он одергивал, был строг и непримирим. Михаил Степанович учил командиров дивизий и полков всегда предвидеть самый неблагоприятный исход сражения, с тем чтобы найти способ парировать любой удар врага. Он был учителем, советчиком и командармом.

Благодаря своему предвидению Шумилов умел опережать немецких генералов, и воины 64-й и 7-й гвардейской били их там, где хотел их командарм и где меньше всего желал драться противник. Так было в битве у Северского Донца, которая закончилась для немецко-фашистских войск таким же крахом, как и под Сталинградом, и во многих других сражениях, в которых участвовала армия Шумилова. И всегда командарм был там, где сходились все нити управления боем, где разгадывались замыслы врага и рождались новые планы разгрома неприятеля. Его маленький армейский

«Виллис» мелькал везде, где создавалась напряженная обстановка. Крупную фигуру Шумилова, которую хорошо знали бойцы и командиры, видели артиллеристы, пехотинцы, танкисты, разведчики. Присутствие рядом командарма, его появление в самых горячих точках сражений, решительность и спокойствие передавались подчиненным, придавали им уверенность в своих силах, стремление к выполнению приказов, желание не подвести в бою своего командующего.

* * *

В шеренге командармов сводного полка 2-го Украинского фронта во время Парада Победы 24 июня 1945 года на Красной площади чеканил шаг и генерал-полковник М. С. Шумилов.

После войны Шумилов продолжал командовать армиями в различных военных округах. В 1948 году он окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова и был назначен командующим войсками Беломорского, а в следующем году — Воронежского военных округов. В 1956 году генерал-полковник Шумилов вышел в отставку, однако в апреле 1958 года он вновь принят в ряды Советской армии и назначен военным консультантом Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Шумилов избирался депутатом Верховного Совета СССР всех созывов, начиная с третьего, то есть с 1950 года.

В семье у Михаила Ивановича и Анны Алексеевны Шумиловых в 1927 году родился сын Игорь. Игорь Михайлович после окончания девяти классов, в 1944 году, поступил добровольцем в Красную армию. Он воевал в составе 7-й гвардейской армии под началом своего отца, участвовал в Будапештской наступательной

операции. Когда сына представили к награде, отец вычеркнул его фамилию, сказав ему: «Воюем и Родину защищаем не за награды». Только в 1985 году Игорь Михайлович, как участник войны, был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Но, как оказалось, Игорю Шумилову была суждена другая судьба, не связанная с воинской службой. В 1945 году он был демобилизован из армии и, получив аттестат, поступил в Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана, которое в 1953 году окончил с отличием. Он стал известным советским инженером-конструктором авиационной техники, ученым и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1963 года за «большие заслуги в деле создания и производства новых типов ракетного вооружения, а также атомных подводных лодок и надводных кораблей, оснащенных этим оружием, и перевооружения кораблей Военно-Морского Флота» был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда.

В послевоенные годы Михаил Степанович часто приезжал в Волгоград. Он писал: «...Чем дальше мы уходили от Сталинграда, тем больше думали о нем, постоянно возвращались к памятным боям, черпая в них силу для новых сражений, не раз вспоминали чудесных товарищей — сталинградских рабочих, руководителей партийных и советских организаций, чья любовь, забота о наших нуждах, необычайная отзывчивость всего населения согревала наши души, вливала в нас новые силы».

В 1951 году состоялась первая встреча с Шумиловым в Музее обороны. Он лично передал в музей свои документы, оружие и рукопись воспоминаний. В каждый свой приезд в город-герой Михаил Степанович приходил в музей, принимал участие в сборе материалов о 64-й армии. Он принимал участие в зажжении Вечного огня на площади Павших борцов 1 февраля 1963 года, а

также в открытии памятника Героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане 15 октября 1967 года и в закладке комплекса музея-панорамы «Сталинградская битва» 2 февраля 1968 года. Встречался он и со своими однополчанами — на встречах ветеранов легендарной 64-й.

Волгоградцы всегда с большим уважением относились к подвигу 64-й армии при защите города. Постановлением Исполкома горсовета Сталинграда № 10/265 от 13 мая 1957 года улица Хлебная была переименована в улицу имени Шумилова.

В настоящее время в музее-заповеднике «Сталинградская битва» хранятся и экспонируются личные вещи Михаила Степановича, его оружие, документы и фотографии, а также ценнейшая часть экспозиции, посвященная ему, — полная коллекция наград генерал-полковника. Филиал музея-заповедника — музей «Память», расположенный в подвале центрального универмага, посвящен подвигу 38-й мотострелковой бригады, пленившей штаб 6-й полевой армии и генерал-фельдмаршала Паулюса.

В 1967 году, к 25-летию сражения на Волге, Волгоградским телевидением был снят многосерийный научно-документальный фильм «Страницы Сталинградской битвы», в котором запечатлен рассказ М. С. Шумилова о сражениях в донских степях, об уличных боях в Сталинграде, о подвигах бойцов и командиров, о пленении штаба 6-й полевой немецкой армии.

Решением Волгоградского городского совета депутатов трудящихся от 4 мая 1970 года за особые заслуги, проявленные в обороне города и в разгроме немецких войск в Сталинградской битве, Михаилу Степановичу Шумилу присвоено звание «Почетный гражданин города-героя Волгограда».

Генерал-полковник Михаил Степанович Шумилов скончался на 80-м году жизни 28 июня 1975 года. Последней его просьбой было похоронить его на сталинградской земле, рядом с прахом его солдат, павших в великой битве на Волге. Его последняя просьба была выполнена. Герой Сталинграда был похоронен на Мамаевом кургане с воинскими почестями, под залпы салюта. На надгробной плите высечены слова: «Герою Советского Союза генерал-полковнику М. С. Шумилову — вечная слава!» К могиле легендарного командующего приходит новое поколение волгоградцев с цветами и благодарностью за подвиг, подаривший жизнь. 7 мая 2005 года по инициативе поискового отряда «Огонь Памяти» имени А. Н. Сергеева, при поддержке и помощи Кировского райвоенкомата, совета ветеранов и районной и городской администрации в Кировском районе Волгограда открыли первый в стране памятник легендарному командарму М. С. Шумилову.

В 1980 году, 20 июня, улица Шумилова появилась и в Москве — в Юго-Восточном административном округе, на территории района Кузьминки.

НАГРАДЫ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА
М. С. ШУМИЛОВА

Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза —

26 октября 1943 года.

Ордена

Три ордена Ленина — *26 октября 1943 года; 21 февраля 1945 года; 17 ноября 1965 года.*

Четыре ордена Красного Знамени — *22 февраля 1939 года; 27 августа 1943 года; 3 ноября 1944 года; 24 июня 1948 года.*

Два ордена Суворова 1-й степени — *28 января 1943 года; 1945 год.*

Орден Кутузова 1-й степени — *1944 год.*

Орден Красной Звезды — *22 февраля 1968 года.*

Орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени — *1975 год.*

Иностранные ордена

Знак и звезда ордена Заслуг Венгерской Народной Республики 2-й степени.

Орден Венгерской Свободы 2-й степени (ВНР).

Орден Красного Знамени (ЧССР).

Орден Полярная Звезда (МНР).

Орден Защита Родины 1-го, 2-го, 3-го класса (СРР).

Орден Тудора Владимиреску 1-го класса (СРР).

Орден Михая Храброго с мечами 1-го класса (СРР).

Знак и звезда Британской империи 2-й степени.

Александр Ильич РОДИМЦЕВ

Этот очерк отличается от остальных, помещенных в этом сборнике. Он представляет собой редкий в наши дни жанр — рассказ сына об отце. Преклоняясь перед светлой памятью моего отца, перед подвигом поколения, выигравшего Великую войну, я познакомлю читателей с основными событиями в жизни и боевой биографии Александра Ильича Родимцева.

Жизнь и судьба моего отца во многом типична для его современников, но вместе с тем, несомненно, уникальна. Он родился и вырос в небольшом селе на Южном Урале, мечтал стать «красным кавалеристом», а когда мечта сбылась и его призвали в Красную армию — прошел путь от рядового до генерал-полковника, став одним из первых Героев Советского Союза, а затем дважды Героем и одним из самых известных военачальников советской армии. Пройдя сквозь тяжелые испытания и огонь величайших сражений XX века, многократно рискуя жизнью, он проявил выдающееся мужество и героизм, в совершенстве овладел воинской профессией, не понаслышке зная цену ратному солдатскому труду, за что бойцы всегда платили своему командиру любовью и верой.

В жизни отца, особенно в его боевой биографии, столько интересного и захватывающего, что иногда даже трудно поверить, что все это случилось с одним человеком. Мне думается, что мой рассказ об отце станет интереснее читателям, если он будет состоять не только из моих воспоминаний, но также из того, что написано им в книгах, из слов, сказанных о нем известными военачальниками и его однополчанами — командирами и простыми бойцами, известными в нашей стране людьми, с которыми он встречался и дружил.

Рассказ об отце можно было начать с любого из множества боевых эпизодов с невероятным сюжетом, выпавших на его долю. Но я начну с самого начала — с семьи и малой родины, где сформировался характер и мировоззрение будущего военачальника, человека, сумевшего стать героем своей эпохи.

Александр родился 24 февраля (8 марта) 1905 года в селе Шарлык Оренбургской губернии (ныне области), в семье безземельных крестьян Ильи и Аксины Родимцевых. Саня, как его звали в детстве, был единственным сыном в семье, в которой было четверо детей. С детских лет он помогал отцу в нелегком крестьянском труде. Но была в эти годы у него и своя радость — забота о единственной лошаденке Сивке.

Вместе с другими мальчишками он ходил в ночное, когда далеко за селом они пасли по ночам лошадей. Отец очень часто вспоминал это время: как сидел с товарищами у костра, как готовили нехитрую еду — сливную кашу из пшенки с картошкой, ставшую его любимым кушаньем на всю жизнь, ели, обжигаясь, печеную картошку, таская ее из костра, пили родниковую воду, чистили и мыли лошадей, купались в прохладной воде степной речки Салмыш.

Днем было время у ребят для забав, любимой из которых были скачки. В этом его Сивка была далеко не из лучших. Пытаясь не отстать от товарищей, Саша падал, но снова и снова вставал, учился держаться вверх, а это непростая наука. Именно тогда, разбивая до крови руки и ноги, он научился терпеть, не бояться препятствий и ловко управлять лошадью, мечтая промчатся однажды на настоящем скакуне. Любил Александр бывать и на водяных мельницах, куда он приезжал с отцом молотить зерно. Пока взрослые делали свою работу, Саша ловил рыбу или ходил в лес, в котором однажды заблудился и заснул под деревом, где его едва разыскали до темноты. Были в те годы в

деревнях и другие, более суровые забавы, в которых участвовали и взрослые, и подростки, когда выходили помериться силой улица на улицу. Отец не очень любил эти сходки, но от участия не уклонялся, и, будучи парнем не по годам развитым и ловким, битым никогда не бывал. В глазах сельских мальчишек за ним быстро утвердился авторитет вожака. Трусость у них считалась одной из самых позорных черт. Так, постепенно, в невинных забавах и серьезных стычках формировались грани Сашиного характера — лидерство, смелость, сила воли.

Но больше всего на свете Александру хотелось учиться. Он пошел в школу в октябре 1913 года. Собирали Сашу всей семьей. Мать надела ему новую рубашку, положила в сшитую ею для сына сумку не тетрадки и не учебники — их просто не было, а горячие лепешки, аккуратно завернув их, чтобы не остыли по дороге. Поскольку семья жила на краю села, идти было далековато, но Саня словно не замечал этого. Добраться до школы можно было по улицам села. Это безопасно и легко, но долго. Саша раз и навсегда выбрал для себя другой путь — по прямой, через пойму речки и небольшой лесок. Этой дорогой почти никто не ходил даже днем. Случись что — кругом ни души, а в темное время так и вообще страшно. Все отговаривали Сашу ходить этой дорогой, пугали его ведьмами и русалками, лешими и волками. Но, видимо, уже тогда проявились и другие черты его характера — самостоятельность, способность совершать рискованные поступки.

Учился Саша хорошо, выделяясь среди ребят дисциплиной и прилежанием. После школы он помогал отцу по хозяйству. Но однажды зимой он несколько дней не приходил в школу. Учительница — Вера Афиногеновна Ампилогова попросила ребят узнать, в чем дело. На следующий день мальчик сообщил ей, что Саня больше в школу не придет, потому что ему не в чем

прийти — лапти изнашивались, а новых не на что купить. Назавтра учительница сама пришла к Родимцевым домой и принесла новые лапти. Отец на всю жизнь сохранил память о своей первой учительнице, они встречались каждый раз, когда отец бывал в родном селе.

Саше было 12 лет, когда произошло событие, сыгравшее очень важную роль в его жизни. Однажды в жаркий июльский день он с друзьями отправился искупаться на любимое место сельской детворы — настоящий небольшой водопад на речке Шарлычке. Вместе с ребятами на речку пришли две девчушки, одной из которых была восьмилетняя Катя, чья семья жила в соседней с Родимцевыми избе. За играми и рыбалкой мальчишки забыли о них. Как рассказывал отец, первым о девочках вспомнил почему-то именно он. Обнаружив, что их нет поблизости, Саша побежал вдоль берега и увидел их — они барахтались в реке, временами исчезая под водой. Не раздумывая, он бросился в реку. С большим трудом, с помощью подросших ребят ему удалось вытащить обеих на берег. До этого дня Саня и внимания-то особого на эту самую Катю не обращал. Разве мог тогда Саша Родимцев знать, что спас он не просто кареглазую соседскую девчушку, а... свою будущую жену, Катюшу, верную спутницу всей его жизни!

Шел революционный 1917 год. Из разговоров взрослых Александр знал, что свергли царя, и часто слышал новое слово «революция». В селе случались митинги, сходки, появлялись агитаторы разных мастей. Еще совсем недавно будущее моего отца виделось таким же predetermined, крестьянским, как у его предков. Однако, не окончив даже начальной школы, он оказался в другой стране, и его линия жизни отныне не стала повторением патриархального родительского уклада.

В 1918-1919 годах в Оренбуржье полыхала Гражданская война. В своей книге «Твои, Отечество, сыны» отец вспоминал об этом времени так: «В заштатное наше село отзвуки больших событий докатывались медленно и глухо. Помню шумную, праздничную сходку бедноты. Красный флаг над зданием волости. Пышный красный бант на груди у отца...Белогвардейцам надолго удалось отрезать Оренбургскую губернию от советской территории. В селе, что ни день, появлялись новые атаманы. Особенно свирепствовали бандиты Дутова».

Сельские кулаки запомнили, что батрак Илья Родимцев на митингах приветствовал приход Красной армии, и выдали его казакам. За участие в революционных сходках дутовцы жестоко избили Илью Родимцева шомполами на глазах у моего отца и всей семьи. Истерзанный белыми, он скончался через несколько дней. Единственным кормильцем в семье остался Александр. Его заветную мечту — учиться — пришлось надолго отложить.

О дальнейшем своем жизненном пути отец так рассказал в своих воспоминаниях: «Тягостно и горько было мне идти в услужение к богатею, который, я знал это, выдал моего отца, но другого пути у меня не было, а слезы матери и благословение усталой ее руки были для меня приказом. Я оставил семью, школу, товарищей и нанялся в батраки».

Но вскоре Саша Родимцев вместе с земляками с восторгом встречал возвращение красных конников в Шарлык, теперь уже навсегда. Вид бравых бойцов на могучих рысаках произвел на Сашу неизгладимое впечатление. Об этих незабываемых днях и о своих чувствах, переполнявших его, отец писал: «Манящая даль военных походов отныне стала моей детской мечтой. Но почему же эта мечта не приходила раньше? Ведь и раньше не раз на улицах нашего села гарцевали

вооруженные конники. Однако при появлении белоказаков Шарлык словно бы вымирал... А теперь ликовал весь народ...» В эти дни Саша окончательно решил, что станет красным кавалеристом, таким же лихим и отважным, как они.

Но до призыва в армию было еще далеко, и Александру предстояли тяжелые годы батрачества. И совсем трудное время настало для семьи Родимцевых, когда из-за разрухи, царившей в стране после Гражданской войны, в Поволжье и на Урале разразился голод, унесший миллионы жизней. В эти страшные годы осталась сиротой моя мама. Ее, как и многих других детей из их села, определили в Оренбургский детский дом.

Лишь в 1923 году Родимцевы получили от советской власти бесплатно надел земли и лошадь. Теперь отец работал на своем участке, но легче ему от этого не стало. Трудился он с утра до позднего вечера. Зимой приходилось искать любую подработку. Длительное время отец был подмастерьем у сапожника, но хозяин не столько учил его шить сапоги, сколько заставлял выполнять самую разную тяжелую работу по хозяйству. От усталости Александр, едва дойдя до дома, валился с ног.

Но Саша сдюжил, не сломался от тяжелого труда, нужды и обид, не озлобился. Его спасал окрепший характер, сложившийся сизмальства — унаследованное от отца трудолюбие и привычка любую работу доводить до конца. Но была у него еще и заветная цель, к которой он стремился несмотря ни на что — учиться! За годы нескончаемого труда и хозяйских забот он не забывал о школе, о книгах, его страждущая душа тянулась к знаниям. Отцу удалось, кроме начальной школы, окончить в 1920 году еще два класса высшего начального училища. Однако достать интересную, а главное — полезную литературу в те годы в отдаленном

селе было непросто. Гражданская война, несколько раз жестоко пройдясь по Оренбуржью, оставила после себя разруху. Но все, что попадало ему в руки, Александр читал запоем. Больше всего он любил книги по истории России, а еще — о сражениях и полководцах. С тех лет его кумиром стал Александр Васильевич Суворов. А шить сапоги отец все же научился! Я помню, как он, при подходящем случае, говорил, что может хоть сейчас сшить отличные сапоги.

В юности, общаясь со сверстниками, мы не стремимся, да и не в состоянии, предугадать, кто из них на что способен. В десяти километрах от Шарлыка есть татарское село Мустафино. Вместе с друзьями отец не раз бывал в нем. Они участвовали в скачках вместе с местными мальчишками в дни праздников. Александр был заводилой среди шарлычан, а в Мустафине лидером у подростков был Муса Залилов, который в истории нашей страны больше известен как Муса Джалиль.

Пройдут годы, и эти двое парней прославят на весь мир свою малую родину. Но если моего отца судьба уберегла во всех выпавших на его долю испытаниях и войнах, то Муса стал олицетворением человеческой стойкости перед лицом неминуемой гибели. Он был писателем, а во время войны политработником. Летом 1942 года, будучи тяжело раненым, при выходе его части из окружения попал в плен, где вступил в созданный немцами татарский легион «Идель-Урал» с целью продолжить борьбу с фашизмом. Ему удалось установить связь с подпольем, но он был арестован гестапо и брошен в берлинскую тюрьму «Моабит». В августе 1944 года его казнили. В 1957 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а за стихи, написанные им в фашистских застенках, опубликованные под названием «Моабитская тетрадь», Муса Джалиль стал лауреатом Ленинской премии.

В середине 20-х годов жизнь в Шарлыке начала постепенно налаживаться. Александр стал настоящей опорой семьи. В минуты отчаяния или сомнений он вспоминал своего отца, который учил его не только крестьянскому труду, но и быть уверенным в себе, не бояться любой работы. Вспоминая поступки и жизненные принципы своих родителей, я пришел к пониманию того, что их готовность к помощи не только родным, но порой малознакомым людям, приверженность моральным ценностям и семейным традициям, способность терпеливо переносить тяготы и невзгоды, скромность и бескорыстие, любовь к родным местам достались им в наследство от старших поколений, научивших их этим, казалось бы, простым, но требующим больших душевных сил и щедрости правилам бытия.

И, наконец, настал памятный для Александра осенний день 1927 года, когда он прибыл в Оренбург и предстал перед призывной комиссией. Из воспоминаний отца: «Я нарочно выпячивал перед врачами грудь, напрягал мускулы, старался ступать тяжело и вразвалку: вот, мол, какая силенка, — полы подо мной дрожат!.. Врачи в один голос сказали: годен.

Как-то очень быстро все это произошло: я не успел сказать о своем желании служить в кавалерии, а уже был зачислен в караульную роту. Просить о другом назначении мне показалось неудобным.... С этого дня и началась моя настоящая биография, а все предшествующее было только подготовкой к самостоятельной жизни».

Впервые Родимцев ехал по железной дороге — в Саратов. Когда поезд въехал на мост через Волгу, Саша, полагавший, что шире и краше его родного Салмыша нет реки, с восторгом смотрел на покрытую утренним туманом безбрежную, как ему казалось, реку. Не мог тогда парень из дальнего уральского села знать, что

Волга станет главной рекой в его жизни. А пока ему открывался мир, в котором предстояло пройти долгий и очень тяжелый — свой путь.

* * *

О первых годах своей армейской службы отец в воспоминаниях писал: «В армии передо мной раскрылись возможности учебы. Я с жадностью набросился на книги, отдавая им каждую свободную минуту, пристрастился к газетам, увлекся географией и авиацией, стал мечтать о парашютном спорте... Два года действительной службы в армии стали для меня доподлинным и разносторонним курсом житейского университета... В армии я вступил в комсомол... Эти два года не прошли для меня даром: я нашел свое призвание, свой путь в жизни. Теперь я не мыслил себя вне рядов Красной Армии, с которой сроднился навсегда».

По окончании действительной службы Родимцев держал экзамены в Московскую объединенную высшую военную школу имени ВЦИК (сегодня — Московское высшее военное командное училище). Поступление далось отцу с большим трудом. Конные испытания и военные дисциплины он выдержал на «отлично», но проблемы возникли с общеобразовательными науками. Ему, крестьянскому парню, с большими перерывами посещавшему сельскую школу, пришлось не спать ночами, чтобы не провалиться на экзаменах по математике и русскому языку.

Когда перед строем будущих курсантов объявили, что из-за низких оценок по общеобразовательным дисциплинам Родимцев не может быть зачислен в училище, отец готов был провалиться сквозь землю. Но неожиданно из строя вышел командир отделения Дмитрий Цюрупа и, обращаясь к начальнику школы,

сказал: «Товарищ командир, у Родимцева отличные оценки по военным дисциплинам. А в остальном мы ему поможем, он обязательно наверстает». Сказал свое слово в поддержку Александра и командир эскадрона Шаймурадов. На вопрос начальника школы, обращенный к Родимцеву — «Справитесь?», он ответил: «Справлюсь. Одно прошу — зачислите, не подведу». Так исполнилась мечта отца — он курсант кавалерийского отделения! Впоследствии мой отец и Дмитрий, сын известного революционера, первого наркома продовольствия А. Д. Цюрупы, стали друзьями.

Училище располагалось на территории Московского Кремля, и его слушателей называли «кремлевскими курсантами». Отец учился с увлечением, дополнительно занимался с преподавателями по русскому языку и математике. Но, к своему удивлению, ему пришлось переучиваться и в кавалерийском мастерстве, хотя он изначально был одним из лучших среди поступавших и сам считал себя отличным наездником. Однако посмотрев на его манеру верховой езды, командир назвал ее «веселым кустарничеством». Надо было освоить джигитовку, вольтижировку, рубку и многие другие приемы, в которых он быстро достиг отличных результатов.

С неменьшим интересом изучал он современную технику и проявил особый интерес к пулеметам, хорошо изучил это оружие отечественных и зарубежных систем. Его успехи не остались незамеченными, и его перевели в пулеметный взвод. И здесь случилось неожиданное — в нем открылись необыкновенные способности к стрельбе из этого вида оружия. За короткий срок Александр стал настоящим асом-пулеметчиком. А вскоре произошел случай, который едва не стоил отцу отчисления из училища, но в итоге еще больше укрепил его авторитет среди курсантов и командиров как лучшего пулеметчика.

Сдавая зачеты по стрельбе, отец, подначиваемый товарищами, на спор выбил на мишени из пулемета свое имя. За самовольную стрельбу командир пригрозил ему отчислением, но, осмотрев пробоины на мишени и глядя на стоявшего с опущенной головой Александра и его притихших однокурсников, объявил курсанту Родимцеву наряд вне очереди, а затем с удовлетворением произнес: «А стрелять вы все-таки хорошо научились».

Пройдет совсем немного лет, и известность пулеметчика лейтенанта Александра Родимцева шагнет далеко за пределы подмосковного стрельбища и даже обрастет преувеличениями, как любое незаурядное проявление мастерства. Его профессионализм в этой области будет высоко оценен бойцами республиканских войск и интернациональных бригад во время гражданской войны в Испании. Еще большую известность Родимцев-пулеметчик приобретет после того, как М. А. Шолохов, с которым мой отец познакомился во время Великой Отечественной войны, в романе «Они сражались за Родину» так расскажет об этом словами одного из своих героев: «Родимцев, будучи командиром взвода, выбивал на мишени из пулемета свое имя и фамилию. Не хотел бы я побывать под огнем пулемета, за которым прилег Родимцев... А посмотреть — муху не обидит, милый, скромный парень, каких много на родной Руси».

В числе лучших курсантов отцу было доверено стоять на «посту № 1» — у Мавзолея Ленина. Во время учебы он был принят в ряды В КП (б). В свободное от учебы время отец, вместе с Цюрупой, гуляли по городу, старались посмотреть интересные фильмы, спектакли, выставки. Отец отмечал, что пребывание в Москве сыграло огромную роль в расширении его кругозора и интересов.

С особым теплом и легкой грустью вспоминал он годы, проведенные в училище: «Курсантские годы! Ох,

как дороги и трудны были они. Но зато сейчас я всегда с гордостью вспоминаю это время...» После окончания с отличием училища в 1932 году отец был направлен командиром пулеметного взвода в 61-й кавалерийский полк в Москве, а позже был назначен инструктором в полковую школу.

Вскоре в Москве у отца состоялась встреча, которая стала одним из главных событий в его жизни. Во время редких выездов в город отец старался повидаться с другом детства из родного Шарлыка — Володей, который работал в Москве. И однажды, придя к нему домой, он встретил там его младшую сестру Катю — ту самую, которую он когда-то спас на речке Шарлычке! Катя окончила железнодорожный техникум, получила назначение на работу на Савеловский вокзал Москвы. Молодые люди стали встречаться, их взаимная симпатия росла, и через некоторое время они стали мужем и женой. Александр привел молодую жену в военный городок полка. В помещении, где уже жила одна семья, фанерой отгородили часть комнаты. Это место и стало первым домом Родимцевых. Жили очень скромно, но дружно и весело.

За четыре года службы в полку Александр добился больших успехов в кавалерийской и пулеметной подготовке. Он досконально изучил не только устройство всех марок пулеметов в Красной армии, но и тактические особенности их применения, хорошо разбирался в оружии иностранного производства. Учения, походы, ночные марши, стрельбы, занятия в классе. Родимцев и его подчиненные в числе лучших, и вот уже его портрет на Доске почета 61-го кав-полка.

Об этом периоде своей службы отец писал: «Всю свою энергию и способности я старался отдать бойцам своего подразделения... Я понимал, как важно постоянно вникать в каждую мелочь жизни и быта солдата, беречь его и заботиться о нем, чтобы воин

видел в своем командире не только строгого, требовательного руководителя, но и чуткого, отзывчивого товарища». Несмотря на занятость, Родимцев продолжал учиться в общеобразовательной школе командного состава. Он словно спешил утолить неудовлетворенную в юности жажду знаний, чувствуя, что время, отпущенное для учебы, скоро закончится. Для старшего лейтенанта Александра Родимцева новое время наступило летом 1936 года, вместе с первыми газетными сообщениями о военном мятеже в далекой Испании. Этот год круто изменил судьбу моего отца.

* * *

В июле 1936 года в Испании военные во главе с генералами Ф. Франко и Э. Молой открыто выступили против республиканского правительства. Вооруженные столкновения республиканцев и франкистов, которым вскоре стали оказывать реальную помощь фашистские режимы Германии и Италии, становились все ожесточеннее. Страна была охвачена гражданской войной. Республиканцы обратились к СССР с просьбой прислать им военных советников. Драматические события в Испании стремительно выходили за национальные рамки. В ответ на двусмысленную позицию правительств европейских держав на сторону Испанской республики встали левые движения всего мира.

Интербригады! Это слово и крылатая фраза «Но пасаран!»^[78] мгновенно стали символом борьбы с фашизмом. Тысячи людей из многих стран отправились в Испанию защищать республику. Стали прибывать в Испанию и первые добровольцы из числа бойцов Красной армии — летчики, танкисты, военные советники. Александр Родимцев также подал рапорт с

просьбой послать его в Испанию. Жене Кате он не обмолвился ни словом.

Отец рассказывал, что решение отправиться в Испанию пришло само собой, без посторонних советов. Он чувствовал, что может быть полезен на фронте как военный специалист. Ответа долго не было. Лишь в середине сентября ему было приказано явиться в Наркомат обороны к начальнику Разведывательного управления РККА комкору С. П. Урицкому. В короткой беседе ему было сказано, что его просьбу решили удовлетворить — он направляется в Испанию для обучения пулеметному делу бойцов интербригад. На завтра отец снова прибыл в Наркомат, где получил инструкции по дальнейшим действиям. После этого он переоделся в приготовленную для него гражданскую одежду — новенький костюм, белую рубашку с галстуком, ботинки с носками, пальто и шляпу. В непривычной одежде, чувствуя себя неуверенно и неуютно, он вновь предстал перед Урицким, который сказал: «Отныне и до Парижа ваше имя — Павлито. А в Испании — Гошес». Пожав Родимцеву руку, комдив произнес: «Ждем героем на Родину». Рассказывать о своем отъезде кому бы то ни было, в том числе командиру части, было запрещено. Жене тоже следовало говорить как можно меньше. Поезд Москва — Париж отправлялся в тот же вечер.

Ничего не придумав, что сказать жене о срочном отъезде, да еще появившись перед ней в необычном виде, отец просто сказал: «Еду, Катя». И на ее вопрос: «Куда?» — ответил: «В Испанию». Наскоро собрав самое необходимое и обняв дочурку и заплаканную жену, которой он не мог даже сказать, когда вернется (и вернется ли вообще?), вышел из дома, сел в трамвай и поехал на Белорусский вокзал.

Переброска добровольцев в Испанию проходила в условиях глубокой конспирации. На железнодорожном

вокзале в Париже отца и других наших товарищей встретил сотрудник советского посольства. Отцу вручили новое удостоверение личности, снабдили необходимой информацией и сообщили, что по пути в Испанию с ним встретятся свои люди. В вагоне поезда Париж — Барселона к отцу подошел улыбающийся человек и, поздоровавшись, завел с ним непринужденную беседу. Когда они остались без посторонних, незнакомец назвал отца его новым именем и представился: «Будем знакомы. Петрович Кирилл Афанасьевич. В Испании будем работать вместе. Задания будешь получать от меня». Он назвал пароль. Лишь много позже отец узнал, что его попутчиком был будущий маршал Советского Союза К. А. Мерецков, ставший позже одним из известнейших полководцев Великой Отечественной войны. В Испании он был военным советником под псевдонимом Петрович.

По прибытии в Испанию отец получил от Петровича задание отправиться в городок Альбасете, где находился арсенал и учебный центр республиканской армии. Вспоминая первые дни работы в Испании, отец говорил, что сильнее всего его тревожило незнание испанского языка. Какими же были его удивление и радость, когда в первый же вечер он встретил в гостинице... своего друга Диму Цюрупу! Оказалось, что он отвечал за прием советской военной техники и распределение добровольцев по местам.

Получив ценные советы друга, отец отправился в арсенал в сопровождении переводчицы, которую звали Мария Хулия. Об этой женщине отец всегда рассказывал с особой теплотой. Ее настоящее имя Мария Фортус. Ее биография была удивительной, полной опасностей и драматических событий. Она участвовала в Гражданской войне в нашей стране. Спустя несколько лет, задолго до мятежа, отправилась в Испанию и сражалась за республику вместе со своим мужем, который был

секретарем ЦК компартии Каталонии, и сыном-летчиком. Оба они погибли. Родимцев видел ее не только в учебном центре, но и на передовой, где она проявляла порой больше мужества, чем некоторые бойцы. Маршал Советского Союза К. А. Мерецков в своих воспоминаниях так писал о Марии: «Ей по плечу оказалась не только работа переводчицы, которую она выполняла блестяще. Как показала жизнь, она с успехом вела переговоры с любыми должностными лицами и в дальнейшем фактически являлась офицером для поручений». Во время Великой Отечественной войны Мария выполняла задания в тылу врага. Отец на всю жизнь сохранил дружбу с этой необыкновенной женщиной.

Когда отец в сопровождении Марии вошел в арсенал, который оказался невзрачным сараем, он увидел, как большая разноязыкая группа людей столпилась у длинного стола, на который выкладывали пулеметы, и безуспешно пыталась их собрать, громко споря. Павлито (такой псевдоним сохранился у Родимцева во время пребывания в Испании), по совету переводчицы, приветствовал всех по-испански: «Салюд!», услышав в ответ: «Салюд, камарадос!»

С самого начала он стал обучать по принципу: «Делай, как я!». Так, чтобы все видели, он неторопливо собрал первый пулемет. Собравшиеся смотрели на него с уважением, а когда Мария сказала, что капитан Павлито прибыл из Советского Союза, это вызвало бурные приветствия. Вскоре добровольцев, а среди них каких только не было — они приехали со всей Европы — разбили на группы по языкам, подобрали из них переводчиков, и дела пошли на лад. Отец не только учил их обращаться со всеми моделями пулеметов, но и метко стрелять и обслуживать технику. За короткое время отец со своими помощниками подготовил 24 пулеметных расчета. Когда франкисты подошли к Мадриду, он получил от Петровича задание отправиться

вместе с подготовленными бойцами на помощь частям, оборонявшим столицу. Вскоре капитан Павлито уже вступил в бой — первый на долгом его воинском пути.

Находясь на переднем крае, он пробрался к окопу, где находились пулеметчики, у которых почему-то не работал пулемет, и показал бойцам, как надо было быстро устранить поломку. А вскоре противник пошел в наступление. Это были элитные марокканские войска, они шли в психическую атаку — шеренгами, в полный рост, с винтовками наперевес. Отец был поражен этой картиной — в первом же бою такой сюрприз! Подпустив противника поближе, его новые друзья-пулеметчики, а вместе с ним и все обороняющиеся открыли огонь и отбили атаку.

Постоянно бывая в частях и общаясь с испанскими коммунарами, моему отцу пришлось столкнуться с необычными порядками и обычаями, царившими в республиканских войсках. Некоторые из них были на первый взгляд безобидными, скорее даже курьезными, но были и неприятно поразившие его, создававшие немало проблем в работе. Например, с первых же дней при оборудовании позиций отец узнал, что испанцы считают рытье укрытий делом необязательным и даже недостойным храброго воина! Он также был удивлен нередкими случаями самовольной смены позиций пулеметчиками, искренне считавшими, что таким образом они вводят противника в заблуждение, не отдавая себе отчета в том, какие трудности они при этом создают в управлении боем. Даже в лучших соединениях не уделялось должного внимания разведке, и командование зачастую не имело никаких сведений о противнике. Пришлось привыкнуть и к тому, что в частях было по два командира — один командует во время боевых действий, а другой на отдыхе. В перерывах между боями испанцы отдыхали — пели песни, пили вино. Их руководители даже не пытались

искоренить вековые обычаи и привычки. И уж совсем неожиданно было узнать, что испанцы воют с перерывом на обед!

К этому можно добавить постоянно возникавшие трудности в работе советских советников и специалистов, вызванные доходившими до открытых столкновений противоречиями между представителями разных политических партий в рядах республиканцев. Наибольшие проблемы создавали части, руководимые анархистами, отличавшиеся низкой дисциплиной и своеволием их командиров, что порой губительно сказывалось на результатах боевых действий большого количества войск.

За время пребывания моего отца в Испании произошло несколько больших сражений между республиканцами и франкистами, оказавших заметное влияние на ход войны. Наиболее значительными из них являлись оборона Мадрида, одно из крупнейших за всю войну сражение на реке Харама, триумфальная для республиканцев Гвадалахарская операция и битва под Брунете. Отцу довелось принять самое активное участие в каждом из них, а также в боях под Толедо и Бриуэгой, побывав при этом едва ли не во всех мыслимых в его положении ситуациях, выполняя порой функции, которые невозможно было предвидеть: советника, штабиста, командира полка, офицера для особых поручений. А когда положение несколько раз становилось критическим, он появлялся на передовой, где вместе с наиболее стойкими бойцами, рискуя быть окруженными, иногда оказываясь на краю гибели, прикрывал, лежа за пулеметом, отход основных сил.

Освоить в короткий срок новые обязанности отцу удалось благодаря его переводу в распоряжение Энрике Листера — коммуниста и одного из известнейших политических и военных деятелей Испании. Листер был командиром ряда крупных и наиболее боеспособных

соединений республиканской армии. Постоянно находясь рядом с ним, пройдя через жестокие бои, испытав и радость больших побед, и разочарования от неудач, и горечь потерь, мой отец по-настоящему сдружился с ним, высоко ценил его доверие и помощь в работе с испанскими товарищами. Александр Родимцев не только помогал Листеру руководить войсками и поддерживать их боеспособность, но в минуты смертельной опасности они не раз шли на помощь друг другу.

За отличие в боях на реке Мансанарес на западной окраине Мадрида Александр Родимцев был представлен к первой в своей жизни боевой награде — ордену Красного Знамени. Но еще более значительным явился его вклад в проведение Гвадалахарской операции, когда по поручению Петровича он в кратчайший срок сумел изучить состояние республиканской обороны, благодаря чему командованием были приняты своевременные меры по отражению наступления четырех итальянских фашистских дивизий. Затем Родимцев принимал активное участие в боевых действиях по их полному разгрому. Победа республиканцев под Гвадалахарой явилась не только одним из самых значительных событий гражданской войны в Испании, но и первой победой объединенных сил всего мира над фашизмом и имела большой международный резонанс.

О том, как Александр Родимцев сражался на испанской земле, рассказали в своих воспоминаниях его начальники и соратники. Вот как описывает К. А. Мерецков действия капитана Павлиты в бою около Университетского городка Мадрида: «Вот случай на мосту у Мансанареса в Мадриде. Мост этот мы называли «французским». Марокканцы прорвались к окраине города и на рассвете атаковали мост. Республиканский пулемет, державший переправу под обстрелом, внезапно отказал. Фашисты уже вбегали на мост и,

стреляя на ходу, устремились к нашему берегу. Бойцы дрогнули. Еще несколько секунд, и враг прорвется в город. Под огнем Родимцев бросился к пулемету. Фашисты были уже в нескольких шагах, когда «максим» снова заработал. Вражеские солдаты, срезанные ливнем пуль в упор, свалились на мост. А другие откатились прочь».

Родимцев приобрел в Испании и большой командный опыт, в реальной боевой обстановке осваивая науку управления войсками. Об этом тоже вспоминает К. А. Мерецков: «Превосходно показал себя в Испании капитан (сначала он был лейтенантом) А. И. Родимцев. Я часто видел его в бою и смог оценить его качества. Являясь военным советником у Листера, Родимцев приносил, как мне кажется, большую пользу тактичными и умелыми советами по руководству подразделениями, а если возникала необходимость, то и примером личного мужества в острых ситуациях.

Вот франкисты атакуют со стороны Толедо, нацелившись на стык республиканских соединений... Чтобы задержать противника, штаб посылает вперед дивизию. Командира на месте нет. Родимцев получает от меня приказ: развернуть дивизию и ввести в бой. До этого Родимцеву не приходилось командовать у нас даже полком. Поэтому вслед посылаю другого офицера — проверить, как пойдет дело. Предупреждаю, что через два часа буду на месте сам. Родимцев слегка нервничал, но действовал четко. И когда я приехал, офицер очень высоко оценил его действия. Садимся в броневик, объезжаем поле боя. Действительно, все идет как надо... Об А. И. Родимцеве не раз сообщали в Москву и ходатайствовали о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Известно, как умело и мужественно действовал Родимцев в годы Великой Отечественной войны. Мне кажется в этой связи, что Испания явилась для него отличной боевой школой».

Дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов в своих воспоминаниях писал: «Я видел Александра Родимцева в Испании на реке Хараме, где в тяжелых боях 12-я интернациональная бригада сдерживала натиск франкистов, итальянских и немецких интервентов: он под огнем на поле боя ремонтировал пулеметы. Военный человек поймет, какой это был подвиг — держать в боевой готовности пулеметы более чем 20 разных устаревших систем. Испанские товарищи ценили вклад советских добровольцев в борьбу за свободу, против фашизма. Родимцева они считали храбрейшим из храбрых и прозвали его «профессором пулеметного дела республиканской армии».

Видевшая много раз Родимцева в боевой обстановке Мария Фортус рассказывала: «Во время одного из боев мы с капитаном Павлитом находились на командном пункте бригады. Вдруг командир бригады Энрике Листер увидел: танки, поддерживающие наступление его бойцов, внезапно изменили направление движения и пошли напрямик туда, где, как нам было известно, располагалась сильная артиллерийская засада противника.

Что делать? Как предупредить танкистов? Радиосвязи с ними нет...

И тут капитан Павлит, не раздумывая, под плотным огнем фашистов бросился наперерез танковой колонне, нагнал переднюю машину, вскочил на броню и начал барабанить в люк... Танкисты были предупреждены и боевую задачу успешно выполнили. А когда Павлит возвратился на командный пункт, на его шинели оказалось множество пулевых и осколочных отметин».

А как оценивал вклад капитана Павлита в общее дело сам Энрике Листер? В своей книге «Наша война», вспоминая сражения во время Гвадалахарской операции, он так написал о своем советском друге:

«Большую роль в этом бою и в дальнейшем, на протяжении всей операции, сыграл капитан Павлито, советский офицер, который с первых дней обороны Мадрида находился в дивизии и помогал нам во всем. Его любили за сердечность, исключительную выдержку и военные знания, которые он блестяще использовал в боях под Мадридом, на Хараме и особенно в Гвадалахаре. Потом он участвовал в боях в Гарабитас, на юге Тахо, в Брунете. Он всегда находился на наиболее трудных участках фронта, помогая советами и личным примером выходить из многих, казалось бы, безвыходных ситуаций. Когда мы встретились вновь (через два года), капитан Павлито был уже полковником Родимцевым, а спустя еще три года генералом, одним из героев Сталинграда, командиром 13-й гвардейской дивизии. Через много лет, в мае 1965 года, мы вновь увиделись на встрече ветеранов в Москве. Он остался таким же испанцем, как и в дни обороны Мадрида».

Многое выпало на долю добровольца Александра Родимцева на испанской земле. Не счесть, сколько раз он рисковал жизнью и был на волосок от гибели. В боях в Испании ярко проявились черты его воинского характера, сформировавшие из него командира — доскональное знание военного дела, точный расчет, забота о подчиненных, оправданный риск и смекалка, железная дисциплина и личное мужество. Удивительно, но факт — десятки раз пройдя сквозь бомбежки и обстрелы, сражаясь на передовой под огнем врага, он ни разу не был ранен, словно был заговоренным. Испанские товарищи считали его «счастливчиком».

В Испании отец встречался со многими из тех, чья известность шагнула далеко за пределы их родных стран: с секретарем ЦК испанской компартии Долорес Ибаррури и ее сыном Рубеном — юным бойцом республики и будущим офицером Красной армии, с командирами интербригад — венгерским писателем и

революционером Матэ Залкой, которого называли генералом Лукачем, испанцем Хуаном Модесто, немецким коммунистом Гансом Кале, с американским писателем Эрнестом Хемингуэем и многими другими.

После возвращения в Москву в августе 1937 года отца дважды вызвали в Кремль. В первый раз председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручил ему сразу два ордена Красного Знамени. Во время второго посещения он, пожимая отцу руку, произнес: «Часто встречаемся, товарищ Родимцев!» — и вручил ему орден Ленина и «Золотую Звезду» Героя Советского Союза. Сбылись слова комкора Урицкого^[79], сказанные им моему отцу перед отъездом в Испанию. Александр Родимцев стал одним из первых, кто был отмечен высшей наградой Родины. Его первая «Золотая Звезда» имеет номер 45. Этих людей знала вся страна.

* * *

Вернувшись в свою часть после отпуска, Александр Родимцев был назначен командиром кавалерийского полка, а в январе 1938 года зачислен слушателем в Военную академию им. М. В. Фрунзе. Начинался новый этап в его жизни. В академии учились многие его друзья, с которыми он вместе сражался в Испании, — Николай Гурьев, Дмитрий Цюрупа, Дмитрий Погодин, Иван Татаринов, другие советские добровольцы. Породненные испытаниями, выпавшими на их долю, они на всю жизнь сохранили свою дружбу. Молодые офицеры понимали, что схватка с фашизмом еще далеко не окончена и боевой опыт, обретенный на испанской земле, уже очень скоро им пригодится.

Окончив академию с отличием, отец продолжил службу в Белорусском особом военном округе в

должности помощника командира 36-й кавалерийской дивизии. Он участвовал в освободительном походе Красной армии в Западную Белоруссию, а в марте 1940 года несколько недель находился в войсках, принимавших участие в советско-финляндской войне.

К тому времени имя Александра Родимцева — героя Испании приобрело широкую известность в стране. Подтверждением этого является тот факт, что именно отцу было предоставлено право выступить с приветственной речью от имени Красной армии на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года.

В октябре 1940 года в судьбе моего отца вновь произошел крутой поворот. Ему предложили пройти обучение на оперативном факультете Военной академии командного и штурманского состава ВВС Красной армии. Это был период активного строительства воздушно-десантных войск, требовались командирские кадры, желательно с боевым опытом. Нужно было переквалифицироваться из кавалериста и пулеметчика в десантника. Отец начал осваивать то, о чем мечтал в детстве, — прыжки с парашютом. Тренировки шли с утра до вечера. Полученным после учебы значком инструктора-парашютиста отец гордился не меньше, чем другими своими наградами.

По окончании учебы полковник Родимцев был назначен командиром 5-й воздушно-десантной бригады, которая входила в состав 3-го воздушно-десантного корпуса. Части корпуса дислоцировались в Одесском особом военном округе, а штаб находился в городке Первомайске Николаевской области. Родимцев принял бригаду 17 мая 1941 года. В своих мемуарах отец писал о том, что ему пришлось внести серьезные изменения в обучение личного состава. Он видел, что основной упор делался на парашютную подготовку и десантирование, но опыт боев в Испании подсказывал ему, что этого недостаточно. Ведь после приземления десантник

должен сражаться на земле, на незнакомой местности, вероятнее всего, с превосходящими силами противника, а значит, бойцы должны не только отлично владеть всеми видами оружия, но и приемами рукопашного боя, маскировки, быть тактически грамотными и в наступлении, и в обороне. Несмотря на то что учеба продолжалась в мирное время совсем недолго, отцу и его помощникам удалось многому научить своих десантников.

Как рассказывал отец, в июньские дни 1941 года по многим приметам, не представлявшим, казалось бы, по отдельности ничего тревожного, складывалась картина некоего напряжения, неясной тревоги. Это и появление иностранных самолетов, прилетавших с запада и улетающих в том же направлении, и разговор с командующим Одесским военным округом генерал-полковником Я. Т. Черевиченко, в котором тот требовал выдержки, чтобы оттянуть начало надвигавшейся войны, и прибытие в штаб округа множества офицеров в полевой форме с чемоданчиками, с которыми побеседовал отец. Они выезжали в войска, стоявшие у западных границ.

Через несколько дней время, отпущенное на подготовку к войне, закончилось. Первые две недели после начала Великой Отечественной войны 5-я воздушно-десантная бригада Родимцева и другие части корпуса оставались на месте. Командование Юго-Западного фронта еще предполагало использовать эти соединения по прямому назначению — для десантирования в тылу врага. Однако очень скоро стало ясно, что воевать всем имеющимся войскам придется на земле, поскольку немецкая группа армий «Юг» стремительно наступала в направлении Киева. Несмотря на ожесточенное сопротивление советских войск в районах Луцка, Ровно, Дубно, где на протяжении нескольких дней не прекращалось крупное танковое

сражение, немцы прорвали оборону и в ночь на 11 июля вышли к предместьям Киева.

Девятого июля поступил приказ о переброске бригады Родимцева и еще двух бригад под Киев, в район Бровары — Борисполь. В начале августа десантники развернулись в боевой порядок и в ночь на 9 августа атаковали врага в Голосеевском лесу на окраине Киева. Удар свежих хорошо подготовленных частей оказался для гитлеровцев неожиданным. Отец так вспоминал об этих боях: «5-я бригада наступала! В августе 41-го года мы прошли с боями 15 километров, в среднем 800 метров в день. В августе! Кто участвовал в Отечественной войне, поймет, что значило для той поры идти на запад!»

Как показали дальнейшие события, войска Юго-Западного фронта оказались не в состоянии долго сдерживать противника, а тем более наступать. Они оставили город 17 сентября, а общая продолжительность Киевской стратегической оборонительной операции составила более 80 дней — с 7 июля по 26 сентября. И не вина защитников Киева, так же как и не вина командования фронта в том, что большинству из них пришлось заплатить слишком высокую цену за промедление с организованным отходом^[80]. В боях за Киев противник потерял десять дивизий, много танков и другой техники^[81]. Начальник Генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер назвал битву под Киевом «величайшей стратегической ошибкой в восточном походе». Откуда, казалось бы, такая суровая оценка? Ведь город был вскоре захвачен немцами. На этот вопрос ответил после войны немецкий генерал-майор Э. фон Буттлар, написав, что в результате упорного сопротивления Красной армии под Киевом «немцы потеряли несколько недель для подготовки и

проведения наступления на Москву, что, по-видимому, немало способствовало его провалу».

Безуспешные попытки овладеть Киевом вынудили немецкое командование внести коррективы в свои первоначальные планы. Захватившая плацдарм на левом берегу Днепра южнее Киева 1-я танковая группа Э. фон Клейста была развернута на север. Навстречу ей с севера на юг двинулись 2-я полевая армия и 2-я танковая группа Г. Гудериана, снятые с Московского направления. Это означало реальную угрозу окружения всего Юго-Западного фронта. Немецкие клинья должны были встретиться в районе Конотопа, захлопнув огромный «котел». Именно туда в конце августа был выведен в резерв 3-й воздушно-десантный корпус, вошедший в состав 40-й армии генерал-майора К. П. Подласа. Уже через несколько дней всему корпусу, включая и десантников Родимцева, пришлось пройти через такие испытания, которые еще недавно они и представить себе не могли. Слово «резерв» скоро никто даже не вспомнит: они оказались в настоящем пекле.

На 40-ю армию обрушился основной удар танков Гудериана. 3 сентября отец получил приказ командарма занять своей бригадой оборону на реке Сейм. Утром следующего дня ему позвонил командир корпуса полковник И. И. Затевахин и сообщил, что главные силы немцев, вероятнее всего, будут атаковать на участке его бригады, пообещав прислать на помощь роту танков. О том, в каких условиях им пришлось сражаться на этом рубеже, отец впоследствии вспоминал: «Я знал, что и у Затевахины, и у командующего армией, да, пожалуй, и у штаба фронта резервов нет. Рота танков — так рота танков. И на том спасибо!.. Начальник штаба бригады Борисов доложил: левее нас 21-я армия ведет тяжелые бои с превосходящими силами противника, а на нашем правом фланге образовался разрыв в 40 километров...

Меня не раз спрашивали, какой смысл было держать оборону нашей бригаде на главном участке прорыва танковых войск Гудериана, на Сейме, при более чем 30-кратном превосходстве противника.

Я обычно отвечал так:

— Во-первых, Гудериан нам не докладывал, что он будет наступать именно здесь. Во-вторых, есть суровые законы войны — стоять там, где тебя поставили. Даже если ты не уверен, что останешься жив. В-третьих, за два дня боя мы нанесли противнику значительный урон, уничтожив около двух тысяч солдат и офицеров и свыше 30 танков».

Восьмого сентября немцы наладили переправы через Сейм и их авиация принялась обрабатывать позиции бригады. По рассказам отца, такой ожесточенной непрерывной бомбежки они на себе еще не испытывали. Она продолжалась более четырех часов. Отец и несколько штабных офицеров оказались почти погребенными заживо в обрушенном блиндаже, задыхаясь в дыму и пыли. С огромным трудом им удалось выбраться из-под завала.

К утру следующего дня 3-я танковая дивизия В. Моделя и части 2-й полевой армии форсировали Сейм и двинулись на Конотопском направлении. Лавина танков и мотопехоты шла прямо на позиции бригады. Десантники дрались умело и бесстрашно, но их ряды таяли, и Родимцев ничем не мог помочь своим батальонам. Попытка сманеврировать имеющимися силами провалилась — под ураганным огнем на открытой местности бойцы не смогли пройти ни шагу. Отбивая непрерывные атаки, полностью погиб 4-й батальон капитана Пастушенко. Оборона на этом участке перестала существовать. И только после этого враг открыл себе дорогу на Конотоп. Отец вспоминал: «Колонна за колонной неслись в километре от нас танки 3-й дивизии Моделя в сторону Конотопа, навстречу

танкам Клейста. Следом за ними мчались бронетранспортеры и просто грузовые машины с пехотинцами. На оборону оставшихся в стороне других батальонов нашей бригады они не обращали внимания. Им было не до нас. Нами скоро займутся другие...»

Уже на следующий день немцы перерезали дорогу в тылу бригады. Они оказались окруженными с трех сторон, а еще с одной тянулся заболоченный лес. На КП позвонил командир батальона старший лейтенант Михайлов: «Товарищ полковник!.. Немецкие танки прорвались. Они идут на вас!» Выглянув из щели, отец прямо перед собой увидел четыре танка, без пехоты, которые шли на них. Положение было настолько критическим, что действовать приходилось быстро, надеясь лишь на выдержку и интуицию. Вместе с комиссаром они укрылись в крохотном блиндаже связистов. Заметив их, один танк въехал на блиндаж и начал ездить взад-вперед, пытаясь раздавить его. Но перекрытие выдержало. Тогда немец отъехал и стал целиться из пушки прямо во вход. Родимцев приказал немедленно покинуть укрытие. Они выскочили наружу и бросились на землю рядом с гусеницами танка. Раздался выстрел, но в блиндаже уже никого не было. Незамеченные, они добрались до батальона, который немцы атаквали в тот день меньше других.

Надо было решать — что делать? Отец вызвал для совещания начштаба В. А. Борисова и комиссара Ф. Ф. Чернышева. Отойти с оставшейся частью бригады без приказа сверху они не имели права. За это могли и расстрелять. Остаться на месте почти без боеприпасов, имея на руках около семидесяти раненых, означало погибнуть всем под гусеницами танков и огнем немецких автоматчиков. Они решили, что если их троих расстреляют, это будет лучше, чем гибель всей бригады. Выслушав мнения, отец принял решение на отход по

единственной разведанной узкой дороге на краю болота.

Они уходили по топкой грязи, порой сползая в болото, в кромешной темноте и в полной тишине. Застревавшие повозки с ранеными выносили на руках из трясины специально выделенные команды. К утру 10 сентября они вышли к намеченному месту, где, по их данным, оборонялись другие бригады корпуса. Узнав об этом, в бригаду Родимцева прибыли комиссар корпуса и начальник особого отдела. Как и предполагал отец, их обвинили в отходе без приказа командира. Однако вскоре приехал Затевахин, сообщивший всем, что он ночью послал к Родимцеву офицера с приказом на отход, но они, по-видимому, разминутись. И поблагодарил его за верные действия. К концу того же дня стало известно, что немцы прорвали фронт в полосе соседа справа, отрезав десантников от 40-й армии. Корпус в полном составе оказался в окружении. Бригада Родимцева заняла оборону у села Казацкое. Командир корпуса вызвал отца к себе в штаб, откуда он на легковой машине должен был вернуться в Казацкое. Никто не успел сообщить им, что за время его отсутствия немцы выбили наши части из села. Отец с водителем Мишей Косолаповым и начальником разведки Аракеляном ехали по узкой улице села, как вдруг Миша резко затормозил. Отец посмотрел вперед — примерно в ста метрах от них стояли в ряд немецкие бронетранспортеры и мотоциклы, площадь была полна солдат... О том, что было дальше, отец рассказывал так: «Спрятаться или развернуться было слишком поздно. Покинуть машину и отходить назад — тоже гиблая затея: по болоту далеко не уйдешь, немцы нас расстреляют или возьмут в плен. А медлить нельзя. Решение возникло мгновенно:

— Вперед, Миша. На полной скорости вперед!

— Ну, товарищ полковник, держитесь крепче, — прошептал он. — Теперь командовать буду я...

Машина рванула с места и, набирая скорость, выехала на площадь, в самую гущу немецких мотоциклистов. Метрах в десяти от бронетранспортера Косолапов круто развернулся влево, да так, что машина сделала вираж на двух колесах. На секунду показалось, что она опрокинется. Ударившись боком о плетень, мы влетели в ту же улочку и понеслись на полной скорости. Раздались выстрелы, но было уже поздно, мы успели отъехать метров на двести и крайние дома загородили нас».

Бои в районе Казацкого продолжались три дня. Немецкое командование решило покончить с ускользавшей из их рук, обреченной, как им казалось, бригадой. Танки и пехота врага с разных сторон ворвались в Казацкое и отрезали путь к лесу. Вырваться из горящего села, в котором танки крушили и утюжили все вокруг, казалось невозможным. Но десантники все же прорвались к лесу, так и не позволив уничтожить себя.

Отцу доложили, что в бригаде осталось около 700 человек. И это было еще хорошо, это была сила! 15 сентября он узнал, что немецкие войска замкнули кольцо окружения вокруг Юго-Западного фронта. Теперь, когда сбылись самые худшие опасения, им не нужно было разрешение вышестоящего командования на выход из окружения. Командир корпуса Затевахин собрал командиров бригад и комиссаров и объявил, что принял решение пробиваться единой колонной на соединение с нашими частями. Надо было пройти через села, занятые противником. С собой брали только артиллерию, боеприпасы, раненых и продовольствие. Головной шла 6-я воздушно-десантная бригада, менее всех пострадавшая в боях. Замыкали колонну подчиненные Родимцева.

Это был невероятный поход по вражеским тылам — они шли по открытой местности на глазах у противника! Немецкие регулировщики поначалу принимали колонну за свою часть. Они стояли в стороне от дороги, парализованные страхом, понимая, что будут уничтожены при попытке поднять тревогу. Гарнизоны противника, пытавшиеся их остановить, были разгромлены. Десантники захватили восемь грузовиков, в которых разместили раненых и уставших бойцов. Немцы бросили за ними в погоню танки и бронетранспортеры. Арьергард колонны то и дело был вынужден разворачивать свою батарею и вести огонь по наседавшему врагу. 19 сентября корпус подошел к линии фронта около станции Бурынь в 40 километрах к востоку от Конотопа, развернулся для боя и ударил по противнику с тыла. Не ожидавшие этого немецкие части были смяты, корпус вышел к своим.

Бывший член Военного совета 40-й армии бригадный комиссар И. С. Грушецкий вспоминал позднее: «5-й воздушно-десантной бригаде в первый год войны пришлось многое испытать: наступать под Киевом, отступать и... быть в окружении. А. И. Родимцев всегда принимал единственно правильное решение, и оно было смелым, мужественным...»

Выход из окружения целого корпуса с людьми, готовыми сражаться, с трофеями, со всеми штабами являл собой большой успех, особенно на фоне драматических событий, связанных с окружением Юго-Западного фронта. Чтобы представить, каких усилий, мужества и воинского умения потребовало от командиров и бойцов 3-го воздушно-десантного корпуса вырваться из гитлеровских клещей, достаточно привести данные о том, что в сентябре 1941 года во вражеском кольце оказалось 452,7 тысячи человек из состава Юго-Западного фронта. Это было крупнейшее с начала войны окружение советских войск. В общей

сложности из окружения пробились около 15 тысяч человек.

Опасность окружения, нависшую над Юго-Западным фронтом, в Генеральном штабе видели. Еще 29 июля начальник Генерального штаба РККА Г. К. Жуков, а в начале сентября уже новый глава Генштаба Б. М. Шапошников и его заместитель А. М. Василевский предлагали И. В. Сталину отвести войска на левый берег Днепра. Однако эти предложения Верховный главнокомандующий категорически отверг. Лишь 17 сентября командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос, получив, по его настоянию, письменное подтверждение приказа Сталина оставить Киев, отдал распоряжение окруженным армиям пробиваться на восток. К тому времени оборона наших войск уже рухнула. При выходе из окружения в бою неподалеку от местечка Лохвицы генерал Кирпонос погиб вместе почти со всем управлением фронта.

Соединение с основными силами 40-й армии не изменило характер боев, которые вели десантники Родимцева. Вместе с другими частями Красной армии они были вынуждены отходить на восток и сражались теперь на Курской земле. 20 суток непрерывного отступления, 300 километров тягостного пути в непогоду, под бомбежками, ежедневно отражая по несколько атак. Днем десантникам приходилось держать оборону, а ночью совершать марш на восток.

Двадцатого ноября 1941 года 3-й воздушно-десантный корпус был переименован в 87-ю стрелковую дивизию, а ее командиром был назначен полковник Родимцев. А 19 января 1942 года приказом наркома обороны, за успешные боевые действия в боях за Отечество и проявленные при этом стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за массовый героизм личного состава дивизия получила наименование 13-й

гвардейской. В мае 1942 года отцу было присвоено звание генерал-майора.

В конце марта дивизию Родимцева перебросили на Харьковское направление — в 28-ю армию генерал-лейтенанта Д. И. Рябышева в составе Юго-Западного фронта. 12 мая началось Харьковское сражение 1942 года. Советские войска прорвали немецкую оборону, продвинувшись за два дня вперед почти на 30 километров. Как вспоминал отец, разведчики его дивизии уже побывали на окраине Харькова. Однако, почувствовав подвох в действиях противника, советское командование приостановило наступление.

О проведении наступательной операции в районе Харькова летом 1942 года настояли командующий Юго-Западным направлением маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и член Военного совета Н. С. Хрущев. Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников и член Ставки ВГК Г. К. Жуков выступали против этого предложения, считая, что для столь крупного наступления недостаточно сил и резервов.

Планы советского руководства стали известны противнику, поскольку 22 апреля, из-за ошибки пилота, в плен попал командующий 48-й армией Брянского фронта генерал-майор А. Г. Самохин, имевший при себе директиву Ставки и оперативную карту Харьковской наступательной операции. 17 мая противник нанес мощный контрудар. С этого дня начались жестокие оборонительные бои, перешедшие затем в общее отступление всех соединений фронта. Выполняя приказ командарма, дивизия Родимцева удерживала свой рубеж почти до конца июня. В те дни не только в дивизии, но и в штабе армии еще не знали истинных масштабов катастрофы, постигшей советские войска в полосе Юго-Западного и Южного фронтов. Однако, по отрывочной информации, доходившей до них, характеру приказов, по данным о действиях соседних соединений,

а также противника, в штабе Родимцева чувствовали, что происходит нечто непредвиденное. В один из дней отцу доложили, что ни слева, ни справа наших частей нет. Из разговора с приехавшим к ним командармом Рябышевым подтвердилось то, о чем они уже догадывались, — не переходя в наступление, дивизия оказалась в глубоком тылу противника. Получив приказ на отход, дивизии удалось выскользнуть из «мешка», образовавшегося на этом участке фронта.

Отбиваясь от наседающего противника, дивизия Родимцева отступала вместе с другими соединениями. Это был очень тяжелый отход, в течение которого немецкие танки и мотопехота несколько раз отсекали отдельные батальоны и полки от основных сил. Штаб передвигался с одним из полков. В своих воспоминаниях отец отмечал, что июльские дни 1942 года были, пожалуй, одними из самых тяжелых в его жизни. Отход продолжался до самого Дона, где части и отряды 13-й гвардейской соединились в месте сбора. Знамя дивизии вынес на себе и доставил в штаб командир разведчиков Иван Подкопай.

В конце июля 1942 года 13-я гвардейская дивизия, сильно поредевшая после года непрерывных боев, но сохранившая ядро из десантников, была выведена в резерв для отдыха и пополнения в поселок Николаевск, неподалеку от Сталинграда на левом берегу Волги. Отец понимал, что передышка будет недолгой. Обстановка в районе Сталинграда осложнялась с каждым днем.

* * *

Во время так называемого «отдыха», продолжавшегося до 9 сентября, Родимцев и его помощники не знали ни минуты покоя. Надо было обучать пополнение, распределять людей, принимать

вооружение. Отец вспоминал, как с утра до ночи вместе с офицерами он выезжал на учебные поля и стрельбища, проводил занятия с комсоставом, следил за тем, чтобы всем досталось поровну и бывалых фронтовиков, и необстрелянных новобранцев. Ведь в конце июля в строю оставалось лишь около четверти штатного состава полноценной дивизии. Выбыли даже все командиры полков — трое по ранению, один погиб. Многие опытные солдаты и офицеры должны были вскоре вернуться в строй из госпиталей. Но, надеясь на их возвращение, надо было готовить тех, кто есть. Главной надеждой отца, ядром возрожденной дивизии являлись прошедшие с ним через все испытания десантники и курсанты военных училищ, прекрасно обученные и дисциплинированные. В боях они быстро становились настоящими командирами. Пополнили ряды гвардейцев и 700 призывников из Николаевска.

Генерал Родимцев хорошо понимал, что спрос с него будет еще строже, поскольку действовать 13-й гвардейской дивизии придется на фоне новой реальности. Впрочем, это относилось не только к нему. Прорыв немецких войск к предгорьям Кавказа, их быстрое продвижение по направлению к Сталинграду, потеря крупных промышленных центров привели к тому, что положение Советского Союза стало не просто тяжелым, а критическим. 28 июля 1942 года до армии был доведен Приказ наркома обороны № 227, вошедший в историю как приказ «Ни шагу назад!». В такой обстановке готовились к новым сражениям в дивизии Родимцева. Он быстро нашел общий язык с новым начальником штаба подполковником Т. В. Бельским и комиссаром М. М. Вавиловым. С этими смелыми, исполнительными и неунывающими людьми отец не только прошел Сталинградскую эпопею, но и сохранил с ними дружбу до конца жизни.

Каждый вечер отец рассматривал оперативную карту фронта, висевшую в штабе за шторкой на стене, на которую начальник разведотдела майор Бакай наносил последние данные. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять — основной удар противник наносит в направлении на Сталинград и быстро приближается к городу. 23 августа немцы прорвались к Волге севернее города, отрезав защищавшую его 62-ю армию от остальных войск Сталинградского фронта. Предугадать дальнейший путь дивизии было несложно.

В квартире, где в Николаевске проживал отец, у хозяйки Анны Петровны Можалиной было несколько икон. Когда отец впервые появился в этом доме, она спросила у него, не нужно ли перенести их на другое место. Отец ответил: «Зачем же их убирать, если они на месте? Я ведь тоже крещеный». Когда колонны солдат уходили из Николаевска в Сталинград, они проходили мимо дома, на крыльце которого стояла хозяйка с иконой Господь Вседержитель, благословляя бойцов и их командира. Отец был человеком своего времени, он понимал чувства верующих и знал, что среди бойцов и командиров их немало. Они шли мимо иконы, крестились, шептали молитвы, и никто не препятствовал этому и не одергивал людей.

Но была у отца накануне Сталинградской битвы еще одна незабываемая встреча, которая всколыхнула его память и оставила глубокий след в сердце. В середине августа отец выехал на рекогносцировку в район возможного размещения дивизии неподалеку от Сталинграда. Когда их машина в темноте соскользнула в кювет, солдаты из проходившей по дороге части подсобили и вытолкнули машину на шоссе. Вдруг отец услышал знакомый голос: «Что тут случилось?» Увидев подошедшего молодого офицера, отец воскликнул: «Рубен!» И в ответ услышал: «Салюд, камарадос Павлито! Товарищ генерал, это же невозможно! Такая

встреча!» Они крепко обнялись. В тот миг оба словно вернулись на пять лет назад — капитан Павлито и капрал Рубен Руис Ибаррури, сын генерального секретаря ЦК коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури. Только теперь капитаном Красной армии был Рубен, а Павлито — генералом. Это была их третья встреча, каждый раз случайная, но оттого еще более радостная и памятная. Стоя у края степной дороги, рядом с шагающими мимо них солдатами, они вспоминали свою первую встречу — под Мадридом у Листера. Тогда их встреча была недолгой, отец очень спешил, в тот день он уезжал домой. Вторая встреча с Рубеном случилась у отца в Москве за год до войны в стенах военного училища им. ВЦИК, в котором учился отец.

И вот они вновь рядом, теперь на одном фронте. На гимнастерке Рубена отец увидел орден Красного Знамени. Молодой испанец рассказал, что в бою на реке Березине он прикрывал со своим пулеметным взводом переправу, был тяжело ранен, его подобрала и на последнем танке вывезли с поля боя наши бойцы. Об этой встрече отец так написал в книге, посвященной Сталинградской битве: «Я был поражен таким совпадением. И Рубен, и я получили свои первые ордена Красного Знамени за бои с фашистами на водных рубежах, только он, испанский юноша, на исконно русской реке Березине, а я — на испанской реке Мансанарес». Отец, взволнованный этой встречей, не хотел отпускать дорогого друга и звал его к себе в дивизию. Но Рубен, поблагодарив отца, сказал, что он должен остаться со своими пулеметчиками, с которыми они воюют вместе с первых дней войны. Они расстались, пожелав друг другу удачи и с надеждой на новую встречу. Их следующая встреча произошла через 20 лет после окончания войны. Отец вспоминал: «Четвертая встреча с Рубеном Ибаррури состоялась весной 1965

года. Я пришел к нему в мирные дни, после митинга, посвященного разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом. На мраморной плите величавого памятника была прикреплена фотография. Ниже подпись: «Герой Советского Союза Рубен Руис Ибаррури, погиб смертью храбрых под станцией Котлубань». Здравствуй, Рубен! Вот мы и свиделись. Посмотри кругом: земля наша теперь свободна. То, о чем ты мечтал, сбылось, — коричневая чума уничтожена. Вечная память тебе, друг! Вместе с маршалами, генералами, офицерами и солдатами мне выпала честь возложить венок у памятника погибшим защитникам Сталинграда. Это и тебе, Рубен, наш венок».

Девятого сентября был получен приказ Ставки о передаче 13-й гвардейской дивизии в состав 62-й армии, которая сражалась уже на ближних подступах к Сталинграду, и на следующий день дивизия на машинах направилась в район сосредоточения в Средней Ахтубе. Прибыв на место, Родимцев явился с докладом к командующему Юго-Восточным фронтом А. И. Еременко и, получив от него указания о дальнейших действиях, приказал своим подчиненным готовиться к переброске через Волгу.

Положение защитников Сталинграда усложнялось с каждым днем, немцы бросили на штурм семь пехотных дивизий и сотни танков. 14 сентября противник прорвался в центр города, захватив несколько крупных зданий, откуда они получили возможность вести огонь по центральной переправе через Волгу. В тот же день они подошли к Мамаеву кургану (высота 102), а 15 сентября овладели этой высотой, с которой отлично виден весь Сталинград и левый берег Волги, а также обращенным к реке склоном кургана. Переправляться днем в этих условиях стало невозможно. О том, как оценивало сложившееся положение в районе Сталинграда Верховное командование, маршал

Советского Союза Г. К. Жуков, вспоминая разговор с И. В. Сталиным в Кремле вечером 13 сентября, писал:

«Вошел А. Н. Поскребышев и доложил, что звонит А. И. Еременко. Закончив телефонный разговор, Верховный сказал:

— Еременко докладывает, что противник подтягивает к городу танковые части. Завтра надо ждать нового удара. Дайте сейчас же указание о немедленной переброске через Волгу 13-й гвардейской дивизии Родимцева из резерва Ставки и посмотрите, что еще можно направить туда завтра, — сказал он А. М. Василевскому.

13, 14, 15 сентября для сталинградцев были тяжелыми, слишком тяжелыми днями. Противник, не считаясь ни с чем, шаг за шагом прорывался через развалины города все ближе и ближе к Волге... Сил с каждым часом оставалось все меньше».

Отец рассказывал, что В. И. Чуйков, назначенный накануне этих событий командующим 62-й армией, вспоминая день 14 сентября 1942 года, говорил, что будь у Паулюса в резерве хоть один батальон, он действительно вышел бы к Волге, захватив при этом центральную переправу. Настал критический момент сражения: немцы стремились во что бы то ни стало пробиться к Волге в центре города, а прижатая к реке, отрезанная от соседей армия Чуйкова должна была удержать плацдарм на правом берегу. В противном случае переправляться войскам, идущим на помощь, было бы просто некуда. В боевом распоряжении № 72 от 14 сентября 1942 года командующий 62-й армией приказал: «К 3.00 15.9.42 13-ю гв. сд переправить в г. Сталинград».

Задача, поставленная дивизии, гласила: 39-му гвардейскому стрелковому полку овладеть высотой 102, а двум другим — 42-му и 34-му очистить город по реке Царице. Один батальон было приказано передать в

распоряжение командующего 62-й армией. Как считал Родимцев, целью передачи этого батальона было использование его для охраны штаба 62-й армии, который находился в непосредственной близости от передовой.

Дивизия Родимцева начала переправу в центральную часть Сталинграда в ночь на 15 сентября. Перед ее началом у отца состоялся примечательный разговор с заместителем командующего фронтом генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым, отвечавшим за переброску дивизии. На просьбу отца дать еще один день на подготовку, завершение подвоза вооружений и боеприпасов, получение разведданных Голиков ответил, что в городе остались лишь отдельные очаги сопротивления и начинать переправу необходимо немедленно. Передавать данные о противнике некому, да и ситуация меняется ежечасно, поэтому любая информация сразу устаревает. Помочь обороняющимся артиллерией, в большом количестве сосредоточенной на левом берегу, также невозможно — никто толком не знает, где свои, а где чужие и где проходит передний край. Как вспоминал отец, только теперь обстановка на том берегу начала для него проясняться — медлить уже нельзя было ни часа.

Уже сама переправа дивизии через Волгу под огнем противника стала яркой страницей истории Сталинградской битвы. Отец всегда говорил, что это была не просто переправа, а форсирование широкой водной преграды под воздействием противника, причем без авиационного и артиллерийского прикрытия. Из резервуаров полыхающей нефтебазы горящая нефть растекалась по реке, превращая ее в поток огня. Надо было в буквальном смысле пройти сквозь огонь и воду!

К выбору батальона, который начнет переправу первым, отец отнесся очень серьезно. Он прекрасно понимал, как трудно придется именно тем, кто пойдет

первым, и как много будет зависеть от того, насколько удачными будут их действия. Еще за сутки до начала переправы он обсудил этот вопрос с командиром 42-го гвардейского полка полковником И. П. Елиным^[82]. Отец, хорошо знавший всех своих командиров батальонов, с удовлетворением отметил, что мнение Елина совпало с его собственным: первым в бой пойдет батальон под номером первым — старшего лейтенанта Червякова. Ему было приказано обозначить ракетами передний край.

Комбат Захар Червяков сражался на фронте с первых дней войны. Это был опытный, грамотный и смелый командир. Бойцы батальона были хорошо вооружены и экипированы. В подразделениях были автоматы, противотанковые ружья и пулеметы. Вместе с первыми частями начинали переправу минометчики и артиллерия — 45-миллиметровые противотанковые орудия. Родимцев понимал: для борьбы с танками этого мало, но вкупе с противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью для городского боя это было уже неплохо. Такими же опытными и подготовленными были командиры и бойцы других батальонов полка. Отец был уверен в этих людях.

Комдив лично руководил погрузкой бойцов и вооружений на катера, баржи и плоты. Едва первые из них отошли от берега, как с противоположной стороны по ним открыли огонь. Вскоре они скрылись из вида в дыму, окруженные водяными смерчами от снарядов и мин. О том, что первые отряды высадились на сталинградскую землю, стало понятно по непрерывной автоматной стрельбе, а чуть позже и по звукам выстрелов противотанковых ружей. Отец вспоминал, что он был озадачен: неужели немецкие танки подошли так близко к Волге в центре города? Или это его бойцы, увлекшись атакой, зашли слишком далеко, что могло обернуться неприятностями в условиях городского боя, да еще и ночью.

Вот что написал о событиях 15 сентября в Сталинграде Г. К. Жуков: «Перелом в эти тяжелые и, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской дивизией А. И. Родимцева. После переправы в Сталинград она сразу же контратаковала противника. Ее удар был совершенно неожиданным для врага. 16 сентября дивизия А. И. Родимцева отбила Мамаев курган».

Задача наступать и очистить от гитлеровцев центр города была поставлена изначально. Это был не случайный порыв, в этом состоял план боевых действий. Накопленный опыт предыдущих сражений подсказывал комдиву единственное решение в схватке с превосходящим противником в стесненном пространстве городских развалин — наступать, используя всю огневую мощь и свежесть своих частей. Просто занять оборону вдоль берега значило не только отдать инициативу врагу, но и обречь себя на гибель. Пассивная оборона уже не могла спасти положение.

Отец вместе со штабом дивизии переправился, когда стало уже совсем светло — около 10 часов утра 15 сентября. Несмотря на сильный обстрел, до другого берега добрались благополучно, лишь один офицер получил ранение. К этому моменту передовой батальон уже вел бой за здание вокзала. Родимцева и его штаб встретили представители НКВД Сталинградской области и провели в свою штольню у речного обрыва, откуда можно было связаться с Еременко. Здесь и расположился первый сталинградский командный пункт 13-й гвардейской. Связи с Чуйковым на тот момент у Родимцева не было.

Немцы, не ожидавшие такого удара, уже утром того же дня бросили в наступление против выбивших их из центра города гвардейцев до двух пехотных дивизий. Разгорелись схватки, переходившие в рукопашную, четыре раза в течение одного дня вокзал переходил из

рук в руки, но в конце концов остался за нашими бойцами.

Вскоре после прибытия Родимцева на свой командный пункт к нему прибыл связной от Чуйкова и передал его приказ — явиться на КП армии. Они отправились впятером — Родимцев, адъютант Шевченко, разведчик Войцеховский, автоматчик и связной. Весь путь им пришлось проделать под обстрелом и сильнейшей бомбежкой. Невредимыми дошли только отец и Шевченко. Связной и боец-автоматчик погибли, а тяжело контуженного разведчика пришлось оставить в воронке, чтобы подобрать его на обратном пути. Отец вспоминал, что, когда они добрались до места, вид у них был неприглядный. Это была первая встреча Родимцева с Чуйковым. Оглядев Родимцева, командующий армией произнес: «Вижу, товарищ Родимцев, вам досталось. Ну, что, прочувствовали обстановку в Сталинграде?» — «Вполне», — ответил комдив. Чуйков, вспоминая этот разговор, пишет: «Генерал-майор Родимцев доложил мне, что дивизия укомплектована хорошо, в ней около 10 тысяч человек. Но с оружием и боеприпасами плохо. Более тысячи бойцов не имеют винтовок. Военный совет фронта поручил заместителю командующего фронтом генерал-лейтенанту Голикову обеспечить дивизию недостающим оружием не позже вечера 14 сентября... Но гарантии в том, что оно прибудет вовремя, не было. Я тут же приказал своему заместителю по тылу генералу Лобову^[83], находившемуся на левом берегу Волги, мобилизовать всех своих работников, чтобы они собрали оружие в частях тыла армии и передали его в распоряжение гвардейцев».

Озабоченность командарма Чуйкова и генерала Родимцева положением с оружием в 13-й гвардейской отнюдь не означала, что бойцам дивизии нечем было воевать. Упоминание в мемуарах советских военачальников о трудностях с вооружением вызвало

появление в послевоенное время различных домыслов, не имеющих ничего общего с действительностью. Командующего 62-й армией интересовали точные данные о боевом составе прибывающих к нему соединений, включая все имеющиеся силы и средства. На основании этих данных Чуйков принял меры, направленные на изменение структуры вооружений 13-й гвардейской, исходя из тех задач, которые ей придется выполнять. Учитывая тяжелую ситуацию со снабжением, сложившуюся в районе Сталинграда в середине сентября, многие вопросы приходилось решать на месте, маневрируя имеющимися резервами. В этом и состояла одна из задач, стоявших перед командованием 62-й армии. Вот что пишет об этом военный историк А. В. Исаев в книге «Сталинград. За Волгой для нас земли нет»: «Согласно донесению о боевом составе 13-й гв. стрелковой дивизии на 13 сентября 1942 г., соединение насчитывало 9603 человека. На это количество бойцов и командиров имелось 7745 винтовок, 170 ППД и ППШ, 30 ручных пулеметов и 16 станковых пулеметов. Разница между числом людей и количеством личного оружия действительно составляла больше 1000 единиц. Но наименее укомплектованными оказываются вспомогательные подразделения. Так, в 11-й гв. автороте подвоза на 132 человека приходилось 59 винтовок. В полевой хлебопекарне на 69 человек было 27 винтовок. В стрелковых полках дивизии Родимцева 90 % бойцов и командиров имели винтовки или автоматы. Понятно, что винтовки не требуются командирам подразделений. Могут обойтись без винтовок расчеты артиллерийских орудий и тыловики, например, водители автомашин и коноводы... Одним словом, дивизия была неплохо укомплектована по меркам середины и даже конца войны... На этом фоне выглядит довольно странной забота Чуйкова об оружии, отсутствующем у хлебопеков дивизии Родимцева. Потом

на почве легкомысленных рассказов о нехватке вооружения появляются фильмы, подобные «Врагу у ворот», в которых бойцов бросают в бой в Сталинграде вовсе безоружными.

Однако рассказ Чуйкова все же имеет под собой некоторые основания. В худшую сторону от других соединений 13-я гв. стрелковая дивизия отличалась низкой комплектностью автоматическим оружием. В 13-й гв. стрелковой дивизии было 14 % от штатного количества [советской стрелковой дивизии] станковых пулеметов, 9 % — от количества ручных пулеметов, 26 % — от числа автоматов. Зенитных пулеметов в дивизии Родимцева не было вовсе...

На 15 сентября 13-я гв. стрелковая дивизия насчитывала 8009 человек, 5616 винтовок, 36 станковых пулеметов, 325 ручных пулеметов и 720 автоматов^[84]. Решение Чуйкова оказывается перед нами как на ладони. За счет внутренних резервов армии соединение было укомплектовано близко к штатам не винтовками, а автоматическим оружием. В городском бою плотность огня играет важную роль, и автоматы вместе с ручными пулеметами становятся востребованы как никогда. Также дивизия Родимцева была укомплектована противотанковыми ружьями: 13 сентября их было 89 штук, а 15 сентября стало 229 штук. Как мы видим, командующий 62-й армией внимательно отнесся к переданному ему соединению и постарался в максимальной степени приспособить его к уличным боям в Сталинграде».

Чуйков ознакомил Родимцева с положением в городе и поставил конкретные задачи. Он требовал использовать любую возможность для наступательных действий и навязывания ближнего боя, действуя небольшими штурмовыми группами. При использовании такой тактики важным было то, что немцы теряли свое преимущество в авиации и артиллерии: не имея точных

данных о том, где чьи войска, они не могли вести огонь по площадям. Кроме того, к такому характеру боев наши бойцы оказались лучше готовы, чем немцы. В своих воспоминаниях Чуйков написал об этом так: «Гитлеровцы не любили, вернее, не знали ближнего боя. Они его не выдерживали морально». А для Родимцева важным было то, что к этому готовы и обучены бывшие десантники — главная сила и опора его дивизии. Но на тот момент ни Чуйков с Родимцевым, ни кто-либо другой даже не представляли, какой размах примут бои в развалинах, в которых почти всегда будут брать верх советские солдаты. Несмотря на численный перевес войск противника, особенно в первые месяцы сражений в черте города, тактика штурмовых групп позволит нашим войскам переломить ход битвы в свою пользу.

Определенная командармом полоса обороны 13-й гвардейской дивизии оказалась довольно протяженной — от реки Царица на юге до Мамаева кургана включительно на севере. На замечание отца о том, что Мамаев курган еще нужно взять, командующий спокойно и твердо ответил: «Не сомневаюсь, возьмете!» Когда Родимцев уже собрался уходить, Чуйков неожиданно спросил его: «Как настроение, выполните задачу? Не пропустите врага к Волге?» Отец ответил дословно: «Я коммунист, уходить отсюда не собираюсь и не уйду». После этого он сказал, что ему стыдно будет сидеть на своем КП позади командного пункта армии. Но Чуйков заверил его, что после выполнения дивизией своей задачи он разрешит перенести КП вперед.

Такой была первая встреча этих людей, чьи имена будут навсегда слиты в истории Сталинградской битвы. В последующем их общение всегда проходило в спокойной, деловой манере, лишь порой отец чувствовал нервозность или жесткую настойчивость командующего, но это, как правило, было вызвано тяжелой боевой обстановкой. Отец высоко ценил и уважал командарма

Чуйкова, а тот, в свою очередь, всегда отмечал большую роль 13-й гвардейской и заслуги ее командира в спасении Сталинграда в самые трудные для города дни.

Спустя 30 лет после окончания войны В. И. Чуйков подарил моему отцу свою книгу «Сражение века» с автографом, в котором есть такие слова: «Если бы не 13-я гвардейская, то трудно сказать, что было бы в середине сентября 1942 года». Командарм имел все основания так считать, потому что появление дивизии Родимцева и стойкость, с которой она сражалась в центре города, сорвали планы и расчеты немцев. Чуйков вспоминал: «Не успели прибывшие ночью свежие части Родимцева осмотреться и закрепиться, как сразу были атакованы превосходящими силами врага. Его авиация буквально вбивала в землю все, что было на улицах... В боях 15 сентября противник потерял только убитыми свыше двух тысяч человек. В конце концов Паулюс бросил в бой все силы 2-й ударной группы. Две танковые, одна моторизованная и одна пехотная дивизии противника повели решительное наступление на левое крыло армии. И хотя противник был сильнее нас не менее чем в пятнадцать — двадцать раз, каждый свой шаг вперед он оплачивал дорогой ценой».

Начальник штаба 62-й армии генерал-майор Н. И. Крылов, вспоминая свой первый разговор с командиром 13-й гвардейской в Сталинграде, писал: «Родимцеву было тридцать семь лет, но на вид он казался моложе... Я не знал тогда того, что бить фашистов он начал под Мадридом и Гвадалахарой и Золотую Звезду Героя Советского Союза заслужил именно там.

От первой встречи с Родимцевым осталось впечатление, что это человек живого ума и быстрой реакции, очень собранный, уверенный в себе и в своих людях... А парашютный значок комдива напоминал, что в его дивизии есть и воздушнодесантники. Лишь немногие

бойцы этих бригад дошли до Сталинграда. И все же что-то от боевого стиля воздушнодесантников было и в стремительности, с которой гвардейцы ворвались на берег, и в напоре, с каким они развивали свой начальный успех, углубляясь в город. Воплощением молодого боевого задора предстал перед нами и сам комдив».

За событиями в Сталинграде следил, без преувеличения, весь мир, одни с надеждой, другие с готовностью после его падения присоединиться к фашистской Германии. Так случилось, что стратегические интересы сторон, решимость командиров, стойкость войск, амбиции глав государств, надежды советских людей на то, что враг будет в конце концов остановлен, — все свелось к одной географической точке на Волге.

В сентябрьские дни 1942 года Совинформбюро сообщало о продвижении наших войск на сотню-другую метров как о важном событии, влияющем на ход сражения. Взятие или потеря одного дома, а порой лишь нескольких этажей, переход на другую сторону улицы занимали в сводках воюющих сторон такое же место, как до и после этой битвы сообщения о продвижении на десятки километров и взятии крупных городов. Но кажущаяся малость успехов не означала второстепенность происходящего в Сталинграде. Напротив — это было свидетельством колоссального напряжения, высокой цены исхода битвы, когда с обеих сторон на карту поставлено все и победу может принести любой, даже самый незначительный на первый взгляд успех. Но защитники Сталинграда еще не знали, что они участвуют в сражении, которое предопределит исход всей Второй мировой войны.

Задачу взять Мамаев курган дивизия Родимцева выполнила на следующий день после переправы. Это сделали решительным штурмом два батальона 39-го

гвардейского полка майора С. С. Долгова при участии сводного полка 112-й стрелковой дивизии. Едва наши бойцы успели закрепиться на высоте 102,0, как 17 сентября утром, при сильной авиационной поддержке, противник перешел в контрнаступление силами до двух полков пехоты и сорока танков. Гвардейцы выдержали свыше 800 самолето-вылетов, отбив шесть атак. С того часа, когда полк Долгова взял Мамаев курган, и до окончания Сталинградской битвы за обладание этой высотой шло непрерывное кровопролитное сражение.

Вспоминая бои в Сталинграде, отец особо подчеркивал, что в первых рядах шли молодые солдаты и офицеры. Только молодые, хорошо обученные солдаты и командиры могли выполнить задачи, казавшиеся непосильными. Командиру передового батальона, сбросившего немцев с Мамаева кургана, Ивану Исакову было всего 20 лет! Он выжил и после войны стал полковником. Командиры рот — его ровесники, самому старшему в штабе батальона было 28 лет. Н. И. Крылов писал в своих мемуарах: «Молодой комбат действовал не только очень решительно, но и весьма расчетливо, а кое в чем — по-новаторски. Там, где это было выгодно, подразделения батальона продвигались вперед не перебежками, а цепью (а так как противник атаки не ждал... быстрое сближение с ним сократило наши потери). Умели бойцы Исакова и огонь вести на ходу. Такие тактические приемы тогда еще не предусматривались уставом, однако их подсказывала практика войны.

Все это могло служить своего рода аттестацией генералу Родимцеву: получив при доукомплектовании дивизии время на боевую подготовку, он смело вводил в практику обучения все то, что вынес из опыта первых военных месяцев».

Прошло менее двух суток с начала переправы 13-й гвардейской в Сталинград, а сделать удалось уже

немало. Со взятием Мамаева кургана все территории, имеющие выход к Волге, на участке обороны дивизии были отвоеваны у противника. Но все, чего добились гвардейцы, далось им очень непросто. Да, их стало меньше, но задачу удержать то, что отбито у фашистов, никто не отменял.

Пришедшие в себя после удара гвардейцев гитлеровцы начали штурм утерянных позиций не только на Мамаевом кургане, но и во всей полосе обороны дивизии Родимцева. В течение 17 сентября силами нескольких дивизий при поддержке не менее ста танков немцы атаковали 13-ю гвардейскую, пытаясь раздавить и сбросить ее в Волгу. Начались ожесточенные бои. Отец вспоминал, что осуществить организованное наступление, создать какую-либо группировку и нанести где-то удар не было никакой возможности. В течение 18, 19, 20 сентября одни и те же здания и улицы переходили из рук в руки. Сказать определенно, где проходила линия фронта, было нельзя.

Когда после войны моего отца спрашивали о том, какие моменты Сталинградского сражения запомнились ему более всего, он всегда вспоминал бой 22 сентября. Из описания событий этого дня в книге отца, посвященной Сталинградской битве, становится понятен истинный смысл и невероятно высокая цена сражения, происходившего у самой кромки волжского берега: «Бой, развернувшийся ранним утром 22 сентября на участке дивизии, по напряженности и потерям превзошел все предыдущие бои, которые пришлось вести гвардейцам в городе... Под непрерывным обстрелом пулеметов, артиллерии, танков, под бомбовыми ударами гвардейцы бились насмерть, отстаивая каждую улицу, дом, квартиру. Повсюду то и дело вспыхивали яростные рукопашные схватки.

Это поистине был ад. Я побывал не в одном сражении, но в такой схватке мне довелось участвовать

впервые. В этом бою, который даже ветеранов поразила своей ожесточенностью, гвардейцы проявляли чудеса выдержки и героизма. Главный удар гитлеровцы нацелили встык двух полков, чтобы разрезать нашу дивизию и уничтожить ее по частям.

И вот пришел такой момент, когда на одном из участков обороны погибли почти все бойцы и командиры. Пятнадцать вражеских танков и около двухсот автоматчиков прорвались в образовавшуюся брешь и вышли к Волге. Почти одновременно фашисты добились успеха на левом фланге полка в районе площади 9 января. Момент был критический. Возникла реальная угроза окружения полка и разобщения сил дивизии. На помощь бросили мои резервы — сводный батальон, собранный из подразделений тыла дивизии. Прорыв ликвидировали...»

Позже подсчитали, что в тот день части 13-й гвардейской отразили 12 танковых атак. Несколько немецких танков, прорвавшихся к самой Волге, так и остались стоять там сожженными. Вопрос — устоит или нет дивизия Родимцева — волновал в тот день не только ее командира, но и командование 62-й армии. Начальник штаба армии Крылов тоже запомнил это сражение, написав о нем: «Ликвидировать опаснейший прорыв на своем правом фланге и восстановить там в основном прежние позиции командир 13-й гвардейской дивизии сумел в условиях, когда продолжался тяжелый бой на других участках... И все это — в узкой полосе приволжских городских кварталов, где крайне осложнен любой маневр. Александр Ильич Родимцев, немало испытавший за войну, говорил потом, что бой 22 сентября остался для него самым напряженным».

Как вспоминал отец, ликвидировать прорыв удалось благодаря четкому взаимодействию 34-го гвардейского стрелкового полка майора Д. И. Панихина^[85] и 42-го гвардейского стрелкового полка полковника И. П. Елина.

Большая заслуга в том, что это было сделано, принадлежит связистам. Когда единственный телефонный провод между полками оказался перебит, на восстановление связи вышло отделение связистов из восьми человек во главе с их командиром Турубаровым. Передвигаясь по-пластунски, они отправлялись на линию один за другим. Последним вышел Турубаров. Ему повезло... Благодаря подвигу связистов оживали батальонные телефоны и стали возможны согласованные действия подразделений, окончившиеся дружной контратакой гвардейцев, отбросивших гитлеровцев от Волги.

В ходе сражения, развернувшегося 22 сентября, немцы овладели Г-образным домом и домом железнодорожников, расположенных недалеко от берега в центре обороны 13-й гвардейской, почти отрезав дивизию от 62-й армии. Под контролем гвардейцев оставалась лишь узкая полоска земли вдоль берега Волги. На левом фланге противник захватил здания Военторга, школы № 6 и ряд других важных опорных пунктов, с помощью артиллерии и штурмовых орудий «Штург» сильно разрушил «Дом Заболотного» на площади 9 января. Со стороны Госбанка по берегу Волги вплотную к КП дивизии прорвались немецкие автоматчики и забрасывали его гранатами. Охрана и офицеры штаба вместе с Родимцевым с трудом отбили эту атаку. Положение дивизии осложнилось до предела.

В ночь на 23 сентября КП и штаб 13-й гвардейской переместили в овраг Банный, а конце месяца, после очередного опасного проникновения немцев, пришлось перебраться в устье оврага Долгий в ливневый коллектор, сооруженный еще в 1870-х годах, получивший в дивизии название «труба». Казалось, что теперь руководить частями можно, не беспокоясь об угрозе неожиданного обстрела или налета, но штабное хозяйство поджидала новая опасность. Узнав о новом

расположении штаба, немцы устроили у себя запруду, а затем однажды ночью направили воду в коллектор. Родимцева со всем штабом смыло наружу — они выскакивали на берег Волги, едва успев прихватить с собой штабные документы и кое-что из имущества. Предвидя ситуацию, гитлеровцы начали атаку с той стороны, откуда было ближе всего до КП дивизии. Однако бойцы полка Пани-хина, находившегося на этом участке, наступление противника отразили. В середине октября КП и штаб разместились в блиндажах, оборудованных на склонах оврага Долгий. И хотя новое место находилось в непосредственной близости от переднего края, они просуществовали здесь около трех месяцев.

Перспектива вернуть в конце сентября утраченные позиции и выбить немцев из сильно укрепленных зданий в центре города перешла в разряд невыполнимых после того, как гитлеровцам удалось сокрушить оборону 92-й стрелковой бригады южнее реки Царица. На исход этих боев повлияло поведение командира и комиссара бригады, которые не организовали оборону и без приказа командования армии перевели свой КП с правого берега Волги на остров. Оба они были отданы под суд военного трибунала. Следствием этих событий для 13-й гвардейской стало то, что ее соседом слева до конца Сталинградской битвы были немцы, которые не только вышли к устью Царицы, но и продвинулись на северо-восток вдоль волжского берега на расстояние около двух километров.

Я хорошо помню, какой незаживающей раной стала для отца одна из драматических страниц сталинградской эпопеи 13-й гвардейской — трагическая судьба 1-го батальона 42-го гвардейского полка, того самого, который первым переправился через Волгу и много дней дрался в окружении в районе центрального вокзала. Спустя даже много лет после войны отец часто

возвращался к этому в разговорах с ветеранами дивизии, словно стараясь понять — все ли сделали они, что было в человеческих силах, чтобы помочь своим бойцам? На выручку батальона была направлена десантная группа, специальные отряды пытались прорваться к вокзалу самыми разными путями, но это оказалось невозможно, количество немецких войск в этом районе было слишком велико.

Отцу докладывали, что тяжело раненного в первый день боев командира батальона Червякова удалось отправить за Волгу, командование принял старший лейтенант Федосеев. Пробравшийся оттуда в двадцатых числах сентября с донесением израненный солдат сообщил, что оставшиеся в живых бойцы и командиры держат круговую оборону, идут рукопашные схватки. В один из октябрьских дней на левый берег Волги выбрался еле живой солдат, сообщивший, что первого батальона больше не существует. Все его бойцы и командиры до конца выполнили свой долг.

Главными причинами неудач и трудностей, с которыми столкнулась дивизия в первые дни в Сталинграде, Родимцев считал отсутствие опыта уличных боев, а также то, что в задачах, ставившихся дивизии и отдельным подразделениям, не учитывалось, что противник уже занял большую часть города. В результате этого немцы имели преимущество — они как захватили с первых дней многие важные опорные пункты, например дома специалистов, Госбанк, так и удерживали эти здания длительное время, несмотря на все попытки выбить их оттуда.

Среди многих эпизодов Сталинградской битвы, в которых прославились солдаты Родимцева, есть особенный даже по тем меркам — это оборона небольшого дома на площади 9 января, вошедшего в историю войны как «Дом Павлова». По воспоминаниям отца, в конце сентября он обратил внимание на

одиноким четырехэтажный дом, расположенный примерно в ста метрах от мельницы^[86], в которой находился наблюдательный пункт дивизии. О том, как далее развивались события, отец вспоминал: «Я спросил об этом доме Елина, тот — у командира третьего батальона капитана А. Е. Жукова, а последний — у командира роты старшего лейтенанта И. И. Наумова... Так случилось, что наши наблюдательные пункты разместились в одном здании, на мельнице, но на различных этажах... Мой НП был устроен на третьем этаже... Через несколько минут мне передали ответ Наумова, что нами этот дом не занят, но оттуда иногда стреляют и что, если ему разрешат, то он пошлет людей обследовать этот дом... Я разрешил Наумову сделать вылазку».

В ту же ночь группа из четырех разведчиков во главе с сержантом Я. Ф. Павловым выбила небольшой отряд немцев из здания и несколько дней удерживала его. Я хочу обратить внимание на одно обстоятельство, очень важное для понимания того, что означает понятие «настоящий солдат» и как из обычного ночного рейда произрастает подвиг. Сержант Яков Павлов не получал приказа удерживать дом, его группе было поручено лишь произвести разведку и доложить результат командиру. Выполнив задание, они могли вернуться к своим и ждать дальнейших распоряжений. И никто бы их ни в чем не упрекнул. Но Павлов был опытным бойцом, не только смелым, но и думающим. Ему была понятна мысль командиров — после разведки этот дом надо у немцев отбить, и чем быстрее, тем лучше. Так что же, теперь, когда дом был в их руках они должны из него уйти? Чтобы завтра снова пробираться сюда ночью, а может быть, и штурмовать, если немцы вернутся? Бросить на произвол судьбы около тридцати мирных жителей, которых они обнаружили в подвале дома? Это были старики, женщины, дети и среди них молодая

женщина с грудной девочкой. И Павлов принял решение остаться, занять оборону и держаться до прихода подкрепления.

Командир полка Елин доложил Родимцеву, что дом на площади атакует рота немцев, но по ним оттуда ведут огонь. Отец поначалу даже не поверил, когда узнал, что на задание послали всего четверых бойцов, которые, видимо, теперь и обороняются, уложив на подступах к нему уже несколько десятков немцев. Вскоре из этого здания сумел пробраться с донесением санинструктор Калинин, находившийся там вместе с двумя ранеными, и доложил, что он из дома Павлова. Такое обозначение объекта никого не удивило. Вот так и получилось, что скромный полуразрушенный дом приобрел имя, которое вошло в историю Великой Отечественной войны.

Как опорный пункт на переднем крае, дом имел исключительно важное значение. Из его окон гвардейцы держали под прицелом пулеметов все прилегающие улицы. На вопрос Елина: «Живы ли отправленные в дом разведчики?» — комбат Жуков отвечал: «Наумов докладывает, что огонь ведут все четверо». Лишь на третьи сутки боевая обстановка на этом участке позволила направить на подмогу разведчикам взвод из 22 человек во главе с лейтенантом И. Ф. Афанасьевым. 58 дней этот гарнизон из 26 гвардейцев удерживал дом, отразив сотни атак врага.

Родимцев бывал в «Доме Павлова», общался с бойцами, советовал, как лучше организовать оборону и снабжение. Он особенно интересовался пулеметчиками, среди которых выделял девятнадцатилетнего Илью Воронова. И в трудный час он проявил подлинный героизм. Когда немцы большими силами пошли на приступ, Воронов в упор расстреливал врагов и, несмотря на полученные тяжелые ранения, зубами вырывал чеки гранат и рукой, которой он еще владел,

бросал их в гитлеровцев. Истекающего кровью, его вынесли из дома и доставили в медсанбат, где врачи извлекли из его тела более двадцати осколков, а позже пришлось ампутировать ему ногу и кисть руки.

Командование 13-й гвардейской использовало любую возможность, чтобы помочь гарнизону «Дома Павлова». В один из дней дивизионная разведка обнаружила большое скопление бронетехники и пехоты неподалеку от площади 9 января. Стало ясно, что немцы готовят крупное наступление. Уточнив координаты немецких войск, готовых к атаке, штаб дивизии передал их на левый берег. Вскоре командование дивизии и гарнизон дома увидели, как «Катюши» отлично отработали по цели. Понесся серьезный урон, гитлеровцы вынуждены были отказаться от массированного штурма.

Среди защитников дома были воины десяти национальностей! Афанасьев называл своих бойцов «интернациональной бригадой». Отцу сравнение понравилось — это действительно было похоже на то, что он видел в Испании. Отмечу, что никто специально не отбирал этих людей по национальному признаку. Все они попали туда потому, что были проверенными в боях отличными бойцами — пулеметчиками, бронебойщиками, минометчиками. С различными заданиями и целями в доме побывали комбат Жуков и командир роты Наумов, санинструкторы, снайперы, а также кинооператор.

На личной карте генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса этот дом был отмечен как крепость. В 1940 году немецкие войска, и в их числе 6-я армия, за 36 дней разгромили бельгийские, голландские, основную часть французских и британские экспедиционные войска и без боя вошли в Париж. За 28 дней немцами была завоевана Польша. Но за два месяца одной из лучших в вермахте армии так и не удалось сломить сопротивление горстки бойцов — гвардейцев Родимцева! Отец вспоминал:

«Пленные немецкие разведчики считали, что его обороняет батальон. Об этом доме сначала узнала наша армия, потом вся страна и, наконец, весь мир. На его защитников равнялась вся дивизия, о нем слагали песни и легенды... Слава о защитниках этого дома не померкнет в веках».

Частым «гостем» в хозяйстве Афанасьева-Павлова был снайпер Анатолий Чехов, чье имя было уже известно далеко за пределами 13-й гвардейской. Отец вспоминал, как бойцы говорили о нем: «Чехов во всей полосе дивизии по фронту и на расстоянии видимости из оптического прицела заставил гитлеровцев не ходить, а ползать по-пластунски». За время Сталинградской битвы он уничтожил 265 солдат и офицеров противника, став одним из самых известных советских снайперов.

Перечень боевых дел 13-й гвардейской дивизии вместил в себя и многие другие образцы воинской доблести. Это прежде всего массовый героизм бойцов и командиров, оборонявших другие здания, превращенные в опорные пункты: «Дом Заболотного», названный так по имени командира взвода лейтенанта Н. Е. Заболотного, который держался до последнего человека до тех пор, пока немецкая артиллерия в конце октября полностью разрушила его и почти все защитники погибли под развалинами, а также дома специалистов и железнодорожников, «молочный дом». Не меньшие испытания выпали и тем, кто штурмовал сильно укрепленный гитлеровцами Г-образный дом, кто до конца дрался в развалинах других последних домов у самой Волги, кто сражался на Мамаевом кургане.

Среди тех, кто хочет знать, как было на войне на самом деле, есть немало скептиков, считающих, что правда о войне у солдата и генерала разная, потому, что они видят ее по-своему — один из окопа, а другой со своего наблюдательного пункта. Однако в том, что касается Сталинградской битвы, этого различия нет.

Воспоминания о ней генерала и солдата отличаются лишь мерой ответственности каждого за исход сражения, а правда о том, что им довелось увидеть и пережить, у них одна, потому что все они каждый день были рядом — на клочке земли под непрерывным огнем врага. И каждый боец хоть раз, но видел Родимцева на переправе, в своей траншее, в окопе, в развалинах дома, который он защищал, и знал, что его комдив где-то рядом, что он такой же смертный и что у них общая цель и судьба.

Двадцать восьмого сентября Директивой Ставки ВГК было упразднено единое командование Юго-Восточного и Сталинградского фронтов. 30 сентября Сталинградский фронт был переименован в Донской (командующий К. К. Рокоссовский), а Юго-Восточный — в Сталинградский (командующий А. И. Еременко), в связи с чем 62-я армия получила возможность сосредоточиться на оборонительных действиях. Наступательные задачи, и то ограниченные, получила только дивизия Родимцева, которая должна была удерживать занимаемый район и действиями мелких штурмовых групп уничтожать противника в захваченных им зданиях, продолжая освобождать новые кварталы. На тот момент в 13-й гвардейской стрелковой дивизии было 6888 человек, из них в Сталинграде 3973 человека, а вся артиллерия и тылы на левом берегу.

В конце сентября сражение в Сталинграде стало приобретать все более позиционный характер. Обе стороны старались закрепиться на занимаемых рубежах, превращая каждый дом в опорный пункт, а некоторые — в настоящие крепости. Это были дни и ночи боев в домах, в развалинах, на земле и под землей. И здесь на первый план вышли штурмовые группы, ставшие главным и очень эффективным средством борьбы с немецкими войсками, имевшими численный перевес.

О невероятном напряжении этих боев отец в своих воспоминаниях писал: «Ночной бой в здании — самый тяжелый бой. Мне он знаком по боям в Университетском городке в Мадриде. Здесь нет понятия — передний край, фронт, тыл, фланги. Противник может быть повсюду — этажом выше, ниже, вокруг. Здесь, как нигде, в тесном единении уживается рукопашная схватка с огнем. Чутье, находчивость, смелость, скорее дерзость решают исход боя. Шорох? Кто там? Свой? Чужой? Как узнать?.. Решай быстро! Быть может, на решение отпущено вот это мгновение, быть может, десятая доля секунды отделяет от бесшумного броска гранаты или удара ножом...»

В этих боях, проходивших среди городских развалин, где зачастую было трудно понять, где свой, а где чужой, оказались востребованы навыки десантников, которым обучали всех бойцов дивизии, — умение вести бой в окружении, врукопашную, днем и ночью, владение всеми видами оружия, выносливость и взаимовыручка. Именно эти качества гвардейцев Родимцева уравнивали шансы, когда им приходилось сражаться с превосходящими силами противника, позволяли не просто выжить в аду Сталинграда, но и уничтожать врага.

В связи с приходом 21 сентября в Сталинград 284-й дивизии полковника Н. Ф. Батюка Родимцев обратился к Чуйкову с просьбой сменить свой 39-й полк, сражавшийся на Мамаевом кургане и оказавшийся в зоне действия других соединений, и вернуть его в полосу обороны 13-й гвардейской. В ночь на 1 октября полк был смнен, и Родимцев перебросил его на свой левый фланг с задачей удержать центральную переправу и не дать противнику прорваться к Волге. В ходе дальнейших боев на Мамаевом кургане немцам удалось потеснить наши части с вершины, и они вновь получили возможность полностью простреливать водное

пространство Волги. Боевые действия на Мамаевом кургане прекратились лишь 26 января 1943 года.

Способность солдата сражаться зависит не только от его выучки и оружия, которое ему дано. Люди нуждаются в моральной поддержке, в любой, хотя бы самой малой психологической разрядке. На эту тему у отца состоялся разговор с комиссаром М. М. Вавиловым, который рассказывал мне об этом: «Однажды Александр Ильич поделился со мной своим наблюдением: он сказал, что слышит иногда в разных местах, как поют солдаты, значит, есть у людей потребность отдохнуть душой. Он предложил мне подумать о том, чтобы сколотить самодеятельную группу для поднятия духа бойцов. Мы начали искать во всех подразделениях таланты».

Сколько же талантливых людей удалось найти в дивизии — певцов, музыкантов, плясунов, сочинителей! Эти люди много раз выступали в землянках и блиндажах у переднего края. Самый большой концерт самодеятельных артистов состоялся на КП дивизии 7 ноября 1942 года. Именно эту дату Гитлер назначил Паулюсу как очередной «окончательный» срок взятия Сталинграда. В Берлине были заготовлены клише для газетных заголовков об этом событии. Но гвардейцы не знали об этих приготовлениях и требованиях фюрера, и в тот день у всех бойцов был особый настрой. Ни на одном участке немцы не смогли ничего добиться в бесплодных попытках хотя бы сдвинуть с места вросших в сталинградские руины и волжский берег ее защитников. Слова эти в данном случае следует понимать буквально: в ноябре глубина обороны от берега Волги до переднего края в полосе 13-й гвардейской дивизии составляла в некоторых местах 200–250 метров. Даже далеким от военной науки людям понятно, что это значит.

Отец вспоминал, что следующий концерт их самодеятельности для однополчан состоялся в новогоднюю ночь, когда они встречали 1943 год: «В ту ночь мы поздравляли друг друга с Новым годом и с победой, знали — она близка. Наши артисты пели и плясали. Встречу 1943 года забыть нельзя!» Участником этого события был и друг отца поэт Евгений Долматовский. Он вспоминал: «Встреча Нового года у Родимцева состоялась в бетонной трубе командного пункта. В Сталинграде в эту ночь было сравнительно спокойно... Генерал Родимцев отвел на «новогоднее мероприятие» полтора часа. Он был радостен и хорош в ту ночь — скоро победа. В какой-то момент он распечатал коробку папирос «Казбек» и стал всех угощать».

Двадцать третьего ноября 1942 года 62-я армия перешла в наступление. Полки 13-й гвардейской наступали в направлении железнодорожного вокзала и улиц, прилегающих к центру города. Однако в условиях ограниченного пространства и созданной противником сильной обороны продвинуться вперед удалось не везде. В тот же день пошли в наступление и защитники «Дома Павлова». Во время атаки на укрепленные немецкие позиции был ранен Яков Павлов и многие другие бойцы из гарнизона этого дома. При штурме «молочного дома» в районе площади 9 января погиб командир роты И. И. Наумов.

В ходе наступательных боев удалось освободить от врага всего несколько кварталов, после чего части 13-й гвардейской перешли к обороне новых и прежних участков. Главным вкладом подчиненных Родимцева в общее наступление армии явились активные действия небольших групп, а также обстрел укреплений противника всеми видами дивизионной артиллерии и других огневых средств с целью сковать действия

неприятеля, не позволить немцам перебросить войска на другие направления.

Лишь в начале декабря, после нескольких безуспешных попыток, удалось отбить Г-образный дом и дом железнодорожников, что значительно улучшило позиции 13-й гвардейской и ограничило возможности гитлеровцев вести огонь по Волге. Чтобы захватить дом железнодорожников, в течение двадцати дней саперы 8-го гвардейского саперного батальона проделывали подкоп длиной около 50 метров на глубине пяти метров, заложив под здание три тонны тола. Остававшиеся в живых после штурма зданий гитлеровцы прятались в подвалах. Их уничтожением занимались огнеметчики и саперы, подрывавшие внутренние перекрытия. Однако такие тактически важные объекты на берегу, как Госбанк и дома специалистов, продолжали оставаться в руках немцев до января 1943 года.

Десятого января 1943 года 13-я гвардейская, передав свой участок обороны другой части, получила приказ сосредоточиться в километре к югу от завода «Красный Октябрь» и 17 января перешла в наступление, которое продолжалось до 25 января. Утром 26 января северо-западнее Мамаева кургана передовые отряды 34-го полка увидели, как с запада в их сторону движутся знакомые силуэты «тридцатьчетверок» и одетая в белые маскхалаты пехота. Это шли войска Донского фронта, прорвавшие вражескую оборону. Им было очень непросто это сделать, но они знали, что их боевым товарищам в Сталинграде еще тяжелее. Первыми, кого встретили воины 13-й гвардейской, были бойцы 52-й и 51-й гвардейских стрелковых дивизий полковника Н. Д. Козина^[87] и генерал-майора Н. Т. Таварткиладзе^[88]. Мой отец, стоя рядом с командиром полка Панихиным, видел, как, пройдя последние метры навстречу друг другу, в заснеженных просторах на краю Сталинграда

как родные обнимались и не стеснялись своих чувств советские солдаты и командиры.

Для 13-й гвардейской боевые действия в тот день еще не закончились. Дивизия продолжала всеми имеющимися силами вести упорные бои у южной части заводов «Баррикады» и Сталинградского тракторного (СТЗ), которые завершились только 2 февраля — в день окончательной победы в Сталинградской битве!

Уходя из Сталинграда на запад, воины 13-й гвардейской дивизии оставили на каменной стене у берега Волги надпись, которая сохранилась до наших дней: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева. Выстояв, мы победили смерть». Когда после войны воинов 13-й гвардейской дивизии спрашивали о том, какова была роль комдива в Сталинграде, они отмечали его твердость, решительность, личную смелость, заботу о подчиненных и подчеркивали, что больше всего они боялись подвести своего командира, не выполнить приказ. В боевой обстановке людям было не до оценок и красивых слов. Но личность комдива, находившегося в гуще событий, оставила след в сердцах многих солдат и командиров 13-й гвардейской. Они писали и рассказывали о том, каким его видели, знали и запомнили. Комиссар дивизии М. М. Вавилов сказал о Родимцеве так: «Да, он был бесстрашен и храбр, на редкость хладнокровен в минуты смертельной опасности. Все это так. Но Александр Ильич обладал чертой характера, без которой не может быть истинного военачальника: он был душевно отзывчивым, щедрым к своим подчиненным. В дивизии генерал Родимцев не только хорошо знал многих командиров и бойцов. Важно другое: он знал, кто на что способен. Знал и смело поручал необходимое задание. Характер командира стал характером тринадцатой гвардейской».

Командир 39-го гвардейского стрелкового полка С. С. Долгов писал: «Мне часто приходилось общаться с

ним в боевой обстановке, которую он всегда знал досконально, зачастую и лично появлялся на самых опасных участках фронта. Он был смел, решителен, требователен к себе и подчиненным. Александр Ильич был прекрасным человеком и замечательным военачальником, его любили и уважали подчиненные».

Яков Павлов, которого комдив Родимцев представил к званию Героя Советского Союза, получил Золотую Звезду только в апреле 1945 года. Надолго застряли где-то в штабах его наградные бумаги. Человек сдержанный и немногословный, Павлов вспоминал: «Александр Ильич Родимцев находился всегда с нами в боевых порядках. Он ободрял уставших, выдвигал способных, награждал отличившихся. Железная воля, высокое боевое мастерство, мужество, отвага в бою, отеческая забота о солдате — все это создало ему громадный авторитет. Каждый солдат и офицер, не колеблясь, шли за своим комдивом».

А вот что вспоминал о Родимцеве рядовой И. А. Займенцев: «В Сталинграде я 101 день сражался у «Дома Павлова». Своего командира дивизии видел не один раз: и у мельницы, и у переправы. Это был мужественный, талантливый командир, очень общительный с личным составом — от офицеров до рядовых бойцов. Мог подбодрить, пошутить, особенно с ранеными. Было в нем что-то от Суворова — талант, смекалка. Не преувеличивая пишу, каким его помню».

Сослуживцы отца рассказывали мне историю, случившуюся в период Сталинградской битвы. Однажды к Родимцеву обратился солдат и показал ему письмо из дома. Его пожилые родители писали, что изба у них совсем развалилась, а починить и помочь некому. Боец сказал, что его родное село совсем рядом, и попросил у комдива отпуск на три дня. Родимцев отдал распоряжение оформить солдату отпуск, несмотря на доводы офицера штаба, что на основании таких-то

приказов делать это нельзя. Отпуск был дан, боец вернулся в часть в срок, все обошлось. В дивизии узнали об этом поступке комдива... со слов этого солдата! Этот случай, так же как частое появление Родимцева на передовой, внимание к нуждам своих бойцов, о чем рассказывали многие ветераны, высоко поднял его авторитет в солдатской среде.

Очень емко и искренне написал об отце, уже после его кончины, маршал Советского Союза В. И. Чуйков: «Я познакомился с Александром Родимцевым 15 сентября 1942 года в Сталинграде, когда решалась судьба города. Он пробыл в Сталинграде до 2 февраля 1943 года. На левый берег не уходил и все время находился в ста — ста пятидесяти метрах от переднего края. Родимцев был обыкновенный, как все, и чуточку необыкновенный. Добрый к друзьям, но непримиримый к врагам своего народа. Бесхитростный и смекалистый, вокруг пальца не обведешь. Простодушный, сердечный, кремень, хоть огонь высекай. Покладистый и гордый, обидишь зря — не простит. Это был самородок народный!»

Известный британский историк Энтони Бивор в своей книге «Сталинград» написал о генерале Родимцеве эмоционально и со знанием его военной биографии: «Преждевременно поседевший интеллектual и юморист Родимцев был человеком, открыто смеющимся над опасностью. Во время войны в Испании, где он был больше известен как «Павлито», Родимцев служил советником и сыграл не последнюю роль в битве за Гвадалахару в 1937 году. Солдаты, служившие у Родимцева в подчинении, считали его настоящим героем и больше всего боялись, что их переведут служить к другому командующему... Выжившие к концу Сталинградской битвы [бойцы 13-й гвардейской дивизии] говорили, что их решимость исходила только от Родимцева».

Как рассказывали ветераны, они гордились тем, что их комдив — Герой Советского Союза. Это еще сильнее укрепляло их веру в своего командира. Отец, отвечая однажды на вопрос журналистов, чем был для него Сталинград, ответил: «Это как второй раз родиться...»

Слава о подвигах бойцов 13-й гвардейской дивизии сыграла с отцом недобрую шутку. Военный совет 62-й армии представил его к ордену Суворова 2-й степени, но потом неожиданно отменил свое решение. В рассекреченных документах ФСБ РФ имеется сообщение начальника 2-го отдела 3-го управления НКВД СССР, комиссара госбезопасности 3-го ранга В. Р. Ильина от 5 марта 1943 года, в котором он, в частности, пишет: «Некрасиво выглядит поведение Военного совета 62-й армии по отношению к Герою Советского Союза генералу Родимцеву, командиру 13 гвардейской дивизии.

ВС 62 представил Родимцева к ордену Суворова, а потом прислал в штаб Донского фронта телеграмму с отменой представления. Родимцев — почти единственный командир соединения, не награжденный за Сталинград».

Кинооператор Р. Кармен говорит: «С Родимцевым делают странные вещи... хотя он, как герой, выходит за рамки обычного командира дивизии».

В боевой характеристике, подписанной командующим 62-й армией В. И. Чуйковым и членом Военного совета К. А. Гуровым, отмечается: «Как командир дивизии т. Родимцев выделяется из состава командиров дивизий действующих на фронте армии не только твердыми волевыми качествами, но и как оперативно грамотный в тактическом отношении командир».

Причина неуклюжих действий в отношении моего отца по вопросу о награждении кроется в том, что некоторые военные чины болезненно восприняли

всемирную известность, которую приобрели 13-я гвардейская и ее командир. Но главное, конечно, в том, что вскоре это недоразумение исправили, и отец был награжден орденом Кутузова 2-й степени.

Большинство людей, с которыми мне приходилось беседовать об отце, были уверены, что вторую звезду Героя Советского Союза он получил за Сталинград. Но на самом деле он был удостоен вторично этой высокой награды в 1945 году, как написано в Указе Верховного Совета СССР, «за умелое руководство войсками при форсировании Одера и в ряде других операций на завершающем этапе войны». Однако самым важным для отца явилось то, что в представлении его к присвоению звания дважды Героя Советского Союза, подписанном в феврале 1945 года, есть и слова о его участии в Сталинградской битве: «Будучи командиром 13 гв. стр. дивизии, в исключительно тяжелой обстановке, сложившейся под Сталинградом, тов. Родимцеву пришлось решать сложные боевые задачи. С самого начала обороны до момента перехода наших войск в наступление части дивизии стойко удерживали занимаемые позиции в районе Сталинграда. Дивизия под руководством Родимцева наносила тяжелый урон противнику, беспощадно уничтожая его живую силу и технику. Благодаря личной храбрости, стойкости и умелого руководства генерала Родимцева части дивизии не отступили ни на шаг, отстояв тем самым город Сталинград».

Но была еще одна — особая награда, которой отец гордился, пожалуй, не меньше, чем орденами. Она была ему дорога тем, что с ней он навсегда остался в одном строю со своими боевыми товарищами, заслужившими ее, — медаль «За оборону Сталинграда».

На волне неубывающего интереса к теме Второй мировой войны за рубежом появляются труды, в которых их авторы, манипулируя цифрами, стремятся принизить

нашу победу, фальсифицируют результаты войны. Так, в книге британского историка Джеффри Робертса «Победа под Сталинградом»^[89] утверждается, что дивизии, оборонявшие Сталинград, «были стерты с лица земли». Он, в частности, пишет, что в 13-й гвардейской к концу битвы в строю осталось 320 человек. Его не смущает даже простое обстоятельство — каким образом такое количество людей, в число которых входит командование и все вспомогательные подразделения, могло оборонять фронт в центре города длиной в несколько километров? И затем перейти в наступление!

В донесении командующему 62-й армией № 118 от 8 декабря 1942 года, подписанном командиром дивизии Родимцевым и начштаба Бельским, сообщается: «На 4.12.42. личного состава в дивизии насчитывается 4765 чел.». В сборнике «Полководцы Сталинградской битвы», подготовленном коллективом музея-панорамы «Сталинградская битва» в 2007 году, указывается, что на момент окончания сражения в составе 13-й гвардейской было 4185 человек.

В наше время, когда исторические факты об участии сталинградских дивизий, созданных из воздушно-десантных корпусов и других наиболее боеспособных частей Красной армии, в сражениях Второй мировой войны широко известны, очевидная истина состоит в том, что это лучшая армия вермахта — 6-я полевая — вместе с войсками сателлитов Германии была стерта с лица земли Красной армией. А сталинградские дивизии, которые Генеральный штаб распределил по разным фронтам, до самого конца войны считались наиболее боеспособными и стойкими. Они дошли до Берлина, в чем и расписались на стене Рейхстага — «Мы из Сталинграда!». И дошли до Эльбы и Праги.

После Сталинграда отец получил короткий отпуск, который он провел в Москве с семьей. В Наркомате обороны ему сообщили о назначении его 17 апреля 1943 года на новую должность — командира 32-го гвардейского стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии А. С. Жадова. Отец был знаком с генералом еще до войны и обрадовался этой новости. Его настроение еще более улучшилось, когда он узнал о том, что 13-я гвардейская войдет в состав его корпуса.

В начале мая 1943 года 5-я гвардейская армия, закончив формирование, по указанию Ставки начала переброску в район западнее Старого Оскола, где готовился новый оборонительный рубеж Степного военного округа, который при первой же необходимости мог быть преобразован во фронт. Что и произошло 9 июля. Во главе войск фронта был поставлен генерал-полковник И. С. Конев. С этого времени и до конца войны мой отец воевал под его руководством в составе Степного, 2-го и 1-го Украинского фронтов. Войска готовились к предстоящим битвам. Сюда, в район Курска, где ожидалось главное сражение летней кампании 1943 года, советское командование стягивало лучшие соединения.

Курская битва началась 5 июля 1943 года, а 10 июля 5-я гвардейская армия временно перешла в подчинение Воронежского фронта, отражавшего наступление немцев на южном фланге обороны советских войск, и заняла рубеж на реке Псел с задачей не допустить дальнейшего продвижения противника на север и северо-восток. К этому времени войска вермахта уже сумели вклиниться в нашу оборону на глубину до 35 километров.

Совершив 140-километровый марш, 11 июля 32-й гвардейский стрелковый корпус вышел на северный берег Псела на участке Обоянь — Ольховатка на правом фланге армии. События развивались столь

стремительно, что, не успев занять оборону, корпус был вынужден вступить в бой с наступавшим противником. В ходе контрудара советских войск 12 июля и встречного танкового сражения у Прохоровки, а затем в ожесточенных боях, продолжавшихся до 17 июля, 5-я гвардейская армия участвовала в отражении атак танковых дивизий СС «Мертвая голова» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и других элитных частей противника.

Третьего августа войска 5-й гвардейской армии начали наступление на Белгород, который был освобожден 5 августа. В течение 6 и 7 августа 32-й гвардейский стрелковый корпус во взаимодействии с другими соединениями и танкистами генерал-лейтенанта М. Е. Катуква завершили разгром Томаровско-Борисовской группировки противника. Немецкие войска потеряли свыше пяти тысяч убитыми и около двух тысяч пленными. Было захвачено 40 исправных танков и большое количество другой боевой техники. 23 августа войска Степного фронта освободили Харьков.

В сентябре 1943 года части корпуса Родимцева участвовали в освобождении Полтавы. Среди первых советских соединений, ворвавшихся в город 22 сентября, была 13-я гвардейская дивизия, получившая за проведенную операцию почетное наименование «Полтавская». В этих боях был смертельно ранен командир 34-го гвардейского полка подполковник Д. И. Панихин, который прошел с Родимцевым всю Сталинградскую битву.

Двадцать восьмого сентября части 5-й гвардейской армии вышли к Днепру около Кременчуга и на следующий день вместе с частями 53-й армии освободили его. В эти дни отцу сообщили еще одну печальную весть — погиб ветеран 13-й гвардейской, командир разведроты гвардии капитан Иван Подкопай.

Он воевал под началом отца в 5-й воздушно-десантной бригаде под Киевом, а во время отступления в 1942 году Подкопай спас Боевое знамя соединения и вынес его на себе. 22 февраля 1944 года посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Семнадцатого января 1944 года А. И. Родимцеву было присвоено звание генерал-лейтенанта. Продолжая боевые действия на Правобережной Украине, его корпус принимал участие в штурме Восточного вала на Днепре, Александрийско-Знаменской, Кировоградской и, частью сил, в Корсунь-Шевченковской операции. Дороги войны привели корпус в Первомайск — город, в котором отца и его десантников застала война. Отец вспоминал: «22 марта 1944 года части нашего корпуса освободили город... Я разыскиваю домик, в котором когда-то размещался штаб бригады. Когда я открываю дверь и вхожу в знакомую комнату, мне уже чудится, будто я отлучался на какие-то часы. Нет, не просто было переступить этот порог: к нему привел долгий и трудный путь, и если мы уходили на восток с тоской и горечью в сердце, — теперь познали высокую радость наступления, выстраданное, взятое с боя, заслуженное торжество побед». В тот же день, несмотря на сложные погодные условия и совершенно непроходимые дороги, все дивизии армии вышли на восточный берег Южного Буга. Затем, в неимоверно трудных условиях весенней распутицы 1944 года, 5-я гвардейская армия осуществила выход в Молдавию, форсировала в середине апреля на подручных средствах Днестр и захватила плацдарм на его правом берегу.

В начале августа 1944 года 5-я гвардейская армия, находившаяся в резерве 1-го Украинского фронта, получила задачу выдвинуться на Сандомирский плацдарм на реке Висле, где уже сражались наши войска. Части, которыми командовал Родимцев, вновь отличились стойкостью и умением в боях на этом

плацдарме. Маршал Советского Союза И. С. Конев написал об этих событиях так: «5-я гвардейская армия была введена в сражение в самый напряженный момент операции, когда шла острая борьба за удержание и расширение плацдарма на Висле и отражение массированных танковых атак противника. 13 августа силами четырех танковых и одной моторизованной дивизий противник нанес удар... Однако вражеский танковый таран напоролся на противотанковую оборону и стойкость войск 5-й гв. армии, которая имела большой боевой опыт, приобретенный в Сталинградской битве и на Курской дуге». Друг Родимцева поэт Е. А. Долматовский в своих воспоминаниях о нем написал: «Разве можно было столкнуть в Вислу тех, кого не удалось столкнуть в Волгу!»

Пройдя с боями по Южной Польше, 32-й гвардейский корпус вышел к Одеру. Форсирование Одера, по воспоминаниям отца, явилось одним из самых тяжелых и упорных сражений заключительного этапа войны. Немецкое командование прекрасно понимало — пропустить советские армии за Одер — значит открыть им путь на Берлин. В январских боях на Одере гвардейцы 32-го корпуса действовали умело и героически: десяти бойцам и офицерам корпуса (трем из них посмертно) за форсирование Одера было присвоено звание Героя Советского Союза, а корпусу — почетное наименование «Одерского».

Преодоление одерского рубежа стало важной вехой в оценке воинского мастерства и личных качеств не только подчиненных генерала Родимцева, но и его самого на посту командира корпуса. В наградном листе о представлении генерал-лейтенанта А. И. Родимцева к присвоению звания дважды Героя Советского Союза, подписанном 14 февраля 1945 года командующим 5-й гвардейской армией А. С. Жадовым, говорится: «В ночь с 24 на 25.01.1945 года благодаря мужеству, умелому

руководству и личной храбрости Родимцева, находившегося в боевых порядках, на опасных участках фронта, соединения корпуса, которым командует Родимцев, форсировали р. Одер в районе Линден и решительными действиями уничтожили противостоящего противника... За форсирование реки Одер, образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом личные храбрость и героизм, представляется к высшей степени отличия к званию дважды Героя Советского Союза с вручением медали Золотая Звезда».

Двадцать четвертого апреля 1945 года части 32-го гвардейского корпуса вышли на Эльбу в районе города Торгау, где 25 апреля состоялась знаменитая встреча союзников — советских и американских войск. Отец принимал участие в торжественных мероприятиях, которые проводились по случаю этой встречи. Но вскоре был получен приказ и обозначена новая цель — Дрезден.

Уже пал Берлин, а войска 1-го Украинского фронта продолжали сражаться. 8 мая был взят Дрезден. В связи с тем, что ультиматум советского командования о капитуляции, направленный коменданту города, не был принят, наши части, войдя в город, действовали очень осторожно, следуя приказу И. С. Конева, дабы не нанести вреда всемирно известным собраниям художественных ценностей. Солдаты корпуса Родимцева, и в том числе сталинградской 13-й гвардейской дивизии, принимали участие в спасении сокровищ Дрезденской галереи, подготовленных нацистами к уничтожению. В тот же день поступил приказ идти на помощь восставшей Праге. 9 мая Прага была освобождена, но части 32-го гвардейского корпуса продолжали преследовать противника.

Долгожданный День Победы выдался у моего отца не таким торжественным, как у большинства советских людей, и эта радостная новость оказалась для него

неожиданной. В то незабываемое утро 9 мая 1945 года он находился на командном пункте одной из частей неподалеку от Праги. Только что был освобожден лагерь с военнопленными, но установившуюся было тишину вновь прервали звуки боя. Войска 32-го гвардейского корпуса преградили путь немецким частям группы армий «Центр», пытавшимся прорваться на запад. Неожиданно на КП вошел знакомый отцу офицер из штаба армии, он был очень взволнован и что-то говорил. Родимцев подал ему знак, чтобы тот подошел ближе, так как из-за грохота боя было невозможно понять, что он говорит. Офицер подошел ближе и, пытаясь перекрыть шум канонады, прокричал: «Товарищ генерал, победа!»

Отец вспоминал, что в тот миг в это трудно было поверить, когда рядом продолжался бой, который вели его подчиненные, потому что для них и для их командира война еще не закончилась. Лишь 13 мая поступил приказ прекратить боевые действия. В ходе Великой Отечественной войны войска генерал-майора, а затем генерал-лейтенанта А. И. Родимцева 19 раз отмечались в приказах Верховного главнокомандующего. В своих воспоминаниях отец так писал об этих незабываемых днях: «Когда в древней и всегда юной Праге нас обнимали, осыпали цветами и поцелуями наши чехословацкие друзья, оглядываясь на пройденный путь, мы, воины, помнили, какой ценой далась нам эта радость.

Наше соединение было лишь небольшой частицей советских Вооруженных сил, и оно внесло свой скромный вклад в дело Великой Победы. Этот вклад — девять тысяч километров военных дорог, пройденных нами с тяжелыми, кровопролитными сражениями; десятки освобожденных от фашистской нечисти городов Родины, а также Польши, Германии и Чехословакии. Это горы смертоносного металла — разбитых и сожженных фашистских танков, бронетранспортеров, пулеметов,

минометов, пушек... Это — горькие утраты молодых жизней; прощание с верными друзьями, до конца исполнившими свой воинский долг. И священная, неискоренимая, вечная ненависть к фашизму — во имя радости на земле».

* * *

После войны большую часть службы отец провел вдали от Москвы. Но перед этим в мае 1946 года он был зачислен слушателем Высших академических курсов при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. Моему отцу невероятно повезло — многократно рискуя жизнью, он ни разу не был ранен. Но пережитое на войне не прошло бесследно, зимой у отца заболели ноги. Причиной тому явилось обморожение, полученное в Сталинграде в бетонной трубе, где находился штаб дивизии. Несколько месяцев он лечился и передвигался с помощью костылей, но занятия в академии не прекращал.

В 1947 году отец продолжил службу в Калинин (ныне Тверь) в должности командира 11-го гвардейского корпуса. В феврале 1951 года он был назначен помощником командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа, штаб которого находился в Иркутске. Округ раскинулся на огромной территории, и я помню, что отец подолгу находился в командировках.

В середине 1953 года отец выехал в Москву за получением нового назначения. Ожидать пришлось довольно долго — в связи со смертью Сталина обстановка в московских кабинетах была беспокойная. Находясь в Москве, отец почувствовал и на себе, и на примере многих известных военачальников исходившее сверху стремление отправить подальше от Москвы тех, кто получил широкую известность в армии и в стране. Но

отец никогда не роптал на свою судьбу. Более того, он стремился к самостоятельной работе, вдали от кабинетов и не рвался в столицу.

Неожиданно для отца ему предложили должность главного военного советника и военного атташе в Албании. Поначалу это место показалось ему не очень привлекательным, отцу по душе была служба в войсках, конкретное армейское дело. Но, ознакомившись со своими будущими обязанностями, он понял, что в этой работе могут пригодиться его военные знания и боевой опыт. В Албании требовалось создать современную армию и военную инфраструктуру, которая в перспективе могла бы играть важную роль в районе Средиземноморья в интересах социалистического лагеря. Отец дал согласие и выехал в Тирану. Вскоре мама и я тоже отправились в Албанию, совершив незабываемый морской вояж, а старшие сестры остались в Москве продолжать учебу.

За три года пребывания в Албании отец установил хорошие отношения с министром обороны Б. Балук и албанским руководством. Албанская народная армия создавалась практически с нуля. Надо было формировать новые части и рода войск, обучать армейские кадры. Большая работа, которую проделали советские дипломаты и военные специалисты под руководством А. И. Родимцева, способствовала тому, что Народная Республика Албания стала членом Организации Варшавского договора — военного союза европейских социалистических стран. Для моего отца албанский период остался незабываемой страницей его военной биографии, он навсегда сохранил добрую память о людях, с которыми его свела там судьба.

По возвращении в Москву отец получил назначение на должность заместителя командующего Северным военным округом и выехал в Петрозаводск. Вот так — из холода в жару, потом снова в суровые края. Но такова

офицерская доля, и отец с увлечением трудился везде, куда приводили его дороги военной службы. Его время было спрессовано в непрерывную череду учений, стрельб, инспекторских проверок и напряженной штабной работы. Это был период массового перехода Советской армии на новые виды вооружений, особенности применения которых нужно было освоить самому, а затем обучить подчиненных.

В 1960 году, в связи с реорганизацией военных округов, отец, отказавшись от должности в центральном аппарате, был направлен командующим и членом Военного совета 1-й армии Киевского военного округа, штаб которой находился в Чернигове, недалеко от тех мест, где он воевал в 1941 году. 9 мая 1961 года отцу было присвоено звание генерал-полковника. Первое послевоенное повышение в звании отец заслужил не в высоких кабинетах, а далеко от Москвы. Генерал Родимцев достойно прошел свой путь в 50-е годы прошлого века — полные бурных событий во внутриполитической жизни нашей страны. Не запятнав мундира, не уронив офицерской чести, не изменив фронтовому товариществу и своим убеждениям.

С 1966 года генерал-полковник А. И. Родимцев служил военным консультантом Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

В послевоенные годы отец четыре раза приезжал на родину — в Шарлык. В свой приезд в 1947 году он подарил колхозу им. М. И. Калинина Шарлыкского района грузовой автомобиль, побывал во многих селах. Связь с земляками он не прерывал и в годы войны, а они отправляли в его дивизию, в Сталинград теплую одежду и продовольствие.

Александр Ильич и Екатерина Осиповна Родимцевы воспитали троих детей: дочерей Ирину, Наталью и сына Илью. Ирина окончила Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, стала

искусствоведом, прошла путь от экскурсовода до генерального директора Музеев Московского Кремля, работала в Министерстве культуры СССР, получила звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Наталья также окончила МГУ, защитила диссертацию, работала в различных организациях, вела военно-патриотическую работу, более десяти лет руководила музеем 13-й гвардейской стрелковой дивизии в московской школе № 26. Я окончил Станкин и курсы Академии внешней торговли, стал кандидатом экономических наук, специалистом в области внешнеэкономических связей, работал в советских учреждениях за рубежом.

Мой отец до последних дней участвовал в общественной жизни, выступал в разных аудиториях. Но самыми дорогими для него были встречи со своими однополчанами — в Москве, Волгограде, Киеве и в других местах. Очень многие из них бывали в нашем доме в Москве. О войнах, в которых участвовал мой отец, о друзьях и однополчанах — павших и живых он рассказал в своих книгах: «Под небом Испании», «Твои, отечество, сыны», «Гвардейцы стояли насмерть», «Встаньте, живые!», «На берегах Мансанареса и Волги», «Волонтеры свободы», «На последнем рубеже», в многочисленных статьях и интервью. По его повести «Машенька из Мышеловки» был снят художественный фильм «Нет неизвестных солдат», а ее героине — юной санитарке Марии Боровиченко — было присвоено (посмертно) звание Героя Советского Союза.

Имя генерала Родимцева широко известно в нашей стране и за рубежом. Его причастность к большим историческим событиям XX века и полная драматичных ситуаций судьба привлекали внимание писателей, кинематографистов, журналистов. Об отце написаны книги, его имя звучит в стихах известных советских поэтов — Е. А. Долматовского, А. П. Межирова, Р. Ф. Казаковой, а также более молодых авторов —

Ф. Чуева, А. Афанасьева, Г. Коняхина, Д. Орлова. Многие факты легендарной биографии и черты характера Александра Родимцева вошли в образы героев художественных произведений: поэмы «Добровольцы» Е. А. Долматовского и его песен, а также стихов К. М. Симонова, романов — М. А. Шолохова «Они сражались за Родину», В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба», В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда», книг Б. Н. Полевого, кинофильмов «Освобождение», «Сталинград».

Члены нашей семьи тоже написали об Александре Родимцеве книги, стихи, статьи, выпустили фотоальбом и видеодиски. К столетию со дня его рождения наша семья выпустила фотопоэтический альбом, в котором собраны уникальные фотографии из жизни отца и стихи советских поэтов, написавших о генерале Родимцеве. В нем есть и мое стихотворение, которое называется «Разговор с отцом»:

Я разговор, отец, наш вспоминаю,
Про то село, на стыке трех дорог,
Где ты родился, и про степь без края,
И как сказал тебе отец: — Учись, сынок!

Ты сам не знал, что станешь генералом,
Готовился к боям, не на парад.
Испания на прочность проверяла,
«Салют!» — тебе кричали — «Камарад!»

Закончена заграникомандировка,
Звезды Героя вспыхнул огонек.
И всесоюзный староста, негромко,
Сказал, вручив ее: — Гордись, сынок!

Здесь я спросил: — Скажи, отец, а все же,
Какому дню ты в жизни больше рад?

И он сказал, подумав: — Тот дороже,
Когда мы отстояли Сталинград.

С Мамаева кургана, не смолкая,
Неслись раскаты и горел закат.
Ты в аппарат хрипел, виски сжимая, —
Резервов больше нет. Держись, комбат!

Когда осталась за спиной лишь Волга
И до врага всего один бросок,
Ты шел окопом, повторяя только:
— Они здесь не пройдут! Огонь, сынок!

Он помнил все — друзей, войну и детство,
Промчалась жизнь и подошел ей срок.
Он подарил мне книгу как наследство,
Сказав: — Прими от автора, сынок.

А в год столетия прадеда, смущаясь,
Мой внук пошел на первый свой урок.
Я, на ступенях школьных с ним прощаясь,
Сказал ему завет: — Учись, сынок.

В 2016 году вышла в свет моя книга об отце «Генерал Родимцев. Прошедший три войны». В ней каждый, кто интересуется военной историей нашей страны, найдет малоизвестные подробности и документальные свидетельства жизни и боевой биографии дважды Героя Советского Союза А. И. Родимцева: о том, как он сражался в Испании, как отстоял со своими гвардейцами Сталинград, как участвовал во многих крупнейших сражениях Великой Отечественной войны, как вдали от родины выполнял задачи по созданию военного союза социалистических государств.

Генерал-полковник Родимцев почетный гражданин Волгограда, Полтавы, Литомиржице (Чехия). Его именем названы улицы, школы, музеи, установлены памятники и мемориальные доски на его родине в Шарлыке, а также в Оренбурге, Москве, Волгограде, Курске, Киеве, Чернигове, Кременчуге, Томаровке, Черемисинове. В 1978 году ветераны и мы, его дети, провожали в плавание большой рыболовный траулер «Генерал Родимцев».

Александр Ильич Родимцев скончался 13 апреля 1977 года, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Более десяти лет я участвую в деятельности Фонда памяти полководцев Победы, который объединяет потомков — детей, внуков, близких родственников известных советских полководцев и военачальников. Вместе мы стремимся к тому, чтобы новые поколения знали правду о Великой Отечественной войне, о том, какой вклад внесла наша страна в разгром врага во Второй мировой войне, и помнили о тех, кто очень много сделал для нашей Победы.

НАГРАДЫ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА
А. И. РОДИМЦЕВА

Две медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза —

22 октября 1937 года; 2 июня 1945 года.

Ордена

Три ордена Ленина — *22 октября 1937 года; 20 апреля 1953 года; 10 марта 1965 года.*

Орден Октябрьской Революции — *7 марта 1975 года.*

Четыре ордена Красного Знамени — *3 января 1937 года; 21 июня 1937 года; 27 декабря 1941 года; 6 ноября 1947 года.*

Орден Богдана Хмельницкого 1-й степени — 23 сентября 1944 года.

Два ордена Суворова 2-й степени — 27 августа 1943 года; 22 февраля 1944 года.

Орден Кутузова 2-й степени — 31 марта 1943 года.

Два ордена Красной Звезды — 31 марта 1944 года; 3 ноября 1944 года.

Иностранные ордена

Военный крест (ЧССР) — 1945 год.

Орден и звезда ордена Белого льва 2-го класса, ЧССР — 1945 год.

Орден Крест Грюнвальда 2-й степени (ПНР) — 1945 год.

Офицерский крест ордена Возрождения Польши (ПНР).

Золотой крест ордена Виртути Милитари 4-го класса (ПНР).

Орден Скандербека (Албания) — 1956 год.

Орден Полярная Звезда (МНР).

Иван Ильич ЛЮДНИКОВ

Шел сентябрь 1945 года. Генерал-полковник И. И. Людников стоял на сопке, где за 40 лет до этого сражались русские воины — защитники Порт-Артура. Перед ним открывался красивый вид на город и на необычную, желтовато-зеленую поверхность моря. От Балтики и западных границ нашей страны привел он к этим далеким берегам свои войска, чтобы вместе с другими соединениями, участвовавшими в этом походе, разгромить японскую Квантунскую армию и поставить последнюю точку в небывало тяжелой, порой казавшейся нескончаемой Второй мировой войне.

Иван Ильич был взволнован — уж очень необычное место занимает этот город-крепость в истории нашего государства. У каждого русского человека с ним связано многое, даже если он никогда там не был и вырос совсем в другую эпоху. Но были для этого и другие, пожалуй, еще более важные причины. Не морскими путешественниками или беззаботными туристами, не исследователями земель, не коммерсантами явились советские солдаты в эти овеянные памятью великих сражений места. Они пришли на берега Тихого океана освободителями и победителями в самой страшной войне в истории человечества. События последних недель, вместившие в себя долгие переходы через пустыни и горы, скоротечные и порой жестокие схватки с коварным и упорным противником, прибытие в Порт-Артур, новые задачи, которые еще только предстояло воплотить в жизнь, возникали в его памяти, беспокоили, требовали осмысления.

И вот теперь он — комендант Порт-Артура! Могли представить себе в начале века юноша из рыбацкой деревушки на другом краю необъятной России, что

будет когда-то налаживать жизнь и строить новый форпост страны на берегах Тихого океана? Красивое, но чужое Желтое море в лучах заката вдруг становилось до замирания сердца похожим на море его детства, светло-синим простором уходившее за горизонт от нагретой за день щедрым южным солнцем песчаной косы. Эти воспоминания еще сильнее тревожили его, память уносила генерала в дорогие для него места, ведь он не был на своей родине уже больше двадцати лет. Он не знал, когда это произойдет, но верил, что уже скоро...

Ваня Людников родился 26 сентября (8 октября) 1902 года на хуторе Кривая Коса области Войска Донского^[90]. Свое новое название это местечко получило в честь своего уроженца прославленного полярного исследователя Г. Я. Седова. Семья Людниковых была многодетной — шесть сыновей и дочь. Жили в убогой лачуге, очень трудно и безрадостно. Глава семейства Илья Никанорович с мая по ноябрь работал грузчиком, таская по длинным деревянным мосткам пятипудовые мешки с зерном, рыбачил, зимой часто уходил на заработки в Мариуполь. Всех заработков отца хватало только на то, чтобы отдать прошлогодние долги местному богатею. Но самым тяжелым временем жизни на хуторе была зима, негде было заработать. Тогда нужда вновь заставляла отца идти в богатые хоромы, просить в долг продукты. Так продолжалось из года в год.

С ранних лет Иван проводил дни напролет у моря, как и все мальчишки родного хутора: с апреля по ноябрь босиком, в одной и той же одежонке, которая к осени просаливалась морской водой настолько, что приобретала белый цвет. Удили рыбу — наловчились ловить на крючок бычков, другую мелкую рыбешку, ходили к причалу смотреть, как взрослые готовят к выходу в море рыбацкие каюки, а набегавшись, иногда засыпали под лодками на берегу. Но уже в самом раннем

детстве были у Ивана и его приятелей другие, совсем недетские заботы и обязанности. Они собирали выброшенную на берег древесину, ходили в солончаки за сухими коровьими «лепешками» — все это служило зимой топливом в домах.

В восьмилетнем возрасте Иван начал посещать церковно-приходскую школу при хуторской церкви Петра и Павла. Ваня был прилежным учеником, директор школы и учитель С. С. Аксенов хвалили его, при встрече с родителями благодарили их за хорошего сына. Но вскоре его беззаботное детство закончилось и настала пора трудиться. С девяти лет Иван стал помогать отцу по хозяйству — ранней весной на берегу в рыболовецкой артели, конопатил отцовскую лодку, забирал у него улов, относил домой, развешивал сети. Летом пас скот, работал на огороде, трудился в поле, а правильнее сказать, батрачил у богатого казака, отрабатывая долг за взятый зимой хлеб. В зимнее время нужно было запастись лед для холодильников, помогать по дому.

Летом 1913 года в семье Людниковых случилась беда, тяжело заболел отец и не смог заработать ни хлеба, ни денег на зиму. Едва поправившись, Илья Никанорович принял решение идти на заработки в Юзовку, где, по слухам, можно было устроиться на постоянную работу на шахте. Он велел Ивану собираться в дорогу вместе с ним, а трех классов школы, решили родители, с него хватит — читать, писать и считать научился, вот и слава Богу. А в одиночку семью, в которой кроме их с Иваном было еще шесть душ, отцу не прокормить.

Чтобы жена с детьми смогла прожить до первой получки, пришлось отцу снова просить зерна в долг. Взял с собой на этот раз и Ивана. О том, как пришлось им с отцом терпеть упреки и издевательство от сельского мироеда, Людников в своих воспоминаниях

написал: «Мы вошли в контору Козлова, и отец глухо сказал мне до боли обидные слова. Забыть их не могу до сих пор: «Снимай шапку, Ванюша, становись на колени». И сам, как подкошенный, упал на колени. Долго вымаливал он у купца немного продуктов. Получили пуд подмоченного зерна да связку тощей воблы. Но отец и этому рад: уходя на шахты, мы хоть что-нибудь оставим матери и малышам...»

Утром они тронулись в путь. В Мариуполе, до которого шли пешком, Иван впервые увидел железную дорогу. В товарном вагоне с надписью «Сорок людей или восемь лошадей» они доехали до Юзовки (ныне Донецк).

Город поразил Ивана обилием заводских труб, узких улочек, заполненных бараками, жалкими домишками, землянками, в которых жил рабочий люд. А в отдалении высились многочисленные мрачные терриконы. Их приютила в своей хибарке сестра матери со своим мужем. Ваню приняли на работу уже на следующий день. Его первая рабочая профессия именовалась «копченка». Так называли детей, которые по 12 часов в день выбирали породу из угля и шли с работы домой невероятно грязные под насмешки и издевки чистеньких мальчиков из других кварталов. Его, как могли, успокаивали родственники, которые рассказали, что очень многие начинали с этой грязной и тяжелой работы, а потом осваивали другие специальности, более денежные и «престижные». Но Иван и сам чувствовал, что сможет обучиться какой-нибудь интересной шахтерской специальности. Он еще не знал, какой именно, но с первых дней своей работы прислушивался к разговорам взрослых о том, как им работает, какие есть места, где можно проявить себя и стать настоящим шахтером. Но и страшных историй про шахтерскую долю он наслушался немало.

Отца приняли на работу откатчиком только через неделю после приезда. А одиннадцатилетний Иван

совсем скоро впервые в жизни спустился в шахту. То, что он там увидел, произвело на него неизгладимое впечатление и убедило в том, что все разговоры про смертельно опасный труд углекопов — правда. С непривычки давила духота, было жарко и сыро, пугали тесные забои кое-как подпертые деревянными стойками. Здесь, в подземелье, Иван стал «лампоносом», разносил лампы в шахте и следил за тем, чтобы они исправно работали. Работа была такой же тяжелой, как и прежде, но платили все-таки немного больше.

Изведав в раннем возрасте нужду, Иван теперь ощущал себя ответственным за благополучие своих родных. Несмотря на то что его рабочий день длился 12 часов — с шести утра до шести вечера — и, придя домой, он валился в изнеможении на койку, он сам, без принуждения, нанялся на подработку. Вместе с такими же, как он, мальчишками очищал от накипи паровые котлы. Эта работа была даже потяжелее, чем труд «лампоноса», но Иван терпел и никому не жаловался на свою участь. Через полгода Иван стал коногоном. Управляться с лошадьми он научился еще в детстве и новые обязанности освоил быстро, хотя и эта работа была слишком тяжелой для двенадцатилетнего подростка.

Летом 1914 года Иван вместе с отцом приехали в отпуск домой. Вид родного приморского хутора, встречи с родными и друзьями — это были самые счастливые его дни за последние годы. Здоровье отца, подорванное на шахте, ухудшилось. Стало ясно, что в Юзовку он уже не вернется. Краткий Ванин отдых пролетел как чудесный сон. Чтобы поддержать семью, он устроился на подработку по уборке хлеба. В августе размеренная тихая жизнь на Кривой Косе оборвалась — Россия вступила в мировую войну, «германскую», как называли ее в народе. Никто и представить себе тогда не мог,

какие события совсем скоро развернутся на юге нашей страны.

Иван Людников вернулся на шахту, и вскоре его «повысили» — перевели в камеронщики (так называли рабочих, обслуживающих насосы для откачки воды из шахт), а весной следующего года приняли в механические мастерские учеником токаря. Помогал ему освоить токарное дело двоюродный брат Ефим Бирюков. Когда его забрали в армию, обучение Вани новому ремеслу продолжил друг Ефима опытный станочник Михаил Чернов. Это была самая высокая рабочая профессия Ивана Людникова. Быстрому переходу смышленного и трудолюбивого паренька на более высокооплачиваемые места поспособствовало то, что многих шахтеров и рабочих других специальностей отправляли на фронт и на места, где всегда трудились взрослые, в массовом порядке принимали подростков.

После Февральской революции 1917 года народ в Юзов-ке стал собираться на митинги. Разобраться в том, что происходит в стране и какое будущее сулят рабочему люду разношерстные ораторы, молодому и не очень образованному Ивану Людникову было нелегко. Помог ему в этом вернувшийся летом с фронта по ранению Ефим. Он уже успел принять сторону большевиков и неудивительно, что после разговоров с ним симпатии Ивана тоже оказались на стороне тех, кто провозгласил лозунги: фабрики — рабочим, земля — крестьянам. Лишь много позже узнал Иван, что возвращение его двоюродного брата в шахтерский край не было случайным, а был он послан большевистской организацией для политической агитации в рабочей среде.

Чем ближе становился октябрь 17-го года, тем больше времени проводил Иван Людников в рабочем отряде, командиром которого выбрали Ефима Бирюкова. Появилось и оружие — винтовки, пулеметы. Иван

старательно изучал пулеметное дело, зачитав до дыр привезенный братом с фронта «Устав»^[91] к пулемету «максим». Но эти знания емугодились позже, а начал юный Людников свою службу в качестве красногвардейца ездовым на пулеметной повозке Юзовско-го рабочего отряда. В конце октября революционные бойцы, а вместе с ним и Иван, приняли боевое крещение в схватке с казаками и своими умелыми и решительными действиями вынудили их отступить. Месяц спустя они вновь сошлись в схватке с казачьими войсками под Макеевкой и разгромили крупную часть из нескольких сотен человек.

До конца февраля 1918 года 1-й полк Красной гвардии Донецкого бассейна, в который влился Юзовский рабочий отряд, в составе объединенных революционных войск Донбасса успешно сражался с казачьими частями генерала А. М. Каледина и разрозненными белыми отрядами в этом районе и на Дону. Красногвардейцы постоянно получали пополнение из окрестных сел и с рудников, а оружие поступало от командования Южного фронта или добывали его в боях. Из имевшегося подвижного состава рабочие собрали даже бронепоезд, вооружив его пулеметами и орудиями.

Боевое крещение самодельный бронепоезд со своей командой, в которую входил и Людников, принял в сражении с германскими войсками, вторгшимися на территорию Российского государства и стремившимися овладеть Донбассом. Это случилось около станции Чаплино. Вслед за этим отряд, состоявший из вчерашних шахтеров, под командованием Бирюкова дрался с интервентами на многих больших и малых станциях угольного края. Иван, хотя и был самым молодым пулеметчиком в отряде, сражался смело и делил все тяготы фронтового быта наравне со всеми.

Беда пришла в бою под Амвросиевкой — Людников был тяжело ранен, а командир, двоюродный брат Ивана

Ефим Бирюков, погиб. Для юного Вани Людникова это была большая утрата. Ефим был для него не только родственником, но и старшим товарищем и учителем. Раненого Ивана оставили на попечение надежной семьи, а шахтерский бронепоезд продолжил свой путь.

Едва окрепнув, Иван двинулся в сторону родного дома. Это был нелегкий путь по территории, занятой немецкими войсками, всевозможными контрреволюционными частями и просто бандами. В Таганроге он встретил односельчан. От них он узнал о том, что в Кривой Косе белые расправляются со всеми, кто служил в Красной армии или сочувствует ей. Иван принял решение пробираться к фронту, чтобы присоединиться к красногвардейцам. Вот как вспоминал Людников об этом смертельно опасном переходе по неприятельским тылам и последующей боевой красноармейской поре своей юности: «Пробирался я со своим однокашником Иваном Петренко... Пятнадцать суток шли мы, старательно обходя вражеские гарнизоны и дозоры, и, наконец, вышли к своим. Сняли с нас, как положено, допрос и зачислили в строй. Ивана — в пехоту, меня — вторым номером пулеметного расчета на тачанку. Так я с июля 1918-го стал бойцом регулярной армии Страны Советов и оставался им с малым перерывом более пятидесяти лет.

В гражданскую воевал в Донбассе, на Днепре, под Касторкой. Пережил тяжелые месяцы отступления под натиском деникинцев почти до самого Орла, ощутил и радость победы, когда остатки деникинских армий были сброшены в Черное и Азовское моря, а наша 42-я дивизия, оперативно подчинявшаяся Первой Конной армии, вышла к морю восточнее Мариуполя, почти к моим родным местам».

Людников получил у командира эскадрона отпуск и примчался на Кривую Косу. Хотя в родном селе установилась советская власть, но время еще было

тревожное, многие жители сопротивлялись новым порядкам, угрожали активистам из бедняцких семей. Отца Ивана белоказаки выпороли шомполами за то, что его сын был красноармейцем. Для большинства же земляков встречи и беседы с Ваней Людниковым — кавалеристом легендарной Первой конной армии С. М. Буденного — вызывали огромный интерес, а многим они помогли найти свое место в новой действительности или выбрать воинскую профессию. Всего пять дней пробыл Людников среди родных и друзей, а по возвращении в эскадрон его ожидал еще один поворот в военной судьбе. По приказу Реввоенсовета Республики всех комсомольцев, причастных так или иначе к морю, направляли для продолжения службы на Мариупольскую военно-морскую базу.

Прежде чем стать краснофлотцем, Людникову пришлось пройти морскую подготовку, а затем всю зиму участвовать в ремонте старых гражданских судов и установке на них орудий, поскольку настоящих военных кораблей на базе не имелось. Наступила весна, и Людников впервые вышел в море на переделанном ледоколе со звучным названием «Знамя социализма» под командованием будущего дипломата, поэта и энтузиаста джаза С. А. Колбасьева.

В июле 1920 года по приказу генерала барона П. Н. Врангеля, чьи войска продолжали удерживать Крым, к берегам Азовского моря был направлен десант под командованием полковника Ф. Д. Назарова. Произошло удивительное совпадение — местом высадки белогвардейских частей была выбрана Кривая Коса, где родился и вырос Людников. Операция врангелевцев проводилась с участием большого количества военных судов. На борьбу с неприятелем отправились корабли Азовской военно-морской флотилии. Иван Людников и

подумать не мог о том, что именно здесь, у родных берегов, ему придется участвовать в морском сражении!

Старенький ледокол не выдержал стрельбы установленных на нем шестидюймовых орудий, отчего у него повывлетали заклепки и в разгар боя он неожиданно дал течь. Гордый корабль вернулся в порт и добивали врангелевцев уже без него. Но после очередного ремонта «Знамени социализма» еще довелось послужить на море. Людников продолжал на нем свою морскую службу — тралили мины в Азовском море. И лишь осенью 1921 года, демобилизовавшись, Иван вернулся домой в Кривую Косу.

В родном хуторе молодой, но уже бывалый боец республики Иван Людников по поручению райкома комсомола организовал ячейку, занимался общественной работой. И надо же было случиться, что в той самой лавке бежавшего из села купца, где когда-то они с отцом, стоя на коленях, умоляли спасти их семью от голодной смерти, устроили клуб, в котором Иван был заведующим, занимался допризывной подготовкой молодежи и даже руководил драмкружком. Людников трудился по 18 часов в сутки, стремился везде успеть и всем помочь, кто в этом нуждался. Его переполняла жажда деятельности, желание сделать все, что в его силах, чтобы его земляки, и прежде всего молодежь, почувствовали новые возможности, которые открывались перед ними в учебе, в работе, в творчестве.

Но Людников отдавал себе отчет в том, что его собственное образование, составлявшее три класса церковноприходской школы, совершенно не отвечает ни его положению комсомольского вожака, ни осуществлению его давней мечты. Он очень хотел учиться и о том, каким он видел в ту пору свое будущее, вспоминал: «Но что бы я ни делал, чем бы ни занимался, меня не оставляло самое большое желание — учиться! Относительно того, где учиться, вернее, какой

специальности, сомнений у меня не было: военной, только военной! За два года, проведенных в походах и боях, я, что называется, всей душой сроднился с армией, полюбил военное дело, и самым заветным моим желанием было — стать образованным краскомом, командиром рабоче-крестьянской Красной армии».

Для того чтобы выехать на учебу, потребовалось разрешение райкома комсомола. Неожиданно он встретил у райкомовского руководства непонимание, дошло до того, что его обозвали «дезертиром». Лишь поддержка молодого секретаря райкома Цыгановой, заявившей о том, что Людников, который с пятнадцати лет сражался за советскую власть, заслужил право на учебу.

В июле 1922 года Иван Людников с комсомольской путевкой на курсы красных командиров в руках уехал из Кривой Косы. Следующий раз он приехал на свою родину только в 1950 году.

* * *

Быстро собравшись в дорогу и сложив в котомку приготовленную матерью провизию, Иван отправился в Екатеринослав^[92]. Отсюда сборная команда будущих курсантов выехала в Одессу, где находилась пехотная школа, в которой им предстояло учиться. Людников рассказывал, что ни до этого, ни после он не встречал в своей жизни такого состава, в котором пришлось ехать будущим красным командирам: выдавший виды паровоз, топливо и воду для которого на всем пути добывали сами новобранцы, тащил несколько совершенно разбитых вагонов, перегонявшихся на капитальный ремонт, в которых отсутствовали двери, часть полов и крыш.

На подъезде к Одессе перепачканных и измученных курсантов встретил ротный курсов, отвел их в баню и разместил по казармам. После сдачи экзаменов председатель мандатной комиссии 94-х Одесских пехотных курсов красных командиров комиссар М. Л. Горикер вызвал Людникова, чтобы сообщить о том, что по русскому языку и арифметике он получил «неуд». Для многих ребят процесс поступления на этом заканчивался. Однако в отношении Ивана, как имеющего пролетарское происхождение, являвшегося также рабочим, а главное — красноармейцем с боевым прошлым, мандатная комиссия приняла решение: принять.

Людников был рад и взволнован, он будет красным командиром! Но он отдавал себе отчет в том, что сделан лишь первый шаг на этом пути. Для того чтобы не оказаться в отстающих, чего он даже представить себе не мог, ему предстоит трудиться намного больше, чем его товарищам, окончившим гимназии и реальные училища. Он дал слово членам комиссии, что все наверстает. Курсантов с таким образованием, как у Людникова, оказалось немало. На помощь пришла взаимовыручка: более грамотные помогали другим по общеобразовательным предметам, а имевшие боевой опыт занимались с теми, кому было в новинку военное дело. Но трудной была не только учеба, но и быт. Как вспоминал Людников, питались в основном перловой кашей, сушеной рыбой и получали по 150 граммов хлеба в день. Обмундирование выдавали чистое, но сильно поношенное, а на ногах носили лапти.

В январе 1923 года курсы были расформированы, и наиболее способных учащихся, в число которых попал и Людников, перевели в Одесскую пехотную школу. Вскоре ее слушатели участвовали в учениях, проведенных около румынской границы. Путь до нее и обратно они проделали пешком. Для этого каждому

было выдано по три дополнительных пары лыковых лаптей. За время похода курсанты поизносились так, что вернулись в Одессу босыми и в обтрепанном обмундировании. Вскоре после этого им выдали наконец новую форму, шинели и обувь.

Людников выделялся среди своих товарищей и успехами в учебе, и активной общественной работой, в чем у него уже был немалый опыт. Его избрали комсоргом роты и членом комсомольского бюро. Курсанты дружили с молодыми рабочими Январских железнодорожных мастерских, были шефами села неподалеку от Одессы. Такая форма общения отвечала духу времени и, как считалось, способствовала расширению кругозора и привлечению молодежи к военной службе.

Успехи Людникова в учебе, его авторитет среди товарищей, политическая грамотность не остались незамеченными руководством школы. В 1924 году его назначили командиром взвода, избрали делегатом городской комсомольской конференции. Но в том же году он получил горестную весть из дома — умер отец. Иван тяжело переживал утрату и, понимая, как тяжело придется теперь его младшим братьям и сестрам, думал даже о том, чтобы вернуться домой, но все-таки решил продолжить обучение. Он написал председателю хуторского совета, попросив оказать помощь семье.

После окончания Одесской пехотной школы и полугодовой стажировки в войсках в августе 1925 года Людников становится командиром Красной армии. Незадолго до этого он был принят в ряды ВКП(б). В связи с острой нехваткой кадров выбор места службы у молодых офицеров был большой. Но Людников давно для себя решил, что служить будет в отдаленном гарнизоне, где могут возникать непредвиденные ситуации, требующие принятия самостоятельных решений и скорейшего овладения командирскими

навыками. Поэтому из предложенных вариантов он выбрал Кавказ, регион, где было неспокойно. Его первая командная должность — командир взвода 37-го стрелкового полка 13-й Дагестанской стрелковой дивизии.

В подчинении у Людникова оказались совсем молодые ребята, из которых ему предстояло сделать умелых бойцов. Очень скоро он имел возможность убедиться, что выбранное место службы было не только удаленным, но и горячим. Много раз взвод Людникова участвовал в схватках с бандитскими отрядами, оставшимися в горах после окончания Гражданской войны. В одной из таких операций был захвачен имам Нажмудин Гоцинский, бывший одним из руководителей антибольшевистского движения в Дагестане в 1917–1921 годах. Спустя год с начала службы Людников назначается командиром пулеметной роты, но пробыл он на этой должности лишь около двух месяцев.

Командование отмечало в нем не только умение руководить подчиненными в бою, но и задатки воспитателя и наставника. Людникова переводят во Владикавказскую пехотную школу. Согласившись на преподавательскую работу, он и сам не ожидал, что будет заниматься обучением курсантов военному делу в течение восьми лет. Именно такой срок прослужил Людников в этом учебном заведении, пройдя путь от командира взвода до начальника штаба батальона.

Несмотря на удаленность от Москвы и других крупных центров сосредоточения военных учебных заведений, уровень преподавания на новом месте службы Людникова соответствовал современным требованиям. Этому способствовали и хорошая учебная база, и высокий профессионализм преподавательского состава, и окружающая обстановка. Личный состав училища, включая командиров и слушателей,

неоднократно привлекался к ликвидации бандитских формирований в горах неподалеку от Владикавказа.

В течение всего периода службы в училище Людников не только учил, но и постоянно учился сам, совершенствуя свои знания и используя все свободное время для осуществления своей давней мечты — поступлению в Военную академию им. М. В. Фрунзе. Этому способствовали и деловая товарищеская атмосфера в коллективе пехотной школы, и творческое отношение к подготовке молодых офицеров. О высоком уровне подготовки кадров в этом учебном заведении говорит тот факт, что среди его выпускников оказалось много военачальников и командиров, впоследствии отличившихся в ходе Великой Отечественной войны, в том числе Героев Советского Союза. А один из преподавателей училища — командир взвода управления учебного артдивизиона Тычинский в период Сталинградской битвы был начальником артиллерии в 138-й стрелковой дивизии, которой командовал Людников.

Во время службы во Владикавказе Иван Ильич познакомился с девушкой, уроженкой этого города, Евгенией Васильевной Карягиной, и в 1927 году молодые люди создали свою семью. Евгения Васильевна была настоящей офицерской женой, понимала все трудности профессии своего мужа. Иван Ильич и Евгения Васильевна прожили вместе почти 50 лет и воспитали троих сыновей.

В 1934 году Людникова перевели в Казань руководителем тактики пехоты Татаро-Башкирской военной школы. Назначение на новую должность в крупное учебное заведение означало, что о Людникове уже сложилось мнение как о хорошем военном специалисте и педагоге. Он не только с успехом вел теоретические занятия, но и закреплял знания офицерской аудитории работой с картами, на макетах,

во время практических занятий на местности, что особенно нравилось слушателям.

В том же 1934 году начала сбываться мечта Людникова — он поступил на заочное отделение Военной академии им. М. В. Фрунзе, а в апреле 1935 года перевелся на дневное. С первых дней пребывания в академии Людников уделял особое внимание изучению трудов ведущих советских военных теоретиков и специалистов — В. К. Триандафиллова, Б. М. Шапошникова, Д. М. Карбышева, М. Н. Тухачевского и др. Важнейшей частью обучения были регулярные стажировки в войсках. Именно во время таких командировок будущие командиры Красной армии учились мыслить самостоятельно, на практике применять современные оперативно-тактические приемы и методы ведения боевых действий, управлять соединениями в условиях взаимодействия различных родов войск, знакомились с новыми видами отечественных и зарубежных вооружений.

В сентябре 1938 года Людников с отличием окончил Военную академию и получил предложение остаться на преподавательской работе. Но он стремился применить свои знания на практике и вскоре приступил к работе в Генеральном штабе РККА: сначала офицером для поручений 1-го отдела, а с апреля 1939 года — начальником 2-го отделения 13-го отдела. Отчасти его новые обязанности тоже перекликались с вопросами подготовки кадров для среднего и высшего командного звена — оперативных работников штабов дивизий, корпусов, армий.

В ноябре 1939 года Людников стал первым начальником вновь созданного в Киевском особом военном округе Житомирского пехотного училища. Работа училища развертывалась на фоне начавшейся Второй мировой войны, развязанной нацистской Германией. Людникову пришлось руководить переводом

училища на ускоренные программы подготовки курсантов. Особое внимание уделялось полевым занятиям и овладению навыками управления боем в современной войне с применением танков и артиллерии.

* * *

В начале 1941 года в Киевском особом военном округе, которым командовал генерал-полковник М. П. Кирпонос, шла интенсивная боевая подготовка, происходило перемещение частей, создавались новые соединения. Вся эта деятельность была направлена на повышение боеготовности войск в условиях нарастающей угрозы для нашей страны на западном направлении. Весной 1941 года среди командного состава Красной армии росло понимание неизбежности войны с Германией. И чем ближе к середине года, тем больше становилось примет надвигающейся войны.

Десятого марта 1941 года Людников был вызван к начальнику штаба Киевского особого военного округа генерал-лейтенанту М. А. Пуркаеву. Неожиданно для себя Людников получил приказ о назначении командиром 200-й стрелковой дивизии. Особенностью этого назначения было то, что дивизии как таковой еще не существовало: ее только предстояло сформировать, причем в сжатые сроки. Спустя десять дней Людников прибыл в приграничный город Ковель и приступил к новым обязанностям.

В своих воспоминаниях Людников отмечал, что рядовой состав нового соединения составили не только солдаты-срочники, но и прибывшие на переподготовку резервисты, которых обычно призывали в августе — сентябре, а в этот раз сборы были назначены на период с 15 мая по 1 июля. Это очень важное свидетельство, указывающее на то, что командованием Красной армии

принимались меры к комплектованию новых частей, дислоцированных в пограничных районах, до штатной численности. В результате этого в кратчайшие сроки были созданы соединения, которые в первые месяцы начавшейся вскоре войны оказали серьезное сопротивление немецким войскам и с первых дней вторжения не только сорвали планы агрессора, но и сумели нанести ему большой урон.

Шестнадцатого июня 1941 года в штаб дивизии из округа пришла директива с предписанием не позднее утра 28 июня в полном составе сосредоточиться в 15 километрах северо-восточнее Ковеля. Переходы следовало осуществлять скрытно, в основном ночью, чтобы не быть обнаруженными немецкими самолетами, ежедневно совершавшими полеты над нашей территорией. Сбивать их нашим частям запрещалось. Через два дня дивизия начала пешее выдвижение в указанный район, со всей артиллерией, за исключением зенитной и противотанковой — прибытие орудий которой задерживалось. Это обстоятельство крайне тревожило Людникова. Личный состав дивизии был уверен, что им предстоят очередные учения. В ночь на 22 июня предстоял четвертый переход, который в связи с нелетной погодой было решено начать и закончить раньше, чтобы дать возможность личному составу отдохнуть.

В два часа ночи Людников вместе со штабом прибыл в намеченное загодя место сбора у реки Стирь. Еще не подошли дивизионные колонны, как в воздухе раздался приближающийся с запада низкий гул самолетов, не похожий на тот, что издают наши тяжелые бомбардировщики ТБ-3. Теряясь в догадках, офицеры обсуждали, что же это могло означать, отгоняя самые мрачные предположения. Однако в пятом часу утра вновь послышался шум авиамоторов и несколько самолетов с крестами на крыльях сбросили бомбы в

расположение дивизии. Сомнения отпали — немецкие войска совершили нападение. Однако из-за отсутствия связи со штабом корпуса Людников и его подчиненные еще не знали истинных масштабов случившегося — это наглая провокация или же полномасштабная война?

Когда в шесть утра удалось связаться с командиром 31-го стрелкового корпуса генерал-майором А. И. Лопатиным, выяснилось, что и он не имеет точной информации о происходящем. И только в два часа дня Лопатин сообщил Людникову о том, что началась война. Вечером из штаба корпуса был получен боевой приказ — занять оборону на восточном берегу реки Стырь. В первом бою с захватчиками 28 июня Людников находился на КП одного из полков. Здесь они впервые увидели, как немецкая пехота наступала не спеша, в полный рост, не ожидая, видимо, серьезного сопротивления. Огнем артиллерии и в ходе контратаки четыре немецкие роты были уничтожены за полчаса. 200-я дивизия до 6 июля удерживала свой рубеж, отбивая атаки пехоты и танков врага. К этому времени противник углубился в тыл дивизии на левом фланге на 60 километров, и командир корпуса приказал Людникову оставить занимаемые позиции и отойти к Костополю.

На протяжении многих недель лета 1941 года противник за счет использования больших масс механизированных и танковых войск осуществлял прорывы на флангах или на стыках обороняющихся советских частей и угрозой окружения вынуждал их отступать. В связи с господством в воздухе немецкой авиации, наносившей непрерывные удары, наши соединения несли потери не только в ходе оборонительных боев, но и во время отхода на новые рубежи.

В составе 31-го стрелкового корпуса 5-й армии генерал-майора М. И. Потапова 200-я дивизия под руководством Людникова 40 дней умело сражалась в

Коростеньском укрепленном районе. Грамотно выстроенная оборона, маневрирование своими частями и своевременное взаимодействие с артиллерией позволяли бойцам Людникова не только упорно обороняться, но и неожиданными для врага контратаками наносить ему большой урон в живой силе и технике. За проявленную стойкость и успешные действия в ходе боев на Коростеньском рубеже главнокомандующий войсками Юго-Западного направления маршал Советского Союза С. М. Буденный объявил дивизии благодарность.

Два месяца непрерывных боев в условиях, когда вермахт имел подавляющее преимущество в пехоте, артиллерии, танках, не говоря уже об авиации, дались дивизии Людникова очень тяжело. В августе, когда пришлось обороняться уже под Черниговом, в ней осталось менее половины от первоначального состава. А впереди предстояли бои с крупными танковыми соединениями немцев, стремившимися окружить войска Юго-Западного фронта.

Здесь, в лесах Черниговщины, уже полным ходом шло формирование партизанских отрядов. Людников вспоминал о встрече с руководителями партизанского движения, которые просили помочь им оружием и боеприпасами. Несмотря на то, что дивизия уже совсем скоро, как явствовало из имеющихся данных о противнике, будет сражаться с превосходящими силами противника, а пополнение боезапаса не ожидается, ввиду глубокого охвата немцами нашей обороны и блокирования тыловых коммуникаций, Людников выполнил просьбу будущих подпольщиков. После чего одни отправились в леса, а 200-я дивизия — готовиться к обороне. Вот она — суровая правда военных будней комдива, когда обстоятельства требуют принятия таких решений, о которых еще вчера было даже невозможно подумать, когда важен не только трезвый расчет, но и

боевое братство, потому что и полуокруженная армия, и партизаны оказались у черты, где погибают и побеждают только вместе.

Удар в направлении Чернигова, который наносили четыре немецкие дивизии, пришелся на ослабленные боями 62-ю и 200-ю дивизии. Противнику удалось рассечь дивизию Людникова на две части. Один полк вместе с частью штаба, с которым находился Людников, и отдельными подразделениями оказался в окружении. Для любого командира нет хуже ситуации, чем расчленение руководимого им соединения, грозящее потерей управления и уничтожением по частям. Людников организовал оборону, а с наступлением темноты его частям удалось прорвать кольцо окружения и вместе с другими полками дивизии оторваться от противника и переправиться через Десну.

Двенадцатого сентября 1941 года во время налета немецкой авиации на КП дивизии в результате прямого попадания было убито несколько командиров и бойцов, ранен комиссар дивизии В. М. Прянишников, а Людников получил тяжелое ранение и контузию. Очнулся он только через пять часов в медсанбате. Придя в себя, он первым делом спросил о том, что происходит в его дивизии. На КП армии, куда он был доставлен по его просьбе, ему сообщили, что дивизия отходит, но продолжает обороняться. Более тревожной стала новость о полном окружении гитлеровцами войск Юго-Западного фронта. Лично для Людникова это означало, что эвакуация раненых в тыл теперь возможна лишь по воздуху. На следующий день его перевезли на КП фронта.

О том, что Людников и комиссар его дивизии ранены и находятся на КП, было доложено командующему фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу, знавшему Людникова с довоенных времен. В своих воспоминаниях Людников отмечал, что Кирпонос спас жизнь ему и

Прянишникову, распорядившись отправить их из окружения на последних транспортных самолетах По-2. Спустя два дня, при попытке выйти из окружения, генерал Кирпонос погиб вместе почти со всем управлением штаба Юго-Западного фронта около местечка Лохвицы. В этом бою был тяжело ранен и попал в плен М. И. Потапов — командующий 5-й армией, в которую входила 200-я дивизия. Ему было суждено пройти через немецкие лагеря, но он выжил и после войны продолжил службу в Советской армии.

Лечение Людникова проходило в Казани и затянулось до конца октября 1941 года. 28 октября он получил телеграмму из Главного управления кадров Наркомата обороны с предписанием после выздоровления прибыть в Куйбышев для нового назначения. Стремясь как можно скорее попасть на фронт на командную должность, Людников отказался возглавить оперативный отдел штаба 7-й армии, а также принять командование дивизией, которая только должна была формироваться в Сибири, вдали от главных событий. Ему удалось добиться назначения командиром стрелковой бригады, сформированной в Грозном на базе военных училищ Северо-Кавказского военного округа. Главным при этом для Людникова явилась высокая готовность соединения к отправке на фронт.

В Грозный он ехал по Волге и во время стоянки в Сталинграде прошелся по городу, совершенно не думая о том, что ему доведется защищать его, а в подвале того универмага, в который он заходил за покупками, будет пленен командующий 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс.

Бригада, которую принял Людников, была укомплектована хорошо обученными бойцами, но артиллерии, транспорта и средств связи явно не хватало. Ожидать получения дополнительного вооружения и другой техники в тех условиях не

приходилось. Бригада вошла в состав 56-й армии генерал-лейтенанта Ф. Н. Ремизова и в конце ноября начала наступление на Ростов-на-Дону, который незадолго до этого был захвачен фашистами. В этом бою Людников и его бойцы впервые увидели в деле «Катюши».

Город был освобожден на второй день наступления. В сражении за Ростов недавние курсанты бригады Людникова проявили стойкость и показали свою выучку, отбив «психическую атаку» гитлеровцев, которые двинулись на их позиции на ста мотоциклах, стреляя на ходу. Все они остались лежать на поле боя, а наши бойцы захватили много трофеев, включая мотоциклы. Преследуя неприятеля, советские войска продвинулись вперед почти на 100 километров и подошли к Таганрогу. Это был, несомненно, крупный успех на фоне многих неудач первых месяцев войны, однако продвинуться дальше не позволила сильно укрепленная оборона немцев и почти полное отсутствие артиллерии нужных калибров для ее прорыва.

Пожалуй, впервые с начала войны Людников испытывал большое удовлетворение от действий своих подчиненных и от успехов всей 56-й армии. Но была еще одна причина, взволновавшая его и не дававшая покоя: он оказался совсем рядом со своей родной Кривой Косой, до которой оставалось всего около 70 километров и где он не был уже почти 20 лет. Да и в Гражданскую он сражался в этих же местах. «Эх, еще бы немного, еще чуть-чуть, освободить бы родное Приазовье, Мариуполь, Кривую Косу...» — думал Людников. Но время для этого еще не пришло, враг был слишком силен. То, о чем мечтал комдив, произойдет лишь спустя почти два года, когда мощными ударами Красная армия вышвырнет фашистских захватчиков с юга нашей страны.

В начале марта 1942 года Людникова срочно вызвали в штаб Северо-Кавказского военного округа, откуда он

был сразу откомандирован в штаб Крымского фронта. В течение двух месяцев он получил несколько назначений в разные дивизии, в командование которыми так и не вступил. Он столкнулся с явной неразберихой в управлении войсками, которые вели ожесточенные, но преимущественно безуспешные бои в восточной части Крыма, стремясь облегчить положение осажденного Севастополя, и готовились к наступлению. Однако противник опередил наше командование и 8 мая начал собственное наступление.

Людников получил указание представителя Ставки на Крымском фронте армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса отправиться на поиск 63-й стрелковой дивизии, с которой пропала связь. Ему удалось разыскать это сильно поредевшее соединение и вместе с ним он отступал до Керченского пролива. Под жестокой бомбежкой, в числе тех немногих, кому повезло остаться в живых, он переправился на Тамань. 28 мая 1942 года Людников был назначен командиром 138-й стрелковой дивизии, также вышедшей из Крыма. В ней насчитывалось лишь полторы тысячи человек, пять автоматов и 141 винтовка. К тому же более половины личного состава вскоре была отправлена в Севастополь. Таким образом, Людникову пришлось практически заново формировать дивизию, которая имела славную боевую историю. Более всего его беспокоило, что большинство прибывающих к нему офицеров еще не участвовали в войне. И он учил будущих командиров тому, что знал — и как комдив, прошедший через жестокие сражения трагического 41-го года, и как военный профессионал, разъясняя им главные задачи командиров в бою. Для них он был главным источником сведений о том, с каким сильным и опытным противником придется иметь дело, о тактике немецких войск, о проверенных в деле приемах борьбы с врагом. Боевой опыт Людникова, его глубокие знания в области

организации и управления войсками, ответственное отношение к комплектованию соединения и нуждам подчиненных создали ему огромный авторитет среди бойцов и офицеров дивизии. Взаимопонимание между комдивом и подчиненными, обретенное с первых дней совместной работы, стало залогом создания боеспособной единицы, умело сражавшейся в любых обстоятельствах.

Как показали дальнейшие события, усилия комдива не пропали даром. Людников будет командовать 138-й стрелковой дивизией девять месяцев, из них свыше трех — в Сталинградской битве. Во многом благодаря ему дивизия обретет еще большую славу, а вместе с ней прославится и ее командир.

* * *

Едва закончив формирование, 138-я стрелковая дивизия 12 июля получила приказ занять оборону на Дону и была включена в состав 51-й армии. Людников оказался в сложнейшей ситуации — скоро в бой, а на десятитысячную дивизию у него три сотни винтовок и 30 автоматов. Тяжело воевать с таким арсеналом, если тебе предстоит оборонять участок фронта длиной в 75 километров, который Людникову, чтобы побывать в частях, приходилось облетать на самолете. Оружие, оставшееся в разбитом немецкой авиацией эшелоне, и даже артиллерию удалось позаимствовать у отступающих частей. Но вскоре по распоряжению командования в дивизию прислали вооружение и усилили ее четырьмя отдельными полками — кавалерийским, артиллерийским, противотанковым и гвардейским минометным (БМ-13). Стало очевидно, что воевать предстоит на главном направлении немецкого наступления на Сталинград. Время, отпущенное на

подготовку, закончилось, и теперь боеспособность обновленной дивизии предстояло проверить противнику.

Семнадцатого июля начался первый этап Сталинградской битвы — бои на дальних подступах к городу. На следующий день передовые части 4-й немецкой танковой армии атаковали позиции дивизии Людникова. Несмотря на то, что, так же как и в начале войны, вермахт имел огромное превосходство в воздухе и на земле, а из-за растянутых коммуникаций постоянно ощущалась нехватка боеприпасов, созданное под его руководством и им обученное соединение более полутора месяцев стойко сражалось на пространстве между Доном и Волгой. Наши бойцы и командиры, в первую очередь те, кто прошел через испытания 1941 года, были теперь намного опытнее. Немцам, несмотря на неоднократные попытки, не удалось прорвать оборону или окружить дивизию. Отход на новые позиции происходил только по приказу сверху, организованно и умело, что позволяло осуществлять эти переходы без преследования противником и свести к минимуму боевые потери. Но даже в этих обстоятельствах подчиненные Людникова не только оборонялись, но и непрерывно контратаковали. За первые десять дней боев ими были взяты в плен около ста немецких и румынских солдат и офицеров — удивительный и на первый взгляд парадоксальный результат для обороняющихся и отходящих под натиском неприятеля войск! Успешные действия 138-й стрелковой дивизии явились результатом применения гибкой тактики, нешаблонных приемов и постоянного анализа действий противника.

О тяжелейших испытаниях, выпавших на их долю, и о дерзких, рожденных в боях приемах борьбы с врагом Людников вспоминал: «Трудно воевать на широких донских просторах, когда танков у тебя нет, а противник маневрирует ими на ровной открытой местности, когда

его самолеты безнаказанно летают через линию фронта, проникая в наши глубокие тылы... Только ночь лишает врага преимуществ. Ночью можно драться на равных. А потому удары по основной переправе гитлеровцев мы наносим ночью.

Полки дивизии ходили в ночные контратаки не только на Дону, но и на Аксае. Если днем противнику удавалось потеснить наш полк, ночной контратакой мы возвращали утерянные позиции. Были созданы специальные батальоны для ночных действий. Бойцов обучили атаковать внезапно, стремительно, без звуковых и световых сигналов, прокладывать дорогу автоматами и гранатами».

Как один из самых тяжелых моментов оборонительных боев в междуречье, в котором весь личный состав дивизии проявил массовый героизм, запомнил Людников бой 31 июля. По заведенному обычаю, с рассветом немецкая авиация принялась бомбить позиции дивизии, но в этот раз от огромного количества самолетов небо словно потемнело — сначала около восьмидесяти «Юнкерсов», а затем группы по 9—12 пикирующих бомбардировщиков с воем неслись к земле и буквально засыпали бомбами передний край нашей обороны. Затем к налету подключились артиллерия и минометы. После этой адской увертюры 2-я румынская пехотная дивизия пять раз ходила в атаку, но полки майоров Г. М. Гуняги и Ф. И. Печенюка отстояли свои рубежи.

Убедившись в бессилии румын взломать оборону 138-й дивизии, немцы бросили в бой также свои войска и нанесли совместные удары в стыки наших частей, пытаясь обойти их фланги, в надежде, что в рядах обороняющихся возникнет паника из-за возможного окружения. Но то, что давало гитлеровцам результат в 1941 году, теперь, против организованной и дисциплинированной советской дивизии, не

срабатывало. Бой продолжался непрерывно 14 часов. Бойцы Людникова отбили все атаки и нанесли врагу большой урон в живой силе.

За проявленные в этом бою отвагу и умелые действия дивизия получила благодарность Военного совета 51-й армии, приказ которого гласил: «Военный совет армии отмечает, что 138-я Краснознаменная стрелковая дивизия по стойкости и мужеству в боях — пример остальным дивизиям армии».

В начале августа противник усилил свои удары на Сталинградском направлении. Под натиском превосходящих сил гитлеровцев наши войска постепенно отступали. В связи с постоянно возникающей угрозой глубокого прорыва немцев в тыл 51-й армии, ее штаб, а также армейские базы снабжения отошли настолько далеко от передовой, что фактически армейское командование утратило возможность оперативно управлять отдельными частями. В эти дни Людников получил последний приказ из штаба 51-й армии, в котором ему предписывалось действовать самостоятельно и по обстановке. И хотя причина подобного приказанья была понятна, неясно было, как «действовать» против непрерывно атакующих немецких и румынских частей, не имея в достатке ни оружия, ни боеприпасов. 138-я дивизия вступила в свой самый трудный период за все время боев между Доном и Волгой. Потеряв всякую связь с 51-й армией, дивизия Людникова отступила к реке Аксай и оказалась на левом фланге 64-й армии генерала М. С. Шумилова. Здесь у Людникова произошла первая встреча с заместителем Шумилова генерал-лейтенантом В. И. Чуйковым, под началом которого он будет сражаться во время городских боев в Сталинграде.

В начале августа Чуйков формировал группу из отступающих частей и разрозненных отрядов для организации обороны по реке Аксай юго-западнее

Сталинграда. 3 августа он вызвал к себе Людникова, объявил ему о присоединении 138-й дивизии к созданной им войсковой группе и поставил комдиву новую задачу по организации обороны. Как вспоминал позднее Людников, после их первой встречи с Василием Ивановичем Чуйковым и на протяжении всего периода сражений в августе — сентябре 1942 года недостатка в оперативном руководстве он больше не испытывал. Чуйков много раз бывал в расположении дивизии, отмечал стойкость и умелые действия ее бойцов и командиров, важную роль этого соединения в оборонительных боях на подступах к Волге.

Чем ближе к Сталинграду продвигался враг, тем сильнее становилось сопротивление наших войск. Накал сражений в те августовские дни, их ожесточенность превзошли все, что пришлось до этого испытать дивизии Людникова и другим советским частям в боях между Доном и Волгой. Они явились предвестником тех небывалых по напряжению и упорству схваток, которые развернутся во время битвы в самом городе.

Непрерывные боевые действия, которые дивизия Людникова вела днем и ночью, изматывали людей, а в отсутствие пополнения численность ее резко сократилась. В самом многочисленном 344-м полку в строю оставалось всего 404 бойца. Выполнять поставленные перед соединением задачи становилось все сложнее. Людников докладывал об этом командованию 64-й армии, однако оно не имело возможности восполнить потери не только 138-й стрелковой, но и других дивизий и частей, входивших в ее состав.

В трагический для жителей Сталинграда день — 23 августа, когда сотни самолетов люфтваффе несколько часов непрерывно бомбили город, превратив его в руины, 138-я дивизия приняла на себя очередной удар рвавшихся к Волге немцев. Бой у разъезда 74-й

километр по своему ожесточению и драматизму превзошел все, что пришлось пережить комдиву Людникову и его подчиненным летом 1942 года. После продолжительной бомбежки и артобстрела немецкие танки и пехота атаковали позиции дивизии одновременно на нескольких участках. Главный удар принял на себя батальон лейтенанта Бобыкина. Противник имел пятикратное превосходство в живой силе. Танков же в рядах оборонявшихся не было вовсе.

Людников так рассказал о тех, кто не дрогнул и до конца стоял на той огненной черте: «Немного людей было в 3-м батальоне из полка Печенюка, но каждый из них заслужил, чтобы на братской могиле у того рубежа, где погиб батальон, был воздвигнут памятник. Шесть часов удерживали солдаты свой рубеж, хотя знали, что уже сражены комбат Бобыкин, военком Федоров и другие командиры. Немецкий полк, поддержанный большим количеством танков, прорвался через этот рубеж лишь тогда, когда пал последний солдат 3-го батальона.

Шестнадцать часов длился бой у маленького железнодорожного разъезда 74-й километр. Мы истребили девять немецких танков. Пять танков сожгли, забросав бутылками с горючей жидкостью. За этот бой личный состав 138-й дивизии получил благодарность Военного совета 64-й армии».

К 29 августа дивизия Людникова оказалась почти в полном окружении, но продолжала сражаться, не имея связи со штабом армии и не зная о том, что приказ на отход уже отдан. Когда этот приказ армейского командования удалось наконец по радио передать в дивизию, она в последний момент с трудом сумела вырваться через узкую горловину из «мешка», в которой оказалась из-за отступления соседних частей. На тот момент в дивизии оставалось всего 550 человек и 12 орудий. Но едва те, кто остался в строю успели занять

новый рубеж на линии Варваров-ка — Нариман — высота 126, как вновь они были вынуждены отражать одну за другой три танковые атаки, уничтожив благодаря отлично организованному огню артиллерии 25 вражеских танков.

То, что сделали в августе 1942 года в донских степях солдаты Людникова и других отличившихся в эти дни наших соединений и частей, не измеряется одним лишь количеством уничтоженной техники и живой силы врага. Каждый выдержанный ими бой, каждый день, когда они устояли под напором лавины танков, тысяч самолетов и мощи орудий 6-й полевой армии вермахта, срывая уже тогда все сроки гитлеровского командования по взятию Сталинграда, переплавлялся в фундамент будущей великой победы на берегах Волги, повернувшей ход Второй мировой войны.

Боевые действия 138-й стрелковой дивизии на первом этапе Сталинградской битвы — это не только массовый героизм и мужество ее бойцов и командиров. Сквозь все испытания, выпавшие им, они прошли, ощущая уверенное и умелое руководство своего комдива, которому они верили и который был вместе с ними во все дни тяжелых боев, отступлений и горьких потерь.

О сражении в излучине Дона газета «Красная звезда» в передовой статье «Отбить наступление немцев на Сталинград!» от 4 сентября 1942 года писала: «В боях за Сталинград многие части Красной Армии проявляют выдающийся героизм и стойкость. Примером могут служить гвардейская дивизия, которой командует генерал-майор Глазков^[93], и стрелковая дивизия под командованием полковника Людникова».

Ослабленную в боях 138-ю дивизию вывели в резерв 64-й армии на новый рубеж обороны, оборудованный всего в десяти километрах западнее Сталинграда. Но передышка для подчиненных Людникова быстро

закончилась. Уже 8 сентября немецкие войска проломили оборону советских частей на стыках с соседями 138-й дивизии и атаковали ее позиции по всему переднему краю. Но к тому времени дивизия приобрела такой опыт борьбы с танками и пехотой противника, что за четверо суток непрерывных боев противнику так и не удалось прорвать ее оборонительные порядки. 15 сентября дивизию Людникова, выполнившую свою задачу, вывели во второй эшелон, а 5 октября перевели в резерв 64-й армии и переправили на левый берег Волги. 15 октября дивизия была передана в состав 62-й армии, которая под командованием генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова вела бои в Сталинграде, прижатая к Волге. Первый приказ, полученный Людниковым от Чуйкова, гласил: «Командиру 138 сд немедленно и по тревоге поднять один полк в полном составе и не позднее 5.00 16.10.42 г. переправить его на западный берег р. Волга».

Ускоренным маршем к Волге был отправлен 650-й полк майора Ф. И. Печенюка, вместе с которым ушел заместитель Людникова полковник И. И. Куров. На следующий день 138-я дивизия в полном составе вышла к переправе 62-й армии и на бронекатерах и моторных паромах 44-й Волжской флотилии переправилась на правый берег. Новый приказ командарма Чуйкова ставил перед 138-й дивизией задачу: «к 4.00 17.10.42 г. занять и прочно оборонять рубеж южная окраина Деревенек, Скульптурный. Не допустить выхода противника в район проспекта Ленина и завода «Баррикады».

Высадка дивизии Людникова произошла неподалеку от КП 62-й армии, куда он и отправился сразу же, как только ступил на сталинградский берег. В это время на КП находились все члены Военного совета армии, а также командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко и его заместитель генерал-лейтенант М. М. Попов. После доклада Людникова

командующему фронтом, Еременко сказал: «Знаю вашу дивизию, и все же считаю нужным напомнить, что противник будет стремиться сбросить ее в Волгу. Силы против вас будут действовать большие, с потерями гитлеровцы сейчас не считаются. Нужно держаться во что бы то ни стало. Город мы не сдадим. Ясно? Вот так. Конкретно задачу поставит вам Василий Иванович Чуйков. Желаю боевой удачи».

На рассвете 17 октября, всего через несколько часов после окончания переправы дивизии в Сталинград и занятия подразделениями 650-го и 768-го полков обороны на указанных командармом Чуйковым рубежах, гитлеровцы нанесли по ним сильнейший удар. Как и предполагалось командованием армии, противник стремился выбить наши войска с территории завода «Баррикады». Чтобы отвести угрозу своему левому флангу, Людников приказал командиру 344-го полка Д. А. Реутскому нанести контрудар при поддержке дивизионной артиллерии и «Катюш».

Свой первый боевой экзамен в непривычных стесненных условиях, в незнакомом городе, среди разрушенных домов и заводских цехов подчиненные Людникова выдержали и отбросили врага, уничтожив несколько сотен немецких солдат, прорвавшихся на территорию завода, и почти все танки. Однако и дивизия понесла чувствительные потери. А в самом начале сражения снаряд разорвался рядом с наблюдательным пунктом Реутского, который получил тяжелое ранение и лишился зрения.

Узнав о ранении Реутского, Людников пришел в перевязочный пункт, чтобы попрощаться с ним перед эвакуацией. Он хорошо помнил первую встречу с полковником Реутским, который прибыл в дивизию, чтобы заменить выбывшего командира 344-го полка. Это произошло менее месяца тому назад в районе Бекетовки. В его послужном списке значились участие в

Гражданской войне, высшее военное образование и служба преподавателем на курсах «Выстрел». Любой комдив был бы не против иметь у себя офицера с таким опытом. Смущало другое — Реутский был полковником, а в дивизии полками командовали майоры. Но, переговорив с ним, Людников выяснил, что тот уже давно просил направить его в действующую армию, должности комполка соответствует, и лично просил в кадрах не назначать его на более высокое командное место, как не имеющего боевого опыта в нынешней войне.

Услышав голос комдива, Реутский первым делом спросил его о том, выполнил ли полк поставленную задачу, и успокоился, услышав, что его бойцы во многом способствовали успеху прошедшего дня. Людников остро переживал потерю мужественного и грамотного офицера, человека рассудительного и многоопытного, которого впереди ожидали тяжелые испытания. Через 20 лет после этих событий, с большим волнением и гордостью за своего боевого товарища, Людников прочел в «Литературной газете» очерк об участнике Сталинградской битвы слепом полковнике в отставке Дмитрие Александровиче Реутском, который жил и работал в Киеве и был одним из лучших партийных пропагандистов.

Уже первый день боев в Сталинграде оказался насыщенным многими событиями и выявил массу неотложных мер, которые необходимо было срочно предпринять для организации обороны. Характер небывалого для личного состава дивизии городского сражения, о котором Людников и другие командиры, казалось бы, уже знали всё из бесед с участниками этих боев еще до переправы, а также появившиеся личные впечатления однозначно свидетельствовали — воевать здесь придется по особым законам и готовиться к этому

нужно основательно и в кратчайшие сроки, чтобы не быть сброшенными в Волгу уже в ближайшее время.

Анализ боевой обстановки в полосе 138-й дивизии, особенностей территории и состояния находящихся на ней строений, а точнее — того, что от них осталось, позволил Людникову сформулировать основные задачи, реализация которых позволит удержаться против превосходящих сил противника. Комдив приказал: немедленно начать инженерную подготовку оборонительных рубежей — рыть окопы до полного профиля; все строения, пригодные для организации обороны, обустроить с учетом длительного нахождения в них людей; оборудовать огневые точки, опорные и хорошо укрытые командные пункты; создавать укрепления и минировать наиболее опасные направления.

С этой же целью Людников распорядился переправить всех командиров батарей в Сталинград для их тесного взаимодействия с командным составом батальонов и рот и большей самостоятельности в выборе целей для дивизионной артиллерии, оставшейся на левом берегу. В дополнение к этим мерам комдив приказал обеспечить ведение постоянной разведки, без чего в быстро меняющейся обстановке городских боев невозможно контролировать действия противника на передовой и предотвращать его попытки проникновения в наш тыл. Он поручил привлекать для этого жителей города, прежде всего рабочих «Баррикад», хорошо знающих расположение заводских построек, подземных помещений, ходов, убежищ, которые можно использовать для целей активной обороны. По докладам подчиненных об итогах самого первого дня боев, Людников сделал еще один вывод — о создании в каждой роте и в батальонах небольших резервов для борьбы с мелкими группами противника, которые просачивались в ходе атак на наши позиции между

опорными пунктами. Время показало своевременность и эффективность этой меры.

Все последующие дни вплоть до 3 ноября были похожи один на другой. Если позволяла погода, с раннего утра люфтваффе принималось обрабатывать передний край дивизии. Затем подключалась артиллерия, после чего пехота и танки атаковали наши позиции. Почти нигде, кроме незначительных участков, немцам не удалось потеснить полки Людникова, несмотря на огромное превосходство в живой силе и технике.

Но за внешней схожестью фронтовых будней комдиву были ясно видны перемены в поведении своих бойцов и командиров и в способности дивизии к сопротивлению. Часто бывая на переднем крае, Людников отмечал, как с каждым днем все надежнее и неприступнее для противника становится оборона. В окнах домов, заваленных всем, чем только можно, проделывались бойницы, причем по несколько на каждого стрелка, чтобы маневрировать огнем и вести наблюдение за своими соседями и противником, создавая у немцев видимость многочисленности обороняющихся. Некоторые дома были превращены в настоящие крепости с запасными ходами с этажа на этаж для быстрой переброски людей в случае захвата неприятелем лестниц. С тыльной стороны делались проходы в стенах для вкатывания орудий, подвалы оборудовались для отдыха и укрытия от обстрелов. Между зданиями рылись окопы и ходы сообщения, подходы минировались.

Эффективность и живучесть маневренной, насыщенной огневыми точками обороны 138-й дивизии гитлеровцы прочувствовали сполна. Накопленный нашими бойцами и командирами опыт городских боев явился не только основой удержания своих позиций, но и позволял наносить противнику настолько жестокий

урон, что порой немцы в течение несколько дней не могли возобновить наступление с прежней силой.

Вспоминая эти бои, Людников подчеркивал, что основной целью врага было перенести боевые действия за пределы завода «Баррикады», на открытые участки, где их авиация, танки и артиллерия получили бы свободу действий. Тогда, как задача обороняющихся состояла в том, чтобы не дать противнику создать разрыв между позициями наших и вражеских войск, втянуть немцев в теснину сталинградских развалин, свести тем самым к минимуму их перевес в технике и иметь возможность изматывать и уничтожать превосходящие силы фашистов.

О том, насколько непреодолимой для гитлеровцев оказалась оборона в полосе 138-й дивизии, свидетельствует письмо убитого гитлеровского офицера, добытое нашими разведчиками, которое показал Людникову батальонный комиссар Фомин из 344-го полка: «Нам надо дойти до Волги. Мы ее видим — до нее меньше километра. Нас постоянно поддерживает авиация и артиллерия. Мы сражаемся как одержимые, а к реке пробиться не можем. Вся война за Францию продолжалась меньше, чем за один приволжский завод. Мы брали крупные города и теряли при этом меньше людей, чем на этом богом проклятом клочке земли. Против нас, вероятно, сражаются смертники. Они не получают подкреплений, так как мы контролируем переправу. Они просто решили сражаться до последнего солдата. А сколько их там осталось — последних? И когда этому аду наступит конец?..»

Удержание своих позиций, беспощадная война на уничтожение, несмотря на мужество, героизм и умелые действия наших воинов, давались высокой ценой жизнью защитников Сталинграда, а пополнить их ряды или прийти на помощь удавалось далеко не всегда. В своих воспоминаниях Людников привел такую запись из

дневника боевых действий за 25 октября, особо отметив подвиг бойцов, стоявших насмерть: «С шести часов утра самолеты-бомбардировщики «Ю-87» бомбили боевые порядки дивизии. Противник атакует танками. В образовавшийся разрыв между 344-м и 650-м сп я ввел первый батальон 118-го гвардейского стрелкового полка (этот полк приказом командующего армией с 20 октября был передан в подчинение нашей дивизии). В батальоне было всего 40 человек, 25 винтовок, 15 автоматов и 9 ПТР. Тем не менее эти 40 смельчаков контратаковали противника и восстановили положение.

В 13.00 отбита сильная атака на полк Гуняги. Через два часа повторная атака танками и пехотой. Гитлеровцам удалось овладеть Красным домом. Гарнизон этого дома погиб.

Вечером и в полночь противник продолжал атаки. Первый батальон 344-го стрелкового полка выдержал двухчасовой бой.

Командарм Чуйков сказал по телефону: «Знаю, что вам туго, но именно сейчас надо во что бы то ни стало удержать рубежи».

...Даже не сведущий в военных делах человек может себе представить, в каких тяжелых условиях приходилось нашей дивизии вести бои. Батальон, насчитывающий сорок человек, это ведь по численности — взвод!.. Я сейчас уже не помню, что это был за Красный дом, скорее всего одно из полуразрушенных зданий, превращенных в опорный пункт... Но, судя по записи в дневнике, тогда он имел для нас важное значение, и защитники его дрались до последнего бойца».

Войска 6-й армии, считавшиеся одними из лучших в вермахте, которые постоянно превозносились геббельсовской пропагандой, не погнушались опуститься до позорных, чудовищных злодеяний — вымещать свою злость и бессилие перед защитниками

Сталинграда на мирных жителях. Людников вспоминал, как во время нескольких атак на позиции 138-й дивизии фашисты гнали впереди себя женщин, детей и стариков, а однажды на глазах наших солдат расстреляли мальчика. Нетрудно представить, какую волну ненависти и жажды мести вызвали эти сцены у бойцов и командиров дивизии.

Вину за эти преступления в отношении гражданских лиц несут не только исполнители, но и командование 6-й немецкой армии во главе с Ф. Паулюсом, который не мог не знать о методах ведения войны его подчиненными. После его пленения 31 января 1943 года в Сталинграде и до последних дней жизни он называл себя лишь солдатом, исполнявшим приказ, пытаюсь, видимо, таким образом дистанцироваться от злодеяний, творимых на территории нашей страны карательными отрядами нацистов. Однако приведенные факты насилия и убийств его подчиненными мирных граждан в Сталинграде, так же как участие Паулюса в подготовке в 1940-1941 годах плана нападения на СССР (план «Барбаросса»), не оставляют сомнений, что он является военным преступником. Избежать скамьи подсудимых ему удалось лишь благодаря намерению И. В. Сталина добиться от него изменения своего отношения к нацистскому режиму. В 1944 году, в результате настойчивых усилий сотрудников НКВД, Паулюс занял открытую антигитлеровскую позицию, и его, как широко известного в германском обществе представителя военной верхушки, чье поведение привлекало всеобщее внимание, подключили к антинацистскому движению.

В ночь на 3 ноября Людников получил приказ командарма Чуйкова, из которого следовало, что, в связи с подготовкой противником нового массированного наступления с целью прорыва к Волге, дивизии необходимо быть готовой к отражению атак и, по-возможности, активными действиями расширить свой

плацдарм. Благодаря своевременной информации и принятым срочным мерам по укреплению обороны 138-я дивизия отразила все яростные попытки гитлеровцев прорваться к волжскому берегу, продолжавшиеся весь следующий день. Натолкнувшись на упорное сопротивление на этом участке, немцы атаковали позиции соседних дивизий, но успеха не имели.

Наступило относительное затишье, которое продолжалось до 11 ноября. В какой-то момент этой затянувшейся паузы Людников даже подумал, что немцы выдохлись и не в состоянии атаковать с прежней силой. Но вечером 10 ноября он получил сообщения от командиров всех полков о том, что, по всем признакам, противник накапливает силы для нового наступления. Подтверждением серьезности намерений немецкого командования явилась интенсивная бомбежка позиций нашей артиллерии, сосредоточенной на левом берегу, мощные удары которой, корректируемые наблюдателями, находящимися на переднем крае, уже не раз останавливали врага.

Ранним утром 11 ноября, не дожидаясь рассвета, противник начал артподготовку, после чего пять пехотных и две танковые дивизии атаковали 62-ю армию на фронте шириною около пяти километров. В полосе 138-й дивизии наступали три пехотных полка при поддержке сорока танков. Основной удар был нанесен на правом фланге дивизии, где держал оборону 118-й гвардейский полк, составленный из остатков 37-й гвардейской стрелковой дивизии. Гвардейцы пять часов сдерживали врага, но немцы бросили в бой еще два свежих саперных батальона, которые в числе других были накануне срочно переброшены в Сталинград по воздуху с других фронтов. После того как на одном участке обороны героически погибли все защитники, враг прорвался к Волге. Но, взятые немцами в кольцо, оставшиеся в живых бойцы продолжали сражаться! К

исходу дня из окружения сумели вырваться те, кто уцелел — семеро израненных солдат, вынесших тяжелораненого командира полка подполковника Н. Е. Колобонникова.

В этот день очень нелегко, как никогда раньше, пришлось и другим частям дивизии. К началу наступления немцев 11 ноября в полках у Людникова насчитывалось всего по 70-100 человек. Группа немецких автоматчиков пробралась в тыл 768-го стрелкового полка майора Г. М. Гуняги и атаковала его КП. Несколько часов офицеры штаба и солдаты роты охраны отбивались от нападавшего противника, пока не удалось ликвидировать угрозу.

Однако беда пришла с той стороны, откуда ее не ждали. Соседом дивизии Людникова слева был 241-й полк дивизии полковника В. А. Горишного. Под натиском превосходящих сил врага пали, не сдав своего рубежа, почти все его бойцы и командиры. И лишь тогда немцы продвинулись вперед, отрезав 138-ю дивизию от главных сил 62-й армии. Сильно поредевшая в ходе последних сражений, прижатая к Волге дивизия Людникова оказалась в полуокружении. В своих мемуарах Людников так обрисовал их новую реальность: «На «Баррикадах» мы дрались сто дней и ночей, а с 11 ноября и почти до конца года были отрезаны от своих частей. Впереди и на флангах до берегов Волги — враг. Позади — река... Положение осложнялось еще и тем, что в зоне действия ружейно-пулеметного огня противника оказалась переправа через протоку Денежная Воложка и остров Зайцевский — единственный путь, по которому шло снабжение дивизии боеприпасами и продовольствием, эвакуация раненых. С этого дня мы оказались на «острове»... В те дни (это отмечает в своих мемуарах В. И. Чуйков) о защитниках «Баррикад» в газетах не писали — ни один корреспондент не мог пробраться к ним».

Этот клочок сталинградской земли размером 700 метров по фронту и 400 метров в глубину вскоре назовут «островом Людникова». На нем дивизия сражалась 40 дней. Острова с таким названием не существует в природе. Он появился благодаря нестигаемой силе духа и отчаянному мужеству бойцов и командиров 138-й дивизии, продолжавших драться с врагом на крохотном пятачке с такой же силой и умением, как и в цехах «Баррикад», и на руинах городских кварталов. На этот сухопутный остров так и не ступила нога захватчика.

А что касается вошедшего в историю Сталинградской битвы меткого названия этой кромки волжского берега, то возникло оно с легкой руки, а можно сказать «с легкого крыла», славного труженика войны — небесного тихохода По-2. Это случилось во время одного из первых вылетов этих самолетов в расположение 138-й дивизии, снабжение которой пытались организовать по воздуху, сбрасывая по ночам тюки с продуктами и боеприпасами. Чтобы груз попал по назначению, дивизия обозначала кострами передний край. Разгадав действия «людниковцев», немцы тоже запалили костры, сбив с толку наших летчиков. Тогда командир воздушного звена пролетел с выключенным мотором так низко над берегом, что на земле слышали его крик: «Эй, остров Людникова! Туши костры!» Сигнальные костры дивизии были быстро погашены, и пилоты ясно увидели темное пятно в кольце огней, успев сбросить припасы точно в цель до того, как спохватились фашисты. Но не все рейсы заканчивались удачно. Нередко груз попадал к противнику или в Волгу, а иногда от удара о землю боеприпасы приходили в негодность. Несмотря на храбрость летчиков и острую необходимость в снабжении, от доставки по воздуху пришлось отказаться.

Самой тяжелой на «острове» стала первая неделя. Людников, обсудив ситуацию со своим штабом, пришел к

выводу, что, изолировав ценой больших потерь его дивизию, немцы на этом не остановятся и будут атаковать снова и снова, пытаясь окружить их ударом вдоль берега или сбросить в Волгу фронтальным наступлением. Командование 62-й армии не имело возможности помочь Людникову восстановить связь с соседями, но Чуйков по радио обещал поддержать огнем армейской артиллерии и сделать все возможное для организации снабжения.

В решительный штурм 13 ноября немецкое командование бросило пехотную дивизию и два полка, а также пять саперных батальонов. Как и следовало ожидать, немцы, поддерживаемые сильным огнем артиллерии, пытались прорваться на небольшом участке. Направление удара было выбрано ими не случайно, так как в случае успеха они выходили в тыл вблизи дивизионного КП. Когда вскоре после возобновления наступления около 70 немецких автоматчиков появились рядом с КП дивизии, они, возможно, уже решили, что цель близка, поскольку боевых подразделений и опорных пунктов на их пути не было. Но комдив Людников лично повел в контратаку небольшой отряд, составленный из офицеров штаба, связистов и бойцов комендантской роты. Просочившиеся в тыл дивизии немцы были уничтожены, а спустя час удалось восстановить положение на левом фланге, где врагу поначалу удалось потеснить оборонявшихся.

Однако в этот день полыхали не только фланги, а весь передний край дивизии. Более десяти часов немцы пытались захватить так называемый П-образный дом, занимавший важное место в системе обороны. Немецкие танки били по нему прямой наводкой, снеся верхний этаж, после чего пехота ворвалась в дом. Его защитники укрылись в подвале и вызвали огонь артиллерии на себя. Все штурмовавшие здание захватчики нашли свою

смерть под его обломками, а наши воины благополучно ушли по запасному ходу.

Впереди были новые испытания, но Людников, ни на минуту не терявший управление боем, видевший, как бьются его бойцы, чутьем бывалого командира ощущал, что они могут выстоять, если будут сражаться так, как в этот день. Это была еще одна, пусть и небольшая, победа «людниковцев» — над врагом, над трагическими обстоятельствами, над своими сомнениями, если они у кого-то и возникали, в успешном исходе противостояния с идущими напролом нескончаемыми цепями немцев.

Назавтра бой разгорелся с новой силой. По всему чувствовалось, что противник решил во что бы то ни стало уничтожить дивизию, ставшую у него на пути, зная, что силы защитников на исходе. О сражении 14 ноября Людников вспоминал: «Временами казалось, что не остается уже никакой возможности выдержать натиск превосходящих сил гитлеровцев. Не считаясь с потерями, они вводили в бой все новые и новые силы, непрерывно наращивали огневую мощь. На участке полка капитана В. А. Коноваленко^[94] пали два опорных пункта в домах после того, как гарнизоны, оборонявшие их, погибли до последнего бойца. Как и накануне, группа автоматчиков вновь прорвалась в район командного пункта дивизии. В бой с ними вступили все находившиеся в штабе и поблизости от него. Даже раненые ходили в контратаку».

Положив сотни своих солдат, немцы не смогли удержать занятый столь высокой ценой рубеж, и во второй половине дня дивизия вернулась на свои позиции, которые занимала до атаки. «Остров» устоял и даже не уменьшился в своих размерах. Однако затишье обещало быть коротким — из разных подразделений Людникову шли доклады о том, что противник готовит новый удар. Комдив, трезво оценивая способность дивизии к обороне, понимал, что его людям, измотанным

непрерывными боями, нужна передышка. Наступление немцев необходимо было если не предотвратить, то хотя бы задержать, спутать им карты. Он приказал командующему артиллерией подполковнику С. Я. Тычинскому накрыть огнем изготовившегося врага. Неожиданно все батареи доложили о том, что у них «нули». Это означало, что стрелять нечем, остался только неприкосновенный запас снарядов для самообороны огневых позиций. И Людников приказывает стрелять «нулями». С левого берега донеслись раскаты всего нескольких залпов, но и этого хватило, чтобы лишить противника способности возобновить свой натиск. Он не только не смог организовать еще одно наступление в этот день, но и на следующий тоже. Более того, видимо, подсчитав свои потери, немецкое командование вообще отказалось от лобовых атак и стало действовать небольшими штурмовыми группами.

Вот ведь как все повернулось — немцы избрали тактику, которую применяли в 62-й армии! Но если в массированных атаках они порой имели успех, то в ближнем бою, с примерно равным соотношением сил на отдельных участках, шансов одолеть наших солдат у них не было вовсе. Однако у них имелось другое эффективное средство против осажденной 138-й дивизии — держать под обстрелом переправы, чтобы, лишенная продовольствия, боеприпасов и пополнения, она потеряла способность к сопротивлению.

Командование 62-й армии постоянно находилось на связи с Людниковым и делало все возможное для организации снабжения его дивизии. В своих воспоминаниях командарм В. И. Чуйков отмечал: «... Перед нами встала задача оказать помощь дивизии Людникова, оторванной от главных сил армии. Ее положение стало очень тяжелым: она была зажата противником с севера, с запада и с юга, а с востока отрезана Волгой, по которой шел сплошной лед. Подвоз

боеприпасов, продовольствия, вывоз раненых производились с перебоями, с промежутками в двое-трое суток...»

По состоянию на 20 ноября численность 138-й дивизии составляла 1673 человека, включая тех, кто находился на левом берегу, а таких могло быть, судя по имеющимся данным по другим дивизиям, около трети всего личного состава. О том, что дивизия столь малой численности считалась на Сталинградском фронте небоеспособной, можно видеть на примере других соединений. Так, 37-я гвардейская стрелковая дивизия имела на ту же дату на 521 человека больше, чем у Людникова, а 308-я — на 54 человека больше, но обе они были в ноябре выведены на левый берег ввиду истощения сил. Возможно, при других обстоятельствах 138-я дивизия также подлежала бы выводу из города для отдыха и пополнения. Но сделать это в той ситуации, в которой она оказалась в середине ноября, было невозможно.

Шестнадцатого ноября Людников был вынужден ввести жесткие суточные нормы выдачи продовольствия, которые распространялись на каждого человека — от комдива и до солдата: сухарей — 25 граммов, крупы — 12, сахара — 5 граммов. Патронов полагалось по 20–30 штук. При таком рационе трудно не только воевать, но и просто выживать даже здоровым людям, а в дивизии находилось около четырехсот раненых — почти столько, сколько оставалось людей в строю (!), — и переправить их на левый берег не было возможности.

В эти дни случился эпизод, ставший известным уже много позже со слов участников тех событий, о котором сам Людников не любил вспоминать. Перед войной у Ивана Ильича была язва желудка. Язва зарубцевалась, но скудное и нерегулярное питание вызвало обострение заболевания. Когда было возможно, комдив

прикладывал к больному месту флягу с горячей водой. Никто в дивизии не знал о его недуге до тех пор, пока медсестра, приносившая комдиву горячую воду, не рассказала о мучениях Ивана Ильича начальнику штаба подполковнику В. И. Шубе. Во время очередного совещания Шуба, посоветовавшись предварительно с заместителем комдива Куровым, предложил Людникову не рисковать своим здоровьем и на ближайшем катере, который пробьется к ним, переправиться на левый берег. Людников в категоричной форме отверг предложение своих помощников и потребовал от них прекратить любые разговоры на эту тему в дальнейшем.

Но, при всей тяжести ситуации с продуктами, еще губительнее для дивизии была нехватка боеприпасов. Трофейное оружие собиралось теперь с особым усердием. Жизненно важно было отправить кого-нибудь из офицеров через Денежную Воложку, по которой шла шуга, на остров Зайце веки й, чтобы оттуда связаться со штабом армии и подробно доложить обстановку. И сделать это нужно было под огнем врага.

Выполнить задание вызвался редактор дивизионной газеты старший политрук Михаил Зуев. Как только он отправился в путь, все орудия, минометы и пулеметы открыли огонь по выявленным огневым точкам противника, затрудняя им обстрел места переправы. Михаил, сначала лежа в лодке, а потом вплавь, сквозь ледяную шугу, успешно добрался до острова и доложил командованию о реальном положении дел в дивизии, объяснив, в чем она больше всего нуждается.

Груз в осажденную дивизию необходимо было доставить срочно. Об этом героическом эпизоде помощи защитникам «острова» Людников вспоминал: «Несмотря на то, что переправа находилась под огнем противника, была предпринята отчаянная попытка подвезти продукты и боеприпасы на лодках. Мы наблюдали, как грузились люди, как отчаливали от берега, как началась

ожесточенная артиллерийская дуэль... С болью в сердце видели мы, как одна за другой исчезали под водой накрытые разрывами снарядов лодки. Лишь шесть из двадцати пяти добрались до нашего берега».

По сути, единственной эффективной помощью штаба 62-й армии «людниковцам», которую удалось реализовать, явилась артиллерийская поддержка. Огонь наших орудий с левого берега — точный и своевременный — стал важнейшим залогом успешного противостояния 138-й дивизии наседавшему врагу во второй половине ноября.

Необходимо отметить, что с наступлением холодов проблема снабжения защитников Сталинграда стала общей для всех соединений и частей 62-й армии. Военный историк А. В. Исаев в своей книге «Сталинград. За Волгой для нас земли нет» пишет: «В журнале боевых действий Сталинградского фронта 13 ноября 1942 г. появляется тревожная запись: «Войска 62 армии ведут напряженные бои в очень тяжелых условиях управления и общения с левым берегом р. Волга. С появлением «сала» на Волге снабжение продовольствием, боеприпасами, перевозки пополнения проходят исключительно напряженно, а с учетом воздействия огня противника и его авиации положение с переправами становится близко к катастрофическому. Переправочные средства несут потери до 30-40 %, а бронекатера около 60 %».

Общаясь ежедневно со своими бойцами, благо, ходить далеко не пришлось, Людников с удовлетворением и гордостью за них подмечал, как окреп моральный дух солдат, выросла их вера в скорую победу над врагом на волжском берегу. Примеров тому было много, самых разных. Он слышал, как в разговорах о предстоящих боях после Сталинграда бойцы называли свою дивизию «гвардейской», словно не сомневались, что за все, что совершили те, кто в ней сражался,

дивизия непременно обретет это почетное наименование. А скоро комдив убедился, что его подчиненные не только верят в это, но даже готовятся к такому событию. Однажды, зайдя в полк к майору Печенюку, Людников наткнулся в ходу сообщения на странный мешок, в котором находились какие-то металлические предметы. Он спросил у стоявшего рядом рядового: «Что это?» Тот ответил: «Гвардейские значки! Здесь до нас сражались гвардейцы, но они то ли погибли в бою, то ли еще что-то с ними случилось, а мешок со значками остался. Две недели уже сберегаем. Старшина Пономарев приказал. Думаем — пригодятся». Улыбнулся комдив, растрогал его этот разговор, сказал: «Сберегайте, может, действительно нам пригодятся».

Неожиданно для Людникова медсестра штаба дивизии Озерова доложила ему, что раненые хотят увидаться с комдивом. Он знал, что людям, томящимся в землянке, без медикаментов, без перевязочных средств, без достаточного питания, тяжелее тех, кто в состоянии сражаться. Но вопросы, которые задавали ему раненые бойцы, их просьбы оказались совсем о другом. Они не просили дополнительных пайков, зная, что все в одинаковом положении, не спрашивали про эвакуацию, понимая, что это невозможно. Зато они хотели узнать от своего командира, как дела на передовой и что их ждет, настаивали на отправке тех, кто может передвигаться и держать в руках оружие, на передний край. А еще они попросили комдива разрешить им писать в письмах, что они сражаются в Сталинграде, чтобы родные знали, какой город они защищают. Немолодой солдат прямо сказал Людникову: «Толкуют тут про военную тайну! И некоторые письма у нас не берут. Нельзя, говорят, указывать город, где мы сражаемся. А почему? Мы здесь кровь пролили, здесь готовы биться до победы или смертного часа. На этот город сейчас весь мир смотрит. Так чего нам таиться?»

Вспоминая этот случай, Людников заметил: «Вероятно, я превысил свои полномочия, но разрешил солдатам указывать в письмах город, на который «весь мир смотрит». Он рассказал бойцам, что дивизия держится, что скоро река замерзнет и всем станет легче, а их эвакуируют. Вывозить раненых на лодках Людников запретил — это была почти верная гибель.

Семнадцатого ноября А. Гитлер подписал приказ 6-й армии вермахта, в котором, в частности, говорилось: «...Пробиться к Волге, по меньшей мере, у артиллерийского завода^[95] и металлургического управления и захватить эти части города». Выполняя этот приказ, немецкие войска 18 ноября вновь бросились в яростную атаку на позиции 138-й дивизии, стремясь прорваться на КП. Противнику удалось потеснить левый фланг, но ничего сверх этого он не добился. Немцы возобновили свои попытки расчлениить и уничтожить дивизию и 19 ноября — в день, когда началось советское контрнаступление под Сталинградом. Но захватчики, которые продолжили рваться к Волге через «остров Людникова» и на других участках обороны 62-й армии, еще не знали, что пробил час возмездия и тех из них, кто не погибнет сейчас, настигнет не менее страшный конец — в голоде и холоде надвигающейся зимы, без надежды на спасение.

К радости Людникова, вечером 19 ноября он услышал по работавшей на последних батареях рации знакомый голос начальника штаба армии генерал-майора Н. И. Крылова: «Смотрите, чтобы противник от вас не ушел. О дальнейшем будем вас информировать...» Связь прекратилась, у рации кончилось питание. Но он понял главное, что хотел ему сказать Крылов, — наши перешли в наступление! «И теперь, — улыбнувшись впервые за долгое время, подумал Людников, — это фашисты, которые стоят перед нами, становятся окруженными, а не мы».

Словно по инерции, еще несколько дней немцы продолжали штурмовать «людниковцев», но гарнизон «острова» отбил все атаки, и по многим признакам (солдата не проведешь!) бойцы и командиры чувствовали, что это последние попытки врага. Но иногда эти, пусть и несколько ослабевшие, атаки, позволяли противнику проникать глубоко в оборону, приближаясь к командным пунктам не только полков, но и дивизии.

Командир 768-го полка майор Гуняга несколько раз просил у Людникова разрешения сменить расположение КП полка. Его офицерам уже приходилось драться с немецкими автоматчиками в нескольких метрах от своего штаба. Во время одного из ночных визитов комдива к Гуняге в траншее разорвалась вражеская граната. Осколком у Людникова разорвало шинель и гимнастерку, в том месте, где был левый карман. Иван Ильич осторожно достал оттуда футляр, развернул его и взглянул на лежавший в нем партийный билет, у которого осколок срезал уголок страницы. Подняв обрывок, Людников спрятал его и сказал стоявшему рядом Гуняге, чтобы он подтвердил случившееся на парткомиссии, когда надо будет обменять партбилет. Пользуясь случаем, Гуняга вновь посетовал, что, мол, невозможно нормально работать на его КП, в чем комдив только что имел возможность убедиться сам. Но Людников напомнил майору, что в «ненормальных» условиях воюет не только их дивизия, но и противник. И еще неизвестно, кому в этих условиях труднее, но менять КП категорически запретил.

Людников был по характеру человеком спокойным, внешне строгим, требовательным, но при этом очень бережно относился к своим подчиненным, поддерживал их в трудную минуту, старался вселить в них оптимизм в любой ситуации. Ему были понятны трудности и просьбы Гуняги, которому сейчас действительно было очень

непросто. Но комдив твердо знал — солдат в трудную минуту всегда надеется, что его командир поблизости, видит его и не бросит в беде. Это вселяет в воина уверенность и не дает возникнуть панике — обернется он, увидит, что командный пункт на месте, значит, все в порядке, надо делать свое дело — громить врага. Солдаты ценят такое поведение командира.

О психологической стороне поведения людей в бою и о том, насколько от этого зависит стойкость обороны дивизии, Людников вспоминал: «В те дни, как никогда, мы были сильны на «Баррикадах» своими несменяемыми командными пунктами. Капитана Коноваленко в этом убеждать не надо — он учитывает психологию солдата. А майор Гуняга, наверное, не раз подумал тогда о полковнике Людникове: «Жестокий у нас комдив». И все же я не разрешил ему сменить командный пункт полка».

В ночь на 21 ноября бронекатера Волжской военной флотилии пробились к Людникову, доставив боеприпасы и продовольствие. Последнее было особенно дорого, дивизия голодала уже третий день. Доставка грузов продолжалась и в последующие ночи, а 24 ноября, впервые за все время боев на «острове», прибыло около двухсот человек пополнения.

Прежде чем продолжить рассказ о дальнейших боевых буднях 138-й дивизии, необходимо вспомнить тех, кто, ежеминутно рискуя жизнью, держал свою линию фронта, именуемую переправой. Моряки Волжской военной флотилии, речники, кто каждую ночь пересекал Волгу, зная, что, оказавшись за бортом, не дождутся помощи, потому что оказать ее будет просто некому, и те, кто перетаскивал грузы на берегу под огнем врага, — все они были защитниками Сталинграда, равными тем, кто сражался на переднем крае. Переправы были составной частью обороны города, жизненно важным ее звеном для всех соединений и частей 62-й армии, но был среди них «остров

Людникова», единственное место, куда даже бывалые и бесстрашные люди не могли добраться по несколько дней, а самых отчаянных смельчаков поджидала гибель.

Наиболее практичными судами в ходе Сталинградской битвы оказались бронекатера. Они были весьма быстроходными — около 18 узлов, обладали, хотя и незначительной, бронезащитой. Но главным их преимуществом являлись небольшие размеры. Принимая на борт немного людей и груза, они быстро грузились и разгружались, что сокращало срок стоянки у берега, а именно в этот момент они часто становились удобной мишенью для немецкой артиллерии.

Вспоминая волжскую переправу, Людников писал: «Как ни старались мы обезопасить движение катеров и лодок по реке Денежная Воложка — кратчайшему пути к нам с Зайцевского острова, — все же подавить все огневые точки противника, державшего под обстрелом и реку, и места высадки, нам не удавалось. Каждый рейс стоил человеческих жизней. Двадцать пять человек погибло из первой партии пополнения. Немало боевых товарищей недосчитывались мы и в последующие ночи и дни. Среди погибших у переправы были и руководившие разгрузкой начальник первого отделения штаба дивизии майор Рутковский и его помощник капитан Гулько».

Забот у комдива по снабжению дивизии стало меньше, когда 4 декабря протока между берегом, где обосновались «людниковцы», и островом Зайцевский покрылась крепким сплошным льдом. Это произошло словно по заказу, ко времени, поскольку уже был получен приказ — «приступить к участию в уничтожении группировки противника, окруженной в Сталинграде».

Каким бы долгожданным ни был этот приказ, выполнить его оказалось непросто. Противник сумел сильно укрепиться, и теперь советским бойцам пришлось приложить все свое умение, чтобы выбить его с насиженных мест. Но приказы надо выполнять. Всего

70 метров прошел в первый день нашего наступления полк Гуняги. Неуловимо малое расстояние, даже по сталинградским меркам. Но так уж случилось, что на «острове Людникова» сложились свои масштабы — эти 70 метров составляли десятую часть всей глубины обороны 138-й дивизии!

Вечером 14 декабря Людников получил приказ командующего 62-й армией Чуйкова: «138-й Краснознаменной сд левофланговым полком наступать в юго-западном направлении и с выходом на улицу Таймырская соединиться с правофланговой частью полковника Горишного, восстановив сплошной фронт».

Медленно, но верно дивизия Людникова отвоевывала у врага один рубеж за другим. Командир понимал, что для успешного наступления нужна новая тактика, основанная на собственном опыте обороны, владея которым теперь нужно было найти способ такую же оборону преодолевать. Под его руководством было разработано новое боевое построение. В каждой роте были созданы по три группы — штурмовая, группа захвата и резервная. Такая структура подразделений и их взаимодействие позволяли успешно прорывать оборону противника, подавлять очаги сопротивления.

Помогала и смекалка, и хитрость. Несколько дней подряд, по условному сигналу ракетами, наша артиллерия наносила удары по опорным пунктам противника, после чего бойцы не начинали атаку. Усыпив бдительность фашистов, ранним утром 21 ноября, после залпа артиллерии, когда привыкшие к такому ритму немцы не вышли из укрытий, штурмовые отряды ринулись вперед и заняли вражеские окопы и блиндажи, отбив все попытки гитлеровцев вернуть утраченные позиции.

В этот же день полк майора Печенюка встретился на краю оврага у берега Волги с наступавшими навстречу автоматчиками дивизии Горишного. То, к чему так долго

шли, произошло! 138-я дивизия вырвалась из кольца, «остров Людникова» прекратил свое существование и стал историей.

Овраг, у которого была прорвана немецкая блокада, стал известен в дивизии Людникова еще и благодаря тому, что на его крутом склоне, под носом у немцев, долгое время укрывались четверо отчаянно храбрых связистов с позывным «Ролик». История этих бойцов: Ветошкина, Кузьминского, Колосова и Харазия — заслуживает отдельного упоминания.

Телефонная станция «Ролик», после того как противник отрезал 138-ю дивизию от соседей, оказалась в тылу врага, примерно в 100 метрах от переднего края на левом фланге обороны. Немецкие огневые позиции располагались на краю оврага, откуда артиллерия постоянно вела огонь по нашим позициям. Но спуститься в овраг, чтобы уничтожить гарнизон «Ролика», желающих, видимо, не нашлось. Связисты, однако, не просто отсиживались. Они окопались и держали под обстрелом весь овраг, не позволив немцам выйти по нему к берегу Волги. При этом они поддерживали связь с КП дивизии, сообщая о перемещениях противника. Им удавалось восстанавливать связь, несмотря на многочисленные обрывы проводов. Бойцы этого маленького отряда по очереди пробирались по ночам в дивизию, запасались боеприпасами и всем необходимым. Воссоединение смельчаков с родной дивизией вызвало всеобщее ликование.

К сожалению, двое из этих героев не дожили до победного окончания Сталинградской битвы. В память о подвиге связистов «Ролика» на территории мемориального комплекса «Остров Людникова» установлен обелиск с их именами.

Именно через «Ролик» Людников позвонил командарму Чуйкову, чтобы доложить ему о соединении с подразделениями полковника Горишного. Чуйков

попросил Людникова прибыть на КП армии, как только обстановка позволит это сделать. Но выполнить просьбу командующего удалось лишь через неделю. Все это время 138-я дивизия вела бои, с каждым днем отодвигая противника все дальше от Волги. 30 декабря в полосе обороны дивизии стало поспокойнее, и Людников смог наконец отправиться на КП армии. По дороге он заглянул к дружной четверке, продолжавшей свою вахту на «Ролике». Они находились в отличном настроении и попросили комдива только об одном — разрешить им сходить на остров Зайцеве кий, чтобы попариться в баньке. Людников, конечно, разрешил. Он и сам был не прочь там побывать, но без разрешения вышестоящего начальства не имел права оставить дивизию. Вместе с начальником политотдела Н. И. Титовым и командующим артиллерией С. Я. Тычинским он явился к командованию 62-й армии.

Ту встречу в штабе армии, накануне нового, 1943 года, после всего, что довелось испытать комдиву и его подчиненным, сражаясь в отрыве от боевых товарищей, Людников запомнил на всю жизнь. Он вспоминал: «Семьдесят дней мы не видели командарма, его помощников, командиров других дивизий, хотя воевали рядом. Такое на войне случается редко. Тем и памятна для нас трогательная встреча после долгой разлуки, что в блиндаже командарма увидели мы дорогих соратников... Кроме Чуйкова, Крылова, Гурова и начальника политотдела армии Васильева в блиндаже были все командиры дивизий 62-й армии — Горишный, Соколов, Батюк, Гурьев, Родимцев. Василий Иванович Чуйков пригласил нас к столу, и первую чарку мы выпили за доблестных воинов 138-й дивизии».

Чуйков попросил Людникова рассказать о том, как воевала, как перенесла тяжелые времена его дивизия, единственная, оказавшаяся надолго отрезанной от армии. Однако в кругу своих боевых друзей, каждый из

которых пережил вместе со своими бойцами и командирами по-своему беспримерные испытания, Людников с гордостью, но без всякой бравады, а, наоборот, с изрядной долей юмора, ответил, что его дивизия была немцев без передышки, так, что никто и не заметил, как наступила зима. Чуйков, ожидавший, возможно, более интересного рассказа, воскликнул: «Как это у них там все просто!» Все засмеялись, было шумно и радостно в тот день в такой компании, каждый понимал — близок час полного разгрома врага в Сталинграде.

Они больше никогда не встретятся в таком составе, но запомнят этот день навсегда — впервые с начала Сталинградской битвы они смогли вздохнуть с облегчением, а их подчиненным стало чуть полегче. У каждого будет своя судьба, но все они, вместе со своими бойцами и командирами, уже заслужили право называться «сталинградскими» — полководцами, комдивами, солдатами, дивизиями и армиями. Как те, кто пройдет всю войну, так и те, кто не доживет до ее окончания, — погибший через пол года Ба-тюк и Гурьев, который был убит за 17 дней до Победы.

Прощаясь с Чуйковым, Людников попросил у него разрешения проверить, что делается в его тыловом хозяйстве на левом берегу, а заодно, так же как и его герои-связисты, попариться в бане. Отдохнув у тыловиков, Людников сделал то, что давно хотел, — встретился с артиллеристами, которые метко вели огонь отсюда по врагу. От себя и от имени тех, кто сражался на передовой, он поблагодарил их за неоценимую помощь в бою.

До 9 января 138-я дивизия сражалась на прежнем участке и вела бои в районе Нижнего поселка. Ф. Паулюс, выполняя волю фюрера, не принял условия капитуляции, предложенные советским командованием, и приказал своим войскам держаться до последнего

патрона и ждать помощи. Противник цеплялся за каждый дом, оказывал нашим частям ожесточенное сопротивление. Штурмовые группы медленно продвигались вперед, и бои шли уже на значительном расстоянии от Волги.

Десятого января дивизия Людникова получила приказ передать свой участок другой части и сосредоточиться в районе завода «Красный Октябрь». Для комдива и его подчиненных это было не обычное фронтовое событие — передислокация на новое место на передовой. Дивизия покидала «Баррикады», где она сражалась 11 недель. Здесь каждый камень и каждый метр земли политы кровью воевавших в ее составе солдат и командиров. И вот настала пора окончательного разгрома врага здесь, в Сталинграде, на самой дальней от Германии точке нашей страны, до которой дошли захватчики. Все сталинградские комдивы были единодушны в том, что теперь наша армия будет двигаться только на запад.

Наступление велось вдоль улиц, где почти каждый дом был превращен гитлеровцами в сильно укрепленный очаг обороны. Если на пространстве между Доном и Волгой войска Донского фронта, прорвав оборону противника, быстро приближались к Сталинграду, то в самом городе, как и во все другие дни боев, успех исчислялся метрами и единичными домами. Немцы оборонялись с ожесточением обреченных, каждый шаг вперед давался частям и соединениям 62-й армии высокой ценой. Болью отзывались в сердце комдива сообщения о том, что в этих последних боях на сталинградской земле гибли те, кто выжил в тяжелейшие дни осады на «острове Людникова», офицеры и солдаты, которых он лично знал, и среди них отважные командиры штурмовых групп лейтенанты Чулков и Колосов и двое связистов из героической четверки «Ролика».

За две недели ожесточенных боев дивизия Людникова продвинулась вперед на полтора километра, уничтожив около трех тысяч немецких солдат и офицеров, способность которых к сопротивлению таяла с каждым днем. В конце января немцы начали группами сдаваться в плен. За три дня до капитуляции остатков гитлеровских войск Людников стал свидетелем разговора командарма В. И. Чуйкова с пленными немецкими генералами и офицерами. По воспоминаниям Людникова, это была незабываемая картина: «В просторной землянке штаба 62-й армии на широкой деревянной скамье сидят сдавшиеся в плен немецкие генералы — командир 4-го армейского корпуса генерал артиллерии Пфефер^[96], командир 51-го армейского корпуса генерал артиллерии фон Зейдлиц-Курцбах^[97], командир 275-й пехотной дивизии генерал-майор Карфес^[98], начальник штаба этой дивизии, старшие офицеры... Гляжу на них, будто сошедших со знакомой картины. Уж очень напоминают они тех французов, что плелись из Москвы по Старой Смоленской дороге.

— Что нас ждет? — спросил один из немецких генералов, заглядывая в глаза Василию Ивановичу Чуйкову.

Наш командарм объяснил, что пленных генералов отправят в тыл страны. Сказал, что они имеют право носить знаки различия и награды, а личное оружие обязаны сдать».

Начальник штаба 138-й дивизии полковник Шуба доложил Людникову, что последний очаг сопротивления противника сместился к Верхнему поселку «Баррикад». Людников отлично помнил, что отсюда гитлеровцы начинали свое наступление на его дивизию. И вот теперь его подчиненным представилась возможность покончить с ними именно здесь!

Утром 2 февраля на КП 138-й дивизии прибыли командарм В. И. Чуйков, член Военного совета 62-й

армии К. А. Гуров и начальник бронетанковых войск М. Г. Вайнруб^[99]. В полдень наши орудия открыли огонь по остаткам 6-й немецкой армии, еще не сложившим оружия, несмотря на то, что их командующий генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс уже сдался в плен вместе со своим штабом. Но поднимать бойцов в атаку не пришлось. С белыми флагами в руках толпы солдат вермахта сдавались победителям.

Дивизия Людникова получила приказ отойти на левый берег для отдыха. Комдив вышел к Волге проводить своих солдат. Стоя на высоком обрыве, он смотрел, как не очень густые людские ряды медленно пересекают замерзшую реку. Вдруг он увидел, как головная колонна 344-го полка остановилась, и все бойцы повернулись лицом на северо-запад. Он сразу же понял, зачем приказал остановиться своим подчиненным командир полка майор Коноваленко. В тот миг они смотрели на тот кусочек берега, где находился «остров Людникова». Бойцы и командиры 138-й дивизии прощались со своими товарищами, оставшимися там навсегда, с «Баррикадами», которые они никогда не забудут.

Седьмого февраля по радио был зачитан приказ наркома обороны о том, что за заслуги в боях за Сталинград 138-я стрелковая дивизия преобразована в 70-ю гвардейскую Краснознаменную стрелковую дивизию. Свыше трех тысяч бойцов и командиров дивизии были награждены орденами и медалями. В тот же день Людникову сообщили, что старшина Пономарев и рядовой Щеглов просят принять их. Они вошли в комнату, по-военному чеканя шаг, и, обратившись к комдиву, впервые надевшему генеральскую форму, Пономарев сказал: «Товарищ гвардии генерал. От имени личного состава полка поздравляем вас с гвардейским званием... Разрешите вручить». Он протянул Людникову солдатскую каску с гвардейскими значками. Конечно же,

генерал-майор Людников помнил тот разговор на передовой, когда он наткнулся в траншее на мешок с гвардейскими значками. Нынешний «визит» взволновал его до глубины души. Старшина Пономарев, осмелев, продолжал: «Есть и тут, конечно, самоуправство... Но ведь вы знали, товарищ генерал. Вот и сбылось, что загадано!»

Людников поблагодарил солдат и первый гвардейский значок прикрепил к гимнастерке старшины Пономарева, второй вручил рядовому Щеглову, а третий взял себе. Затем он приказал адъютанту поставить на стол чарки, выпил вместе с бойцами, и они расцеловались.

Для вручения наград в дивизию приехал командарм В. И. Чуйков. Людников вспоминал: «Взглянул он на выстроившиеся полки и батальоны, поредевшие за время жестоких боев, и спросил меня тихо:

— Иван Ильич, ты все части построил?

— Все.

— Маловато людей. Как же ты воевал?..

— Каждого нужно помножить на десять, — ответил я. — Цены этим людям нет. Гвардейцы...»

За личное мужество и отвагу, умелое руководство войсками, проявленными в ходе Сталинградской битвы, И. И. Людников был награжден орденом Ленина и медалью «За оборону Сталинграда». Он был также удостоен высоких наград иностранных государств: Командорского креста Военного ордена США «Легион заслуг», французских — Командорского креста Почетного легиона и Военного креста. Что касается орденов США и Франции, то лишь немногие советские военачальники, тем более являвшиеся комдивами на момент награждения, удостоились этих наград.

70-я гвардейская стрелковая дивизия покидала Сталинград. Ее путь лежал в центр России, туда, где скоро развернутся новые сражения, и для

окончательного разгрома врага нужно будет пройти еще тысячи огневых верст.

* * *

Во второй половине февраля 1943 года дивизия Людникова была передана 16-й армии Западного фронта и передислоцирована в район Сухиничей. Но уже менее чем через два месяца 70-ю гвардейскую стрелковую дивизию перебросили под Курск. С 19 апреля она находилась в резерве Центрального фронта. К этому времени советская Ставка уже располагала данными о подготовке немецким командованием крупного наступления на Курской дуге, куда направлялись лучшие войска и техника вермахта, в том числе новые образцы самолетов и бронетанковой техники, на которые делалась основная ставка как главной пробивной силы.

Дивизия Людникова, вместе с другим соединениями нашей армии, готовилась к предстоящим боям. Он учил своих подчиненных, особенно молодое пополнение, главному — четкому взаимодействию родов войск, быстрому возведению инженерных сооружений, борьбе с танками противника. В конце мая Людникова вызвал к себе командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский. Он предложил Людникову более высокую должность — командира 15-го стрелкового корпуса, который входит в 13-ю армию генерал-лейтенанта Н. П. Пухова. Нелегко было Людникову расставаться со своими гвардейцами, но вскоре он узнал, что его родная 70-я гвардейская будет сражаться в соседнем корпусе той же армии.

Пятого июля в четыре утра, за час до начала запланированного немецким командованием наступления, артиллерия корпуса Людникова нанесла

удар по изготовившимся к атаке частям противника. Упреждающая артподготовка проводилась во всей полосе Центрального фронта. Начало немецкого наступления было задержано, но с рассветом вражеская артиллерия и авиация интенсивно обстреливали и бомбили боевые порядки наших войск, после чего позиции 15-го стрелкового корпуса атаковали две пехотные дивизии и 150 танков, в первых рядах которых двигались новейшие «Тигры». Вдобавок ко всему, немцы впервые применили управляемые противоминные торпеды.

В течение 5–6 июля противник непрерывно атаковал части корпуса, но хорошо спланированная оборона и самоотверженность наших воинов не дали ему возможности прорвать фронт в полосе 15-го корпуса. За два дня боев немцы потеряли на этом участке 7500 человек убитыми и ранеными и 78 танков. Активные попытки сломить сопротивление наших войск, продолжавшиеся до 11 июля, оказались безуспешными.

Два года войны многому научили Людникова. Здесь, на Орловщине, он наконец мог с настоящим размахом применить свои глубокие знания военной теории и бесценный боевой опыт. В его руках находилась мощная современная техника, в достаточном количестве поступающая в войска, он чувствовал поддержку танковых частей, своя авиация не только не давала люфтваффе свободы в воздухе, как часто случалось прежде, но и наносила чувствительные удары по наземным целям. Об этих сражениях он, в частности, писал: «Умелое использование местности, инженерные укрепления, сочетание огня и маневра противотанковыми силами и средствами, правильный выбор момента для контратак — все это сделало оборону корпуса неприступной. А храбрость и стойкость наших воинов опрокинули все расчеты врага».

На совещании в штабе 13-й армии 12 июля командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский подвел итоги первой недели оборонительных боев. Сообщив, что на северном фасе Курской дуги, то есть в полосе Центрального фронта, противник понес значительные потери и не имеет, по данным разведки, новых резервов, а также не в состоянии перебросить войска с других участков, он считает, что сложились благоприятные обстоятельства для решительного наступления наших войск. Рокоссовский приказал готовить соединения к наступлению.

Людников возвращался в расположение своего корпуса в приподнятом настроении. Было очевидно, что наступает время решительного изгнания захватчиков и уничтожения их главных сил. Вспоминая сказанное командующим, он с удовлетворением отметил для себя, что уже не вызывает сомнения провал спланированной ставкой Гитлера операции «Цитадель». Но вряд ли гитлеровские генералы предполагали, что теперь выпестованные фюрером отборные войска ждет разгром, а крах «Цитадели» явится одновременно и началом широкого контрнаступления советских войск.

Центральный фронт двинулся в наступление 15 июля. Корпус Людникова встретил упорное сопротивление противника, и темп продвижения оказался ниже, чем планировалось. Благодаря инициативе командиров полков подполковников П. И. Жданова (310-й стрелковый) и Д. К. Шишкова (229-й стрелковый) из 8-й дивизии и майоров Н. И. Сташека (360-й стрелковый) и Д. П. Сухарникова (109-й стрелковый) из 74-й удалось навязать противнику ночной бой и, не давая фашистам закрепиться, быстро продвинуться вперед. 5 августа части 15-го корпуса Людникова, при поддержке 3-й танковой армии генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко, овладели сильно

укрепленным городом Кромы, расположенным в 70 километрах южнее Орла. Этот день стал одним из самых памятных в истории Курской битвы. Войсками Брянского фронта был освобожден Орел, а на южном фланге Курской дуги войска Степного фронта освободили Белгород. Вечером того же дня в честь войск, освободивших эти города, в Москве впервые был дан салют.

15-й корпус Людникова безостановочно преследовал врага и, пройдя на запад около 240 километров, к 8 сентября вышел к реке Десне в районе городка Короп. Он вспоминал: «Обновляем карты, и я читаю на них названия городов и сел, где два года назад, истекая кровью, дралась 200-я дивизия. Очень хочется, чтобы дорога нашего наступления пролегла по этим местам... Форсирование Десны не входит пока в задачу 13-й армии. Но разве не бывает на войне, что ход боевых действий заставляет резко менять заранее намеченные планы! Так случилось и на этот раз».

Первой вышла к реке 74-я стрелковая дивизия генерала А. А. Казаряна. Появление советских частей у Десны застало немцев врасплох. Сложившаяся боевая обстановка позволяла, по мнению Людникова и командиров дивизий его корпуса, с ходу форсировать реку. Но никаких штатных переправочных средств в корпусе, да и в армии не было. Пока Людников, еще не имея распоряжений свыше, обсуждал с Казаряном, где и как быстрее переправляться, подоспел приказ: «Двумя дивизиями форсировать Десну, захватить плацдарм на западном берегу и передать его затем подходящим к Десне войскам 61-й армии генерал-лейтенанта П. А. Белова».

Немедленно закипела работа: на берегу собирались лодки, солдаты сколачивали плоты, набивали сеном походные палатки, тащили к берегу пустые бочки, ворота и заборы — все, что могло держаться на плаву. Это позволило быстро перебросить на западный берег

один полк и захватить обширный плацдарм. В течение двух следующих ночей Десну форсировала вся 74-я дивизия, а через сутки в бой была введена 8-я стрелковая дивизия полковника П. М. Гудзя. Перебросив на плацдарм часть артиллерии, корпусу Людникова удалось быстро расширить его до 22 километров по фронту и 12 в глубину.

Немецкое командование понимало, что прорыв на Десне означает начало битвы за Днепр, который именовался не иначе как «Восточным валом», где должно быть остановлено наступление Красной армии. Немцы яростно контратаковали, пытаясь ликвидировать плацдарм. Их авиация непрерывно бомбила позиции советских войск на обоих берегах Десны. В результате прямого попадания снаряда в КП 15-го корпуса погиб командующий артиллерией 13-й армии генерал-майор А. Н. Панков и многие другие офицеры. Однако нашим частям удалось отстоять занятую ими территорию, после чего корпус Людникова передал плацдарм войскам 61-й армии и двинулся к Днепру. За успешное форсирование Десны и обеспечение плацдарма для основных сил Людников был награжден орденом Суворова 2-й степени.

Путь 15-го корпуса на запад проходил недалеко от Чернигова, который в 1941 году обороняло это соединение. И хотя уже почти не осталось тех, кто сражался в его рядах два года назад, Людников обратился с просьбой к командарму-13 Н. П. Пухову направить одну из его дивизий для участия в освобождении Чернигова. Он считал, что этот шаг будет иметь важное значение для воспитания бойцов, и командующий 13-й армией дал свое «добро».

Через несколько дней подчиненные Людникова еще раз пересекли Десну — в том месте, где осенью 1941 года с тяжелыми боями отходила 200-я дивизия. Переправу удалось совершить ночью. Когда утром над

этим местом появилась немецкая авиация, наших частей там уже не было. 22 сентября передовые части 8-й и 74-й дивизий из корпуса Людникова, на плечах отступающего противника, вышли к Днепру. Как и несколькими днями ранее, была организована немедленная переправа на западный берег на подручных средствах. Бойцы Людникова первыми форсировали Днепр! Южнее начал такую же операцию 17-й гвардейский корпус.

Сказать, что стремительность и дерзость советских войск явилась для противника полной неожиданностью, значит не сказать ничего. По данным немецкой разведки, части Красной армии еще переправлялись через Десну. Немецкое командование принимало все возможные меры, чтобы задержать русских на том рубеже. А в это время 15-й корпус 13-й армии Пухова и 17-й гвардейский корпус 60-й армии уже полным ходом форсировали Днепр.

Впрочем, скоро немцы разобрались в том, что происходит. Они принялись яростно бомбить переправы, непрерывно атакуя наши войска на плацдарме. Устояв под натиском противника, корпус Людникова нацелился на следующий рубеж — впереди лежала река Припять. Нужно было форсировать еще одну крупную водную преграду — третью за месяц! Продолжая стремительное наступление, части Людникова овладели обширным треугольником междуречья Днепра и Припяти, успешная переправа через которую и захват плацдармов на ее западном берегу должны были поставить логическую точку во всей блестяще осуществленной операции по форсированию Днепра.

В ночь на 27 сентября первыми форсировали Припять два полка 8-й стрелковой дивизии, на следующую ночь — 148-я дивизия. В течение двух недель подчиненные Людникова отражали контратаки врага и, несмотря на тяжелые потери, удержали его.

Результаты, достигнутые соединениями 13-й армии и ее соседей в сентябре 1943 года, имели, несомненно, стратегический характер. Об этом периоде войны Людников в своих воспоминаниях написал: «Я далек от намерения касаться больших и сложных вопросов военной стратегии. Но любой офицер знает непреложное на войне правило: развивай успех там, где он обозначился и где сулит хорошие перспективы...

Успех в тот период явно обозначился на участках 13, 60 и 38-й армий, находившихся севернее Киева. И если бы мы тогда располагали теми значительными силами, которые, как известно, застряли южнее Киева, между высотками Букринского плацдарма, то, мне кажется, нам удалось бы раньше добиться более ощутимых результатов».

За успешное форсирование Днепра севернее Киева, личное мужество и героизм 16 октября 1943 года И. И. Людникову было присвоено звание Героя Советского Союза. Высшей награды Родины были также удостоены 86 воинов 15-го корпуса.

В середине ноября 1943 года 15-й стрелковый корпус был включен в состав 60-й армии 1-го Украинского фронта и ускоренным маршем выдвинулся на рубеж Черняхов — Радомышль. На этом участке фронта немцы сосредоточили шесть танковых и пехотную дивизии и потеснили наши войска. Необходимо было предотвратить прорыв противника в направлении города Малин. Командующий 60-й армией генерал-лейтенант И. Д. Черняховский и его штаб считали, что ударная группировка противника, в состав которой входили танковые дивизии СС «Дас Рейх» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер», попытается осуществить глубокий прорыв и выйти к Киеву севернее города.

До 17 декабря корпус Людникова вел тяжелые оборонительные бои с превосходящими силами противника. А 25 декабря он перешел в наступление и,

взаимодействуя с танкистами 4-го гвардейского Кантемировской корпуса генерал-лейтенанта П. П. Полубоярова, сумел за три дня выйти в глубокий тыл житомирской группировке противника. Гитлеровцы были вынуждены спешно покинуть Житомир.

После короткой оперативной паузы войска 1-го Украинского фронта перешли в новое наступление. Для 60-й армии было определено направление на Тернополь. В условиях сильнейшей распутицы корпус Людникова совершил 150-километровый марш и в последний день марта, после сильной авиационной и артиллерийской подготовки, начал штурм. Однако взять с ходу сильно укрепленный город не удалось. Численность Тернопольского гарнизона составляла около 16 тысяч человек, среди которых были части СС и штрафные батальоны. Они хорошо подготовились к обороне этого крупного транспортного узла, имевшего для них огромное значение. Лишь 15 апреля, после ожесточенных уличных боев, город был освобожден [\[100\]](#).

В апреле 1944 года командарм Черняховский был вызван в Москву, где, как считали многие соратники, его ожидает новое назначение. Перед своим отъездом Черняховский намекнул Людникову, что скоро состоится их новая встреча. Так и случилось — Черняховский был назначен командующим 3-м Белорусским фронтом, а в конце мая 1944 года, не без его участия, Людников был утвержден командующим 39-й армией, входившей в состав этого фронта.

Прежде чем вступить в должность, Людников ознакомился с документами специальной комиссии Государственного Комитета Обороны СССР, которая разбиралась в причинах затянувшейся полосы неудач 39-й армии. Поздней осенью 1943 года армия подошла к Витебску, но взять город не смогла и с тех пор топталась на месте. В феврале 1944 года командование армии провело несколько наступательных операций,

окончившихся очень неудачно. Понесенные при этом большие потери и безуспешные бои на протяжении длительного времени отрицательно сказались на моральном состоянии войск. Следовательно, считал Людников, ему необходимо не только готовить подчиненных к новому наступлению, но и вернуть им веру в свои силы и в возможность разгромить врага.

Перед 39-й армией стояла задача нанести удар южнее Витебска и во взаимодействии с соседями — частями 1-го Прибалтийского фронта — окружить и уничтожить немецкие войска в этом районе и овладеть городом. После многократных рекогносцировок и подготовительной работы Людникова со своим новым штабом и командирами всех рангов под его руководством был разработан план, в основе которого лежал замысел по отвлечению внимания противника от направления главного удара, где удалось обеспечить значительный перевес в живой силе и технике. 22 июня перешла в наступление соседняя 5-я армия, которой командовал генерал-полковник Н. И. Крылов, хорошо знакомый Людникову по Сталинграду. Ранним утром 23 июня Людников приказал начать артподготовку в полосе своей армии, во время которой плотность огня на узком участке прорыва составляла 120 стволов на километр фронта. Эффективность действий нашей артиллерии и успешно осуществленная скрытность проведения операции позволили частям 39-й армии ранее запланированных сроков окружить Витебскую группировку противника. 26 июня, сломив яростное сопротивление немцев, наши части освободили Витебск.

Противник пытался вырваться из окружения, создавая сильные группы численностью в несколько тысяч человек с танками и артиллерией. Однако части 39-й армии в ходе тяжелых боев не выпустили противника из котла, уничтожив большинство окруженных частей. 27 июня по предложению

Людникова через радиоустановки немцам был передан ультиматум с предложением сложить оружие, после чего они начали сдаваться. С Витебской группировкой было покончено. В ходе этой операции вермахт потерял 20 тысяч человек убитыми и почти столько же пленными^[101].

В июле — августе 1944 года 39-я армия влилась в состав 1-го Прибалтийского фронта и участвовала в изгнании немецких войск с территории Литвы и освобождении городов Шяуляя, Паневежеса. Каунаса. В интересах достижения общего успеха, в последующие несколько месяцев 39-я армия несколько раз переходила из «своего» 3-го Белорусского фронта в 1-й Прибалтийский и обратно. В сентябре армия Людникова получила приказ провести важную Таурагскую операцию, целью которой являлся разгром немецких войск у города Таураге, прикрывавших пути в Восточную Пруссию с северо-восточного направления. После тщательной разведки, проведенной по указанию Людникова, выяснилось, что оборона врага не имеет оперативных резервов. Как и в Витебском сражении, было принято решение нанести мощный удар на ограниченном участке. Артиллерийские позиции врага на высотах было намечено подавить «Катюшами».

Перед началом сражения на КП к Людникову прибыли представитель Ставки маршал Советского Союза А. М. Василевский, командующий фронтом генерал-полковник И. Д. Черняховский, член Военного совета фронта генерал-лейтенант А. А. Макаров, маршал артиллерии М. Н. Чистяков, генерал-полковник авиации Т. Т. Хрюкин. Присутствие такого количества видных военачальников дает представление о том, какое значение придавалось готовящейся операции.

Шестого октября, как и было намечено, залпами «Катюш» была начисто сметена вражеская артиллерия, прикрывавшая пути к Таураге. Главная ударная сила

Людникова — 5-й гвардейский стрелковый корпус, при поддержке штурмовиков Ил-2 и артиллерии, прорвал вражескую оборону. Несмотря на довольно сильное сопротивление, 7 октября город был освобожден, остатки гарнизона взяты в плен. Продолжением операции явился захват сильно укрепленного городка Юрбаркас и переправа наших частей через Неман на его левый берег. Полки 262-й дивизии генерал-майора З. Н. Усачева 9 октября пересекли границу СССР и вошли в немецкое местечко Аугстогаллен, став, таким образом, первым соединением Красной армии, ступившим на территорию Германии.

В эти дни Людников испытывал огромное удовлетворение и радовался ратным подвигам своих бойцов и командиров, он вспоминал: «Эту дату — 9 октября — мы запомнили навсегда. В этот день войска 39-й армии первыми перешли границу гитлеровского рейха. За шесть дней наступления 39-я армия прошла с боями и маневром в другой район сто пятьдесят километров. Объезжая части, я не заметил усталости на лицах солдат... Граница Восточной Пруссии стала для них тем рубежом, на котором у каждого словно бы появилось «второе дыхание».

Незадолго перед Таурагской операцией случилось у Ивана Ильича еще одно радостное, хотя и неожиданное событие. К нему на фронт сумел добраться его старший сын Анатолий. Ему было неполных 17 лет, и он хотел воевать. Доводы отца о том, что его возраст в армию не берут, не подействовали. На это Анатолий возразил: «Ты с 15 лет в армии, а я что, хуже?» Пришлось оставить его в армии и зачислить в полк связи. Иван Ильич был с ним строг и даже поругивал, но в глубине души одобрил его решение.

Наступление наших войск в Прибалтике продолжалось почти без пауз. 11 октября И. Д. Черняховский вызвал Людникова на КП фронта, где

уже находились командующие 5, 31 и 11-й гвардейской армий, и ознакомил их с задачей, поставленной перед войсками 3-го Белорусского фронта. Предстояло нанести мощный удар в направлении на Гумбиннен и Инстербург, ликвидировать войска противника перед границей Восточной Пруссии и прорвать укрепленную приграничную полосу. 39-й армии Людникова предстояло вступить в бой из второго эшелона и за четыре дня продвинуться на 30 километров. Важная роль, которая отводилась 39-й армии в предстоящей операции, свидетельствует о том, что успешные действия Людникова и его подчиненных в Белоруссии и Прибалтике не остались незамеченными Ставкой и командованием фронта.

О том, с чем пришлось столкнуться войскам 3-го Белорусского фронта на завершающем этапе войны, Людников вспоминал: «В течение долгих лет гитлеровцы создавали в Восточной Пруссии многополосную, глубоко эшелонированную систему полевых и долговременных укреплений... Города-бастионы прикрывались с востока многоэтажными дотами. Эти железобетонные подземные сооружения... лежали на пути к главной цитадели Восточной Пруссии, городу-крепости Кёнигсбергу... На защиту сел и городов Восточной Пруссии гитлеровское командование преднамеренно бросило те части, которые здесь же комплектовались... Они отстаивали свой родной дом, свою семью и сопротивлялись с невиданным ожесточением». Времени для подготовки наступления почти не оставалось, данных о системе обороны противника не хватало. Командование фронта провело силовую разведку, однако полученных результатов по-прежнему было недостаточно. Людников приказал своим подчиненным, следуя за атакующей в первом эшелоне 5-й армией, вести интенсивную разведку.

На следующий день после начала наступления 3-го Белорусского фронта — 17 октября — двинулась вперед 39-я армия. Однако выдержать заданный темп не удалось. Прусские укрепления оказались мощнее, а готовность противника оказать ожесточенное сопротивление — выше, чем это было под Витебском и в Литве. В течение двух с половиной месяцев, до середины января 1945 года, в войсках велась напряженная подготовка, солдаты и командиры учились преодолевать укрепления и сражаться ночью. 39-й армии, усиленной танковой бригадой и несколькими полками САУ, предстояло наступать на Пилькаллен и Тильзит.

Начавшееся 13 января 1945 года наступление с первых минут пошло не по плану: в полном тумане, несогласованно началась артподготовка, что вызвало резкую реакцию Черняховского, а погодные условия не позволили применить авиацию. Проанализировав сложившуюся обстановку, Людников предложил командующему фронтом использовать положение 94-го корпуса, глубже других углубившегося в немецкую оборону, и нанести удар на второстепенном направлении южнее Пилькаллена, поставив под угрозу окружения всю инстербургскую группировку гитлеровцев. Получив согласие Черняховского, 17 января 39-я армия Людникова прорвала немецкую оборону и через два дня овладела городом Тильзит.

В конце января Людников в расположении своей армии последний раз встретился с Черняховским и получил от него задачу на взятие Кёнигсберга — одной из сильнейших немецких крепостей. 18 февраля генерал армии И. Д. Черняховский был смертельно ранен осколком снаряда, командование фронтом принял маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Преодолев сильную линию укреплений на реке Дайме, 39-я армия прорвалась на Земландский

полуостров, а отдельные ее соединения вышли к побережью Балтийского моря. Части Людникова пресекли все попытки противника вырваться из окруженного Кёнигсберга и ликвидировали коридор, связывавший его с портом Пиллау. 6 апреля войска 3-го Белорусского фронта приступили к штурму Кёнигсберга. Ожесточение битвы возрастало с каждым днем. Людников и его подчиненные сполна испытали всю тяжесть этого сражения и горечь потерь. 7 апреля немцы 35 раз контратаковали наши части, из них 18 раз — позиции 39-й армии. 9 апреля Кёнигсберг был взят, а его почти сотысячный гарнизон капитулировал. Однако на участке армии Людникова на полуострове Земланд бои еще продолжались.

Во избежание ненужного кровопролития, 11 апреля А. М. Василевский обратился к продолжавшим сопротивляться немецким частям с предложением о сдаче в течение суток. Не получив ответа, советские войска открыли огонь на полное уничтожение противника. Наступил день 16 апреля, один из самых радостных в жизни Ивана Ильича Людникова. Вслушиваясь в тишину, нависшую над приморским простором, расстилавшимся впереди зеленью негустых перелесков и солнечными бликами моря вдаль, он и находившиеся рядом офицеры штаба еще не понимали, что происходит. Поздним вечером того же дня части Людникова коротким штурмом подавили последний очаг сопротивления в местечке Фишхаузен. Так для него и его однополчан закончилась Великая Отечественная война.

* * *

Пятого мая 1945 года И. И. Людникову было присвоено звание генерал-полковника. Еще не

отгремели импровизированные солдатские салюты в честь Победы над Германией, не закончились торжества в частях, а командарм Людников уже получил приказ о передислокации 39-й армии на Дальний Восток, на территорию Монгольской Народной Республики. Закончилась Великая Отечественная война, но ставить точку во Второй мировой было еще рано.

На Дальнем Востоке у границ СССР держала более чем миллионную Квантунскую армию Япония, которая отвергла требование США, Англии и Китая о капитуляции. Действуя в соответствии с решением Ялтинской конференции, 9 августа 1945 года СССР объявил Японии войну. Помимо выполнения союзнических обязательств, у нашей страны имелись в этом регионе и собственные интересы, главными среди которых являлись: разгром Квантунской армии, лишение Японии военно-экономической базы на материке, служившей плацдармом агрессии против СССР; возвращение отторгнутых Японией Южного Сахалина и Курильских островов; завершение Второй мировой войны.

Следует отметить, что выбор Ставкой Верховного главнокомандования соединений для участия в военных действиях против Японии был далеко не случайным. Главным явилось то, что все прибывшие армии имели опыт прорыва укрепленных рубежей. Кроме того, некоторые из них окончили боевые действия на несколько недель раньше войск, освобождавших Польшу, штурмовавших Берлин и сражавшихся на территории Германии, вывод которых был на тот момент нецелесообразен.

Армии Людникова предстояло сокрушить Халун-Аршанский укрепленный район, прикрывавший путь в Центральную Маньчжурию (область на северо-востоке Китая, которая контролировалась Японией, создавшей здесь государство Маньчжоу-Го). Для безусловного

выполнения поставленной задачи, притом в короткие сроки, армии были приданы бронетанковые соединения — всего 262 танка и 133 САУ. С таким усилением армия могла самостоятельно решать практически любые оперативные задачи. Продолав путь с запада на восток через всю страну, армия Людникова выгрузилась в Монголии в городе Баин-Тумень (ныне Чойболсан) посреди голой степи. Предстояло в два этапа совершить почти 500-километровый марш к границе с Маньчжурией по безводной пустыне, в жару, при отсутствии дорог. Передвигаться и воевать в таких условиях ни Людникову, ни его подчиненным еще не приходилось. Снабжение водой людей и техники на всем пути следования стало важнейшей задачей. Пришлось рыть колодцы, установить нормы расхода воды, организовать ее хранение. Всех командиров спешно учили определять направление по солнцу и звездам.

Девятого августа Советский Союз вступил в войну с Японией. В этот день советские войска перешли в наступление. 39-я армия не вела в Маньчжурии крупных сражений, в основном это были отдельные скоротечные бои. Как сообщил Людникову плененный генерал Гоулин, японское командование не ожидало удара Красной армии большими силами со стороны Монголии. В этих обстоятельствах, как вспоминал Людников, «истинным подвигом всех воинов нашей армии был переход через Большой Хинган». Никогда ранее такое количество войск не преодолевало этот горный хребет. Пришлось вытерпеть 35-градусную жару, которую сменили муссонные дожди, отражая при этом наскоки японских отрядов и уничтожая очаги сопротивления.

Перейдя через Большой Хинган, 39-я армия прорвала два укрепленных района и оказалась в глубоком тылу Квантунской армии. 17 августа ее командование передало по радио своим войскам приказ о прекращении военных действий. Личный состав частей и соединений

начал массово сдаваться в плен. При этом доходило до курьезов. От одного из передовых отрядов Людников получил такое донесение: «В городе Сыпингай японская пехотная дивизия ждет, чтобы ее кто-либо взял в плен. Нам некогда ею заниматься, мы пошли вперед. Полковник Коваленко». Вскоре десятитысячная дивизия была без единого выстрела пленена и захвачены богатые трофеи.

Прорыв 39-й армии и соседних соединений, наступавших с северо-запада, во многом способствовал быстрой победе советских войск. Война на Дальнем Востоке продолжалась недолго и завершилась полным разгромом Квантунской армии и ее капитуляцией. 39-я армия получила приказ занять южную Маньчжурию. Дальнейший путь был преодолен в основном по железной дороге, и 31 августа передовой отряд вышел к Желтому морю неподалеку от границы с Кореей. А вскоре 39-я армия была размещена в Порт-Артуре и городе Дальнем (ныне Далянь). 2 августа Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Вторая мировая война закончилась.

В связи с отсутствием в Порт-Артуре китайской администрации, советскому командованию пришлось взять на себя все заботы о населении и хозяйстве этого района. Людников становится первым комендантом Порт-Артура и назначается командующим Группировкой советских войск на Ляодунском полуострове. В этом городе, где все напоминало об исторических событиях, связанных с Русско-японской войной 1905 года, Людников пробыл до июня 1947 года.

Вернувшись в Москву, Людников 29 ноября 1947 года получил назначение на должность командующего 10-й гвардейской армией в Ленинградском военном округе, а 20 апреля следующего года возглавил 13-ю армию в Прикарпатском округе. С декабря 1949-го по ноябрь 1951 года он являлся заместителем

главнокомандующего Группой советских войск в Германии, где его непосредственным начальником вновь оказался В. И. Чуйков. Это очень способствовало успеху общей работы. После окончания в ноябре 1952 года Высших академических курсов при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова занимал посты заместителя командующего Одесским, а с сентября 1954 года — Таврическим военным округом.

С июля 1956 года Людников — главный военный советник при Министерстве обороны Болгарской Народной Республики. Его военные знания и практический опыт руководства войсками способствовали развитию болгарской армии, освоению ею современных видов вооружений, отработки взаимодействия с войсками других стран Варшавского договора.

В марте 1959 года Людников вновь вернулся к учебной работе, получил назначение на должность начальника Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел», где проходили обучение и практическую подготовку представители старшего командного состава нашей армии. Воспитание и обучение командирских кадров всегда увлекало Людникова и приносило ему большое удовлетворение. С его приходом на завершающем этапе обучения слушателей стали проводиться командно-штабные учения со средствами связи. Он сам преподавал на курсах тактику, вводил новые формы обучения, расширял круг изучаемых дисциплин. Глубокие теоретические знания Людникова и боевой опыт, полученный в ходе крупных военных операций, были востребованы и в период его службы в должности начальника факультета Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил СССР — с ноября 1963-го по июль 1968 года.

Находясь в отставке с 29 июля 1968 года, Людников часто бывал на родине — в поселке Седово, куда он смог вернуться впервые лишь в 1950 году. С горечью узнавал он о том, что многие его земляки погибли на фронтах или в годы оккупации. Во время следующих приездов он помог местному рыбколхозу в приобретении рыболовецких судов, руководству поселка — в получении средств на благоустройство. Иван Ильич много сделал для сохранения и ремонта местной церкви. Долгожданнами и очень эмоциональными остались в памяти Людникова посещения Волгограда и встречи с однополчанами на местах боев. В день открытия Мемориального комплекса на Мамаевом кургане в 1967 году И. И. Людников возлагал венок вместе с другим прославленным защитником города-героя генерал-полковником А. И. Родимцевым.

Двое старших сыновей Людникова окончили в 1950-е годы военные училища и стали военными инженерами. Младший сын Евгений появился на свет после войны, он выбрал гражданскую профессию.

И. И. Людников, будучи участником нескольких войн и современником судьбоносных событий мирового значения, внес свой вклад в изучение военной истории, написав множество статей. О крупных военных операциях и сражениях, в которых он участвовал, им написаны книги: «Под Витебском», «Через Большой Хинган», «Огненный остров», а также охватившие всю его жизнь, пронизанные любовью к родной земле и к людям, которые были рядом с ним на войне и в мирное время, автобиографические — «Сквозь грозы» и «Дорога длиною в жизнь».

Иван Ильич Людников скончался 22 апреля 1976 года и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Именем военачальника, помимо проспекта в Витебске, назван большой автономный морозильный траулер, построенный в 1982 году, и улица в поселке

Седово. В Волгограде на территории поселка Нижние Баррикады расположен мемориальный ансамбль «Остров Людникова», мемориальная доска установлена в Москве на доме 61/1 по Ленинскому проспекту, где он жил с 1950 по 1976 год.

О генерал-полковнике И. И. Людникове рассказывается в книгах «Герои огненных лет», «Дороги храбрых», «Полководцы Сталинградской битвы» и многих других. Ему посвящена вышедшая в 2012 году книга «Полководец с Кривой Косы», написанная его земляками, исследователями истории Приазовья В. Н. Бесчастным и А. А. Поповым.

НАГРАДЫ
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА
И. И. ЛЮДНИКОВА

Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза —
16 октября 1943 года.

Ордена
Три ордена Ленина — *22 февраля 1943 года; 16 октября 1943 года; 21 февраля 1945 года.*

Пять орденов Красного Знамени — *27 марта 1942 года; 27 августа 1943 года; 3 ноября 1944 года; 18 мая 1945 года; февраль 1968 года.*

Три ордена Суворова 1-й степени — *4 июля 1944 года; 19 апреля 1945 года; 8 сентября 1945 года.*

Орден Суворова 2-й степени — *16 сентября 1943 года.*

Орден Богдана Хмельницкого 2-й степени — *10 января 1944 года.*

Иностранные ордена

Орден Народной Республики Болгария 1-й степени — *1959 год.*

Орден Народной Республики Болгария 2-й степени.

Орден Сухэ-Батора (МНР).

Орден За боевые заслуги (МНР).

Командорский крест военного ордена США «Легион заслуг» — *26 июня 1944 года.*

Командор Почетного легиона (Франция) — *13 июля 1945 года.*

Орден Облака и Знамени 2-й степени со звездой (Китай) — *сентябрь 1945 года.*

Яков Федотович ПАВЛОВ

Традиционно мы отмечаем юбилеи прославленных маршалов, полководцев нашей страны. В октябре 2017 года исполняется 100 лет рядовому солдату Сталинграда — Якову Федотовичу Павлову. Его героизм, отвага, беззаветная любовь к Родине принесли простому русскому человеку всемирную известность. Его имя дало название дому, в обороне которого ему довелось участвовать, а сам дом стал символом стойкости, мужества всех защитников Сталинграда, которые сражались так, что каждый городской дом превращался в крепость. «Дом Павлова» был первым домом, который немцы на своих картах так и обозначили — «Крепость».

Легендарный дом был построен на площади 9 января в Сталинграде во второй половине 1930-х годов по проекту архитектора С. Волошина (погибшего в сентябре 1942 года в Сталинграде) и помощника архитектора Р. Ситчикова. Дом представлял собой четырехэтажное здание с четырьмя подъездами и находился по адресу Пензенская улица, 61. По существовавшей сталинградской традиции называть здания по их ведомственной принадлежности, он назывался «Дом Облпотребсоюза», так как предназначался для работников торговли и потребкооперации. Рядом, в 30 метрах, был построен дом-близнец (зеркальная копия) — «Дом Совконтроля» (в дни Сталинградской битвы его называли «Домом Заболотого»). Между домами проходила железная дорога, ведущая к мельнице имени К. Н. Грудина № 3 (бывшая царицынская мельница Гергардта). Выкрашены жилые дома были в светло-салатовый цвет. В дни Сталинградской битвы оба дома имели важное

стратегическое значение, поэтому удержать эти опорные точки нашей обороны было необходимо.

Восстановленный первым в Сталинграде в 1943 году, дом и в настоящее время является жилым. В 1960 году прошла большая реконструкция площади имени Ленина — бывшей площади 9 января (автор проекта архитектор И. Е. Фиалко). В ансамбль площади вошел «Дом Павлова» с расположенными рядом жилыми домами, которые были соединены колоннадой. На торце знаменитого дома панно-барельеф «58 дней в огне» (авторы волгоградские скульпторы А. В. Голованов и П. Л. Малков). Частью ансамбля стала и братская могила воинов 13-й гвардейской стрелковой дивизии и 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД. По паспорту на братскую могилу в ней захоронено 1824 бойца этих дивизий, в том числе и погибшие защитники «Дома Павлова».

В 1985 году со стороны Советской улицы противоположный торец дома № 39 был художественно дополнен панно «Стена-руина», которое посвящено восстановлению «Дома Павлова» и города-героя (архитектор В. Е. Масляев, скульптор В. Г. Фитисов). На стене надпись: «В этом доме слились воедино подвиг ратный и трудовой».

В последние годы о Я. Ф. Павлове и героической обороне дома появилось много мифов и легенд, искажающих реальные события и факты. В данном очерке максимально использован научно-документальный материал, фонды музея-заповедника «Сталинградская битва», личные воспоминания защитников Сталинграда. Завершить вступление хочется словами самого Я. Ф. Павлова: «Я далеко не поэт, но, вспоминая о Волгограде, называю его родиной военного подвига, символом высочайшего физического и духовного мужества советских солдат. Я часто приезжаю сюда, и, кажется уже пора привыкнуть к

Волгограду сегодняшнему — молодому, чистому, радостному, но слишком прочно остался в моем сердце Сталинград 1942-1943 годов. Иду по улицам, а память подсказывает, что вот тут у универсама много наших ребят полегло, а рядом с банком долго не могли вражеское пулеметное гнездо ликвидировать, а на площади Павших борцов мы как-то столько их танков нажгли, что в наших штабах сводку трижды перепроверяли. В общем, я за семьдесят с небольшим дней, что осенью сорок второго здесь повоевал, породнился, сросся с городом на всю оставшуюся жизнь. Волжская земля необычайно богата подвигом. В любой ее горсти уже заключено это понятие, ведь ни один город нашей страны не выстрадал столько, сколько Сталинград в сорок втором году. Подсчитал же кто-то, что в каждом квадратном метре сталинградской земли осталось около двух тысяч осколков».

* * *

Яков Федотович Павлов родился 17 октября 1917 года в деревне Крестовая Валдайского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье: отец — Федот Павлович Павлов, 1886 года рождения, мать — Анисья Егоровна Павлова, урожденная Наумова, 1890 года рождения. Оба были из одной деревни. Со стороны отца у Яши было три дяди: Родион, Петр, Иван; со стороны матери — тетя Галина и дядя Виктор. В свою очередь у Анисьи Егоровны и Федота Павловича родилось четверо детей: три мальчика и девочка. Первый мальчик умер в возрасте шести лет и старшим стал Яша, затем — брат Василий (1926 года рождения) и сестра Лидия (1929 года рождения). Рано умер и их отец, Федот Павлович, — в марте 1941 года.

Большая семья, любовь к малой родине навсегда связали Якова Павлова с Новгородчиной. Яков учился в сельской начальной школе с 1928 по 1932 год. В школе работал кружок, в котором ребята изучали историю борьбы за советскую власть в родных краях. Павлов также был членом этого кружка. Он вспоминал: «Да, те события, которые мы тогда изучали, были ближе к нам по времени. Помню, принесли в свой школьный исторический угол кобуру от нагана бывшего красноармейского командира, погибшего в боях с бандами Юденича, и очень гордились этой находкой.

Любимым героем моим и моих сверстников был Павел Корчагин, который сражался за Советскую власть. Буденный, Фрунзе, Котовский, Дзержинский, Чапаев были для нас символами партийности и стойкости. Мы мужали, сверяя свою жизнь по жизни героев Гражданской войны, увлекались военно-прикладными видами спорта, что очень пригодилось потом».

Подростком Яков начал работать в колхозе: возил почту на несколько деревень, доставлял молоко на «сливной пункт», окончил курсы колхозных бухгалтеров. В 1938 году счетовод Павлов был призван в Красную армию. Как и многие мальчишки своего времени, Яков мечтал стать летчиком, покорителем небес. Отборочная комиссия при распределении учла детскую мечту, но в школу летчиков Павлов так и не попал, его направили для прохождения службы на должность заведующего складом вещевого снабжения на одном из аэродромов на западе страны. Здесь, в районе Ковеля, в этой должности его застало начало Великой Отечественной войны. С июня 1941 года эта территория оказалась в зоне ответственности Юго-Западного фронта.

Видя, как войска захватчиков стремительно продвигаются по территории родной страны, по словам Якова Федотовича, он не мог дольше оставаться завскладом. Ему удалось добиться отправки на курсы,

вскоре он получил звание сержанта и стал командиром стрелкового отделения.

В 1942 году Павлов был переведен в 42-й гвардейский стрелковый полк 13-й гвардейской дивизии генерал-майора А. И. Родимцева. В июле-августе 1942 года старший сержант Я. Ф. Павлов находился в городе Камышин, где быстрыми темпами шло переформирование дивизии. Здесь он принял командование пулеметным отделением 7-й роты 3-го батальона своего полка.

Когда в сентябре 1942 года Сталинградская битва шла уже на улицах города, ожесточенные бои шли за каждый дом, за каждый этаж, за каждую лестничную клетку. Рассчитывая прорваться к Волге в районе площади 9 января, немецкое командование постоянно подтягивало сюда дополнительные силы. В этой ситуации важное стратегическое значение приобрел наименее пострадавший после артобстрелов и бомбежек четырехэтажный жилой дом, с верхних этажей которого хорошо просматривается центральная часть города и проходы к Волге. Пулеметное отделение Павлова еще с 18 сентября обстреливало захваченный к этому времени немцами жилой дом. Перед командованием 42-го гвардейского стрелкового полка была поставлена задача выбить противника из удобного опорного пункта. Для выполнения задания была создана разведгруппа из четырех человек во главе с сержантом Яковом Павловым. В ее состав также вошли рядовые Н. Я. Черноголов, В. С. Глущенко и А. П. Александров. При попытке добраться до дома, когда разведчики попластунски переползали прилегающую к нему асфальтированную улицу, они попали под шквальный огонь противника. Тем не менее, несмотря на постоянный обстрел, к вечеру 27 сентября бойцы все же сумели пробраться в нижние этажи дома.

Вооружение четверки разведчиков состояло из автоматов, ножей и гранат. Осторожно, шаг за шагом, разведчики знакомились с домом и оценивали обстановку. В первом подъезде в подвале они обнаружили жильцов верхних этажей, лица которых выражали неподдельное изумление при виде наших бойцов. Эти люди и помогли гвардейцам правильно сориентироваться и определить местонахождение немцев в доме — первый этаж второго подъезда. Пробравшись в указанное место, за дверями двух квартир разведчики услышали немецкую речь. Распахнув одновременно обе двери, они действовали так, как положено штурмовым группам, как уже неоднократно им приходилось бить врага в сталинградских развалинах, — забросали немцев гранатами, ворвались в комнаты, полные дыма и пыли, и дали несколько автоматных очередей.

В подвале второго подъезда бойцы также обнаружили жильцов дома. Среди них Павлов увидел знакомое лицо — это был санинструктор 13-й гвардейской дивизии С. С. Калинин, который оказывал помощь раненым. Он подтвердил, что жители рассредоточены в подвалах, а немцы располагались лишь во втором подъезде. Тем не менее павловцы обошли все здание и сами убедились, что оно полностью в их руках. Главная задача по разведке обстановки в доме группой была выполнена. Но Яков Федотович вполне логично предположил, что немцы вскоре предпримут попытку вернуться в дом. Необходимы были дальнейшие указания командования. Кроме того, у разведчиков почти не оставалось боеприпасов. Нужно было во что бы то ни стало связаться с командным пунктом полка, который находился в здании мельницы. Как доставить донесение? Остаться втроем было рискованно. Павлов принял решение отправить с донесением к комбату А. Е. Жукову санинструктора

Калинина. Разведчикам оставалось только ждать: дойдет Калинин до командного пункта или нет?

Тем временем немцы чуть ли не каждые полчаса открывали по зданию огонь из орудий и минометов, вряд ли они предполагали, что его обороняли только четыре бойца. Ожидание связи с полком становилось все тревожнее. Но, несмотря на сложность и драматизм ситуации как для бойцов, так и для мирных жителей, жизнь продолжалась: жильцы сварили похлебку, накормили ею бойцов. Волновались люди и на КП полка, и на КП дивизии, где уже больше суток не было известий от четверки разведчиков. Когда напряжение было на пределе и командование обсуждало возможные дальнейшие действия в отношении этого дома, в подвал мельницы, где находился штаб батальона, ввалился боец. Без пилотки, в грязи, с надорванной полкой шинели. Это был санинструктор Калинин, который начал доклад словами: «Я из дома Павлова». Он сообщил, что разведчики без потерь проникли в дом и держат его оборону.

Ни командир полка И. П. Елин, ни командир батальона капитан А. Е. Жуков в тот момент не обратили внимания, что обычное четырехэтажное здание, о котором шла речь в докладе, в этот момент устами Калинина обрело новое название. Было решено немедленно отправить разведчикам подкрепление, боеприпасы, продовольствие. Делать это было необходимо скрытно, не привлекая внимания противника, поэтому гарнизон дома было решено пополнять небольшими группами. Постепенно ряды защитников дома пополнили бронебойщики, пулеметчики и среди них совсем юный Илья Воронов. За время обороны дома, геройски отбивая атаки гитлеровцев, он получил более двадцати ран.

Еще больше моральный дух защитников «Дома Павлова» укрепляло то, что они теперь больше не

чувствовали себя оторванными от родного батальона: для сообщения с мельницей была прорыта траншея, связисты наладили связь, а в подвале второго подъезда, где разместился штаб небольшого гарнизона, появился телефон с позывным «Маяк». 9 октября 1942 года, за подписями командира 42-го гвардейского полка гвардии полковника И. П. Елина и гвардии старшего батальонного комиссара О. И. Кокушкина, было составлено представление к награждению орденом Красной Звезды гвардии младшего сержанта Павлова. Приказом командующего 62-й армией В. И. Чуйкова за № 058/Н от 20 октября он был награжден медалью «За отвагу».

Немцы вновь и вновь обрушивали на дом град снарядов. Казалось, им не терпелось стереть с лица земли здание, раз уж у них не получилось сохранить выгодную позицию. И хотя стены дома были сильно изрешечены пулями и осколками, а местами сильно разрушены, он по-прежнему возвышался прочным бастионом, неприступной крепостью. Теперь уже немцы стали получать из «Дома Павлова» чувствительные ответные удары. Оценив обстановку, Павлов по связи сообщил командиру роты о том, что в доме имеется очень удобная позиция для снайпера. Вскоре к нему был отправлен снайпер Горя Хохолов, который днем, едва закончился обстрел, поднялся на чердак. К концу первого дня на счету снайпера было уже около двух десятков позиций...

Защитники дома старались постоянно совершенствовать оборону. В книге «В Сталинграде» Павлов писал о том, что, увидев, как немцы скрываются в глубокой траншее между занятыми ими домами и пулеметный огонь перестал доставать их, опытный, несмотря на свою молодость, и находчивый пулеметчик Воронов предложил: «Сейчас бы здесь нашему ротному миномету поработать». На следующую ночь прибыл

взвод ротных минометов под командованием младшего лейтенанта А. Н. Чернышенко. Минометчики наловчились стрелять так, что их мины ложились в самую траншею. Потери немцев стали быстро расти, что подвигло их предпринять новую серию яростных атак, вновь безуспешно. Несколько раз немцы пытались разбомбить дом с воздуха. Но днем это сделать было не так-то легко: советские зенитчики встречали немецкие самолеты сильнейшим огнем. Немецкие летчики попытались перейти на ночные бомбардировки, но в темное время суток самолеты надо было наводить на цель. Проще всего это было сделать с помощью сигнальных ракет. Засевшие в здании напротив немецкие солдаты начали выпускать в сторону «Дома Павлова» зеленые ракеты. И здесь опять сработала смекалка советского солдата: из своих ракетниц бойцы стали запускать ракеты зеленого цвета в сторону расположения противника. Немецкие летчики так и не смогли вычислить цель и сбросили свой смертоносный груз на дома, которые занимала их пехота. Позже немцы пытались навести свои самолеты ракетами других цветов, но защитники дома всегда путали им карты, также меняя цвет ракет.

Шел день за днем, а советский гарнизон продолжал держать жесткую оборону, срывая все попытки противника приблизиться к дому. Были моменты, когда лишь ценой нечеловеческого напряжения, собрав в кулак волю и решимость, советским солдатам удавалось отбивать атаки врага. Сражаясь за этот дом, который они не имели права оставить, за стариков, женщин и детей, укрывшихся в подвале, за свою дивизию, гарнизон помнил слова своего комдива генерала А. И. Родимцева о том, что гвардейцы в Сталинграде должны стоять насмерть.

Действительно, в этом противостоянии с противником наши бойцы «врастали» в оборону,

совершенствовали ее. Уже освоившись, они отрыли глубокую траншею в человеческий рост, протянувшуюся на 200 метров до КП батальона. Она помогла эвакуировать в тыл укрывшихся в подвалах мирных жителей. По ней в дом, в основном по ночам, приходили командир роты И. И. Наумов, командир батальона А. Е. Жуков, командир полка И. П. Елин. По необходимости время от времени в дом приходил «поработать» прославленный снайпер А. И. Чехов, а также санинструкторы. По траншее в дом прошел и оператор съемочной группы документального фильма «Сталинград» В. И. Орлянкин. Этот ход сообщения давал возможность снабжать гарнизон боеприпасами, медикаментами, продовольствием. От Волги в термосах доставлялась вода, которая была на вес золота. Немцы яростно обстреливали участок между мельницей и домом. Это была нелегкая и очень опасная дорога: с термосом на спине доползти от «Дома Павлова» к мельнице, потом спуститься к Волге и приползти обратно.

Во время одного из посещений дома командир полка не исключил, что немцы попытаются сжечь дом. На что бойцы отшутились обещанием не сгореть в нем. И уже серьезно, как приказ, прозвучали слова Елина о том, что важен не столько сам дом, сколько выгодная позиция для обороны, и что, даже если дом будет гореть, уходить отсюда все равно нельзя. Гарнизон занялся оборудованием запасных позиций. Бойцы решили связать подземными ходами находившееся перед домом цементированное бензохранилище и расположенный в 30 метрах за домом люк водопроводного тоннеля. Это была тяжелая работа, делать ее нужно было незаметно и собственными силами гарнизона. Возможности отдыхать почти не было: сменялся солдат с боевого поста и сразу шел рыть тоннель, а затем — снова на пост, в бой. Эти запасные позиции сослужили бойцам

хорошую службу. Как только немцы открывали огонь по дому, на постах оставались лишь дежурные, а все остальные уходили в убежище, прекращался обстрел — и весь гарнизон снова был в доме, немедленно открывая огонь по наступавшим немцам.

Бойцы оборонялись, находясь под постоянным шквальным огнем, задыхаясь в дыму и пыли. Взрывными волнами с дома была сорвана крыша. Немцам удалось обвалить одну из торцевых стен, которая была расположена ближе к вражеским батареям. Бойцы шутили, что у них есть еще три стены и «дом теперь с небольшой вентиляцией». Сутки боя сменялись другими, а враг не мог продвинуться ни на метр. Дом продолжал стоять неприступной цитаделью.

День 7 ноября 1942 года — 25-летия Октябрьской революции, особо запомнился защитникам «Дома Павлова». В этот день в Сталинграде стояла непривычная тишина. Немцы, видимо, ждали в этот день каких-нибудь серьезных операций со стороны наших войск и сами решили в атаки не ходить, сосредоточившись на обороне. К вечеру в штаб гарнизона прибыли Елин, Жуков, Наумов. Они передали поздравления с праздником командира дивизии Родимцева, принесли газету «Правда» с докладом И. В. Сталина, поблагодарили за боевую службу, вручили знаки «Отличный пулеметчик» И. Воронову и «Отличный снайпер» Г. Хохолову с записью в красноармейских книжках. Был доставлен и праздничный обед. Собравшись за столом, бойцы грянули многократное «ура!». Это сильно перепугало немцев, они решили, что начинается атака, и открыли яростный огонь.

В минуты затишья защитники дома вслух мечтали о том, как закончат войну, вернуться в родные места, будут ездить друг к другу в гости — за дни обороны они стали близкими и дорогими друг другу людьми.

Дом служил ориентиром на картах Сталинграда и до конца битвы именовался «Домом Павлова», названием, закрепившимся за ним с первого дня захвата группой разведчиков 13-й гвардейской дивизии. Под ним он фигурировал в сводках, донесениях, заметках фронтовых газет. В ходе многодневной обороны сформировался гарнизон, членов которого принято считать защитниками «Дома Павлова». Он состоял из воинов десяти национальностей: русские — И. Ф. Афанасьев, А. П. Александров, М. С. Бондаренко, И. В. Воронов, Т. И. Гридин, Я. Ф. Павлов, И. Т. Свирин, А. Н. Чернышенко, М. В. Киселев, В. К. Сараев; украинцы — В. С. Глущенко, П. И. Довженко, А. И. Иващенко, А. А. Сабгайда, Н. Я. Черноголов, Г. И. Якименко; армянин — В. Авагимов; грузин — Н. Г. Мосияшвили; татарин — Ф. З. Рамазанов; казах — Т. Мурзаев; узбек — К. Тургунов; таджик — А. Турдыев; еврей — И. Я. Хаит, калмык — Г. Б. Хохолов.

Гарнизон в течение почти двух месяцев не давал врагу пробиться к Волге, и при этом защитникам удалось избежать больших потерь. 19 ноября войска Сталинградского фронта перешли в контрнаступление. Утром 25 ноября, после артиллерийской подготовки, бойцы гарнизона покинули дом и начали продвигаться вперед через площадь. Целью их вылазки было выбить немцев из дома, стоявшего неподалеку. Вперед, от Волги на запад, защитники дома пошли уже в рядах своей родной 7-й роты: после двухмесячного перерыва они снова воссоединились с ней. Во время этой атаки Павлов был ранен в ногу и переправлен в госпиталь на левый берег Волги.

Выписавшись из госпиталя, Яков Федотович пытался вернуться в родную гвардейскую дивизию, но не удалось — к этому времени сталинградцы ушли далеко на запад. Сначала он попал в запасной полк, а затем в 288-й истребительно-противотанковый артиллерийский

полк 19-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады Резерва Ставки ВГК. Спустя некоторое время Яков Павлов прочитал в газете про «Дом Павлова» и своих боевых товарищей. Когда он пришел к заместителю полка по политчасти с газетой, то замполит отнесся с недоверием к тому, что боец его полка и есть тот самый Павлов, который оборонял дом в Сталинграде. Он пожелал Павлову думать о будущих подвигах на фронте.

В 1944 году в Житомире Павлов вновь попал в госпиталь с сугубо мирной болезнью — малярией, что вызывало у него отчаянную досаду. И здесь, в госпитале, ему опять попались газетные статьи о «Доме Павлова». Имея неудачный опыт обращения к военному начальству, вернувшись в полк, он дал почитать статьи в газетах своему командиру взвода. Взводный, в свою очередь, посоветовал молчать, так как самозванство в военное время чревато последствиями. Дав такой совет, взводный тем не менее написал письмо-запрос генералу Родимцеву.

Тем временем Яков Павлов храбро сражался в рядах 288-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, который входил в состав 3-го Украинского фронта и вместе с ним двигался на запад. В январе 1944 года Павлов подбил немецкий танк и был награжден еще одной медалью «За отвагу» (приказ командира 288-го ИПТАП № 02/Н от 20 января 1944 года), получил премию в 500 рублей и отпуск на родину. Во время краткосрочного отпуска, находясь дома, Яков узнал от матери о том, что его разыскивает генерал Родимцев. После возвращения в полк Павлов передал письмо генерала, полученное матерью, командованию.

Яков Федотович продолжал доблестно воевать, о чем свидетельствует выписка из наградного листа от 17 мая 1945 года о представлении его к ордену Красной Звезды: «...Тов. Павлов в бою с немецко-фашистскими

захватчиками с 21 по 23 апреля во время форсирования р. Одер и завоевания плацдарма на ее западном берегу проявил себя мужественным и стойким.

21.04.45 года, когда батарея отбивала яростно нападавшего противника, видя, что снаряды на исходе, старшина организовал поднос снарядов, чем обеспечил успех и благоприятный исход борьбы. В этот день батарея отбила 13 вражеских атак. 22-23.04.45 г. батарея сопровождала огнем и колесами наступавшую пехоту. Старшина организовал и руководил подносом снарядов, не отставая от пушек, которые двигались с боевыми порядками пехоты. 24.04 в ночной атаке немцев на наши позиции из личного оружия уничтожил до 15 гитлеровцев. За проявленную смелость и умелую организацию по бесперебойному снабжению батареи снарядами старшина Павлов достоин правительственной награды — ордена Красной Звезды».

Бой за город Штеттин стал последним для Якова Павлова: пришла Победа, война была окончена. Накануне демобилизации Павлова вызвал командир полка. Подходя к штабу, Яков увидел, что полк парадно построен. Встав на свое место, он услышал: «Полк, смирно! Защитник дома Павлова в Сталинграде гвардии старшина Павлов — к знамени!» После того как полк прошел церемониальным шагом у знамени, героя Сталинграда вместе с комсоставом пригласил к себе командир. Попрощавшись с Павловым, он передал ему пакет со словами: «Поедешь с ним к генералу Чуйкову, вручи пакет ему лично».

На следующий день Яков Федотович отправился в штаб дивизии получать демобилизационные документы, а затем — к В. И. Чуйкову. Командарм его сразу узнал. Из воспоминаний Я. Ф. Павлова: «Где же ты был? Я тебя всю войну искал. — Воевал, Василий Иванович». Узнав о планах Павлова вернуться на родину, на Валдай, Чуйков предложил ему остаться в армии, сказав, что его боевые

заслуги теперь известны всему миру. На что Яков ответил: «По натуре я человек сугубо штатский. Это ведь только война заставила меня взять оружие». Однако он не сразу отправился домой, на какое-то время ему пришлось остаться в распоряжении Чуйкова, который отправил на Павлова представление к присвоению звания Героя Советского Союза. Когда документы пришли, Чуйков от имени Верховного Совета СССР вручил Я. Ф. Павлову медаль «Золотая Звезда» и орден Ленина за подвиги, совершенные в Сталинграде.

Летом 1946 года, впервые после окончания Сталинградской битвы и Великой Отечественной войны, Я. Ф. Павлов приехал в Сталинград. Еще на вокзале он увидел, как французскую военную делегацию встречает девушка-экскурсовод, и слышал, как французские полковники наперебой повторяют: «Павлов», «Павлов». Яков Федотович пристроился к группе, предположив, что они идут на экскурсию к «его» дому. Во время экскурсии, услышав от девушки-экскурсовода, что этот дом советские бойцы и командиры обороняли 58 дней, иностранцы сильно удивились и, не очень поверив ей, воскликнули: «Не может быть! Вся Франция сопротивлялась 38 дней».

Не только во Франции, но и во всем мире теперь знают этот форпост на берегу Волги как «Дом Павлова». Парадоксально, но факт: одним из последних, кто в годы войны узнал, что дом носит его имя, был сам сержант Павлов. Об обороне дома, о павловцах одним из первых в самый разгар Сталинградской битвы в статье «Дом Павлова» в газете «Сталинское знамя» от 31 октября 1942 года написал военный журналист, а впоследствии драматург Ю. П. Чепурин. Однако во время обороны сами защитники дома еще не знали об этом. Попавший в госпиталь с началом нашего контрнаступления Павлов, во время войны больше не видел этого дома, но безвестный боец 13-й гвардейской написал на доме

«Этот дом отстоял гвардии сержант Яков Федотович Павлов».

Через много лет в одном из последних своих интервью Яков Федотович скажет: «Конечно, сержант — звание в армии не слишком высокое, не чета маршальскому. Но то, что в этом всемирно известном городе есть дом, носящий мою фамилию, — не просто честь для сержанта, рядового участника Сталинградской битвы. Это — великая ответственность, о которой я не забываю ни на минуту, не имею права забывать».

В 1946 году Павлов приехал в Сталинград и после посещения горисполкома встретился с Александрой Максимовной Черкасовой, которая к тому времени уже была известна всей стране как инициатор движения по восстановлению разрушенных войной городов. Еще в 1943 году она возглавила женскую бригаду по восстановлению «Дома Павлова». Под впечатлением от ратного подвига его защитников, женщины решили совершить подвиг трудовой: одним из первых в Сталинграде они отстроили знаменитый дом ровно за столько дней, сколько длилась его оборона. Таким образом, дом стал не только символом героизма его защитников, но и символом возрождения города-героя. На стене возрожденного дома Александра Максимовна написала: «Дом восстановлен бригадой А. Черкасовой за 58 дней». И здесь же рядом можно видеть другую надпись, впервые сделанную лично самим Павловым: «Дом принял от Черкасовой в полной пригодности. Гвардии младший лейтенант, Герой Советского Союза Яков Павлов. 17.VII.1946 г.».

Став уже человеком известным, Яков Федотович решил не продолжать военную карьеру и после войны вернулся на свою малую родину. В интервью 1-му секретарю Волгоградского обкома комсомола, председателю комиссии ЦК ВЛКСМ по физическому и

военно-патриотическому воспитанию молодежи В. А. Катунину на вопрос: «Почему бы ему не переехать жить в Волгоград?» — Яков Федотович ответил: «... Истинная родина у человека должна быть одна, такая, как для меня моя Валдайщина, мой Новгород, откуда идут мои корни, чью землю пахали отцы мои и прадеды.... И потом, очень трудно жить все время войной. Останься я в Волгограде, живи в том самом «Доме Павлова», я бы каждый день видел моих ребят, видел бы живыми мертвых... Слишком дорогую цену мы заплатили той зимой за победу на Волге, слишком хорошо я знал тех, кто погиб рядом со мной тогда. А кроме прошлого мы должны жить настоящим, думать о будущем. Я ведь не только бывший солдат, я инженер, я отец, а теперь уже дед».

У себя на родине Павлов работал по партийной линии, стал 3-м секретарем Валдайского райкома партии, курировал сельское хозяйство, то есть остался «человеком земли». Он постоянно учился, получил высшее образование, окончил Высшую профсоюзную школу в Ленинграде, Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве, трижды избирался депутатом Верховного Совета РСФСР от Новгородской области.

В 1947 году Павлов женился на Нине Александровне Наумовой, в 1951 году у них родился сын Юрий. С годами у многих фронтовиков начинают сказываться последствия ранений и тягот войны, необходимостью становятся постоянные консультации врачей. Семья Павловых решила переехать в областной центр, в Новгород. Здесь Павлов работал в отделе снабжения на машиностроительном заводе «Комета», а Нина Александровна трудилась в школе, преподавала русский язык и литературу. В настоящее время жива сестра Я. Ф. Павлова — Лидия Федотовна Егорова.

Яков Федотович был частым гостем города-героя Волгограда. Дважды в год — обязательно 2 февраля — в

день разгрома немецких войск под Сталинградом и в сентябре — дни традиционных встреч ветеранов 13-й гвардейской, для которых заповедью стали слова генерала А. И. Родимцева: «Оставшийся живым в Сталинграде — дважды рожден!»

Я. Ф. Павлов открывал художественное панно на «Доме Павлова», встречался с жителями «своего» дома. 15 октября 1967 года он принимал участие в торжественном открытии памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы на Мамаевом кургане». Ему было поручено выступить от имени всех защитников Сталинграда. В своей речи он сказал (текст приводится полностью):

«Дорогие товарищи! Боевые друзья!

Трудно подобрать слова, выражающие то чувство волнения, которое испытываем мы — бывшие воины — сталинградцы, присутствуя на торжественном открытии памятника героям Сталинградской битвы.

Нам никогда не забыть сурового и грозного 1942 года. Четверть века назад здесь решалась судьба нашего Отечества, судьба завоеваний Великого Октября. Сознание высокой ответственности перед Родиной, перед Коммунистической партией, которая вырастила и воспитала нас, придавало нам, защитникам города, мужество и стойкость, звало на подвиги.

Наша клятва — за Волгой для нас земли нет — выражала решимость стоять насмерть, выражала всенародное стремление разгромить врага в Сталинграде. Рука об руку сражались здесь представители всего многонационального советского народа.

Дружба, взаимопомощь, готовность помочь своим товарищам выполнить свой боевой долг — все это сплачивало защитников города, помогло им в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. И мы наголову разбили гитлеровские полчища.

В этой битве ярко проявились советский патриотизм, мужество и отвага солдат, воинское мастерство офицеров, неоспоримое превосходство наших военачальников над гитлеровскими генералами.

Победа досталась нам дорогой ценой. Тысячи боевых друзей навечно остались лежать в сталинградской земле. Они до конца выполнили свой долг перед Родиной. Ценой своей жизни они преградили путь врагу, спасли свободу и независимость миллионам людей мира.

Мы склоняем головы перед их светлой памятью. От имени участников великой битвы мы обращаемся к юношам и девушкам, к нашей советской молодежи: помните этих героев, они отдали жизнь за Вас, за мир и счастье на земле. Свято храните и приумножайте их героическое дело. Несите с достоинством эстафету мужества и героизма.

Дорогие товарищи!

Мне, как и всем ветеранам войны, присутствующим здесь, бесконечно дорого приглашение принять участие в торжественном открытии памятника Героям Сталинградской битвы.

Сооружение этого замечательного ансамбля — свидетельство всенародного признания подвига наших боевых товарищей, отстоявших Родину от врага. Это достойный памятник погибшим в Сталинградской битве. Наше солдатское спасибо Центральному Комитету Коммунистической партии, Советскому правительству, всему советскому народу.

Мы, участники Сталинградской битвы, клянемся достойно выполнить заветы павших боевых товарищей, отдать все свои знания и силы делу победы коммунизма.

Если потребуется, то по зову Родины, нашей ленинской Коммунистической партии мы готовы дать сокрушительный отпор всем, кто попытается нарушить наш мирный труд».

Третьего мая 1980 года Павлов открывал Всесоюзную вахту памяти на Солдатском поле. Он активно участвовал во многих форумах и акциях, никогда не отказывался встретиться с молодежью. Большой радостью для Якова Федотовича были встречи и общение с сотрудниками музея обороны. По их просьбе он написал воспоминания, которые легли в основу его книги «В Сталинграде (фронтовые записки)», которая вышла в Сталинградском областном книгоиздательстве в 1948 году.

В Сталинграде Яков Федотович был всегда желанным гостем, этим «пользовалась» дирекция завода, на котором он работал. Поскольку новгородский завод «Комета» был машиностроительным, волгоградский металлургический завод «Красный Октябрь» поставлял новгородцам металл. Павлов был тем человеком, которому в Волгограде никто ни в чем не мог отказать, поэтому его часто отправляли в командировку на «Красный Октябрь» за металлом. Будучи всемирно известным, Яков Федотович оставался исключительно скромным, трудолюбивым, человеком долга. К боевым наградам прибавилась награда трудовая — орден Октябрьской Революции, а 7 мая 1980 года за особые заслуги, проявленные в обороне города и разгроме немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, решением Волгоградского городского совета народных депутатов Якову Федотовичу Павлову было присвоено звание почетного гражданина города-героя Волгограда.

Яков Федотович Павлов скончался 28 сентября 1981 года. Причина — инфаркт, ставший следствием острой сердечной недостаточности. Газеты «Волгоградская правда» и «Молодой ленинец» поместили некрологи. Я. Ф. Павлов был похоронен на Западном кладбище Новгорода на Аллее Героев. Его любимая мама Анисья Егоровна ненадолго пережила сына. Могила носит

статус «Памятник истории», охраняется государством под государственным номером 12. Надгробие представляет собой стену дома с большим портретом Якова Федотовича.

В заключение рассказа о Якове Федотовиче Павлове нельзя обойти вопрос, вызвавший эмоциональные дискуссии и полемику в последние годы: тот ли это Павлов? В великом сражении на Волге участвовало большое количество бойцов с фамилией Павлов — это достаточно распространенная русская фамилия, так же как Иванов, Петров, Сидоров. История Сталинградской битвы знает сотни защитников героического города с фамилией Павлов и несколько Героев Советского Союза с этой фамилией. Одним из них был Иван Дмитриевич Павлов, впоследствии архимандрит Кирилл. Он действительно защитник Сталинграда, герой войны, но никакого отношения к «Дому Павлова» не имеет.

НАГРАДЫ
МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА
Я. Ф. ПАВЛОВА

**Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского
Союза —**

27 июня 1945 года.

Ордена

Орден Ленина — *27 июня 1945 года.*

Орден Октябрьской Революции.

Два ордена Красной Звезды.

Василий Григорьевич ЗАЙЦЕВ

Очерк о легенде Сталинградской битвы, известном снайпере Василии Григорьевиче Зайцеве хочется начать словами героя: «Велико счастье трудиться на благо Отечества, а защищать его в бою — высшая честь».

Василий Григорьевич Зайцев родился 23 марта 1915 года в деревне Еленинка Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. Его отец Григорий Андреевич был старшим ребенком в семье, солдатом он воевал на фронтах империалистической войны, участвовал в Луцком прорыве. Но, как рассказывал Василий Григорьевич, его воспоминания о детстве связаны больше с дедом Андреем. Дед Василия — Андрей Алексеевич Зайцев, потомственный охотник, взял однажды внука впервые на охоту, дал в руки лук с самодельными стрелами. Он наставлял Василия, обучая навыкам охотника: «...Сиди в засаде так, чтоб зверь смотрел на тебя, как на клочок сена или кустик смородины. Лежи, не дыши и ресницами не шевели. А если пробираешься к лежке зайца, старайся ползти с подветренной стороны и так, чтоб под тобой не хрустнула ни одна тростинка. Старайся слиться с землей, припадай к ней кленовым листом и двигайся незаметно». Прошло немного времени, и Васе удалось самому завалить дикого козла. И Андрей Алексеевич, и внук вместе радовались этому событию. На следующий день, в присутствии бабушки, отца, мамы, брата и сестры дед подарил ему ружье — одноствольную берданку 20-го калибра. Ружье с боевыми патронами в патронташе, с пулями, картечью и дробью.

Вместе с ружьем внук перенял от деда и грамоту таежной мудрости, житейский опыт, любовь к природе. В 12 лет, еще мальчишкой, Вася Зайцев стал

самостоятельным охотником. Охоте Василия учил не только дед, но также отец и двоюродный брат Максим, который был старше Васи на десять лет. Свою первую охоту с ружьем Василий запомнил на всю жизнь. Идти пришлось по берегу лесной речушки Сарам-Сакала, чтобы не оставлять следов. Шли они вместе с отцом, который наставлял его: патроны расходовать экономно, учись стрелять без промаха. Эти слова отца оказались пророческими, его наказы Василий вспоминал в Сталинграде.

Во время охоты Василий и его старшие наставники использовали разнообразные приемы бывалых таежных стрелков. Как вспоминал, будучи уже взрослым, Василий Григорьевич, его сестра Полина часто упрекала их с Максимом за то, что от них после охоты сильно пахло, как она говорила, «псиной». А на самом деле это был запах барсучьего жира, которым смазывали лицо, руки, капканы и оружие. После такой обработки даже железо теряло запах, а звериный нос не чуял присутствия человека. Все вместе — дед, отец и Максим научили Василия многим премудростям охоты так, что он считал себя после этого настоящим охотником — мог идти по следу, метко стрелять, жить в лесу в жару и на морозе.

Читать и писать учила Василия бабушка. В 16 лет подросток пошел работать на Магнитку, там же окончил вечернюю семилетку, получил профессию арматурщика. Затем новый поворот в его трудовой биографии — он оканчивает курсы бухгалтеров. Несмотря на маленький рост, Василий был крепкого телосложения и хорошо физически развит. В начале 1937 года, когда он предстал перед призывной комиссией, его признали годным для службы на флоте, чему он очень обрадовался, и направили во Владивосток.

На берега Тихого океана Василий отправился вместе со своими земляками — комсомольцами с Урала. Ехали долго и когда наконец добрались до места, Зайцев

впервые в жизни увидел море. По воспоминаниям Василия Григорьевича, за пять лет службы он стал настоящим флотским человеком.

Великая Отечественная война застала Зайцева на Тихом океане. Как и многие его сослуживцы, Василий подал рапорт с просьбой отправить его на фронт. Но поначалу Зайцева, который имел к тому времени звание главного старшины, определили в команду морской пехоты. А в сентябре 1942 года стало понятно, что Василию и его товарищам по флоту предстояло расстаться с морской формой, их зачислили пехотинцами в 284-ю стрелковую дивизию.

Эшелон, в котором ехал Василий, двигался на запад мимо родных мест на Урале. Горная тайга навеяла воспоминания о том, как учился ходить звериными тропами, стрелять навскидку, ночевать в трескучий мороз под открытым небом. Команда, с которой Зайцев ехал в одной теплушке, была зачислена во 2-й батальон 1047-го стрелкового полка. Наконец, после долгой дороги, Василий увидел степь, по его воспоминанию, «необозримую как море». Неожиданно эшелон остановился, так как немецкие бомбардировщики разрушили железнодорожный мост. Вдали, где все заволочло дымом, было видно зарево огромного пожара. Это горел Сталинград. Над городом кружили немецкие истребители и бомбардировщики.

Командир роты сообщил новобранцам о том, что они направляются именно туда — в Сталинград. По прибытии на место сразу началась боевая подготовка. Как объявил командир, тема трехдневных занятий — уличные бои. Тренировались новички с особым усердием, потому, что каждый понимал, насколько необходима будет им эта наука. Тихоокеанцы учились владеть штыком, действовать в бою ножом, саперной лопаткой, метать гранаты, бегать, переползать попластунски. Все эти упражнения бывшие моряки

проделывали в морской форме, менять которую не хотели, считая ее «фартовой». Василий Григорьевич вспоминал: «Было видно, что командир роты учениями доволен. Когда к нему подошел замполит и поинтересовался, как идут дела у «морячков», наш командир сказал: «С такими моряками, Степан, мы любому фашисту голову свернем!» Посмотрев на бойцов в морской форме, замполит спросил: «А что, армейское обмундирование еще не получили?» Командир, смущаясь, ответил, что армейское обмундирование получили полностью, но еще не переоделись».

Зайцев и его товарищи вскоре и сами поняли, что матросский клеш в бою будет мешать. Во время учений случился курьез — одному из моряков наступили на широченную брючину, тот потерял равновесие и упал. Увидев это, командир роты сказал бывшим морякам, как отрезал: «Из-за широких штанов можно и жизнь потерять». Чтобы помочь новичкам быстрее осознать ту обстановку, в которой им придется воевать, пришлось комиссару серьезно поговорить с ними о дисциплине и организованности. Василий Григорьевич записал в своих заметках: «Мы стояли и слушали молча, позабыв о куреве. На душе обида: неужели придется снимать клеши, надевать солдатские узенькие штанишки, обмотки. Но понимали — комиссар прав. Мы всматривались в большие черные дымы, поднимавшиеся высоко в небо. Слышали тяжелые разрывы бомб. Вечером мы развязали вещевые мешки и через час превратились в красноармейцев. Родная форма теперь лежала в вещмешках. Лишь тельняшки остались под гимнастерками».

На машинах бойцов 284-й стрелковой дивизии довели до берега Волги, где они погрузились на баржи. К пяти утра 22 сентября 1942 года, без потерь, вся дивизия переправилась на правый берег в огненный Сталинград. Этой дивизии, которой командовал

подполковник Н. Ф. Батюк, суждено было сыграть важную роль в битве за город.

Генерал Н. И. Крылов, начальник штаба 62-й армии, в ряды которой влилась свежая дивизия, в своих воспоминаниях писал: «О своей дивизии Батюк доложил: укомплектована и вооружена хорошо, численный состав — десять тысяч, в том числе три тысячи матросов с Тихого океана, Балтики и Черного моря (среди черноморцев были и участники обороны Одессы). Перед последним переформированием дивизия отличилась под Касторной... Армия получила превосходную, выдающуюся по стойкости и боевому упорству дивизию, которая в битве за Сталинград заслужила гвардейское Знамя».

В первом же бою батальон, в котором воевал Зайцев, выбил немцев из поселка нефтебазы. Полк в это время вел бои в районе оврага Долгий, у метизного завода и на высоте 102,0 — Мамаевом кургане. В овраге Долгом части 284-й дивизии установили локтевую связь с пулеметной ротой 13-й гвардейской стрелковой дивизии, которая вела кровопролитные бои за центр города. В своих заметках Василий Зайцев отмечал: «Солдатские окопы облетела весть о героической обороне «Дома Павлова», где сражался русский воин Павлов, украинец Глущенко, грузин Мосияшвили, абхазец Цукба, таджик Турдыев^[102] и другие боевые друзья. Передавали, будто Павлов, командуя в бою своим «гарнизонам», приговаривал: «Огонька, ребятки, побольше, чтоб фашисты не забыли, чья эта улица, чей этот дом...».

В ходе тяжелых боев на территории метизного завода Зайцев был ранен в ногу. Когда после боя командир роты приказал бойцам отдыхать, Василий, пытаясь скрыть ранение, сказал, что останется на позиции. Однако командир догадался, в чем дело. Увидев, что боец ранен, он осмотрел рану, при этом пришлось разорвать штанину на ноге у Зайцева, после

чего извлек торчавшую из нее пулю, обработал место ранения, используя ампулу с йодом, и перевязал ногу.

В записях Зайцева есть строки, проливающие свет на то, откуда черпали силы защитники Сталинграда: «Бой утих, передышка. Разглядываем развалины завода: груды кирпича, скрученные металлические балки. И вдруг вижу — девочка. Маленькая, худенькая, лет двенадцати. Ее тоненькие ножки до крови исцарапаны, синее платье, явно с чужого плеча, разорвано, красные ботинки, тоже рваные, надеты на босу ногу. Девочка идет впереди раненых солдат, ведет их куда-то. В развалинах мы видели много тропок и гадали, куда они тянутся. С треском разорвалась мина, веером разлетелись осколки и мелкие крошки кирпича. Тут же защелкали разрывные пули. Но девочка продолжала шагать так, будто ничего не замечала. Я падаю за пулемет, нажимаю гашетку, открываю ответный огонь в сторону фашистов. Девочка эта запомнилась мне навсегда. В подвале, за толстой дверью был небольшой госпиталь, где оказывали помощь раненым».

На железной дороге, проходящей вдоль метизного завода, за цеха которого вновь разгорелись жаркие бои, стоял подбитый бронепоезд. Зайцев получил приказ отправиться на разведку. Место для ведения разведки, так называемая «лежка», было выбрано очень удачно. Оно находилось в паровозе этого бронепоезда. Маскировка, отслеживание позиций противника напомнили Василию охоту с его любимым дедом, отцом и Максимом в уральской тайге. Это было то, что он хорошо знал и умел с детства. Оценив свою позицию, он понял, что если как следует замаскироваться, можно было бы вести отсюда прицельный огонь по гитлеровцам, оставаясь незамеченным. Тогда и пришла ему мысль стать снайпером.

Зайцев поделился своими наблюдениями и мыслями с командиром батальона Котовым, который решил, не

откладывая, проверить его стрелковый навык. В 300 метрах от наших позиций находились немецкие блиндажи. Котов приказал Зайцеву подготовиться и открыть огонь по врагу. Первый же выстрел — немец упал, затем второй, третий... Меткую стрельбу Зайцева поддержал огонь батальона. Комбат понял, что из этого стрелка будет толк.

К этому времени в батальоне остался только один снайпер — Колентьев, к нему на стажировку и отправили Зайцева. До этого Василий Григорьевич стрелял только из берданки да трехлинейной винтовки Мосина, которая хоть и была хорошим оружием, но не снайперским. Нужно было учиться, тренироваться стрелять из винтовки с оптическим прицелом, по-настоящему овладевать снайперским искусством. Закон снайпера: «Увидел — уничтожил». Оптика облегчала прицеливание, позволяла стрелять с высокой точностью на большом расстоянии, давала значительную светосилу, позволяющую стрелять при закате солнца, на рассвете, в лунную ночь, туман, снегопад, но она же давала увеличение, к которому также нужно было привыкать. Колентьев обучал Зайцева особым снайперским навыкам: «До сих пор ты стрелял по любому фашисту. А снайпер — стрелок особый, его основная задача — уничтожить в бою наиболее важные цели: вражеских командиров, снайперов, наблюдателей, орудийные и пулеметные расчеты, экипажи остановившихся танков и низко летящие самолеты. Он должен отыскивать трудную цель, которую обычный стрелок не сразит. А иначе тогда зачем снайпер нужен? Да, надо уметь хорошо маскироваться, наблюдать, отслеживать врага. Ты ведь охотник, должен понимать это. Иногда сутками охотишься, бой кипит, над головой летят снаряды, а ты лежишь, ждешь, пока появится твоя цель. Трудное, опасное это дело. Тут, брат, не только храбрость, меткость огня, но и хитрость нужна».

Но в снайперском деле важным обстоятельством является не только мастерство стрелка, но и состояние оружия. Зайцев отмечал, что его винтовка била метко, безотказно не только благодаря его натренированности, но и потому, что он за ней «любовно ухаживал». Василий Григорьевич говорил: «В оружии сила воина. Оружие надо беречь самым тщательным образом. У нас на фронте был один солдат, который, хотя и метко стрелял, но за винтовкой приглядывал плохо, вовремя не чистил ее. Винтовка перестала подчиняться стрелку, и он за это горько поплатился».

В Сталинграде Зайцев принял решение вступить в коммунистическую партию. Партийное собрание проходило в окопе недалеко от передовой. При получении партийного билета Василий Григорьевич произнес фразу, впоследствии ставшую крылатой, и каждый воин 62-й армии, сражаясь на Сталинградской земле, повторял ее как клятву: «Отступать некуда, за Волгой для нас земли нет».

На этом же собрании ему поручают открыть снайперскую школу, «выпускники» которой впоследствии стали называться «зайчатами». Известный снайпер 284-й стрелковой дивизии Виктор Иванович Медведев, учеников которого называли «медвежатами», подшучивал над своим другом и боевым товарищем, мол, фамилия у него не снайперская, «трусливая». Но Зайцев на слова товарища не обижался и отвечал, что воюют не по фамилии, а по умению и злости, а злость на фашистов у него была огромная. Своим ученикам Василий Григорьевич повторял: «Мой совет вам не жалеть ни времени, ни сил для того, чтобы ваше оружие всегда находилось в образцовом состоянии. Метким стрелком может стать каждый солдат, были бы желание и настойчивость. Помните замечательные слова великого полководца Александра Васильевича Суворова: «Тяжело в учении — легко в бою».

Снайперский счет Василия Зайцева быстро рос. Особенностью снайперского мастерства Зайцева были смелый, можно даже сказать вызывающий, непредсказуемый для противника выбор огневой позиции — на открытом пространстве, и, конечно, выдержка — невероятная, позволяющая производить меткий выстрел именно тогда, когда враг не ожидал. Этой же особенностью отличались и его ученики, которым он передавал свой боевой опыт.

Слава о Зайцеве и о «зайчатах» стала распространяться среди бойцов 62-й армии. В октябре 1942 года Зайцеву передали приказ явиться к командующему армией генерал-лейтенанту В. И. Чуйкову. Василий Григорьевич не знал, что за разговор ждет его, разволновался, стал спрашивать своих командиров, пытаясь представить — какой он командующий? Один из офицеров сказал ему, что Василий его встречал, только, видимо, не знал, что это Чуйков, и добавил: «Командующий у нас боевой, часто бывает в окопах, блиндажах, обходит боевые точки. Он появляется то в форме простого солдата, то в ватнике и ушанке». Действительно, о храбрости Чуйкова солдаты часто говорили, слагали о нем легенды.

Встреча состоялась в штабе 62-й армии, располагавшемся практически на передовой. В своих воспоминаниях Василий Зайцев так описывает свою встречу с командармом, начавшуюся, как полагается, с его доклада Чуйкову: ««Товарищ командующий, главстаршина Зайцев по вашему приказанию прибыл». Командующий приветливо улыбнулся: «Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Зайцев!» Он крепко пожал мне руку. Была такая атмосфера простоты и непосредственности, что волнение, охватившее меня вначале, прошло, и я говорил с командующим, как с другом. Да, это была та дружба, то братство всех

сталинградцев — генералов и бойцов, — которые родились в огне боев и были скреплены кровью.

— Давно воюете? — спросил Чуйков.

Я смутился:

— 32 дня, товарищ генерал.

— А фашистов уничтожили сколько?

— 40. Это снайперской винтовкой, а что гранатами, автоматом, этих не считаем...»

Чуйков прикрепил на грудь Зайцеву медаль «За отвагу». В наградном листе Василия Зайцева значится: «На Сталинградском фронте товарищ Зайцев В. Г. показал себя преданным, смелым, любящим свое дело командиром. Все приказания командиров и начальников выполняет на отлично. Он является одним из организаторов по обучению снайперов в батальоне. День и ночь сидит в засаде и охотится на фашистов. За время с 22.9 по 19.10.42 г. в боях за город Сталинград, товарищ Зайцев убил 40 фашистов снайперской винтовкой. Он проявил лютую ненависть к врагам нашей родины. Предан делу партии Ленина — Сталина».

В условиях уличных боев снайперское движение в Красной армии развивалось с большим успехом, противник нес огромные потери. Это заставило немецкое командование направить в Сталинград лучших снайперов Германии, многие из которых были участниками XI Олимпийских игр в Берлине в 1936 году, включая начальника снайперской школы майора Эрвина Кёнига, прибывшего в Сталинград из Берлина. О их прибытии на Сталинградский фронт стало известно командиру 284-й стрелковой дивизии, разведчики которой взяли в плен «языка». Командир дивизии понимал, что необходимо срочно принять ответные меры. В сражение с гитлеровскими «асами» стрельбы должны были вступить наши опытнейшие снайперы, среди которых был и Василий Зайцев. С этого момента охота на противника была открыта.

В своих заметках В. Г. Зайцев отмечал: «Я знал «почерк» фашистских снайперов, по характеру огня и маскировки без особого труда отличал более опытных стрелков от новичков, трусов от упрямых и решительных врагов. А вот характер руководителя школы вражеских снайперов оставался для меня загадкой. Ежедневные наблюдения наших товарищей ничего не давали. Трудно было сказать, на каком участке находится фашист. Вероятно, он часто менял позиции и так же осторожно искал меня, как я его. Но вот произошел случай: моему другу — уральцу Морозову противник разбил оптический прицел, а Шайкина ранил. Оба считались опытными снайперами, они часто выходили победителями из самых сложных и трудных схваток с врагом. Сомнений теперь не было — они наткнулись на фашистского «сверхснайпера». На рассвете я ушел с Николаем Куликовым на те позиции, где вчера были наши товарищи».

Поединок длился четверо суток. К вечеру первого дня наши снайперы увидели медленнодвигающуюся вдоль траншеи каску, но опыт подсказал, что это уловка, каска раскачивалась неестественно, поэтому огонь открывать не стали. Для того чтобы убедиться в том, что перед ними опытный снайпер, Зайцев с Куликовым тоже пошли на хитрость — на дощечку надели варешку, и приподняли ее над своим укрытием, немец выстрелил. По следу от пули — прямому, без скоса, стало понятно, что перед ними мастер. Снайперы стали выжидать. На четвертые сутки появилось солнце, позиции наших снайперов оказались в тени, что создало преимущество. Куликов, для того чтобы спровоцировать противника, произвел слепой выстрел. Немец пошевелился. На секунды солнечный зайчик от оптики на винтовке обозначил его местоположение. Этих секунд оказалось достаточно для меткого выстрела Зайцева. О том, что враг убит, стало понятно по прицелу винтовки, без

движения блестевшему на солнце до самого вечера. После заката наши бойцы достали тело убитого снайпера. Из его документов стало ясно, что перед ними тот самый Эрвин Кёниг. Солдатскую книжку Кёнига и его винтовку снайперы подарили своему комдиву Н. Ф. Батюку, не сомневавшемуся, что его бойцы подстрелят «берлинскую птицу»^[103].

После этого поединка слава о Василии Зайцеве разлетелась по всему Сталинградскому фронту, а затем и по всей стране. Меткому воину стали приходить на фронт письма. Вот одно из них: «Дорогой товарищ Зайцев! В суровые дни Отечественной войны пришли мы на завод, чтобы своим упорным трудом, не жалея сил помогать нашей Красной армии громить ненавистного врага. Мы глубоко сознаем, какая ответственная задача возложена на нас, комсомольцев Сталинградского Урала. И мы эту задачу выполняем. Из месяца в месяц наш завод перевыполняет производственную программу, занимая второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании среди заводов Наркомата вооружения. В борьбе за первенство в социалистическом соревновании организовалась наша комсомольско-молодежная бригада... Оценив нашу работу, заводской комитет ВЛКСМ присвоил нам звание фронтовой бригады. Наши лучшие стахановцы: Нина Люцко — многостаночница, выполняет программу до 200 процентов, бригадир Наташа Елисеева выполняет программу на 160 и выше процентов.

...Желая всегда помнить и следовать примеру героических воинов нашего отечества, мы решили просить Вас разрешить назвать нашу бригаду Вашим именем. Пусть наша связь будет крепкой. Вы на фронте, а мы в тылу будем вместе ковать победу над врагом.

С комсомольским приветом: бригадир фронтовой бригады — Н. Елисеева. Члены бригады: Л. Худякова, Н. Люцко, Ж. Лукин, Т. Черкасова, Н. Игумнова.

Секретарь заводского комитета ВЛКСМ — Никифоров. Секретарь цехового бюро ВЛКСМ — Синицина».

В ответной телеграмме молодым заводчанам Зайцев писал: «Тронут Вашим вниманием. Ко дню 25 годовщины Советской власти я подношу любимой Родине подарок — на улицах Сталинграда убил 149 ненавистных оккупантов. Мои ученики снайпера-комсомольцы Убоженко, Щербинин, Литенков, Ломаков, Шевцов уничтожили 113 немецких фашистов. В боях за Сталинград, за нашу Родину буду истреблять немцев, пока глаза видят врага, пока рука держит винтовку. Прошу передать привет армейским комсомольцам. Снайпер Василий Зайцев. 11 ноября 1942 года».

Настала поздняя осень, а за ней пришли холода. Стали возникать дополнительные трудности окопной жизни, солдатского быта. Для снайперов очень важен отдых, питание, горячая пища, и, конечно, хочется изредка помыться в бане. Бойцы придумали, как соорудить свою фронтовую баньку — нашли подходящий котел, вмуровали его в стену блиндажа. Нашлись и печники, довели «конструкцию» до ума. Бойцы стирали здесь белье, маскхалаты, купались. О придумке бойцов 284-й дивизии фронтовая газета писала: «Баня на переднем крае». Этот «нетипичный» снайперский опыт вскоре распространился по всему фронту.

Командующий 62-й армией В. И. Чуйков разработал для снайперов новый тактический прием — коллективные действия для отражения вражеских атак. Снайперские пары должны были оборудовать себе огневые позиции и лежки ночью, хорошо замаскироваться. Всего в полку, где служил Зайцев, было 13 снайперов. Командир полка майор И. И. Метелев подготовил подробную схему действий: снайперы открывают огонь сразу, как только немцы выйдут из укрытия, автоматчики позже — когда атакующие приблизятся.

Василий Зайцев вспоминал: «Замысел был рискованным. Но риск основывался на точном расчете. Чтобы преодолеть двести метров открытого пространства, противнику понадобится не менее сорока секунд. За это время каждый снайпер скорострельными выстрелами может «снять» не менее десяти движущихся целей — это уже сто тридцать фашистов. А сколько, подпустив врага на близкое расстояние, выведут из строя автоматчики? Потом пустить в ход гранаты».

Зайцев обошел все лежки, для того чтобы убедиться: все тщательно замаскировано. Снайперы умело использовали полуразрушенные стены зданий, металлические листы и глубокие воронки на открытой местности. Все выглядело так, что вокруг не было ни единой живой души. Утром немцы пошли в атаку, защелкали одиночные выстрелы снайперов. В цепи наступающих падали один за другим офицеры и солдаты захватчиков. Наши снайперы продолжали стрелять, ряды противника таяли. Когда до позиций снайперов осталось метров семьдесят, огонь открыли автоматчики. Немцы залегли и стали отползать. Десятки тел шедших в очередную атаку немцев остались лежать на земле. Схватка с численно превосходящим противником закончилась быстро и без потерь с нашей стороны.

Обучая своих «зайчат», Василий Григорьевич наставлял: «Стать стрелком высокого класса, овладеть искусством снайперской стрельбы может каждый воин. Для этого прежде всего надо быть метким стрелком и знатоком оружия. Слов нет, оптический прицел придает винтовке большую силу, но успешно пользоваться им может только всесторонне подготовленный стрелок. Снайперское искусство требует от бойца острого зрения и тонкого слуха, выдержки и хладнокровия, напористости и военной хитрости, физической

выносливости. Огромное напряжение моральных и физических сил испытывает воин-снайпер. Ни грохот орудий, ни разрывы снарядов и бомб, ни шум танков — ничто не должно отвлекать его от выполнения задачи. Иногда приходится сутками находиться на поле боя и выжидать врага. Но дело не только в выносливости. Снайпер должен быть искусным, тактически грамотным стрелком, трезво оценивать боевую обстановку, самостоятельно решать сложные стрелковые задачи в разнообразных условиях боя. Ценным качеством воина является боевая инициатива, стремление найти наилучший способ выполнения задачи. Даже самый хороший стрелок, если он не проявляет инициативы и активности, не достигнет успеха. Тут важно проявлять военную хитрость, смекалку — умение тем или иным способом обмануть, обхитрить противника, ввести его в заблуждение относительно своих сил и намерений, воспользоваться ошибками неприятеля для достижения своих целей».

Школа продолжала выпускать «зайчат». За время уличных боев в Сталинграде Зайцев подготовил 28 снайперов. В наградном листе, составленном на В. Г. Зайцева, говорилось: «Снайперы 1047-го стрелкового полка на 18 декабря 1942 г. уничтожили 1106 фашистов».

Зайцев вел записи о боевых друзьях, о своих выпускниках. Среди них был очень способный стрелок, известный «зайчонок» Мухтар Абзалов, именно ему Василий Зайцев передаст позже свою снайперскую винтовку. В своих записках Василий Зайцев описывает случай, который произошел с Абзаловым во время дуэли с немецким снайпером, а также то, какое мастерство и силу духа продемонстрировал наш боец.

Наблюдателями было установлено, что на высоте 102,0 работал немецкий снайпер. Чтобы определить его местонахождение, решили пойти на хитрость:

соорудили соломенное чучело, надели на него каску, закрепили на нем винтовку, привязали веревку, чтобы, дергая за нее, имитировать движения человека. Через некоторое время немец наконец поверил, что видит живого красноармейца, и выстрелил. Наши снайперы определили, что он залег среди мертвых тел, оставшихся на поле боя. Абзалов начал внимательно следить за местом, откуда был произведен выстрел, и в какой-то момент глаза снайперов встретились. Оба выстрелили одновременно. Вражеская пуля ударила в объектив винтовки Абзалова, осколками ему повредило правый глаз. Немецкий снайпер был убит. Наши бойцы видели, как его безжизненное тело немцы стягивали веревкой с позиции, на которой он находился, в свое расположение.

Через неделю Абзалов вернулся из медсанбата, его правый глаз ничего не видел. Он попросил Зайцева не отправлять его в тыл и научить стрелять с левой руки. Мухтара зачислили кашеваром в снайперский взвод, и начались тренировки в овраге по мишеням — из парабеллума, винтовки, автомата. Мухтар Абзалов своего добился — стал стрелять с левой руки не хуже, чем раньше с правой. Заняв свое место в боевом строю снайперов, Мухтар продолжил истреблять фашистов из простой трехлинейки, так как винтовок с оптическим прицелом в полку было мало.

Десятого января 1943 года войска Красной армии приступили к проведению завершающей операции Сталинградской битвы по ликвидации окруженной группировки врага. В этот день Василий Григорьевич был ранен в голову и потерял зрение. Впервые за время боевых действий он испытал чувство страха и отчаяния перед наступившей тьмой. Перед отправкой Зайцева в госпиталь командир полка подошел к нему, пожелал скорого возвращения в строй и тихо спросил, кому бы он хотел передать свою винтовку. В своих воспоминаниях

известный снайпер написал: «Боль на душе. Из Сталинграда меня отправляют. Здесь, на правом берегу Волги, остается лишь моя винтовка. Славная, родная винтовка № 2828! Из нее я уничтожил двести сорок два фашиста, с ней выстоял сто одиннадцать дней. Прощаюсь с командиром, с друзьями верными. Волнение, сердце колотится, и я как можно спокойнее сказал: очень прошу вас, товарищ командир, передать мою винтовку сержанту Абзалову». Но Зайцев не мог видеть, как заплакал, прощаясь с ним, Мухтар.

Армейский полевой госпиталь № 5112, куда был направлен снайпер, находился в Ленинске. Здесь Зайцев пролежал месяц. Хотя раны заживали сравнительно быстро, зрение не возвращалось. Врачи провели три операции на глазах. Ему, известному снайперу Сталинградского фронта, персонал госпиталя позволял кое-какие послабления, например, в неположенное время слушать радио. Именно в госпитале по радио услышал Зайцев радостную весть о полном разгроме немецких войск под Сталинградом. В этот день ликовал весь госпиталь. Вскоре Василию Григорьевичу сняли повязку, и он увидел врачей, вернувших ему зрение, своих новых товарищей, с которыми сдружился в госпитале.

Поправившись, Зайцев стал проситься на фронт, в свою дивизию. Однако вместо отправки в действующую армию ему выдали проездные документы до Москвы. В столицу Василий Григорьевич приехал в канун Дня Красной армии — 22 февраля 1943 года. Москва произвела на него огромное впечатление. Когда Зайцев прибыл в Главное политическое управление Красной армии, ему зачитали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1943 года о присвоении младшему лейтенанту В. Г. Зайцеву звания Героя Советского Союза. Через несколько дней в Кремле М. И. Калинин вручил ему орден Ленина и «Золотую

Звезду». Зайцев получил десятидневный отпуск на родину, в Магнитогорск.

На вокзале Магнитогорска Василия встречали мать и отец, знакомые и незнакомые земляки, которым сообщили о его приезде. Он неоднократно выступал с рассказами о Сталинградской битве. Родная земля, места, знакомые с детства, придали ему новые силы. После отпуска Зайцев возвратился в Москву и был направлен на учебу на офицерские курсы «Выстрел». Запоминающимся событием для Василия Григорьевича была встреча в Генеральном штабе с военачальниками, которых интересовал вопрос: что эффективнее в бою — действия снайперов в одиночку, в паре или в группе. Зайцев подробно рассказывал о своем опыте.

Позднее, во время войны он написал два учебника по снайперскому делу, в котором описывал изобретенный им прием снайперской охоты «шестерками». Этот метод ведения огня дает возможность держать под контролем обширный участок переднего края и глубины обороны противника. В основе снайперской тактики Зайцева лежит тесное огневое взаимодействие между снайперами группы. Они имеют для связи определенные условные знаки, поддерживают слуховую связь. Действуя втроем и более, можно залповым огнем поразить одиночную цель на значительных дистанциях, при необходимости обмануть противника, отвлечь его своим огнем. Готовил Зайцев снайперов и для наступательных боев, где от них требовалась мобильность — скрыто и быстро продвигаться, занимая выгодные позиции для поражения наиболее важных целей: снайперов, корректировщиков, оружейных расчетов, офицеров, младших командиров.

По прошествии восьми месяцев пребывания в столице и на курсах «Выстрел» Зайцев стал подавать рапорты с просьбой вновь отправить его на фронт, туда, где востребовано его снайперское мастерство. Он узнал,

что после Сталинградской битвы 284-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. Ф. Батюка была преобразована в 79-ю гвардейскую стрелковую дивизию и вошла в состав 8-й гвардейской армии, которой командовал В. И. Чуйков. Василий Григорьевич был направлен для продолжения службы командиром отделения зенитной роты 79-й гвардейской стрелковой дивизии. Он воевал на Донбассе, принимал участие в битве за Днепр, сражался под Одессой.

В. И. Чуйков в своей книге «Гвардейцы Сталинграда идут на запад» писал: «Отважно действовал весной 1944 года в боях за Одессу прославленный сталинградский снайпер Василий Григорьевич Зайцев. Он командовал зенитной ротой 79-й гвардейской дивизии. Расчеты зенитных пулеметов из роты Зайцева защищали авангардные подразделения от вражеской авиации. Много раз они вступали в бой с пехотой и броневиками противника. На подступах к юго-западной окраине города (Одессы) — в районе джутовой фабрики — Зайцев повел свою зенитную роту в атаку как стрелковое подразделение и, взаимодействуя со стрелковой ротой, захватил аэродром. Удар был настолько стремителен, что эскадрильи истребителей не успели взлететь: 18 исправных самолетов стали трофеями зенитчиков».

В боях за Днестр в районе Лугачени весной 1944 года Зайцев вновь отличился. В наградном листе был описан его очередной подвиг: «Во время прорыва пехоты и танков противника к расположению командного пункта штаба дивизии тов. Зайцев предпринял бой с превосходящими силами пехоты и танков противника, поднял роту с криком: «Вперед, герои, за Родину!» В этой короткой и ожесточенной схватке с противником сам лично уничтожил восемнадцать немцев, где и был тяжело ранен. Командир дивизии генерал-майор Вагин». За этот бой, в

котором Зайцев получил тяжелое ранение в ногу, он был награжден орденом Красного Знамени.

Василий Григорьевич был отправлен в тыл, побывав на лечении в Николаеве, Запорожье и Днепропетровске. В сентябре 1944 года он вернулся в строй, но вскоре раны вновь открылись, и его отправили для продолжения лечения в Киев. Здесь он и встретил победный май 1945 года.

В Берлине Зайцев побывал только после победы, весной 1945 года, посмотрел развалины и разбитые фасады домов в городе, где в воздухе еще ощущался пороховой запах. Там ему торжественно вручили его снайперскую винтовку, которую Василий Григорьевич привез в город-герой Сталинград и передал ее в музей-заповедник «Сталинградская битва», собственноручно сделав такую запись к этому экспонату: «История моей снайперской винтовки. Когда я был ранен в Сталинграде, свою винтовку передал снайперу М. Абзалову, затем В. Медведеву, уничтожавших из нее немцев. Когда возвратился с курсов, эту винтовку снова взял. Когда был ранен на Днестре, передал винтовку в часть снайперу Н. Куликову, и он с этой винтовкой дошел до Кракова.

Николай Куликов под Краковом был ранен, и винтовка была передана другому снайперу части. В Одессе 10 апреля 1944 года к винтовке была сделана табличка-монограмма «Герою Советского Союза Зайцеву Василию, похоронившему в Сталинграде более 300 фашистов». По окончании войны, в Берлине в торжественной обстановке мне была вручена эта винтовка.

Ствол моей снайперской винтовки был заменен в ремонтных мастерских г. Одессы, в силу того, что имелась осколочная вмятина на стволе перед мушкой, что нарушало точность выстрела. В. Зайцев». Эта

винтовка по настоящее время экспонируется в музее-заповеднике «Сталинградская битва».

Двадцать четвертого июня 1945 года Герой Советского Союза В. Г. Зайцев присутствовал на трибунах Красной площади в качестве приглашенного на Параде Победы.

После войны Зайцев был назначен директором Киевского завода запасных частей для сельскохозяйственных машин. Почувствовав, что ему не хватает образования, специальных знаний, Зайцев заочно окончил Всесоюзный институт текстильной и легкой промышленности, получил специальность инженера. Позже он работал в должности директора авторемзавода, а затем директором швейной фабрики «Украина».

Много времени Василий Григорьевич уделял общественной и ветеранской работе: встречался с солдатами и матросами, его часто приглашали на корабли. Он много выступал и всегда вспоминал своих боевых товарищей — сталинградцев. О них — однополчанах и снайперах других сталинградских соединений, есть слова и в записках Василия Григорьевича: «В сентябре 1942 года, переправившись через Волгу, вступила в бой дивизия Родимцева. С первой же схватки в бою отличился снайпер Анатолий Чехов. Его имя было известно всем защитникам Сталинграда. Я же в те дни только мечтал стать снайпером, поэтому Чехов для меня явился образцом для подражания. Помню, однажды к нам в окоп на передовую доставили фронтовую газету. На передовой полосе мое внимание привлек крупно набранный призыв: «Истреблять врага, как снайпер Чехов!» За месяц он уничтожил сорок гитлеровцев. Потом прошел слух, что Чехов получил тяжелое ранение и умер в полевом госпитале за Волгой. Закончилась война. В память о легендарном советском воине одна из улиц

Волгограда была названа именем снайпера Чехова. Где бы я ни выступал с рассказом о Сталинградской битве, я всегда вспоминаю имена многих героев, в том числе и снайпера Анатолия Чехова. Весной 1965 года в Казани я выступал по радио, вспомнил Чехова и сказал, что его похоронили смертью героя. На следующий день выступал в местном музее. В заднем ряду поднялся какой-то сурового вида мужчина и поковылял на протезе ко мне. «Здравствуй, Вася, а я живой!» — дрожащим от волнения голосом сказал он и бросился обнимать меня. Это был Анатолий Чехов. Сталинградцы, те, кто участвовал в знаменитом сражении, очень дружны между собой. Эта дружба сохранилась и в послевоенное время».

Особо памятной датой для Василия Зайцева явилась поездка в Волгоград 15 октября 1967 года, когда он был среди приглашенных на торжественное открытие мемориала на Мамаевом кургане. Он встретился со своими командирами и боевыми друзьями: командующим Сталинградским фронтом маршалом Советского Союза А. И. Еременко, командармом легендарной 62-й армии В. И. Чуйковым, с Я. Ф. Павловым, защитником дома, ставшего известным всему миру, который он отстоял со своими товарищами.

Прославленного снайпера 1047-го стрелкового полка 284-й стрелковой дивизии Василия Зайцева народный художник СССР Е. В. Вучетич увековечил на стенах-руинах памятника на Мамаевом кургане — его слова «За Волгой для нас земли нет!» начертаны на площади «Стоять насмерть» на постаменте воина-богатыря, вросшего в волжский берег.

Василий Григорьевич любил приезжать в город-герой. Он присутствовал на разминировании Солдатского поля, на открытии панорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом». Художники студии имени М. Б. Грекова изобразили

снайпера Зайцева недалеко от командного пункта комдива 284-й дивизии Н. Ф. Батюка на полотне панорамы. С радостью встречался Василий Григорьевич с волгоградской молодежью, принимал участие в съемках Волгоградского телевидения. 7 мая 1980 года решением Волгоградского городского совета народных депутатов за особые заслуги, проявленные в обороне города и разгроме немецко-фашистских войск в Сталинградской битве Василию Григорьевичу Зайцеву присвоено звание почетного гражданина города-героя Волгограда.

Василий Григорьевич скончался 15 декабря 1991 года. Он завещал похоронить его в Сталинграде на высоте, где были его огневые позиции, где похоронены его однополчане и командарм. Через десять дней после его кончины, 26 декабря, Советом Республик Верховного Совета СССР была принята декларация о прекращении существования СССР в связи с образованием Содружества Независимых Государств. Трудное время, время забвения. Зайцева похоронили в Киеве на Лукьяновском военном кладбище.

Супруге Василия Григорьевича, Зинаиде Сергеевне Зайцевой, хотелось выполнить последнюю просьбу мужа. В мае 2005 года она передала в администрацию города Волгограда письмо следующего содержания: «Мой муж, Зайцев Василий Григорьевич — легендарный снайпер Сталинградской битвы, Герой Советского Союза — умер 15/XII 1991 г. Время было тяжелое, в городе были сплошные забастовки, очевидно, это отразилось на связи. Мы дали телеграмму, которую вы, очевидно, не получили, т. е. никто не приехал и не позвонил. Мне пришлось хоронить его в Киеве, — несмотря на то, что он просил меня похоронить его в Сталинграде. Я по сей день переживаю, что не выполнила его просьбу. Но вся беда в том, что мне уже 92 года, осталось жить немного, и меня мучает совесть, что я не выполнила его просьбу.

Меня не станет, за его могилой никто ухаживать не будет. Больно и обидно — но это так. Умоляю, сделайте все, что можно, чтоб его перезахоронить на Мамаевом Кургане, рядом с его друзьями-товарищами. Он это заслужил. Десять лет я молчала. Но с каждым годом мне все больнее сознавать, что кроме меня он в Киеве никому не нужен... Еще раз прошу выполнить его последнюю просьбу и облегчить мне душу...»

Для решения вопроса в Киев был командирован сотрудник администрации Волгограда. Были проведены переговоры и получен официальный ответ, копия которого также хранится в музее-заповеднике «Сталинградская битва». Вот выдержка из него: «Сообщаем, что статьей 21 Закона Украины «О захоронении в похоронном деле» предусмотрена процедура перезахоронения за счет средств лица, инициировавшего перезахоронение». 31 января 2006 года на Мамаевом кургане состоялось торжественное перезахоронение легенды Сталинградской битвы, Василия Григорьевича Зайцева. Гроб с прахом героя от подножия Мамаева кургана мимо скульптуры «Стоять насмерть», стен-руин, через зал Воинской славы до могилы несли на руках солдаты роты почетного караула. У подножия главного монумента прошел короткий митинг. Под залпы орудийного салюта из пушек военных времен гроб опустили в могилу на третьем витке серпантина. Мимо могилы В. Г. Зайцева прошла рота почетного караула, отдавая последние почести герою Великой битвы на Волге. Вечная память!

НАГРАДЫ
КАПИТАНА
В. Г. ЗАЙЦЕВА

**Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского
Союза —**

22 февраля 1943 года.

Ордена

Орден Ленина — *22 февраля 1943 года.*

Два ордена Красного Знамени — *1943 год, 1944 год.*

Орден Отечественной войны 1-й степени — *1985 год.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

***Маршал Советского Союза Андрей Иванович
Еременко в парадной форме***

***Командир 79-го кавалерийского полка 14-й
кавалерийской дивизии А. И. Еременко. 1930 г.***

***Раненый командующий 4-й ударной армией
А. И. Еременко продолжает осуществлять
руководство войсками.***

Северо-Западный фронт, февраль 1942 г.

***А. И. Еременко и К. К. Рокоссовский в госпитале.
Москва, май 1942 г.***

Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко в штабе фронта. 1942 г.

***Сталинградский фронт. Слева направо:
Н. С. Хрущев, А. И. Еременко. Во втором ряду —
И. С. Варенников. 20 августа 1942 г.***

***А. И. Еременко с танкистами 90-й танковой
бригады. Сталинград, 1942 г.***

***А. И. Еременко обращается к войскам
Сталинградского фронта. 1942 г.***

Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А. И. Еременко накануне контрнаступления советских войск под Сталинградом. Ноябрь, 1942 г.

Генерал-полковник А. И. Еременко и генерал-лейтенант В. А. Юшкевич. 1944 г.

А. И. Еременко с женой Ниной Ивановной и сыновьями.

Москва, конец 1940-х гг.

***Заместитель командира 40-го полка 28-й дивизии
Красной армии В. И. Чуйков. 1919 г.***

***Заместитель командира 40-го полка 28-й дивизии
Красной армии В. И. Чуйков. 1919 г.***

***Сотрудник Разведывательного управления
В. И. Чуйков в Китае***

Командующий 62-й армией В. И. Чуйков на КП 62-й армии.

Крайний слева — командующий артиллерией армии генерал-майор Н. М. Пожарский, справа от командарма — член Военного совета генерал-лейтенант К. А. Гуров, крайний справа — командир 39-й стрелковой дивизии генерал-майор С. С. Гурьев. Сталинград, октябрь 1942 г.

***В. И. Чуйков беседует с бойцами. Сталинград,
1942 г.***

Вручение гвардейского знамени 39-й стрелковой дивизии.

***Слева направо: командующий 62-й армией
В. И. Чуйков, член Военного совета армии
К. А. Гуров, комиссар дивизии Ф. Ф. Чернышев,
командир дивизии С. С. Гурьев. Сталинград, 1942 г.***

***На НП в районе метизного завода. Сталинград,
1942 г.***

***Командующий 8-й гвардейской армией В. И. Чуйков
на передовой. Украина, 1943 г.***

В. И. Чуйков во время подготовки к боевым действиям. 1944 г.

***Генерал-полковник В. И. Чуйков на открытии
Йенского университета. Германия***

Золотая свадьба Василия Ивановича и Валентины Петровны. Слева направо сидят: сын Александр, В. И. Чуйков, В. П. Чуйкова; стоят: внук Василий, дочь Ирина с мужем, дочь Нинель с мужем. 1976 г.

***Генерал-полковник М. С. Шумилов в парадной
форме. 1945 г.***

М. С. Шумилов в кругу семьи.

Ромны Сумской области Украинской ССР, 1930-е гг.

***Генерал-лейтенант М. С. Шумилов в расположении
штаба 64-й армии. Зима, 1943 г.***

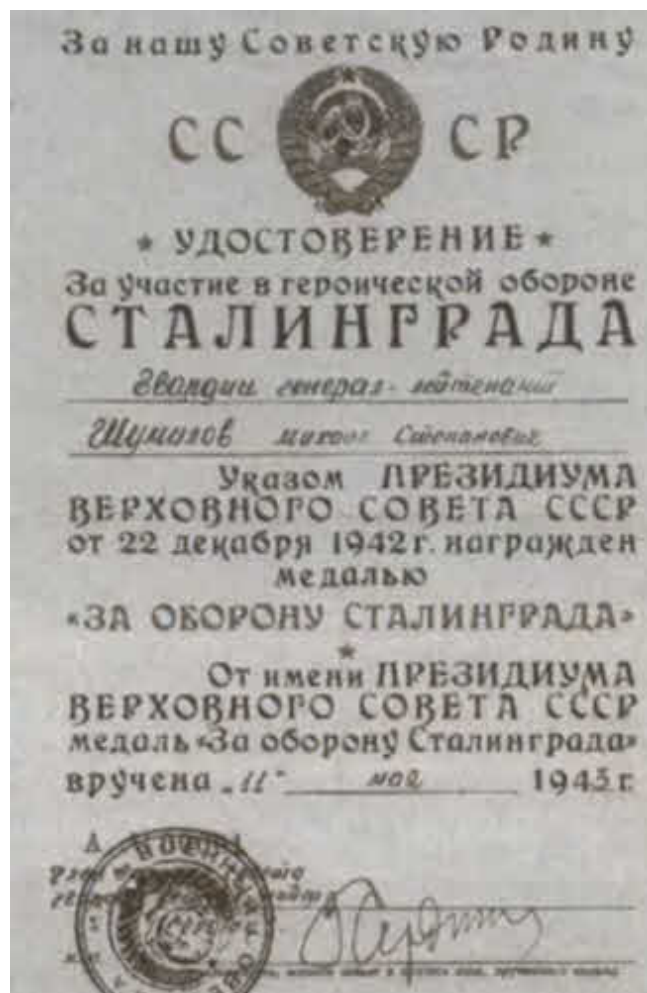

***Капитуляция командования 6-й армии:
командующий армией генерал-фельдмаршал
Ф. Паулюс, начальник штаба генерал-лейтенант
А. Шмидт, адъютант В. Адам. Штаб 64-й армии в
Бекетовке. 31 января 1943 г.***

***Допрос генерал-фельдмаршала Паулюса (за
столом в центре) в штабе 64-й армии. Слева —
генерал-лейтенант М. С. Шумилов. Бекетовка, 31
января 1943 г.***

**Удостоверение к медали «За оборону Сталинграда»
за № А 00001, выданное М. С. Шумилову**

***М. С. Шумилов на площади Павших борцов.
Сталинград, 1943 г.***

***М. С. Шумилов и В. И. Чуйков в Волгограде на
площади Павших борцов. 1 февраля 1963 г.***

***А. И. Родимцев и М. С. Шумилов. Москва, конец
1950-х гг.***

***Генерал-лейтенант А. И. Родимцев в парадной
форме. 1945 г.***

***Александр Родимцев — курсант Московской
объединенной высшей военной школы им. ВЦИК***

***А. И. Родимцев (крайний справа стоит в берете) с
офицерами республиканской армии. Испания,
1937 г.***

***Таким встретил Великую Отечественную войну
командир 5-й воздушно-десантной бригады
полковник А. И. Родимцев***

***Командный пункт 62-й армии (слева направо):
начальник штаба Н. И. Крылов, командарм
В. И. Чуйков, член Военного совета К. А. Гуров,
командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии
А. И. Родимцев. Сталинград, 1942 г.***

***А. И. Родимцев беседует с бойцами. Сталинград,
1942 г.***

На командном пункте 13-й гвардейской стрелковой дивизии, крайний справа — комдив А. И. Родимцев, слева от него за столом — комиссар дивизии, старший батальонный комиссар М. М. Вавилов. Сталинград, 1942 г.

У входа в штаб 13-й гвардейской стрелковой дивизии (слева направо): А. И. Родимцев, начальник штаба подполковник Т В. Бельский, полковой комиссар А. К. Щур. Сталинград, 1943 г.

***Слева направо: Герой Советского Союза
Я. Ф. Павлов, генерал-полковник А. И. Родимцев,
маршал Советского Союза В. И. Чуйков и главный
скульптор мемориала на Мамаевом кургане
Е. В. Вучетич. Волгоград, 1967 г.***

***Генерал-полковник И. И. Людников в парадной
форме. 1945 г.***

***И. И. Ягодников на командном пункте 138-й
стрелковой дивизии. Сталинград, 1942 г.***

На «Острове Людникова». Сталинград, 1943 г.

***На КП 138-й стрелковой дивизии. Слева направо:
командование 62-й армии — член Военного совета
К. А. Гуров, командующий В. И. Чуйков, начальник
штаба Н. И. Крылов и комдив И. И. Людников.
Сталинград, 1942 г.***

***Командир и воины 138-й стрелковой дивизии после
окончания боев. Сталинград, февраль 1943 г.***

Командующий 39-й армией генерал-лейтенант И. И. Людников и член Военного совета генерал-майор В. В. Бойко допрашивают командира LIII армейского корпуса генерала Ф. Гольвитцера (справа) и начальника штаба полковника Г. Шмидта. Июнь 1944 г.

***И. И. Людников с женой Евгенией Васильевной,
сыновьями Валентином (сидит) и Анатолием (стоит
справа) и двоюродным братом Николаем.
Восточная Пруссия, 1945 г.***

Слева направо: командующий Тихоокеанским флотом адмирал И. С. Юмашев, командующий 39-й армией генерал-полковник И. И. Людников, командующий 1-м Дальневосточным фронтом маршал Советского Союза К. А. Мерецков и член Военного совета 39-й армии генерал-лейтенант В. В. Бойко. Порт-Артур, сентябрь 1945 г.

И. И. Людников у мемориальной доски на «Острове Людникова». Волгоград, 1963 г.

Герой Советского Союза Я. Ф. Павлов. 1970-е гг.

Слова «Этот дом отстоял гвардии сержант Яков Федотович Павлов» написаны в декабре 1942 года пулеметчиком 42-го гвардейского стрелкового полка П. И. Довженко (погиб в ноябре 1943 года).

Я. Ф. Павлов. Сталинград, 1942 г.

Дом Павлова. Сталинград, весна 1943 г.

**Я. Ф. Павлов и бригадир строителей,
восстановивших «Дом Павлова», А. М. Черкасова
около этого дома в Сталинграде. 1946 г.**

Встреча «павловцев» — защитников «Дома Павлова». Первый ряд (слева направо): В. С. Глущенко, И. Ф. Афанасьев, И. И. Елин (командир полка), И. В. Воронов, Я. Ф. Павлов. Второй ряд (слева направо): К. Тургунов, Г. И. Якименко, А. И. Иващенко, Т. И. Гридин, Ф. З. Рамазанов. Волгоград, конец 1960-х гг.

В. Г. Зайцев. 1945 г.

***Снайперская группа 1047-го стрелкового полка.
Второй слева — В. Г. Зайцев, третий слева —
командир полка майор И. И. Метелев. Сталинград,
1942 г.***

Командующий 62-й армией В. И. Чуйков (первый слева) и член Военного совета К. А. Гуров (второй слева) беседуют со снайпером В. Г. Зайцевым (крайний справа). Сталинград, 1942 г.

Василий Зайцев в дни героической обороны Сталинграда.

Ты как молодой гродом Василий Григорьевич Зайцев твою парашютную и историю героической войны с тех великой победы. Он пришел в Сталинград раненой раненой, но стал здесь великой защитником, парашютистом, снайпером. В первом месяце войны Зайцев вступил на правый берег реки, обстреливая фашистов. Здесь он стал храбрым и отважным солдатом, уничтожившим много фашистских солдат.

Судьбу его видел на нем сам командир, капитан Зайцев. В первом месяце войны Зайцев был ранен, и в 1943 году он был ранен в живот. Зайцев был ранен в живот, и в 1943 году он был ранен в живот. Зайцев был ранен в живот, и в 1943 году он был ранен в живот.

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

СБ КЛ-5590/4

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ!

ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

Всесоюзный комитет

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЗАЙЦЕВ

Листовка ГлавПУРа Красной армии. 1943 г.

***На переднем плане — Я. Ф. Павлов и В. Г. Зайцев.
Два легендарных героя Сталинградской битвы на
Мамаевом кургане. Волгоград, 1970 г.***

ИСТОЧНИКИ

Центральный архив Министерства обороны РФ
Ф. 35 гв. ск. Оп. 17871. Д. 1. Л. 97, 109, 116, 123, 134, 137;

Ф. 35 гв. ск. Оп. 17870. Д. 3. Л. 92;

Ф. 33. Оп. 682525. Д. 165 и 244.

Музей-заповедник «Сталинградская битва»
МЗСП КП ПИ 4786; МЗСП н/а. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4.
Личные фонды (Л/ф) А. И. Еременко, В. И. Чуйкова, М. С. Шумилова, А. И. Родимцева, И. И. Людникова, Я. Ф. Павлова, В. Г. Зайцева.

Российский государственный архив социально-политической истории

Ф. 82. Оп. 2. Д. 804. Л. 119–121.

Ф. 17. Оп. 99. П. 6. 1017—335. На 2 л. Подлинник.

Ф. 17. Оп. 99. П. 6. 1213—637. На 1 л. Подлинник.

Ф. 17. Оп. 163. Д. 1154. Л. 34, 35.

Ф. 17. Оп. 163. Д. 1171. Л. 151, 154, 157, 158.

Ф. 17. Оп. 163. Д. 1315. Л. 17.

Ф. 17. Оп. 163. Д. 1326. Л. 111, 112, 113.

Ф. 17. Оп. 163. Д. 1364. Л. 85–87.

Ф. 17. Оп. 163. Д. 1374. Л. 113–115, 118.

Ф. 17. Оп. 163. Д. 1397. Л. 42–44.

Ф. 17. Оп. 163. Д. 1448. Л. 36.

Афанасьев И. Ф. Дом солдатской славы: (воспоминания). Сталинград, 1960.

Батов П. И. В походах и боях. М., 1974.

Беребин В. И. Здравствуй, Родина моя. Оренбург, 2007.

Бесчастный В. Н., Попов А. А. Полководец с Кривой Косы. Донецк, 2012.

Бивор Э. Сталинград. Смоленск, 1999.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1973.

Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 2010.

Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967.

Герои Отечественной войны — Василий Зайцев: (листовка). М., 1944.

Глуховский С. Д. Остров Людникова. М., 1963.

Гриневский В. В. и др. Героическая шестьдесят четвертая: (о 64-й армии). Волгоград, 1981.

Данилов С. Ю. Гражданская война в Испании (1936–1939). М., 2004.

Долматовский Е. А. Было. М., 1979.

Еременко А. И. В начале войны. М., 1965.

Еременко А. И. Годы возмездия, 1943–1945. М., 1969.

Еременко А. И. Против фальсификации истории Второй мировой войны. М., 1958; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1960.

Еременко А. И. Служба Родине, 1914–1939. М., 2015.

Еременко А. И. Сталинград: записки командующего фронтом. М., 1961.

Жадов А. С. Четыре года войны. М., 2004.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1–3. М., 1978.

Зайцев В. Г. За Волгой земли для нас не было: записки снайпера. М., 1971.

Имена Победы. Т. 1–2. М., 2015.

Исаев А. В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2008.

Испанский народ против фашизма (1936–1939 гг.). Сборник статей. М., 1963.

Калужин И. И. Родина и судьба Александра Родимцева. Оренбург, 2005.

Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1944. М., 1972.

Крылов Н. И. Сталинградский рубеж. М., 1983.

Листер Э. Наша война. М., 1969.

Лопуховский Л. Прохоровка без грифа секретно. М., 2005.

Лонго (Галло) Л. Интернациональные бригады в Испании. М., 1960.

Людников И. И. Под Витебском. М., 1962.

Людников И. И. Через Большой Хинган. М., 1967.

Людников И. И. Дорога длиною в жизнь. М., 1969.

Людников И. И. Сквозь грозы. М.; Донецк, 1974.

Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999.

Матюхин Ю. П. Легендарная гвардейская. М., 2010.

Мерецков К. А. На службе народу. М., 1970.

Павлов Я. Ф. В Сталинграде: (фронтовые записки). Сталинград, 1948.

Полководцы Сталинградской битвы. Волгоград, 2007.

Почетные граждане Волгограда. Волгоград, 1979.

Робертс Д. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003.

Родимцев А. И. Гвардейцы стояли насмерть. М., 1969.

Родимцев А. И. Машенька из Мышеловки. М., 1965.

Родимцев А. И. На берегах Мансанареса и Волги. Петрозаводск, 1966.

Родимцев А. И. Под небом Испании. М., 1968.

Родимцев А. И. Твои, отечество, сыновья. Киев, 1966.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1988.

Россия — Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. М., 2015.

Сталинградская битва. Энциклопедия. Волгоград, 2007.

Сталинградская эпопея. Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. М., 2000.

У всякого народа есть Родина, но только у нас Россия. М., 2012.

Цензина С. Дом Павлова. По историческим местам: путеводитель. Сталинград, 1952.

Чуйков В. И. Сражение века. М., 1975.

Чуйков В. И. Закалялась молодость в боях. М., 1978.

Чуйков В. И. Миссия в Китае. М., 1983.

Чуйков В. И. Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М., 1972.

Шолохов М. А. Они сражались за Родину. М., 1973.

Энциклопедия Второй мировой войны. Перелом в ходе войны (осень 1942 — осень 1943). М., 2007.

Шумилов М. С. Стойкость 64-й // Битва за Сталинград. 4-е изд. Волгоград, 1973.

Интернет — ресурс: [www. warheroes, ru](http://www.warheroes.ru)

Интернет-ресурс: www.100.histrf.ru

Интернет-ресурс: www.aif.ru

Интернет-ресурс: www.liewar.ru/content/view/221

Интернет — ресурс: [www. kommersant. ru/doc/463388](http://www.kommersant.ru/doc/463388)

Интернет-ресурс: www.rkkawwii.ru

Интернет-ресурс: [www/warspot.ru/3222](http://www.warspot.ru/3222)

Интернет — ресурс: [www. stalingrad-battle. ru](http://www.stalingrad-battle.ru)

INFO

Родимцев И. А., Аргасцева С. А.

Р 60 Герои Сталинградской битвы / Илья Родимцев, Светлана Аргасцева; под ред. И. А. Родимцева. — М.: Молодая гвардия, 2018. — 360(8) с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1701).

ISBN 978-5-235-03992-6

УДК 355/359

ББК 68(49)2

знак информационной продукции 16+

Родимцев Илья Александрович
Аргасцева Светлана Анатольевна
ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Редактор *К. А. Залесский*
Художественный редактор *Е. В. Кошелева*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Л. С. Барышникова*

Сдано в набор 23.10.2017. Подписано в печать 03.11.2017. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 19,32+1,68 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1720010.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес
издательства: 127055, Москва, Сущевская ул.,
21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail:
dsel@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с
качеством предоставленного электронного
оригинал-макета в ООО «Ярославский
полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

////////////////////

FB2 — mefysto, 2021

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**В. Н. Терехина, Н. И. Шубникова-Гусева
ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН**

Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев; 1887–1941) — один из самых загадочных русских поэтов Серебряного века. «Неведомый паяц», которого сопровождали громкая слава и насмешки критиков, эгофутурист и король поэтов, забытый на родине в годы вынужденной эмиграции... Его жизнь и творчество до сих пор мало изучены и мифологизированы как в массовом сознании, так и в литературе. Увлекательная, основанная на архивных источниках биография выдающегося поэта-новатора позволяет ощутить неповторимость его творческой личности, узнать о перипетиях его жизни, о любовных романах и увлечениях, блестящих поэзоконцертах и путешествиях. Авторы Вера Николаевна Терехина и Наталья Игоревна Шубникова-Гусева — доктора филологических наук, главные научные сотрудники Института мировой литературы, известные исследователи творчества Игоря Северянина. Издание подготовлено к 130-летию со дня рождения поэта. В оформлении использованы редкие иллюстрации и раритетные фото.

Б. П. Голдовский
СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ

Герой документального романа Бориса Голдовского много лет возглавлял великую всемирную кукольную империю. Он правил ею строго и справедливо, за что его любили и уважали тысячи «подданных» — кукольники всех континентов. Он родился в Российской империи, жил в Советском Союзе, умер в Российской Федерации. Много путешествовал — побывал почти во всех странах мира. Был награжден несколькими государственными премиями и правительственными наградами. Но чаще всех надевал одну — «Орден Улыбки». Имя этого человека Сергей Владимирович Образцов. Удивительно, но никто из окружающих его людей не знал одного и того же Образцова — настолько многообразными были его таланты, настолько широк был диапазон его увлечений и интересов. Для кого-то Образцов — выдающийся актер и режиссер, строгий, иногда беспощадный Хозяин театра, для кого-то — избалованный властью капризный старик, для кого-то — добрый, душевный человек и верный друг. А еще коллекционер диковинных вещей, любитель кошек и собак и знатный московский голубятник... Но главный его дар заключался в умении выявлять таланты в других людях и создавать из них уникальный творческий ансамбль.

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ: МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Ветлугина «ЛОЙОЛА»
В. Кондрашов «РИХАРД ЗОРГЕ»
М. Петров «ЭЛЬ ГРЕКО»
Г. Субботина «МАРСЕЛЬ ПРУСТ»
Ж. Шмидт «ГЁТЕ»
А. Махов «ДЖОРДЖОНЕ»
М. Бондаренко «МЕЦЕНАТ»
В. Десятерик «ИВАН СЫТИН»
Н. Карташов «КРАМСКОЙ»
Д. Быков «ГОРЬКИЙ»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Данилкин «ЛЕНИН»
В. Бондаренко «ЛЕГЕНДЫ БЕЛОГО ДЕЛА»
А. Вдовин «ДОБРОЛЮБОВ»
А. Коровашко «МИХАИЛ БАХТИН»
И. Фаликов «ЕВТУШЕНКО»
М. Макеев «НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ»
А. Сенкевич «БУДДА»
В. Антонов «ЭЙТИНГОН»
П. Ренуччи «КЛАВДИЙ»
А. Кулагин «ШПАЛИКОВ»
А. Куланов «ОЩЕПКОВ»
Н. Старосельская «КАВЕРИН»

---

notes

Примечания

1

Грамота Ф. Рузвельта датирована 17 мая 1944 года,
г. Вашингтон.

Ныне посёлок городского типа, районный центр Марковского района Луганской области Украины. — *Прим. ред.*

Скорее всего, Еременко имел в виду бой 16-17 (29-30) августа 1914 года, за который командир его полка — полковник А. Д. Терлецкий был награжден Георгиевским оружием: *«За то, что в бою 16-го и 17-го августа 1914 года уд. Унтервальден, командуя 2-й бригадой 42-й пехотной дивизии, под сильным ружейным и артиллерийским огнем противника взял с боя позиции противника у д. Сопки и заставил его отступить в беспорядке»* (Высочайший приказ от 9 марта 1915 года). — Прим. ред.

В это время Еременко недолго — с 30 июня по 2 июля и 19-29 июля 1941 года — командовал войсками Западного фронта. — *Прим. ред.*

Филипп Иванович Голиков (1900–1980) — маршал Советского Союза (1961). С 6 августа 1942 года командующий 1-й гвардейской армией, с 10 августа заместитель командующего Юго-Западным фронтом. С апреля 1943 года заместитель министра обороны СССР по кадрам, в 1943–1950 годах начальник Главного управления кадров Министерства обороны СССР. Здесь и далее биографические справки даются только в отношении людей, имеющих непосредственное отношение к Сталинградской битве. — *Прим. ред.*

Василии Николаевич Гордов (1896-1951) — генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза (6 апреля 1945). 23 июля — 12 августа 1942 года командующий Сталинградским фронтом. Допустил прорыв противником внешней линии обороны и выход его к городу, за что был отстранен от командования фронтом. С 18 октября 1942 по 13 марта 1944 года командующий 33-й армией. В 1950 году приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к смертной казни. Умер в тюрьме. — *Прим. ред.*

Георгий Федорович Захаров (1897-1957) — генерал армии (1944). С 7 августа 1942 года начальник штаба Юго-Восточного (с 28 сентября — Сталинградского) фронта. С 5 октября 1942 года заместитель командующего Сталинградским, с 31 декабря 1942-го по 11 февраля 1943 года — Южным фронтами. — *Прим. ред.*

Александр Иванович Пастревич (1897-1973) — генерал-майор (1940). С 1 августа 1942-го по 4 июня 1943 года командир 40-й гвардейской стрелковой дивизии. — Прим. ред.

Константин Андреевич Журавлев (1885-1973) — генерал-майор (1944). С 19 июля 1942 года заместитель командира 147-й стрелковой дивизии. 1 августа назначен командиром 192-й стрелковой дивизии, а 15 августа тяжело ранен и отправлен в госпиталь. — *Прим. ред.*

Дмитрий Сергеевич Жеребин (1906–1982) — генерал-полковник (1961), Герой Советского Союза (29 мая 1945). С 1 марта 1942 года командир 96-й стрелковой дивизии. С 4 ноября 1942 года заместитель начальника штаба 21-й армии. С 9 января по 2 апреля 1943 года командир 58-й гвардейской стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Владимир Евсеевич Сорокин (1901—?) — полковник (1939). С сентября 1941 года командир 126-й стрелковой дивизии. 29 августа 1942 года попал в окружение и был взят в плен, где оставался до апреля 1945 года. — *Прим. ред.*

Александр Андреевич Сараев (1902-1970) — генерал-майор (1942). С 5 января 1942 года командир 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД, одновременно с 9 августа начальник гарнизона Сталинграда. С 5 февраля 1943-го по 25 февраля 1944 года командир 181-й стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Сергей Федорович Горохов (1901-1974) — генерал-майор (1942). С января 1942 года командир 124-й отдельной стрелковой бригады. С декабря 1942-го по май 1943 года заместитель командующего 51-й армией. — *Прим. ред.*

Николай Филиппович Батюк (1905-1943) — генерал-майор (1943). Со 2 марта 1942 года командир 284-й стрелковой дивизии. Умер от разрыва сердца 27 июля 1943 года. — Прим. ред.

Николай Иванович Труфанов (1900-1982) — генерал-полковник (1955). 2—22 июля 1942 года и с 7 октября 1942-го по 11 февраля 1943 года командующий 51-й армией. — Прим. ред.

Федор Иванович Толбухин (1894–1949) — маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (7 мая 1965), кавалер ордена «Победа» (1945). С мая 1942 года заместитель командующего войсками Сталинградского военного округа. С 27 июля 1942 года командующий 57-й, с 3 февраля по 21 марта 1943 года — 68-й армией. — *Прим. ред.*

Ефрем Федосеевич Макарчук (1896–1943) — полковник (1938). С 28 апреля по 21 июля 1942 года командир 91-й стрелковой дивизии. В августе 1942 года командовал сводным отрядом 51-й армии, а 10 сентября назначен командиром 302-й стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Фердинанд Хейм (1895-1977) — немецкий генерал-лейтенант (1942). С 3 сентября 1940-го по 15 мая 1942 года начальник штаба 6-й армии. С 1 июля 1942 года командир 14-й танковой дивизии. 1 ноября был назначен командиром XLVIII армейского корпуса, а после неудачных действий уже 19 ноября снят и по приказу Гитлера брошен в тюрьму, откуда вышел только в апреле 1943 года. — *Прим. ред.*

Василий Тимофеевич Вольский (1897-1946) — генерал-полковник танковых войск (1944). С апреля 1942 года заместитель командующего Крымским и Северо-Кавказским фронтами по танковым войскам. С 11 октября 1942-го по 3 января 1943 года командир 4-го (с 18 декабря 1942 года 3-го гвардейского) механизированного корпуса. С марта 1943 года — на лечении в госпитале. — *Прим. ред.*

Герман Гот (1880-1971) — немецкий генерал-полковник (1940). С июня 1942-го по 10 декабря 1943 года командующий 4-й танковой армией. В декабре 1942 года также командовал армейской группой, которой было поручено деблокировать Сталинградскую группировку. После войны в 1948 году приговорен Американским военным трибуналом к 15 годам тюрьмы, но в 1954 году освобожден. — *Прим. ред.*

Эрих фон Манштейн (1887-1973) — немецкий генерал-фельдмаршал (1942). С 21 ноября 1942-го по 13 февраля 1942 года командующий группой армий «Дон». Считался одним из наиболее талантливых немецких военачальников. В 1949 году приговорен британским трибуналом к 18 годам тюрьмы, но в 1952 году освобожден по состоянию здоровья. — *Прим. ред.*

Маркиан Михайлович Попов (1902–1969) — генерал армии (1943; лишен звания в 1944, восстановлен в 1953), Герой Советского Союза (7 мая 1965). С 4 июля 1942 года командующий 40-й армией, с 24 октября заместитель командующего Сталинградским фронтом. С 8 декабря командующий 5-й ударной армией. С 26 декабря заместитель командующего Юго-Западным фронтом, одновременно с 28 декабря командующий 5-й танковой армией. 21 января 1943 года переведен в резерв Ставки. — *Прим. ред.*

Михаил Степанович Диасамидзе (1913-1992) — полковник, Герой Советского Союза (22 декабря 1942). С марта 1942 года командир 1378-го стрелкового полка 87-й стрелковой дивизии. В декабре был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. — *Прим. ред.*

Ази Ахад оглы Асланов (1910–1945) — генерал-майор танковых войск (1944), дважды Герой Советского Союза (22 декабря 1942, 21 июня 1991). С декабря 1941 года заместитель командира 55-й танковой бригады, с 12 октября 1942 года командир 55-го отдельного (с 26 декабря — 41-го гвардейского) танкового полка. С 20 апреля 1943 года командовал 35-й танковой бригадой. Погиб в бою. — *Прим. ред.*

Родион Яковлевич Малиновский (1898–1967) — маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (8 сентября 1945, 22 ноября 1958), кавалер ордена «Победа» (1945). С 27 августа по 14 октября 1942 года командующий 66-й, с 29 ноября 1942 года — 2-й гвардейской армиями, со 2 февраля по 22 марта 1943 года — Южным фронтом. — *Прим. ред.*

Александр Эдлер фон Даниельс (1891-1960) — немецкий генерал-лейтенант (1942). С 1 апреля 1942 года командир 376-й пехотной дивизии. 29 января 1943 года взят в плен советскими войсками. Одним из первых генералов вступил в Союз немецких офицеров (*BDO*) и с сентября 1943-го по ноябрь 1945 года был его вице-председателем. В 1950 году приговорен к 25 годам лагерей, в октябре 1955 года передан властям ФРГ и освобожден. — *Прим. ред.*

Никита Сергеевич Хрущев (1894-1971) — генерал-лейтенант (1943). В 1938-1947 и 1947-1949 годах 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины. Во время войны был в том числе членом Военного совета Юго-Западного (26 сентября 1941 — 12 июля 1942), Сталинградского (12 июля — 5 августа 1942, 28 сентября — 31 декабря 1942), Юго-Восточного (23 августа — 28 сентября 1942), Южного (1 января — февраль 1943) фронтов. — *Прим. ред.*

Иван Семенович Варенников (1901-1971) — генерал-лейтенант (1943). С 31 октября 1941 года начальник штаба 37-й армии, с 6 октября 1942 года — Сталинградского, с 31 декабря 1942-го по 9 апреля 1943 года — Южного фронтов. В марте 1948 года арестован, освобожден в 1953 году. — *Прим. ред.*

Прошлый командующий фронтом генерал армии И. Е. Петров был 25 марта 1945 года отстранен от командования, причем в приказе Верховного главнокомандующего указывалось: «Генерала армии Петрова И. Е. снять с должности командующего войсками 4-го Украинского фронта за попытку обмануть Ставку насчет истинного положения войск фронта, не готовых полностью к наступлению в назначенный срок, в результате чего была сорвана намеченная на 10 марта операция. Генералу армии Петрову после сдачи войск фронта прибыть в распоряжение Ставки». Вскоре он был назначен с большим понижением начальником штаба 1-го Украинского фронта. — *Прим. ред.*

С. Вайда был убит 6 апреля 1945 года выстрелом немецкого снайпера. — *Прим. ред.*

Владимир Яковлевич Колпакчи (1899–1961) — генерал армии (1961), Герой Советского Союза (6 апреля 1945). С 27 мая 1942 года командующий 7-й резервной, 10–27 июля — 62-й, с 1 ноября 1942-го по 17 апреля 1943 года — 30-й армиями. Погиб в авиакатастрофе. — *Прим. ред.*

Кузьма Акимович Гуров (1901-1943) — дивизионный комиссар (1940) и генерал-лейтенант (1942). С 12 января 1942 года член Военного совета Юго-Западного фронта, с 12 июля 1942-го по 27 февраля 1943 года — 62-й армии. 25 сентября 1943 года умер от закупорки сердечной артерии. — *Прим. ред.*

Иван Петрович Сологуб (1899-1942) — полковник (1939). С декабря 1941 года командир 112-й стрелковой дивизии. Погиб в бою 9 августа 1942 года. — *Прим. ред.*

Иван Ефимович Ермолкин (1907-1943) — полковник (1942). С июля 1942 года заместитель командира 304-й стрелковой дивизии. С 9 августа командир 112-й стрелковой дивизии. В ноябре за пораженческие настроения отстранен от командования с понижением в должности. С 12 января 1943 года заместитель командира 169-й стрелковой дивизии. 7 сентября 1943 года погиб на Брянском фронте. — *Прим. ред.*

Федор Федорович Сажин (1900–1942) — полковник (1942). С марта 1942 года командир 229-й стрелковой дивизии. Погиб в бою 10 августа 1942 года при попытке выхода из окружения. — *Прим. ред.*

Федор Александрович Афанасьев (1898—?) — полковник (1940). С февраля 1942 года командир 3-го воздушно-десантного корпуса, с 30 мая до 20 августа 1942 года — 33-й гвардейской стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Ганс Дёrr (1897-1960) — немецкий генерал-майор (1944). С 4 июня 1941-го по 22 сентября 1942 года начальник штаба LI армейского корпуса. С 1 октября 1942-го по 1 марта 1943 года офицер связи вермахта при штабе 4-й румынской армии. В 1945-1947 годах — в американском плену. — *Прим. ред.*

Дмитрий Семенович Куропатенко (1902-1977) — генерал-майор (1943). С июня 1942 года командир 157-й, с сентября — 126-й стрелковых дивизий. 15 декабря 1942 года за плохую организацию боя и потерю управления отстранен от командования. В феврале — ноябре 1943 года командир 315-й стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Константин Кирикович Абрамов (1906–1952) — генерал-майор (1942), Герой Советского Союза (22 июля 1944). С июня 1942-го по июнь 1943 года член Военного совета 64-й армии. — *Прим. ред.*

Антон Иванович Лопатин (1897-1965) — генерал-лейтенант (1942), Герой Советского Союза (19 апреля 1945). С 24 июня по 14 июля 1942 года командующий 9-й, с 27 июля — 62-й армиями. 5 сентября за самовольный отход с занимаемых позиций отстранен от командования. С 14 октября 1942-го по 10 марта 1943 года командующий 34-й армией. — *Прим. ред.*

Николай Иванович Крылов (1903–1972) — маршал Советского Союза (1962), дважды Герой Советского Союза (19 апреля 1945, 8 сентября 1945). 6—12 сентября 1942 года исполняющий должность командующего, с 19 сентября 1942-го по 17 апреля 1943 года начальник штаба 62-й армии. — *Прим. ред.*

Василий Акимович Горишный (1903–1962) — генерал-лейтенант (1953), Герой Советского Союза (17 октября 1943). С 26 августа 1942 года командир 13-й мотострелковой дивизии войск НКВД, с сентября 1942 года и до конца войны — 95-й (с 1 марта 1943 года — 75-я гвардейская) стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Матвей Степанович Батраков (1900–1995) — генерал-майор (1945), Герой Советского Союза (11 сентября 1941). С 10 ноября 1941 года командир 42-й отдельной курсантской стрелковой бригады. 22 сентября 1942 года тяжело ранен и до марта 1943 года находился в госпитале. — *Прим. ред.*

Василий Павлович Дубянский (1891-1980) — генерал-майор (1942). С августа 1942 года заместитель командира, с 8 сентября — командир 35-й гвардейской стрелковой дивизии. В конце сентября понесшая большие потери дивизия отведена на переформирование, а Дубянский заболел и был отправлен в госпиталь и на фронт уже не вернулся. — *Прим. ред.*

Федор Никитич Смехотворов (1900–1989) — генерал-майор (1940). С января 1942 года командир 193-й стрелковой дивизии; в конце декабря понесшая большие потери дивизия была выведена на переформирование. После неудачной операции под Дмитровском 18 марта 1943 года отстранен от командования. — *Прим. ред.*

Степан Савельевич Гурьев (1902–1945) — генерал-майор (1942), Герой Советского Союза (19 апреля 1945). С августа 1942-го по апрель 1943 года командир 39-й гвардейской стрелковой дивизии. 22 апреля 1945 года погиб в бою. — *Прим. ред.*

Леонтий Николаевич Гуртьев (1891-1943) — генерал-майор (1942), Герой Советского Союза (27 августа 1943). С июня 1942 года командир 308-й стрелковой дивизии. 3 августа 1943 года погиб в бою. — *Прим. ред.*

Виктор Григорьевич Жолудев (1905-1944) — генерал-майор (1942), Герой Советского Союза (11 ноября 1944). С июля 1942 года командир 37-й гвардейской стрелковой дивизии. 10 апреля 1943 года отправлен в госпиталь. 21 июля 1944 года погиб в бою. — *Прим. ред.*

Василий Павлович Соколов (1902-1958) — генерал-майор (1943), Герой Советского Союза (29 мая 1945). С марта 1942-го по 29 ноября 1943 года командир 45-й (с 1 марта 1943 года — 74-я гвардейская) стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Николай Митрофанович Пожарский (1899–1945) — генерал-лейтенант артиллерии (1944), Герой Советского Союза (6 апреля 1945). С 18 сентября 1942 года и до конца войны командующий артиллерией 62-й (с 16 апреля 1943 года — 8-я гвардейская) армии. — *Прим. ред.*

Михаил Сергеевич Малинин (1899–1960) — генерал армии (1953), Герой Советского Союза (29 мая 1945). С 20 июля 1942 года начальник штаба Брянского, с 28 сентября 1942-го по 15 февраля 1943 года — Донского фронтов. — *Прим. ред.*

Ныне Катайский район Курганской области.

Яков Исаакович Броуд (1900–1942) — генерал-майор артиллерии (1940). С мая 1942 года командующий артиллерией 64-й армии. — *Прим. ред.*

Иван Андреевич Ласкин (1901-1988) — генерал-лейтенант (1943). С 26 августа 1942 года начальник штаба 62-й, с 7 сентября — 64-й, с 16 апреля по 15 мая 1943 года — 7-й гвардейской армий. — *Прим. ред.*

Владимир Николаевич Марцинкевич (1896–1944) — Герой Советского Союза (6 апреля 1945), генерал-майор (1941). С 15 июля по 6 августа 1942 года исполняющий обязанности командующего 24-й, 8-11 августа — 9-й армиями. С 11 августа 1942-го по 30 марта 1943 года командир 229-й стрелковой дивизии. Погиб в бою. — *Прим. ред.*

Александр Васильевич Скворцов (1901-1948) — Герой Советского Союза (26 октября 1943), генерал-майор (1942). С июля 1942-го по декабрь 1943 года командир 204-й (с марта 1943 года — 78-я гвардейская) стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Ганий Бекинович Сафиулин (1905–1973) — Герой Советского Союза (26 октября 1943), генерал-лейтенант (1945). С апреля 1942-го по апрель 1943 года заместитель командира, командир 38-й стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Зиновий Тимофеевич Сердюк (1903–1982) — генерал-майор (1943). В 1939–1941 и 1943–1947 годах 2-й секретарь Киевского обкома КП(б) Украины; в 1939–1956 годах кандидат в члены, в 1956–1966 годах член ЦК партии. В 1941 году направлен на политработу в РККА. С июля 1942 года член Военного совета 64-й, в апреле — сентябре 1943 года — 7-й гвардейской армий. — *Прим. ред.*

Петр Алексеевич Дегтярев (1903-1985) — генерал-лейтенант артиллерии (1943). С сентября 1941 года член Военного совета при командующем гвардейскими минометными частями. С апреля 1943-го по 1945 год заместитель наркома обороны СССР и командующий гвардейскими минометными частями. — *Прим. ред.*

Н. В. Воробьев командовал 4-м, Л. З. Парновский — 5-м гвардейскими минометными полками. — *Прим. ред.*

Иван Константинович Морозов (1905-1979) — генерал-майор (1943). С 20 марта 1942-го по ноябрь 1944 года командир 422-й (с 1 марта 1943 года — 81-я гвардейская) стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Михаил Иванович Денисенко (1899–1949) — Герой Советского Союза (20 декабря 1943), генерал-майор (1942). С августа 1942-го по декабрь 1943 года командир 36-й гвардейской стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Сергей Георгиевич Горячев (1897–1983) — генерал-лейтенант (1943). С марта 1942 года командир 185-й стрелковой дивизии, с 6 сентября 1942-го по июнь 1948 года — 7-го (с 17 апреля 1943 года -35-й гвардейский) стрелкового корпуса. — *Прим. ред.*

Алексей Семенович Чуянов (1905–1977) — партийный деятель. С июня 1938-го по апрель 1946 года 1-й секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б), в 1939–1952 годах кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1941–1943 годах председатель Сталинградского городского комитета обороны, а также член Военных советов Сталинградского (июль–сентябрь 1942), Донского (сентябрь 1942 — январь 1943) и Южного (январь–октябрь 1943) фронтов. — *Прим. ред.*

Николай Сергеевич Петров (1898–1964) — генерал-лейтенант артиллерии (1944). С июня 1942 года заместитель командующего артиллерией 57-й, с сентября 1942 года командующий артиллерией 64-й, с мая 1943 года — 7-й гвардейской армий.

Рихард Штемпель (1891-1943) — немецкий генерал-лейтенант (1943). С 1 апреля 1942 года командир 371-й пехотной дивизии. 26 января 1943 года покончил жизнь самоубийством. — *Прим. ред.*

Константин Братеску (1892-1971) — румынский бригадный генерал. С 17 июля 1942 года командир 1-й кавалерийской дивизии. 1 февраля 1943 года взят в плен; в 1948 году освобожден. — *Прим. ред.*

Ганс Вульц (1893-1975) — немецкий генерал-майор (1942). С 6 марта 1942 года командир 35-го артиллерийского полка, с 27 сентября — начальник 144-го артиллерийского командования (IVармейский корпус). 30 января 1943 года взят в плен; в 1948 году освобожден. — *Прим. ред.*

¹ *Иван Дмитриевич Бурмаков* (1899–1973) — Герой Советского Союза (19 апреля 1945), генерал-лейтенант (1954). С 7 июля 1942-го по 1 июня 1943 года командир 38-й (с 1 марта 1943 года — 7-я гвардейская) мотострелковой бригады. — *Прим. ред.*

Федор Михайлович Ильченко (1921-2010) — капитан. Во время Великой Отечественной войны — наводчик орудия, помощник начальника оперативного отделения штаба стрелковой дивизии, офицер связи армии, заместитель начальника и начальник штаба бригады. — *Прим. ред.*

Фриц Роске (1897-1956) — немецкий генерал-майор (1943). С 1 сентября 1942 года командир 194-го пехотного полка, с 27 января 1943 года - 71-й пехотной дивизии. 31 января 1943 года сдался в плен. В 1948 году приговорен к 25 годам лагерей. В 1953 году передан властям ФРГ и освобожден. — *Прим. ред.*

Артур Шмидт (1895-1987) — немецкий генерал-лейтенант (1943). С 15 мая 1942 года начальник штаба 6-й армии. 31 января 1943 года сдался в плен. В 1950 году приговорен к 25 годам лагерей. В 1955 году передан властям ФРГ и освобожден. — *Прим. ред.*

Леонид Абрамович Винокур (1906-1972) — полковник. В 1942-1945 годах заместитель по политчасти командира 38-й (с 1 марта 1943 года — 7-я гвардейская) мотострелковой бригады. — *Прим. ред.*

Георгий Семенович Лукин (1895–1960) — генерал-лейтенант (1945). С 1942 года начальник оперативного отдела штаба 64-й армии. С апреля 1943-го по май 1945 года начальник штаба 7-й гвардейской армии. — *Прим. ред.*

Карл Штреккер (1884–1973) — немецкий генерал-полковник (1943). С 12 июня 1942 года командир XI армейского корпуса. 2 февраля 1943 года взят в плен. В 1950 году приговорен к 25 годам лагерей; в 1955 году передан властям ФРГ и освобожден. — *Прим. ред.*

Вильгельм Адам (1893–1978) — немецкий полковник. С ноября 1941 года 1-й адъютант штаба 6-й армии. 31 января 1943 года сдался в плен; член Союза немецких офицеров. С 1948 года — в ГДР, генерал-майор (1977). — *Прим. ред.*

50-я стрелковая дивизия генерала Н. Ф. Лебеденко, 297-я стрелковая дивизия полковника А. И. Ковтун-Станкевича, 11-я артиллерийская дивизия генерал-майора А. Д. Поповича, 45-я пушечно-артиллерийская бригада подполковника А. Б. Русака и 60-я инженерно-саперная бригада полковника Д. Ш. Цепенюка.

No pasarán! (исп.) — «Они не пройдут». Эта фраза была произнесена Долорес Ибаррури в речи 18 июля 1936 года, когда войска националистов были на подступах к Мадриду. Они были отбиты, после чего в рядах республиканцев стал широко использоваться лозунг *Pasaremos!* («Мы пройдем!»). В 1936 году, после взятия Мадрида, националисты популяризовали лозунг *Hemos pasado* («Мы прошли»). — Прим. ред.

С. П. Урицкий к этому времени был освобожден от должности начальника Разведывательного управления РККА и в июне 1937 года назначен заместителем командующего войсками Московского военного округа. 1 ноября 1937 года он был арестован и 1 августа 1938 года признан Военной коллегией Верховного суда виновным в участии в антисоветском военном заговоре и шпионаже и приговорен к смертной казни. — *Прим. ред.*

Потери советских войск в ходе Киевской наступательной операции составили убитыми, пропавшими без вести и взятыми в плен — 616 304 человека, ранеными — 84 240, всего — 700 544 человека, а также 411 танков и САУ, 28 419 орудий и минометов, 343 самолета. См.: Гриф секретности снят. М., 1993. С. 17. — *Прим. ред.*

По наиболее достоверным данным, немецкие войска с 20 августа по 30 сентября 1941 года потеряли под Киевом убитыми 26 856 человек, пропавшими без вести и пленными — 5008, ранеными — 96 796, всего — 128 670 человек. — *Прим. ред.*

Иван Павлович Елин (1901-1981) — генерал-майор (1954). С апреля 1942 года командир 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской дивизии. С 14 января 1943 года командир 92-й отдельной стрелковой, с мая 1943-го по февраль 1944 года — 6-й (с октября 1943 года — 27-я гвардейская) мотострелковой бригады. — *Прим. ред.*

Андрей Иванович Лобов (1890–1947) — генерал-майор интендантской службы (1940). В сентябре-ноябре 1942 года заместитель командующего 62-й армией по тылу. — *Прим. ред.*

Таким образом, по сравнению с 13 сентября станковых пулеметов стало больше в 2,3 раза, ручных пулеметов — в 11 раз, автоматов — в 4,2 раза.

Дмитрий Иванович Панихин (1910-1943) — полковник. С 17 августа 1942-го по 25 сентября 1943 года командир 34-го гвардейского стрелкового полка. Умер от ран. — *Прим. ред.*

Здание мельницы бережно сохраняется в руинированном виде и сегодня является частью музея-заповедника «Сталинградская битва».

Нестер Дмитриевич Козин (1902-1993) — Герой Советского Союза (29 мая 1945), генерал-майор (1943). С апреля 1942-го по апрель 1943 года командир 8-й мотострелковой дивизии войск НКВД (с июня — 63-я стрелковая, с 27 октября — 52-я гвардейская стрелковая). — *Прим. ред.*

Николай Тавриелович Таварткиладзе (1905–1989) — генерал-майор (1942). С августа 1942-го по июль 1943 года командир 124-й (с 23 ноября — 51-я гвардейская) стрелковой дивизии. — *Прим. ред.*

Робертс Д. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю. М., 2003.

Ныне поселок Седово Новоазовского района Донецкой области находится на территории самопровозглашенной Донецкой народной республики.

Вероятно, имеется в виду «Строевой устав пулеметных команд пехоты» (1915 год).

С 1926 года — Днепропетровск, с 2016 года — Днепр,
центр Днепропетровской области Украины.

Василий Андреевич Глазков (1901-1942) — генерал-майор (1942). С августа 1942 года командир 35-й гвардейской стрелковой дивизии. 8 сентября 1942 года погиб в бою. — *Прим. ред.*

Именно он стал самым молодым командиром 344-го стрелкового полка вместо тяжелораненого полковника Д. А. Реутского.

Под артиллерийским заводом имеется в виду завод «Баррикады».

Макс Пфеффер (1883-1955) — немецкий генерал артиллерии (1942). С апреля 1940 года командир 297-й пехотной дивизии, с 17 января 1943 года — IV армейского корпуса. 31 января 1943 года взят в плен. В 1949 году приговорен к 25 годам лагерей. Умер в заключении. — *Прим. ред.*

Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах (1888–1976) — немецкий генерал артиллерии (1942). С 8 мая 1942 года командир LI армейского корпуса. 31 января 1943 года взят в плен. С сентября 1943 года один из руководителей Союза немецких офицеров. В 1950 году приговорен к 25 годам лагерей. В 1955 году передан властям ФРГ и освобожден. — *Прим. ред.*

Имеется в виду *Отто Корфес* (1889–1964) — немецкий генерал-майор (1943). С февраля 1940 года командир 518-го пехотного полка, с 16 ноября 1942 года — 295-й (а не 275-й, как пишет Людников) пехотной дивизии. Один из руководителей Союза немецких офицеров. В 1948 году освобожден, жил в ГДР. — *Прим. ред.*

Матвей Григорьевич Вайнруб (1910–1998) — Герой Советского Союза (6 апреля 1945), генерал-лейтенант танковых войск (1959). В 1942–1943 годах командующий бронетанковыми войсками и заместитель командующего 62-й, затем 8-й гвардейской армиями. — *Прим. ред.*

100

В 1969 году И. И. Людников стал почетным гражданином Тернополя.

В 1974 году Людников был удостоен звания почетного гражданина Витебска. Один из проспектов города назван его именем.

Некоторые фамилии бойцов 13-й гвардейской — участников обороны «Дома Павлова» в оригинале приведены с ошибками — так, как они воспринимались бойцами на слух.

В музее-панораме «Сталинградская битва» хранятся две тетради дневника В. Г. Зайцева (одна написана им в 1942-м, другая закончена в 1943 году). В них он пишет, что ночью разведчики перетянули тело убитого снайпера, а его солдатскую книжку и винтовку (снайперская винтовка в Сталинграде была большой редкостью) передали Н. Ф. Батюку. Донесение и справка об этом поединке хранятся в Центральном архиве Министерства обороны РФ: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 165 и 244.